

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Г. В. Шпак

ВООБРАЖАЕМЫЕ МИРЫ МАРГАРЕТ КАВЕНДИШ
Наука и утопия в Англии XVII века

С переводом утопии «Пылающий мир»

Монография

Москва • 2023

УДК 82-313.2, 94(410)"16"
ББК 63.3(4Вел)-8
Ш83

Рецензенты:

Наталья Ивановна Кузнецова, доктор философских наук,
главный научный сотрудник Института истории естествознания и техники
им. С. И. Вавилова РАН

Иван Андреевич Фадеев, кандидат исторических наук, старший научный
сотрудник Института всеобщей истории РАН

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта
Российского научного фонда (проект № 22–18–00488 «Кризис ценностей
и стратегии преодоления: идея “общего блага”
в интеллектуальном дискурсе Британии и России (1650–1750)»)

На обложке:

Первая сторона обложки – Портрет супружеской пары в парке,
или Лорд Кавендиш и леди Маргарет Кавендиш в Рубенсгартене в Антверпене.
Художник Гонзалес Кокс, 1662;
последняя сторона обложки – Маргарет Кавендиш.
Гравюра по рисунку Абрахама ван Дипенбека

Шпак, Георгий Владимирович.

Ш83 Воображаемые миры Маргарет Кавендиш. Наука и утопия
в Англии XVII века. С переводом утопии «Пылающий мир» :
монография / Г. В. Шпак. – Москва : Институт всеобщей исто-
рии РАН, 2023. – 320 с. : ил.

ISBN 978-5-94067-553-2

В монографии исследуется творчество Маргарет Кавендиш – видной ан-
глийской писательницы и философа XVII века. На примере ее фантастического
романа «Пылающий мир» (1666) рассматривается многовекторность путей раз-
вития английской науки той эпохи. Работа содержит переводы важных для по-
нимания «Пылающего мира» фрагментов других произведений писательницы.

Первая монография о Маргарет Кавендиш, издающаяся на русском языке.
Адресована широкому кругу читателей, интересующихся философией, историей
и английской литературой.

УДК 82-313.2, 94(410)"16"
ББК 63.3(4Вел)-8

ISBN 978-5-94067-553-2

© ИВИ РАН, 2023
© Шпак Г.В., текст, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
1. ВВЕДЕНИЕ: НАУЧНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ	7
1.1. Многоликая Клио	8
1.2. Первопроходцы утопий	28
1.3. Метафоры «научной революции»	47
2. ПОРТРЕТ НА ФОНЕ ЭПОХИ	65
2.1. Между Минервой и Аполлоном	66
2.2. «Безумная Мэг»	86
2.3. Поэзия и проза на острие пера	103
3. МЕЖДУ ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИЕЙ И НАТУРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИЕЙ	121
3.1. Воображение и материя	122
3.2. Ученое общество	141
3.3. Утопия и натурфилософия	160
4. ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: СВЕТ И ПЛАМЯ УТОПИЙ	179
ПРИЛОЖЕНИЯ	189
ХРОНОЛОГИЯ	206
СПИСОК ПРОИЗВЕДЕНИЙ М. КАВЕНДИШ	209
БИБЛИОГРАФИЯ	210
М. Кавендиш. ПЫЛАЮЩИЙ МИР	221

Моей супруге Прасковье
и выдающимся женщинам
былых эпох
посвящается

ПРЕДИСЛОВИЕ

На заре становления «научного» знания велись жаркие дискуссии о природе нематериальных сущностей; постижимости абстрактных материй; разумности мужчин и женщин, животных, растений и неодушевленных тел; о коммуникационных способностях бестелесных духов; возможности света проходить сквозь твердые тела; местонахождении и движении мысли; телесности воображения и проч. Полемика касалась практически каждого аспекта существования души, ее устройства и местонахождения после физической смерти тела. Последователи логики Аристотеля оспаривали эмпирический метод эксперименталистов, включающих в свои ряды неоплатоников, которые стремились с помощью экспериментального метода постичь нематериальные структуры природы. Одни пренебрегали абстрактными математическими исчислениями, другие, как И. Ньютон, активно использовали их, высчитывая дату Судного дня и сопоставляя исторические события с текстом «Откровения».

Погрузиться в эту реальность мы можем благодаря сохранившимся сочинениям, число переводов которых на русский язык прискорбно мало. Данная монография на примере произведения Маргарет Кавендиш «Пылающий мир» призвана отчасти восполнить этот пробел и продемонстрировать многовекторность путей развития английской науки середины XVII в. Работа содержит переводы важных для понимания «Пылающего мира» фрагментов произведений Маргарет Кавендиш. Часть из них дана в приложении. При переводе стихотворений было решено оставлять авторский вариант, чтобы читатель смог увидеть оригинальную ритмику и рифмовку. Часть стихотворений и стихотворных фрагментов переведены путем стихотворного переложения, часть – с помощью подстрочника, в зависимости от целесообразности передачи эмоциональной составляющей

щей. В случае проблематичности однозначного перевода на русский язык в скобках могут быть приведены оригинальные термины и выражения.

Работа над монографией для меня стала возможной благодаря участию в проекте «Кризис ценностей и стратегии преодоления: идея “общего блага” в интеллектуальном дискурсе Британии и России (1650–1750)». Сообщества мыслителей раннего Нового времени стремились обосновать новизну своих эпистемологических программ и оправдать перед патронами необходимость их финансирования, указывая на первостепенную значимость развития научного метода для благополучия государства и всего общества. Именно такую стратегию избрал в Англии Френсис Бэкон, призывавший ради «общего блага» исследовать природу. Он отмечал, что подобные исследования будут способствовать развитию технологий и улучшению уровня и качества жизни, но в то же время в соответствии с гуманистическими идеалами эпохи делал акцент на нравственном совершенствовании общества за счет постижения устройства природы. Критикуя спекулятивные построения основанной на учении Аристотеля схоластики, он утверждал, что одним из главных критериев научного знания должна выступать его полезность.

Представление о сообществе, которому удалось реализовать экспериментальную программу, добившись процветания и благополучия, Ф. Бэкон дает в утопическом произведении «Новая Атлантида». Ценность знания как инструмента ведущего к процветанию государства кажется в нем бесспорной. Однако не следует полагать, что мыслители XVII в. отделяли познание мира от познания Бога. Сам Ф. Бэкон неоднократно заявлял, что именно глубокое познание природы и развитие натурфилософии приведет ум человека к религии. Кульминацией развития «бэконинской» программы стало основание Лондонского Королевского общества в 1660 г., которое сразу же занялось популяризацией собственной эпистемологической программы и утверждением превосходства подхода Ф. Бэкона. При этом эпистемологические программы британских философов не были идентичными.

Уже в годы гражданских войн проблема выработки единой методологии, способствующей постижению природы и Бога стала очевидной. Несмотря на преимущество практического подхода Ф. Бэкона, его было недостаточно для плодотворной научной деятельности и бесконфликтного развития общества. Именно в 50–60-е гг. XVII в. будут

опубликованы работы Т. Гоббса, М. Кавендиш, Дж. Гленвилла, Р. Бойля, Дж. Локка и многих других, предлагающих свое видение наилучшего пути для становления научного знания, развития научных сообществ и процветания государства и общества.

Маргарет Кавендиш (1623–1673) была характерным представителем своей эпохи, увлекавшаяся одновременно философией, экспериментальным знанием, поэзией и драматургией. Она жила и работала в эпоху войн и революций, оставаясь сторонницей практического подхода Ф. Бэкона, но в то же время критически отзываясь о возможностях философов-экспериментаторов, ограниченных потенциалом своих приборов и выносящих за скобки все, что не вписывается в формируемую приборами картину мира. Уклоняясь от теологических споров, М. Кавендиш называла природу главным источником преобразований. Осознание того, что человек, как и все живые существа, является частью природы, для Кавендиш было ключевым, что требуется исследователю, чтобы его работа приносила пользу государству и всему человечеству.

Воображение и писательский талант дали Маргарет Кавендиш возможность представить в виде утопий, пьес, стихотворений, писем, речей и натурфилософских трактатов собственные представления о научном знании и об общественном устройстве. К сожалению, количество отечественных работ о М. Кавендиш минимально, однако на английском языке в последние десятилетия опубликовано сотни исследований. Ее творчество является столь амбициозным и охватывающим такое разнообразие тем, что вдохновляет авторов на все новые поиски. Это первая монография о Маргарет Кавендиш, изданная на русском языке, и, надеюсь, она вызовет интерес к ее противоречивой эпохе и не менее противоречивой натуре.

Я хочу поблагодарить руководителя проекта Лорину Петровну Репину, а также всех, кто помогал мне работать над этой книгой. И, конечно, своих друзей и близких, без которых мне едва ли удалось бы сохранить в душе спокойствие и мир, необходимые для научной работы.

1

ВВЕДЕНИЕ: НАУЧНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

- Неужели, – удивилась Императрица, – любой смертный может быть творцом?
- Конечно, – ответили Духи, – поскольку каждый может создать нематериальный мир, населенный нематериальными существами и нематериальными объектами, подобными нам, и все это в границах собственной головы.

М. Кавендиш. Пылающий мир

1.1. Многоликая Клио

Маргарет Кавендиш, урожденная Лукас, скончалась от неустановленного заболевания 15 декабря 1673 г. в возрасте пятидесяти лет и была погребена в северном трансепте Вестминстерского аббатства.

Надпись на мраморной гробнице гласит: «Здесь покоятся преданный (*Loyall*) герцог Ньюкасл и его вторая жена, герцогиня, не оставившая ему потомства (*by whome hee had noe issue*). Ее звали Маргарет Лукас, и она была младшей сестрой лорда Лукаса Колчестера и происходила из благородной семьи, все братья в которой были доблестными, а все сестры добродетельными. Эта герцогиня была остроумной, мудрой и образованной дамой (*a wise wittie & learned*), о чем хорошо свидетельствуют ее многочисленные книги. Она была самой добродетельной, любящей и заботливой женой и была со своим господином на протяжении всего времени изгнания и страданий и, когда он вернулся домой, никогда не расставалась с ним в его скромном уединении»¹.

При жизни ею было опубликовано четырнадцать самостоятельных произведений², а также их переизданий с мелкими правками. В 1676 г., незадолго до своей смерти, ее супруг Уильям Кавендиш издаст в память о ней сборник «Письма и стихи в честь несравненной принцессы Маргарет, герцогини Ньюкасл» (*Letters and poems in honour of the incomparable princess, Margaret, Dutchess of Newcastle*), заложив основу для мемориализации и мифологизации образа Маргарет. Однако несмотря на обширное творческое наследие, в последующие века ее образ померк, а расхожие мифы стали общим местом ее биографии. В XVII в. еще можно встретить рассуждения о ее характере среди тех, кому доводилось встречаться с ней лично, но в XVIII в. ее образ уже был подвергнут упрощению и сентиментализации. В «Полном списке английских драматических поэтов», опубликованном в 1747 г.³, про Уильяма Кавендиша сказано, что он «происходил из древнего и знатного рода Кавендишей и не только

¹ William & Margaret Cavendish. URL: <https://www.westminster-abbey.org/abbey-commemorations/commemorations/william-margaret-cavendish#i14922> (дата обращения: 15.06.2023).

² Включая «Пылающий мир», опубликованный в виде самостоятельного издания в 1668 г. (см. список произведений М. Кавендиш на с. 209 наст. изд.).

³ Thomas W., Mottley J. A Compleat List of all the English Dramatic Poets and of all the Plays ever printed in the English Language to the present year // Scanderbeg: or, Love and Liberty. A Tragedy. London, 1747. 327 p.

сам был поэтом, но и вдохновлял на поэзию других»⁴. Про следующую за ним Маргарет, количество пьес которой больше в несколько раз, сказано только, что она «супруга вышеупомянутого благородного герцога»⁵. Почти все ее философские пьесы обозначены как комедии, в том числе и «Пылающий мир».

Описание М. Кавендиш в «Полном списке английских драматических поэтов». 1747

Маргарет Кавендиш упоминается в нескольких собраниях женских биографий, изданных в XVIII в. Первым биографию Маргарет приводит антикварий Джордж Баллард в 1752 г. в биографическом сборнике «Мемуары британских леди» (*Memoirs of Several Ladies of Great Britain*),

⁴ Thomas W., Mottley J. A Compleat List of all the English Dramatic Poets and of all the Plays ever printed in the English Language to the present year // Scanderbeg: or, Love and Liberty. A Tragedy. London, 1747. P. 269.

⁵ Ibid.

состоящем из 60 небольших биографических статей, самая крупная из которых, разумеется, посвящена королеве Елизавете I. По версии Дж. Фицмориса, при работе над статьей о М. Кавендиш Балларду приходилось использовать два противоречивых источника информации. Первый – пьесы и письма, содержащие пренебрежительные замечания о браке и не слишком благопристойные наблюдения. Второй – автобиография М. Кавендиш, биография ее мужа и более степенные письма. Балларду приходилось примирять образ преданной жены из автобиографии и сюжеты, разыгрываемые в ее пьесах⁶.

Дж. Баллард сообщает, что Маргарет с детства была увлечена учебой и литературой, но, к сожалению, «была лишена преимущества знакомства с учеными языками, которые расширили бы ее знания, утончили ее гений и оказали ей неизмеримую службу во многих сочинениях и произведениях ее пера»⁷.

Может сложиться представление, что Маргарет действительно не была знакома с авторами древности, но достаточно взглянуть на ее работы и становится ясно, что это не так. Она прекрасно ориентировалась в греческих и римских авторах, известных ей по переводам, хотя в автобиографии она и сожалеет о своей малограмотности.

Дж. Баллард одним из первых делает акцент на отношениях Маргарет со своим супругом Уильямом, сообщая что она была «подходящей спутницей маркиза в часы его меланхолии, а также в своих письмах и в беседах, о чем свидетельствуют многочисленные комплименты и обращения, которые он направлял ей в ответ»⁸. Приведя список ее сочинений, Баллард обобщает представление о М. Кавендиш так: «Герцогиня была элегантною, манеры ее были от природы сдержанны и скромны, из-за чего она часто терпела неудачу в компании, особенно среди незнакомцев. Она была неутомима в своих исследованиях, размышлениях и письме; была поистине благочестивою, благотворительною и щедрою; и служила идеальным образцом супружеской любви и долга»⁹. Общим местом в по-

⁶ *Fitzmaurice J.* The Life and the Literary Reputation of Margaret Cavendish // *Quidditas*. 1999. Vol. 20. P. 58.

⁷ *Ballard G.* Memoirs of Margaret Duchess of Newcastle // *Memoirs of several ladies of Great Britain, who have been celebrated for their writing or skill in the learned languages, arts and sciences.* Oxford: W. Jackson, 1752. P. 299–300.

⁸ *Ibid.*

⁹ *Ibid.* P. 305.

следующих описаниях Маргарет станет указанием на ее чрезмерную застенчивость и отсутствие образования.

В 1775 г. английская поэтесса Мэри Скотт публикует поэтическое произведение «Женщина-адвокат; поэма, написанная после чтения мистера Данкомба» (*The Female Advocate; a poem occasioned by reading Mr. Duncombe's*), в котором Маргарет посвящены следующие строки: «О, если бы она жила в этот более изысканный век и рассудок усмирял пылкость воображения, какие волшебные песни довелось бы нам услышать!»¹⁰ В комментарии к поэтическому отрывку М. Скотт сообщает о Маргарет следующее: «Говорят, что еще в младенчестве она обнаружила очень сильную склонность к поэзии и всевозможной изысканной литературе. Необычные композиционные повороты многих ее произведений показывают, что она обладала ярким воображением»¹¹. Помимо этого, мы узнаем, что Маргарет была дочерью сэра Чарльза Лукаса и супругой Уильяма Ньюкасла.

Джордж Колман-старший и Боннелл Торнтон в биографическом очерке середины XVIII в., предваряющем сборник стихотворений, отмечают, что она «обладала дикой природной гениальностью, которая, если бы ее должным образом взрастили, могла бы, вероятно, проявить себя в высших формах поэзии»¹². Формируется представление о Маргарет как о самобытном и талантливом авторе, которому, к сожалению, не хватало сдержанности. Гораций Уолпол в первом издании «Каталога королевских и благородных авторов Англии» (1759) утверждает, что Кавендиш была не более чем «плодовитым педантом». Он один из немногих, кто в XVIII в. упоминает об ее увлечении натурфилософией: «Но хотя она писала философию, едва ли она читала ее»¹³.

Более подробные сведения о жизни М. Кавендиш приводит в 1803 г. Мэри Хэйс в своей шеститомной коллекции биографий выдающихся женщин «Женские биографии, или Воспоминания о выдающихся и знаменитых женщинах всех возрастов и стран» (*Female Biography, or Memoirs of Illustrious and Celebrated Women of All Ages and Countries*).

¹⁰ Scott M. *The Female Advocate; a poem occasioned by reading Mr. Duncombe's Feminead*. London: Joseph Johnson, 1775. P. 8.

¹¹ *Ibid.* P. 9.

¹² Fitzmaurice J. *The Life and the Literary Reputation of Margaret Cavendish* // *Quidditas*. 1999. Vol. 20. P. 63.

¹³ *Ibid.* P. 65.

По структуре и содержанию описание Маргарет явно заимствовано у Дж. Балларда, но имеет ряд особенностей. М. Хэйс описывает Маргарет как верную супругу, которая «своими талантами и добродетелями укрепила любовь и доверие своей семье»¹⁴. Хэйс пишет о возвращении Маргарет в Англию вслед за Уильямом в 1660 г., сообщая, что остаток своей жизни она посвятила «размеренному домашнему быту и развитию письма» (*to domestic tranquillity, and to the cultivation of letters*)¹⁵. Она также отмечает, что Маргарет держала в доме молодых дам, которые служили ей в качестве секретарей, «некоторые из них спали около ее комнаты, готовые немедленно встать ночью при звуке колокольчика и записать любые идеи, которые пришли ей в голову»¹⁶. К началу XIX в. распространяется мнение, что М. Кавендиш была довольно талантлива для своего времени: «Ее сочинения, хотя теперь и забытые, в ее собственное время вызывали самые экстравагантные похвалы и щедрые комплименты от ученых и людей выдающейся эрудиции»¹⁷. М. Хэйс отмечает, что Маргарет была разносторонним и плодовитым автором, пьесы которого впечатляют своей оригинальностью: «Изобретательность в сюжетах и диалогах в какой-то степени искупает различные их недостатки»¹⁸. Приведя список ее публикаций, М. Хэйс подытоживает: «Герцогиня была элегантною, манеры ее были сдержанны, она была неутомима в учебе, гуманна, великодушна и набожна, она была замечательным экономистом, превосходной супругой и любезной хозяйкой»¹⁹.

Сведения о жизни Маргарет Кавендиш приводились и в собраниях ее стихов. Сборник сэра Эгертона Бриджеса «Избранные стихи Маргарет Кавендиш», изданный в 1813 г., включает одиннадцать стихотворений Маргарет с комментариями составителя. Во вступлении Э. Бриджес приносит читателю извинения за то, что ему придется читать далеко не самые удачные стихи, которые, скорее, являются только примером ранней частной печати и отобраны им без какой-либо строгой логики.

¹⁴ *Hays M. Female Biography, Or Memoirs of Illustrious and Celebrated Women, of All Ages and Countries: Alphabetically Arranged.* London: Richard Phillips, 1803. Vol. 5. P. 516.

¹⁵ *Ibid.* P. 517.

¹⁶ *Ibid.*

¹⁷ *Ibid.* 518.

¹⁸ *Ibid.* 520.

¹⁹ *Ibid.* 524.

О Маргарет он пишет: «Как бы ни было велико количество нелепых мест во многих сочинениях Ее Светлости, лишь немногие из них не содержат доказательств деятельного, мыслящего и оригинального ума. Воображение у нее было быстрое, богатое, а иногда даже прекрасное. Тем не менее ее вкус, по-видимому, был не только неразвитым, но, возможно, и изначально ущербным»²⁰. Он готов признать некоторый талант у Маргарет, но в то же время отмечает и существенные недостатки: «Ничто из того, что я читал у нее, не тронуто пафосом, который скорее всего, действительно, не был присущ ей. Наоборот, нас слишком часто шокируют выражения и необычайно грубые образы, что еще более необыкновенно, поскольку проистекает от женщины высокого ранга, воспитанной при дворе»²¹. В то же время на первом месте продолжает оставаться характеристика Маргарет как благовоспитанной супруги: «Ее Светлость отличалась не только своим гением и литературными способностями; но обладала всеми личными качествами и всеми нравственными качествами. Она была образцом супружеской привязанности и добродетели»²². И здесь составитель сборника переключается на родословную Уильяма и детей от его первого брака, заканчивая утверждением, что является его дальним потомком. Этим он как будто оправдывает свое решение опубликовать ее стихи и получает право на их предвзятую критику. Достаточно взглянуть на краткие комментарии к стихам, оставленные им: «В наши дни кажется немного удивительным, что дама столь высокого положения и с таким развитым умом могла использовать такие грубые и отвратительные выражения»²³; «Все это описание составлено неплохо, только тут и там попадают прозаичные и не изящные слова»²⁴; «Эта и следующие девятнадцать строк полны воодушевления и красоты, и доказывают, что герцогиня временами испытывала вдохновение настоящего гения, который нуждался только в очищающей руке более верного суждения»²⁵; «Здесь снова автор достигает уровня настоящей поэзии»²⁶ и т. д.

²⁰ Select Poems of Margaret Cavendish, Duchess of Newcastle, ed. Sir Egerton Brydges. K.J. Kent: Printed at the Private Press of Lee Priory, by Johnson and Warwick, 1813.

²¹ Ibid.

²² Ibid.

²³ Ibid. P. 5.

²⁴ Ibid. P. 2.

²⁵ Ibid. P. 3.

²⁶ Ibid. P. 5.

В XIX в. формируется представление о творчестве Маргарет как о ярком туземном пламени, ее сравнивают с полевым цветком или с диким растением, в то же время распространяется мнение, что ее занятия натурфилософией только вредят ее творчеству. Возникает убеждение, что она никогда не правила свои рукописи²⁷, основанное на неверном прочтении фрагмента из составленной ею биографии Уильяма: «Я была тогда в изгнании с Вашей Светлостью и не могла содержать ученых секретарей, что нанесло большой ущерб моим бедным работам и является причиной того, что они были напечатаны так фальшиво и с таким количеством ошибок, ведь помимо того, что я нуждаюсь в учености и правильном письме, я почти не просматривала копии, которые были расшифрованы, чтобы это не помешало моим последующим концепциям (*my following conceptions*)»²⁸.

М. Хэйс в 1803 г. одна из первых ссылается на цитату из биографии Уильяма, подтверждая, что Маргарет не перечитывала свои работы: «Одно из ее правил было любопытным, и может в какой-то мере объяснить многочисленность ее сочинений: она редко пересматривала копии своих работ, “чтобы это не помешало ее последующим концепциям”»²⁹.

Впоследствии биографы приводили этот фрагмент как прямое свидетельство ее безграмотности и несдержанности. В 1848 г. Джордж Бетьюн в работе «Женщины-поэты Британии» (*The British Female Poets*) замечает, что Маргарет, «изливая через перо все, что приходило ей в голову, никогда не останавливалась, чтобы просмотреть свои мысли, “чтобы это не помешало ее последующим концепциям”»³⁰, а выпускник эдинбургского университета Эрик Сазерленд Робертсон в работе 1883 г. «Английские поэтессы» (*English Poetesses*) еще более сгущает краски: «Она была совершенно помешена на письме. В двенадцать лет она любила строчить на философские темы; и в глубочайшем горе ее пестрой жизни, как и в самые яркие ее моменты, вид простых влажных чернил на странице, ка-

²⁷ Fitzmaurice J. *The Life and the Literary Reputation of Margaret Cavendish* // *Quidditas*. 1999. Vol. 20. P. 66.

²⁸ *The Life of William Cavendish Duke of Newcastle to Which is Added the True Relation of My Birth, Breeding, and Life by Margaret, Duchess of Newcastle* / ed. by C.H. Firth. London: J.C. Nimmo, 1886. P. Li.

²⁹ *Hays M. Female Biography, Or Memoirs of Illustrious and Celebrated Women, of All Ages and Countries: Alphabetically Arranged*. London: Richard Phillips, 1803. Vol. 5. P. 518.

³⁰ *Bethune G. The British Female Poets*. Philadelphia: Lindsay & Blakiston, 1848. P. 35.

жется, утешал ее больше всего на свете. Она никогда не пересматривала то, что записала однажды, полагая, что работа по пересмотру помешала бы ее творческим силам»³¹. Можно встретить и более откровенное утверждение, что она была эксцентричным графоманом, для которого сам процесс письма стоял над смыслом и непосредственным содержанием работ: «Ее сочинения показывают, что она обладала разумом значительной силы и активности, с большим воображением, но без малейшей частицы суждения или вкуса»³².

Сборники стихов XIX в. включали в основном ее небольшие стихотворения о королевах и волшебстве. В изданном Фредериком Роутоном в середине XIX в. собрании «*The Female Poets of Great Britain*» Маргарет Кавендиш представлена стихами о королеве Мэб и волшебных существах. Примерно тогда же переиздается принадлежащая ее перу биография Уильяма Кавендиша, что делает ее теперь не просто сентиментальным поэтом, но и писателем, повествующем о высших слоях общества. К последней трети XIX в. автобиография Маргарет и биография Уильяма становятся основными произведениями, знакомящими с ее жизнью и творчеством. В 1872 г. их объединяют в один том, который будет часто переиздаваться.

В 1918 г. выйдет первая отдельная биография Маргарет «Первая герцогиня Ньюкасла» Генри Эйка Перри, в которой Маргарет предстает не столько поэтом и автором пьес, сколько талантливым биографом: «Если Уильям и Маргарет Кавендиш, первые герцог и герцогиня Ньюкасла, заслуживают какого-либо места в истории литературы, то главная причина основывается на биографии ее мужа»³³. При этом ее стихи и «псевдонаучные» работы объединены автором в главу «Второстепенные сочинения»³⁴.

В начале XX в. еще один аспект личности Маргарет становится общим историографическим местом, а именно утверждение о ее душевной болезни и психической неуравновешенности, что якобы позволило

³¹ Robertson Eric S. *English Poetesses*. London, Paris & New York: Cassell and Company, 1883. P. 14.

³² Fitzmaurice J. *The Life and the Literary Reputation of Margaret Cavendish* // *Quidditas*. 1999. Vol. 20. P. 88.

³³ Perry Henry Ten Eyck. *The First Duchess of Newcastle*. Boston and London: Ginn and Company, 1918. P. 5.

³⁴ Fitzmaurice J. *The Life and the Literary Reputation of Margaret Cavendish* // *Quidditas*. 1999. Vol. 20. P. 72.

современникам называть ее «Безумной Мэг» (*Mad Madge*). Особенно популярным этот образ станет после публикации в 1928 г. Вирджинией Вульф эссе «Своя комната» (*A Room of One's Own*), в котором она сокрушается: «Какая жуткая картина одиночества и произвола встает при мысли о Маргарет Ньюкасл! Словно в саду рядом с гвоздиками и розами вымахал гигантский лопух и заглушил их. Какая трата: прийти к мысли, что “самые воспитанные женщины – те, у кого просвещенный ум”, и заниматься всякой ерундой, все глубже и глубже впадая во мрак и безумие, пока наконец не испустила дух на глазах у толпы, собравшейся вокруг ее кареты. Очевидно, помешанная герцогиня служила пугалом для умных девочек»³⁵. Любопытно, но данная цитата совершенно не отражает всю глубину отношений между В. Вульф и М. Кавендиш и становится своеобразным маркером, свидетельствующим о снисходительном отношении первой. Однако связи между ними намного сложнее. Впервые Вульф упоминает о Кавендиш в 1911 г. в обзоре биографии Томаса Лонгвилля «*The First Duke and Duchess of Newcastle upon Tyne*», затем в 1916 г. в работе об Элизе Хейвуд и в сборнике эссе «Обыкновенный читатель» (*The Common Reader*) в 1925 г., где посвятила Маргарет целый биографический очерк, в котором, несмотря на повторяющиеся стереотипы, есть и ноты сопереживания: «Пожалуйста, ты можешь совершить такое чудо – добиться постановки твоих пьес на лондонской сцене, ты можешь даже сделать так, чтобы ученые покорно склонились над страницами твоих философических опусов. Но вот итог: полка с томиком в книгохранилище Британского музея, от которых веет духом личности живой, увлекающейся и, увы, несмотря ни на что, стесненной. Герцогиня не знала ни самодисциплины, ни строгой логики и последовательности в изложении мысли»³⁶. И если мы внимательно вчитаемся в строки В. Вульф, то увидим, что она в некотором роде даже восхищена М. Кавендиш: «При всех чудачествах в этой благородной душе есть что-то от Дон Кихота: ей ведом высокий полет мысли. Или, скорее, она напоминает лукавого, беззаботного, очаровательного эльфа – так она непосредственна, открыта и нежна по отношению к феям и животным»³⁷. Очерк Вульф о Маргарет необходимо рассматривать в контексте ее эссе

³⁵ Вульф В. Обыкновенный читатель / сост., перевод Н.И. Рейнгольд. М.: Наука, 2012. С. 494.

³⁶ Там же. С. 65.

³⁷ Там же. С. 68.

о других писателях того времени, чтобы заметить, что она описывает Кавендиш, ничуть не принимая относительно других авторов и вводя ее тем самым в историю английской литературы³⁸.

К середине XX в. складывается комплекс стереотипов, которые и сегодня можно встретить в статьях и рецензиях, касающихся творчества М. Кавендиш. Так, авторы часто указывают на ее необразованность. Действительно, она не заканчивала учебных заведений, но была весьма хорошо воспитана и получила неплохое домашнее образование. Отмечается, что она писала спешно и не перечитывала своих работ. Очевидно, что это не так. Достаточно взглянуть на количество переключек и гиперссылок между различными ее произведениями или обратить внимание на их переиздания. В-третьих, распространено мнение, что у нее было психическое расстройство. Исследования последних десятилетий показывают, что если Маргарет и беспокоили какие-то заболевания, то они точно не были связаны с ее рассудком. Историк Кэти Уитакер в работе «Безумная Мэг: экстраординарная жизнь Маргарет Кавендиш, герцогини Ньюкасл, первой женщины, жившей своим пером» указывает, что вопреки предположениям, распространенным в исторической науке, прозвище «безумная Мэг» современниками Кавендиш не использовалось и было распространено ее биографами в XIX в.³⁹ Достаточно взглянуть на ее творчество, чтобы увидеть глубину мысли, которая может на первый взгляд показаться неясной, но это свидетельствует не о недостатках автора, а о недостатках нашего понимания философской мысли XVII в. Поколения историков смотрели на творчество Маргарет сквозь ряд негативных фильтров, которые и сегодня могут исказить, а точнее подменять противоречивый образ писателя.

Количество работ о Маргарет к середине XX в. оставалось единственным, но стали возникать публикации, касающиеся связи Маргарет и Королевского общества⁴⁰. Подробнее речь об отношении Маргарет

³⁸ *Schlosser L.M.* Mrs. Dalloway and the Duchess: Virginia Woolf Reads and Writes Margaret Cavendish // *Literature Compass*. No. 5/2. 2008. P. 356.

³⁹ *Reeves M.* Writing to Posterity: Margaret Cavendish's "A True Relation of my Birth, Breeding and Life" (1656) as an "autobiographical relazione" // *Renaissance and Reformation / Renaissance et Réforme*. Vol. 34. No. 1/2. Special issue / Numéro special: Things not easily believed: introducing the early modern relation. Published By: Renaissance and Reformation, 2011. P. 191.

⁴⁰ *Stimson D.* The Visit of the Duchess of Newcastle // *Scientists and Amateurs: A History of the Royal Society*. New York: Henry Schuman, 1948. P. 82–84; *Mintz S.J.* The Duchess of Newcastle's Visit to the Royal Society // *Journal of English and Germanic Philology*. 1952. No. 2. P. 168–176.

и членов Королевского общества пойдет в главе 3.2, здесь приведу только ряд примеров из статьи Самюэля Минца «Визит герцогини Ньюкасл в Королевское общество» (1952), свидетельствующих об устойчивости отдельных элементов ее образа. Хотя автор статьи и сокрушается, что исследователи британских виртуозов по какой-то причине прежде обходили Маргарет вниманием, и называет одним из главных ее преимуществ «любовь к знаниям ради них самих», он в то же время утверждает, что герцогиня «заботилась только о предмете, а не о методах науки»; «никогда не подчинилась бы дисциплине научной процедуры, потому что не видела в ней ценности»; и, вторя утверждениям ее биографов, сообщает: «Ее беспокойный ум метался по целому ряду предметов, между которыми едва ли была нить связи. Она никогда не пересматривала и не исправляла свои работы, говоря, что творение приносит ей больше удовольствия, чем исправление»⁴¹. Но, несмотря на некоторую стереотипность в описании Маргарет, Самюэль Минц открывает новое измерение в ее творчестве и жизни. Он ставит ее в один ряд с натурфилософами XVII в.: «В своей искренней, безмятежной, детской любви к миру природы и в своем пренебрежении к методам и утилитарным целям науки герцогиня резюмировала положение английского виртуоза XVII века»⁴².

В конце 70–80-х возникает волна исследований, сосредоточенных на изучении отношения гендера и власти. Имя М. Кавендиш упоминается на страницах работ таких исследователей, как Лиза Сарасон, Сильвия Бовербанк, Натали Земон Девис и проч.⁴³ В работе Лизы

⁴¹ *Mintz S.I.* The Duchess of Newcastle's Visit to the Royal Society // *Journal of English and Germanic Philology*. 1952. No. 2. P. 169.

⁴² *Ibid.* P. 176.

⁴³ *McGuire M.A.* Margaret Cavendish, Duchess of Newcastle, on the Nature and Status of Women // *International Journal of Women's Studies*. 1978. No. 2. P. 193–206; *Naess E.L.* Mad Madge and other 'Lost' Women. The Situation of the Woman Writer in Seventeenth Century England // *EDDA*. 1979. P. 197–209; *Blaydes S.B.* Nature Is a Woman: The Duchess of Newcastle and Seventeenth-Century Philosophy // *Man, God, and Nature in the Enlightenment*, ed. by Donald C. Mell, Theodore E. D. Braun, and Lucia M. Palmer. East Lansing: Michigan State University Press, 1988. P. 51–64; *Bowerbank S.* The Spider's Delight: Margaret Cavendish and the 'Female' Imagination // *English Literary Renaissance*. 1984. No. 3. P. 392–408; *Davis N.Z.* Gender and Genre: Women as Historical Writers, 1400–1820 // *Beyond Their Sex: Learned Women of the European Past*, ed. by Patricia H. Labalme. New York: New York University Press, 1980. P. 153–182; *Paloma D.* Margaret Cavendish: Defining the Female Self // *Women's Studies*. 1980. No. 1–2. P. 55–66; *Sarasohn L.T.* A Science Turned Upside Down: Feminism and the Natural Philosophy of Margaret Cavendish // *Huntington Library Quarterly*. 1984. No. 4. P. 280–307; *Schiebinger L.* "Margaret Cavendish, Natural Philosopher" and "Cavendish, a Feminist?" // *The Mind Has No Sex? Women in the Origins of Modern Science*. Cambridge: Harvard University Press, 1989. P. 47–59.

Сарасон «Наука, перевернутая с ног на голову: феминизм и натуральная философия Маргарет Кавендиш» переплетены как ее гендерные, так и натурфилософские взгляды. Л. Сарасон связывает смену гендерных ролей в пьесах Кавендиш с изменениями в натуральной философии XVII в.: «Когда Коперник поменял местами Солнце и Землю, а Галилей и Декарт заменили покой движением как основным фактом физики, сама Вселенная перевернулась вверх дном. Работа Маргарет Кавендиш объединяет атаки на традиционный авторитет, присущие как феминизму, так и новой науке»⁴⁴. Л. Сарасон утверждает, что Кавендиш заимствует у новой науки «методологию скептицизма» не только для борьбы с традиционной натурфилософией, но и «как оружие в своей борьбе за признание женского интеллектуального равенства»⁴⁵. Основным недостатком данной концепции является то, что философия Маргарет провисает в безвоздушном пространстве, окруженная только враждебными суждениями мужского сообщества, но если мы рассмотрим научные представления Маргарет в контексте современных ей идей, окажется, что подобные мнения были распространены и среди мужчин, что противоречит утверждению Л. Сарасон: «Если научную революцию можно считать атакой на авторитет Аристотеля и средневековое мировоззрение, то натурфилософия Маргарет Кавендиш была еще одной атакой на авторитет науки, в которой доминируют мужчины, и, косвенно – на весь мужской авторитаризм»⁴⁶.

Несмотря на упрощенный взгляд на натурфилософию XVII в., Л. Сарасон выделяет натурфилософские работы Кавендиш как основные, что знаменует очередной пересмотр ее наследия. Сочинение «Наблюдения за экспериментальной философией» она называет ее «самой зрелой и сложной научной работой», а прилагаемый к ним «Пылающий мир» – «странной романтической фантазией», написанной не из-за страха «навязываемых ей натурфилософией границ», как считает ее биограф Дуглас Грант, а как «перевернутый с ног на голову мир, где Кавендиш могла исполнять свои желания с размахом»⁴⁷.

⁴⁴ *Sarasohn L.T. A Science Turned Upside Down: Feminism and the Natural Philosophy of Margaret Cavendish // Huntington Library Quarterly. 1984. No. 4. P. 289.*

⁴⁵ *Ibid. P. 289.*

⁴⁶ *Ibid. P. 294.*

⁴⁷ *Ibid. P. 301.*

Фактически это одно из первых в историографии рассуждений о природе «Пылающего мира».

Начиная с 1990-х, количество исследований, посвященных М. Кавендиш, стремительно растет. И если в 90-е их количество не превышало сотни, то в 2000-е таких статей уже более трехсот⁴⁸. Можно уверенно констатировать, что М. Кавендиш наконец-то обрела популярность. И не только как объект историографического исследования, но и как писатель. По существу, литературные таланты Маргарет станут изучать только в конце XX–XXI вв. В 80–90-х на ее образ часто некорректно переносились современные шаблоны, в результате чего Маргарет представляла то самозабвенной активисткой и борцом за права женщин, то яркой защитницей животных, что отчасти может быть и верно, но затеняет иные грани ее личности и творчества.

В 2000-е гг. историки науки начинают рассматривать ее сочинения как источник по естественно-научному мировоззрению второй половины XVII в., гендерные историки анализируют ее роль в развитии женского авторства, филологи – влияние ее произведений на предшествующую романам эпоху. Статьи, посвященные ее творчеству, выходят в *Utopian Studies*, *Journal of the History of Ideas*, *Journal for Early Modern Cultural Studies*, *Hypatia*, *Early Modern Women*, *Notes and Records of the Royal Society of London*, *History of Philosophy Quarterly*, *English Literary Renaissance* и т. д. Предпринимаются и попытки классифицировать исследования, посвященные М. Кавендиш.

Венди Вайз, рассматривая публикации 2000-х, делит их на научные, риторические и политические, текстологические и биографические, высвечивающие ее субъективность и идентичность⁴⁹. На многие исследования накладывают отпечаток предыдущие традиции гендерных исследований. Часто Маргарет изображается независимым мыслителем, бросающим вызов общепринятым нормам и выступающим против коллективизма Королевского общества⁵⁰; как сторонник допросветитель-

⁴⁸ На сайте <http://digitalcavendish.org/resources/margaret-cavendish-bibliography-initiative/> указано более 900 публикаций на 2020 г.

⁴⁹ *Weise W.S. Recent Studies in Margaret Cavendish, Duchess of Newcastle (2001–2010) // English Literary Renaissance. 2012. Vol. 42. No. 1. P. 146–76.*

⁵⁰ *Green K., Broad J. Fictions of a Feminine Philosophical Persona: Christine de Pizan, Margaret Cavendish, and Philosophia Lost // The Philosopher in Early Modern Europe: The Nature of a Contested Identity / eds. Conal Condren, Stephen Gaukroger, Ian Hunter. New York: Cambridge University Press, 2006. P. 227–253.*

ских метафор, не принимающий дискурс новой науки⁵¹; защитник живой женской природы от рационализма мужчин-экспериментаторов⁵² и проч. Хотя можно заметить, что авторы все чаще стремятся к преодолению традиционных трактовок, пытаются подобрать ключ для расшифровки творчества М. Кавендиш. Сара Мендельсон рассматривает влияние католического барокко на стиль и содержание ее произведений⁵³; Хлоя Хьюстон рассматривает творчество М. Кавендиш в контексте утопизма раннего Нового времени и утверждает, что следует учитывать духовную составляющую так же, как и научную⁵⁴; Джеймс Фицморис исследует рукописи М. Кавендиш, чтобы продемонстрировать, что она, вопреки распространенным заявлениям, не была «безобидной эксцентричкой, которая никогда не редактировала рукописи и никогда не занималась своими книгами после их печати»⁵⁵. В то же время раздаются голоса, критикующие некоторые феминистские подходы. Джудит Мур считает, что антологии М. Кавендиш упрощают взгляд на ее творчество, фиксируя внимание только на отдельных его аспектах⁵⁶, Хуэй Ву призывает к большему взаимодействию культурного и исторического контекста, часто не имеющего должного охвата в феминистских работах⁵⁷.

Подытоживая обзор публикаций 2000-х гг., Венди Вайз замечает, что авторам более не приходится оправдывать М. Кавендиш и пытаться отстоять ее репутацию: «Кавендиш стала уважаемым, серьезным автором, и ее работы считаются важными для философии, истории, гендера

⁵¹ *Sheehan R.J., Tillery D.* Margaret Cavendish, Natural Philosopher: Negotiating Between Metaphors of the Old and New Sciences // *Eighteenth-Century Women: Studies in Their Lives, Work, and Culture*. 2001. P. 1–18.

⁵² *Walters L.* Gender Subversion in the Science of Margaret Cavendish // *Ashgate Critical Essays on Women Writers in England, 1550–1700*. Abingdon, Oxon, United Kingdom: Routledge, 2009. Vol. 7. P. 251–261.

⁵³ *Mendelson S.H.* Concocting the world's olio: Margaret Cavendish and continental influence // *Early Modern Literary Studies*. 2004. No. 14. P. 1–34.

⁵⁴ *Houston C.* “Knowledge Shall be Increased”: Natural Philosophy and Religion in the Early Modern Utopia // *Literature Compass*. 2007. No. 4(5). P. 1397–1411.

⁵⁵ *Fitzmaurice J.* Margaret Cavendish on Her Own Writing: Evidence from Revision and Handmade Correction // *The Papers of the Bibliographical Society of America*. 1991. Vol. 85. No. 3. P. 297–307.

⁵⁶ *Moore J.* Twentieth-Century Feminism and Seventeenth-Century Science: Margaret Cavendish in Opposing Contexts // *Restoration*. 2002. Vol. 26. P. 1–14.

⁵⁷ *Hui Wu.* The Paradigm of Margaret Cavendish: Reading Women's Alternative Rhetorics in a Global Context // *Calling Cards: Theory and Practice in the Study of Race, Gender, and Culture* / eds. J.J. Royster and A.M. Mann Simpkins. 2005. P. 171–185.

и литературы»⁵⁸. Она подчеркивает, что окончательно развеян миф о ее необразованности: «Широкий спектр возможных исходных текстов, обнаруженных в ее работах, свидетельствует о ненасытной программе чтения и ее интеллектуальной энергии», также развенчаны утверждения о ее графоманстве и эксцентричности: «То, что когда-то считалось беспорядочным риторическим стилем, ученые определяют теперь как писательскую стратегию, реализованную в виде метафоры для достижения эстетического эффекта»⁵⁹.

Стоит отметить и публикации хрестоматий, в которых произведения Маргарет помещены в контекст родственных текстов своего времени. Например, в сборнике «Бумажные тела» составители, отмечая, что тексты Маргарет взаимосвязаны, приводят три ее произведения («Автобиографию», пьесу «Собрание удовольствий» и «Пылающий мир») в сопровождении работ, на которые Маргарет могла опираться или на которые могла оказать влияние. «Пылающий мир» сопровождается выдержками из ее стихов, «Новой Атлантидой» Ф. Бэкона и предисловием к переводу Фонтенелля Афры Бен⁶⁰.

В 2010-х гг. исследователи продолжили подбирать ключ к творчеству М. Кавендиш, чему способствовала оцифровка ее произведений⁶¹ и создание исследовательских сообществ⁶², регулярно проводящих конференции, посвященные ее творчеству. Казалось бы при таком количестве исследований жизнь и творчество Маргарет должны были бы быть изучены вдоль и поперек, но в том и заключается особенность ее творчества, что выводы часто оказываются опосредованы исследовательской перспективой, а комплекс ее произведений редуцирован до отдельных примеров, иллюстрирующих ее гендерный статус или натурфилософскую программу.

Авторы сборника статей «Бог и природа в представлении Маргарет Кавендиш» (2014) отмечают, что большинство работ о М. Кавендиш можно разделить на три группы: ее вклад в натурфилософские теории и науч-

⁵⁸ *Weise W.S. Recent Studies in Margaret Cavendish, Duchess of Newcastle (2001–2010) // English Literary Renaissance. 2012. Vol. 42. No. 1. P. 173.*

⁵⁹ *Ibid.*

⁶⁰ *Paper Bodies: A Margaret Cavendish Reader / eds. S. Bowerbank, S. Mendelson. Peterborough: Broadview Press, 2000. 332 p.*

⁶¹ *Digital Cavendish. A Scholarly Collaborative. URL: <http://digitalcavendish.org> (дата обращения: 15.06.2023).*

⁶² *International Margaret Cavendish Society. URL: <https://www.margaretcavendishsociety.org/> (дата обращения: 20.07.2023).*

ную революцию; анализ ее опыта гражданской войны, ссылки и возвращения в Англию; оценки ее новаторства как женщины-автора, бросившей вызов гендерной идеологии своего времени. Сборник, по словам авторов, привносит дополнительное направление к исследованиям о Маргарет и раскрывает ее натурфилософию в контексте теологических представлений и суждений «о природе, материи, магии, управлении и социальных отношениях, с особым вниманием к ее литературному творчеству»⁶³. Задача авторов сборника многообещающая, но в силу индивидуальных установок авторов едва ли реализуемая.

Что касается «Пылающего мира», то это произведение М. Кавендиш стало хрестоматийным, и рассматривалось исследователями с применением самых разных подходов: феминистских⁶⁴, историко-научных⁶⁵, филологических⁶⁶, биографических⁶⁷ и т. д.

⁶³ God and Nature in the Thought of Margaret Cavendish / eds. Brandie R. Siegfried, Lisa T. Sarasohn. Farnham: Ashgate, 2015. P. 7.

⁶⁴ Ahearn K.A. "I'm Not a Feminist but...": Liberatory Approaches to Teaching Margaret Cavendish's the "Blazing World" // *Women's Writing*. 2007. No. 2. P. 215–231; Kegl R. "The World I Have Made": Margaret Cavendish, Feminism, and the "Blazing-World" // *Feminist Readings of Early Modern Culture: Emerging Subjects* / eds. by V. Traub, L. Kaplan and D. Callaghan. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 119–141; Leslie M. *Gender, Genre and the Utopian Body in Margaret Cavendish's Blazing World* // *Utopian Studies: Journal of the Society for Utopian Studies*. 1996. No. 1. P. 6–24.

⁶⁵ Stanton Linden J. Margaret Cavendish and Robert Hooke: Optics and Scientific Fantasy in the *Blazing World* // *Ésoterisme, Gnoses and Imaginaire Symbolique* / ed. by R. Caron. Leuven: Peeters Publ., 2001. P. 611–623; Malcolmson C. *Studies of Skin Color in the Early Royal Society: Boyle, Cavendish, Swift*. Ashgate, 2013. 248 p.; Perrin Radley C. *Margaret Cavendish's Cabbala: The Empress and the Spirits in The Blazing World* // *God and Nature in the Thought of Margaret Cavendish* / eds. by B. Siegfried and L. Sarasohn. Farnham: Ashgate, 2015. P. 161–70; Thell Anne M. "[A]s lightly as two thoughts": Motion, Materialism, and Cavendish's "Blazing World" // *Configurations*. 2015. Vol. 23. No. 1. P. 1–33.

⁶⁶ Hutton S. *Science and Satire: The Lucianic Voice of Margaret Cavendish's Description of a New World Called the Blazing World* // *Authorial Conquests: Essays on Genre in the Writings of Margaret Cavendish* / ed. and introduced by Line Cottagnies and Nancy Weitz. Madison: Fairleigh Dickinson University Press, 2003. P. 161–78; *Utopian and Science Fiction by Women: Worlds of Difference* / eds. by Jane L. Donawerth and Carol A. Syracuse. Syracuse UP. 1994. 280 p.; Owen P. *The Romance of the Blazing World: Looking Back from CanLit to SF* // *Blast, Corrupt, Dismantle, Erase: Contemporary North American Dystopian Literature* / eds. by Grubisic, Brett Josef, Gisèle M. Baxter and Tara Lee. Wilfrid Laurier UP, 2014. P. 409–425; Pohl N. "Of Mixt Natures": Questions of Genre in Margaret Cavendish's *The Blazing World* // *A Princely Brave Woman: Essays on Margaret Cavendish, Duchess of Newcastle* / ed. by Stephen Clucas. Aldershot: Ashgate, 2003. P. 51–68.

⁶⁷ Leslie M. *Mind the Map: Fancy, Matter, and World Construction in Margaret Cavendish's Blazing World* // *Renaissance and Reformation*. 2012. Vol. 35. No. 1. P. 85–112; Prakas Tessie. "A World of her own Invention": The Realm of Fancy in Margaret Cavendish's *The Description of a New World, Called the Blazing World* // *The Journal for Early Modern Cultural Studies*. 2016. Vol. 16. No. 1. P. 123–45.

Наиболее конструктивными кажутся стратегии, предлагающие рассмотрение творчества и биографии Маргарет с более широкой перспективы, охватывающей интеллектуальные, риторические, когнитивные и прочие особенности эпохи, а также рассмотрение ее концепций и письма в диахроническом ключе, учитывая конструктивную особенность формирования личности Маргарет в истории, в том числе ее внутреннюю полемику и переоценку. Эмма Уилкинс, рассматривая философскую программу Маргарет в контексте натурфилософии XVII в.⁶⁸, замечает, что исследователи, отмечаящие в основе отношений Маргарет и Королевского общества ее гендер и подчеркивающие ее уникальную роль критика, бросившего вызов силе новой науки, не обращают внимания на то, что мужчины могли использовать точно такой же дискурс: «Что поразительно в критике Кавендиш, так это то, насколько она похожа на взгляды двух важных современных ей мыслителей – Томаса Сиденхэма и Джона Локка, которые совместно работали над эссе по микроскопической анатомии всего через два года после того, как «Наблюдения» Кавендиш появились в печати»⁶⁹.

Мэлани Холм анализирует комплекс паратекстов, предвещающих произведения Маргарет или служащих к ним комментариями. Их более ста, но они чаще всего оставались в тени. Как пишет Мэлани: «Я предлагаю распространить серьезность, придаваемую центральным текстам Кавендиш, на ее паратексты, показав, что их нетрадиционность, особенно неоднократные притязания на авторский суверенитет, имеют в ее творчестве отчетливую функцию отрицания и неповиновения тому навязыванию читательского авторитета, которое рискует превратить литературный контакт в форму завоевания»⁷⁰.

Холли Нельсон исследует, как на протяжении жизни Маргарет меняла свои взгляды касательно природы нематериальных тел, что отражалось и на ее произведениях. Он стремится объединить религиозные и натурфилософские подходы, которые представляют единый комплекс мировоззренческих установок: «Интеллектуальная борьба Кавендиш за то, чтобы понять и наметить точную природу и функцию разума или души (душ)

⁶⁸ *Wilkins E. Margaret Cavendish and the Royal Society // Notes and Records of the Royal Society of London. 2014. Vol. 68. No. 3. P. 245–60.*

⁶⁹ *Ibid. P. 248.*

⁷⁰ *Holm Melanie D. Authorial Sovereignty: Pleasure and Paratext in Margaret Cavendish's Blazing Worlds // Restoration: Studies in English Literary Culture, 1660–1700. 2017. Vol. 41. No. 1. P. 7.*

в естественных существах или сущностях, приводит ее к разработке гибкой системы мышления, которая позволяет ей сбалансировать веру и разум»⁷¹.

Образ Маргарет прошел за свою историю весьма любопытный и показательный путь. В XVIII в. Маргарет была известна в основном за счет своих пьес и отдельных стихотворений как порой талантливая, но в целом посредственная поэтесса; во второй половине XIX в. автобиография Маргарет и ее биография Уильяма заслоняют собой остальные ее работы. Маргарет объявляется талантливым биографом и чуткой супругой. В 70-х гг. XX в. ее натурфилософские воззрения переплетаются с подходами гендерных исследователей, ее взгляды зачастую подаются как инструмент противостояния мужскому сообществу натуралистов. В 2000–2010-е охват исследовательских подходов растет. Маргарет наконец-то начинают воспринимать как талантливого и многогранного писателя, требующего междисциплинарного подхода и тщательного контекстуального анализа. Ее пьесы находят свое место на сценах лондонских театров, некоторые из стихов кладутся на музыку⁷² и даже авторы комиксов избирают ее своим персонажем⁷³. Образ Маргарет снова мифологизируется, но теперь ее позиционируют как писателя, опередившего свое время, создавшего первый научно-фантастический роман, как первую женщину, создавшую свой собственный литературный стиль и проч. Отчасти все это верно, но необходимо продолжать смотреть на нее как на оригинального мыслителя со своими недостатками, стараясь не героизировать, но и не умалять ее значение.

Тем более удивительно, что в русской историографии образ М. Кавендиш совершенно не представлен. Если на английском мы найдем сотни статей, упоминающих ее имя в заголовке, то едва ли отыщем хотя бы десяток статей на русском, упоминающих ее имя в тексте. Приходится констатировать, что в России М. Кавендиш остается неизвестной как для широкой публики, так и для специалистов.

⁷¹ *Nelson Holly Faith*. “A Good Christian, and a Good Natural Philosopher”: Margaret Cavendish’s Theory of the Soul(s) in the Early Enlightenment // *Studies in Philology*. 2016. Vol. 113. No. 4. P. 947–68.

⁷² Margaret Cavendish (Née Lucas), Duchess of Newcastle-upon-Tyne // *Minerva Scientifica*. URL: <https://minervascientifica.co.uk/margaret-cavendish/> (дата обращения: 10.05.2023).

⁷³ Mad Madge / ed. Walker James. URL: <http://www.dawnoftheunread.com/issue-15-01.html> (дата обращения: 12.05.2023).

И все же есть несколько показательных примеров. И.М. Эрлихсон рассматривает М. Кавендиш в ряде статей⁷⁴, а также в монографии «В поисках идеала»⁷⁵, в которых Кавендиш показана репрезентативным представителем роялистского крыла, лишенная каких-либо литературных талантов, страдающая психическим расстройством и пытающаяся занять свое место на мужской территории: «Ее романы спустя триста с лишним лет вызовут у читателей только скуку, реплики ее пьес, поставленных на театральных подмостках, будут звучать напыщенно и нелепо, ее изыскания в области философии и естественных наук представляют собой творчески переработанный симбиоз идей ее знаменитых современников и вряд ли представляют научную ценность»⁷⁶. М.А. Буланакова дает М. Кавендиш более лестную оценку, рассматривая ее творчество как источник для изучения социальных установок придворной дамы и приводя переводы фрагментов из «Общественных писем», но и она использует формулировку, позволяющую не считаться с ее натурфилософскими работами: «Натурфилософские сочинения леди Маргарет следует считать скорее проявлениями общего духа эпохи, нежели оригинальными первоклассными текстами»⁷⁷.

Причина того, что в русской историографии образ М. Кавендиш все еще окружен ореолом мифов и стереотипов, в первую очередь является отсутствие переводов ее сочинений. Имеются только фрагментарные переводы стихотворений, а «Пылающий мир», хоть и упоминается в указанных выше статьях, в одной переведен как «сверкающий», в другой как «мерцающий». Не меньше осложняет изучение работ Кавендиш отсутствие исследовательских коммуникаций, ведь ее

⁷⁴ Эрлихсон И.М. В поисках утраченного эдема: «Блистающий мир» монархического рационализма Маргарет Кавендиш и торжество разума в «Государствах луны» Сирано де Бержерака // Рязанский историк. 2008. № 7. С. 64–74; Эрлихсон И.М. Маргарет Кавендиш в английской литературной традиции XVII века // Материалы научно-практической конференции преподавателей РГУ им. С.А. Есенина по итогам 2014/15 уч. года; Рязанский гос. ун-т им. С.А. Есенина. 2015. С. 293–297.

⁷⁵ Эрлихсон И.М. В поисках идеала. Из истории английской утопической мысли второй половины XVII – начала XVIII веков: монография. Рязань; М.: Приз-Р, 2008. 308 с.

⁷⁶ Эрлихсон И.М. Маргарет Кавендиш в английской литературной традиции XVII века. С. 296.

⁷⁷ Буланакова М.А. Литературная биография леди Маргарет Кавендиш, герцогини Ньюкасл: особенности организации социального статуса знатной женщины // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. 2004. № 8. С. 481.

главным биографом в России остается Вирджиния Вульф. Не менее затрудняет работу с ее текстами и слабо разработанная проблематика феномена «Научной революции» и риторических аспектов натурфилософских сочинений XVII в.

Было бы чересчур оптимистично заявлять о новизне и оригинальности данного исследования. Несомненно, мне не удалось учесть все мнения, касающиеся тех или иных аспектов творчества М. Кавендиш. Остается рассчитывать на благосклонность читателя и его понимание того, что перед ним первая монография на русском языке, посвященная этой неординарной личности, однозначные оценки которой были бы чересчур поспешными. Как и многие исследователи, я пытаюсь подобрать ключ к ее творчеству, но делаю это путем рассмотрения «Пылающего мира» в контексте научных утопий, синтезирующих различные жанры. Для этого необходимо как определиться с тем, что из себя представляет утопия в Англии XVII в., так и с тем, что понимается под словом наука. Об этом и пойдет речь в следующих главах этого раздела.

1.2. Первопроходцы утопий

В историографии можно встретиться с различными суждениями о природе жанра «Пылающего мира». Синкретизм произведения позволяет рассматривать его как социальную утопию, научную фантастику, рассуждение о натуральной философии, включающее апологию феминизма, бросающее вызов канонам классической литературы, воспевающее воображаемые миры, содержащее элементы проповеди, травелога и т. д. Но в Англии XVII в. было два произведения, которые сразу приходили на ум читателям «Пылающего мира», – «Утопия» Томаса Мора (1516) и «Новая Атлантида» Френсиса Бэкона (ок. 1627). Оба произведения структурно напоминают «Пылающий мир», и оба традиционно относятся к жанру утопии. Однако прежде, чем сводить многочисленные характеристики «Пылающего мира» к абстрактному понятию «утопия», необходимо разобраться в его природе.

Если отвлечься от непреднамеренно введенного Т. Мором понятия, то под ним можно понимать любую модель альтернативной реальности. То есть любая воображаемая реальность является утопией, в том числе такие макрометафоры, как государство, прошлое и пространство. Все это идеальные объекты, скроенные нами из лоскутков воображаемых фактов. Макс Вебер отмечал, что «идеальный тип» представляет собой «утопию, полученную посредством мысленного усиления определенных элементов действительности»⁷⁸. Для Вебера главной характеристикой такой утопии является ее «понятийная чистота» и отсутствие какого-либо доступа к ней. Если говорить об утопии как о совокупности воображаемых элементов реальности, можно сказать, что каждый живет в своей собственной утопии, наполненной разнообразными образами прошлого и элементами пространства.

Но есть и более строгое определение, восходящее к литературоведческим исследованиям утопии как литературного жанра. Один из его вариантов принадлежит литературоведу Дарко Сувину и гласит, что утопия – это «словесная конструкция особого квазичеловеческого сообщества, в котором общественно-политические институты, нормы и индивидуальные отношения организованы по более совершенно-

⁷⁸ Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем.; сост., общ. ред. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. С. 389.

му принципу, чем в сообществе автора»⁷⁹. Ключевой характеристикой утопии здесь выступает ее вербализованность и нацеленность на идеальное. Лайман Сарджент определяет утопию как «несуществующее общество, подробно описанное и обычно локализованное во времени и пространстве»⁸⁰.

Расположение во времени позволяет предполагать, что идеальные общества могли быть конструктом, относящимся как к прошлому, так и к настоящему или будущему. Если мы говорим об идеальных моделях прошлого, то сразу приходят на ум мифы о золотом веке, золотой расе или об Эдеме, которые объединяло представление о единении человека, мира животных и мира богов. Природное не противопоставлялось человеческому, а, наоборот, выступало источником разнообразных наслаждений. Не существовало и проблемы рождения, смерти, болезней, бедности и проч. Описание золотого века Гесиодом (конец VIII в. до н. э.) и Овидием (43 до н. э. – ок. 18 н. э.) отличаются тем, что мир Гесиода идеален сам по себе, человек существует в этом идеальном мире и не прилагает никаких усилий для поддержания идеального порядка (земля сама плодоносит, старость не грозит, зло отсутствует)⁸¹, Овидий же конструирует повествование за счет противопоставления современных ему негативных образов идеальному миру прошлого, что приближает его «Метаморфозы» к традиционному жанру утопического повествования:

Не было страха тогда, ни кар, и словес не читали
Грозных на бронзе; толпа не дрожала тогда, ожидая
В страхе решения судьи, – в безопасности жили без судей.
И, под секирой упав, для странствий в чужие пределы
С гор не спускалась своих сосна на текущие волны.
Смертные, кроме родных, никаких побережий не знали⁸².

⁷⁹ Sargent L.T. Utopianism: A Very Short Introduction. Lyman Tower Sargent. Oxford; New York: Oxford University Press, 2010. 145 p.

⁸⁰ Sargent L.T. The Three Faces of Utopianism Revisited // Utopian Studies. 1994. Vol. 5. No. 1. P. 1–37.

⁸¹ Гесиод. Полн. собр. текстов / пер. фрагментов О.П. Цыбенко, вступ. ст. В.Н. Ярхо, коммент. О.П. Цыбенко и В.Н. Ярхо. М.: Лабиринт, 2001. 256 с.

⁸² Публий Овидий Назон. Метаморфозы / пер. с лат. С.В. Шервинского; примеч. Ф.А. Петровского. М.: Художественная литература, 1977. 430 с.

Конечно, помимо идеальных миров, локализованных в прошлом и навсегда утраченных, в Античность существовали и социальные проекты современных идеальных сообществ. Например, описание Спарты Плутархом или идеальной республики Платоном. Именно в форме сократического или платоновского диалога будут представлены утопические сообщества раннего Нового времени и «Пылающий мир» в частности. Не вдаваясь в детальный анализ идеального социального устройства, предложенного Платоном, отметим, что если в «Государстве» идеалом республиканских правителей является сообщество мудрецов, философов-царей, то уже в диалоге «Законы» Платон признает недостатки и возможную коррумпированность подобного сообщества и ставит закон выше индивидуальной свободы. Фактически Платон признает утопичность проекта идеального сообщества, невозможность его реализации в существующем мире. Именно утопии, нацеленные на описание идеальных обществ, чей успех обусловлен политическим устройством, а не божественным промыслом, лягут в основу «Утопии» Т. Мора и последующих. Примером подобной утопии может служить четвертая эклога Вергилия (70–19 до н. э.), перенесшего образ идеальной Аркадии в будущее и обеспечившего ее существование за счет труда счастливых крестьян и фермеров.

Если обратить идеальное общество прошлого в будущее, перед нами предстанет образ Рая, вопрос о соотношении которого с Эдемом волновал как мыслителей Средневековья, так и философов Нового времени. Вплоть до XIX в. предпринимались попытки локализовать Рай в границах земного пространства. Исследователи видят в местоположении миров «Новой Атлантиды» или «Пылающего мира» прямую отсылку к образу Рая. В «Пылающем мире» героиня в диалоге с духами, пытаясь выяснить местоположение Рая, спрашивает: «Расположен ли он в центре мира как центр наслаждений; или это и есть весь мир; или это своеобразный мир, представляющий жизнь, а не материю; или же это смешанный мир, подобный миру живых существ?» На что духи отвечают ей, что Рай (*Paradise*) «расположен не в том мире, из которого она прибыла, а в том, в котором она находится теперь, и это то же самое место, где она держит двор и где стоит ее дворец, расположенный посреди имперского города»⁸³.

⁸³ См. с. 268 наст. изд.

Определение утопии как рассказа об идеальном сообществе, локализованном в пространстве, позволяет отнести к этому жанру и травелографические описания, так как описания воображаемых земель имеют много схожих черт с отчетами первопроходцев. Расцвет подобных текстов в Англии во многом связан с открытиями мореплавателей и переводом на английский травелогов, описывающих Новый Свет. Первые травелогии появляются в Англии благодаря выпускнику Кембриджа Ричарду Идену (1520–1576). Он публикует переводы на английский язык трех из десяти «Декад Нового света»⁸⁴, состоящих из писем исследователей Америки и отчетов первопроходцев, впервые изданных итальянцем Пьетро Мартуре в 1530 г. Это первый компендиум путешествий, опубликованный на английском языке. В введении Иден отмечает, что его перевод осуществлен с целью вдохновения соотечественников совершать дальние плавания по примеру испанцев и португальцев. Его работа действительно окажет большое влияние, и впоследствии в 1582 г. Ричард Хаклюйт издаст собственные переводы травелогов под названием «Разнообразные путешествия, касающиеся открытия Америки», а в 1612 г. – оставшуюся часть переводов Р. Идена. Но больше всего на традицию описания путешествий в Англии XVII в. оказало изданное Р. Хаклюйтом в 1589 г. собрание «Главные путешествия, посольства, торговые сношения и открытия английской нации». Дж. Кроун отмечает: «Этот прозаический эпос об английской нации больше, чем документальная история исследований и приключений. С героическими рассказами смешаны исторические, дипломатические и экономические документы, устанавливающие право Англии на суверенитет в море и в заграничных колониях»⁸⁵.

⁸⁴ Полное название: «Декады Нового света, или Вест-Индии, включающие мореплавание и завоевания испанцев с особым описанием самых богатых и обширных земель и островов, недавно обнаруженных в западном океане и принадлежащих наследию испанских королей. Прилежный читатель не только откроет для себя, какие товары могут послужить пользе святого христианского мира в будущем, но и узнает много тайн, связанных с землей, морем и звездами, что крайне необходимо осуществляющим навигацию или иным образом созерцающим странности и сложные дела Бога и природы» (*Pietro Martire Anghiera. The decades of the newe worlde / trans. by Rycharde Eden. Londini: In ædibus Guilhelmi Powell [for Edwarde Sutton], Anno. 1555. URL: <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A20032.0001.001?view=toc> (дата обращения: 03.12.2022).*)

⁸⁵ *Crone G.R. Richard Hakluyt // Encyclopedia Britannica. URL: <https://www.britannica.com/biography/Richard-Hakluyt> (дата обращения: 03.12.2022).*

Уже в самой первой «классической» утопии Томаса Мора можно заметить прямую связь с отчетами первооткрывателей Америки. Сам остров Утопия описан мореплавателем Рафаилом Гитлодеем – моряком, участвовавшим в экспедиции Америго Веспуччи. Только в отличие от Веспуччи, считавшего аборигенов Америки неотесанными дикарями, Томас Мор, знакомый с его отчетами, представляет утопийцев как народ, подчиняющийся иерархии, владеющий общим имуществом и ведущий моногамный образ жизни.

Но не только открытия в далеких землях давали возможность представить себе существование идеального общества. Религиозный утопизм реформации создавал обильную почву для выстраивания идеальных отношений с Богом, путем устройства наилучших порядков внутри сообщества верующих. Ведь примерно в то же время, когда Мор публикует «Утопию», немецкий монах-августинец Мартин Лютер оспаривает право папы предоставлять католикам гарантированный допуск в Рай. В Европе начиналась Реформация. Отдельные черты замкнутых сообществ-общин, представленных на страницах утопий, можно найти как в общинной монашеской жизни, так и в движении протестантских групп, а преследуемые как католиками, так и протестантами, анабаптисты находили убежище в изоляции и старались руководствоваться принципами равенства и ненасилия. Утопические черты можно увидеть и в описании Иоганном фон Гюнцбургом лютеранской страны Вольфарии (1521) и в «Христианополисе» Валентинуса Андреэ (1619). Можно привести немало примеров подобных произведений, созданных на волне реформаторских движений и крестьянских войн⁸⁶.

И травелографические, и теософские сюжеты встречаются во многих утопиях, но первым текстом, заложившим жанровый канон стала «Утопия» Томаса Мора. Томас Мор начал работу над «Утопией» во время своего участия в королевском посольстве во Фландрию в 1515 г., за время которого он посетил Антверпен, где общался с описанным в Утопии нидерландским гуманистом Петром Джайлзом (Эгидием). Близкий приятель Томаса Мора Эразм Роттердамский, помогавший ему с изданием, писал, что Мор сначала написал вторую книгу, ведь утопия состоит

⁸⁶ *Martinuzzi C. Utopia in Renaissance Philosophy // Encyclopedia of Renaissance Philosophy / ed. Marco Sgarbi. Springer International Publishing AG. 2021. P. 7.*

из двух книг, а потом присоединил к ней первую⁸⁷. Законченную рукопись «Утопии» Мор отправил Эразму из Лондона в Лувен, и в 1516 г. было опубликовано первое издание «Весьма полезной, а также занимательной, поистине золотой книжечки о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия». Первоначальным названием книги было латинское слово *Nusquama* («нигде»), но Эразм Роттердамский убедил Мора использовать греческий вариант *Utopiae*⁸⁸ – слово, которое можно перевести либо как «хорошее место» (*eu-topos*), либо как «место, которого нет» (*ou-topos*), а скорее, как и то и другое вместе. Благодаря переводам слово «утопия» быстро вошло в европейские языки. В 1524 г. был опубликован немецкий перевод «Утопии»; в 1548 г. – итальянский; в 1550 г. – французский, и только в 1551 г. выходит перевод «Утопии» на английском языке. Перевод Робинсона будет единственным на английском языке вплоть до 1684 г. и, вероятно, именно по нему Маргарет Кавендиш познакомилась с «Утопией» Мора⁸⁹.

Но не только в названии произведения Мора есть указание на вымышленный характер описываемой земли. Знакомые с латынью читатели сразу замечали, что фамилия рассказчика Рафаила Гитлодея означает «говорящий вздор», главная река Анидрус значит «безводная» и т. д. В письме к П. Джайлзу, опубликованному только в издании 1517 г., Мор отвечает на вопрос о существовании «Утопии» так: «Если бы я не сделал ничего другого, кроме как дал имена правителю, реке, городу и острову, которые могли сообщить более ученым, что остров зовется – нигде (*nusquam*), город – фантом, река – безводная, а правитель – без людей, это было бы гораздо остроумнее, чем то, что я сделал. Если бы не обязанность историка, я не был бы настолько глуп, чтобы предпочесть использовать

⁸⁷ In Search of Utopia. Art and Science in the Era of Thomas More / ed. Jan Van der Stock. Amsterdam University Press. 2016. P. 16.

⁸⁸ Ibid. P. 13.

⁸⁹ Интересен комментарий автора перевода 1684 г. Гилберта Бернета: «Эта Книга была переведена на английский язык вскоре после того, как была написана, и я когда-то был склонен думать, что это могло быть сделано самим сэром Томасом Мором. Переводчик позволил себе вольность, которая кажется слишком большой для кого-либо, кроме самого автора, являющегося хозяином своей собственной книги и поэтому может убирать фрагменты и изменять оригинал по своему усмотрению, что превосходит то, чем должен заниматься переводчик, и то, что предполагал сделать я» (The Utopia of Sir Thomas More: In Latin From the Edition of March 1518, and in English From the First Edition of Ralph Robynson's Translation in 1551 with Additional Translations, Introduction and Notes by J.H. Lupton, Cambridge with Facsimiles Oxford at The Clarendon Press. 1895. P. 76).

эти варварские и бессмысленные имена: Утопия, Анидрус, Амауротум и Адемус»⁹⁰. Действительно, Мор неоднократно намекает на то, что никакого острова нет и, говоря о мореплавателе Рафаиле, замечает: «Правда, он плывал по морю, но не как Палинур, а как Улисс, вернее – как Платон».

Однако, несмотря на подчеркнутую искусственность описываемого острова, мы находим и подтверждения его существования – карту, алфавит и даже пример текста на утопическом языке, хотя символизм можно увидеть и в карте издания 1518 г., напоминающей череп⁹¹.

Как уже было сказано, «Утопия» Мора состоит из двух книг. Рассказ Гитлодея об Утопии начинается только в начале второй книги. Первая книга была написана позже, спустя некоторое время после возвращения Мора из Антверпена в Англию в конце октября 1515 г.⁹² и напоминает путевой дневник, в котором Мор описывает свое пребывание во Фландрии и знакомство с мореплавателем Рафаилом Гитлодеем. Автор, таким образом, становится героем собственного произведения, что мы увидим и в «Пылающем мире». Как таковая утопия в традиционном понимании жанра начинается только во второй книге, где описываются физические, социальные и культурные характеристики страны Утопии, и которая в отличие от первой поделена на девять глав.

Название главы	Основная тема
1. Без названия	Описание географического и геологического устройства Утопии. Изначально Утопия не была островом, но Утоп прокопал канал и создал пятьдесят четыре похожих друг на друга города. Описан порядок земледелия и разведения скота
2. О городах и преимущественно об Амауроте	Планировка городов и их устройство. Амаурот стоит у реки; каждый дом имеет свой сад; двери не запирают; дома меняют каждые десять лет. Об основателе – Утопе

⁹⁰ Utopia & Selected Epigrams by Thomas More / eds. by Gerard B. Wegemer, Stephen W. Smith. CTMS Publishers at the University of Dallas. 2020. P. 108.

⁹¹ Bishop M. Ambrosius Holbein's Memento mori map for Sir Thomas More's Utopia. The meanings of a masterpiece of early sixteenth century graphic art // British Dental Journal. 2005. Vol. 199. P. 107–112.

⁹² In Search of Utopia. Art and Science in the Era of Thomas More / ed. Jan Van der Stock. Amsterdam University Press. 2016. P. 32.

Название главы	Основная тема
3. О должностных лицах	Правительство и судебный аппарат. Показана административная пирамида и порядок выбора должностей. Группы семей выбирают своих представителей, которые затем выбирают князя. Должность князя не сменяема, но ограничена деятельностью сената
4. О занятии ремеслами	О работах, которыми заняты все. Ни денег, ни собственности нет, так что все одинаково богаты
5. О взаимном общении	Семья и ее структура. Больницы и уход за больными
6. О путешествии утопийцев	Раздел включает информацию о ценностях (золото и алмазы служат игрушками для детей); путешествиях, для которых нужно запрашивать разрешение; добродетелях и загробной жизни
7. О рабах	О рабах, в основном преступниках и бедняках из соседних обществ, и о правах женщин
8. О военном деле	Об успехах военных наук и отвращении от войны
9. О религии утопийцев	Различные религии живут в мире, так как установлена свобода вероисповедания. Кто-то поклоняется Луне и Солнцу, кто-то – предкам, но большинство – единому богу Митре

Т. Мор описывает и натурфилософские воззрения утопийцев, но об этом речь пойдет в главе «Утопия и натурфилософия». Несмотря на разнообразные описания идеальных сообществ именно «Утопия» Мора стала основополагающей для определения жанра, следовательно, в ней было что-то кардинальным образом отличающее ее реальность от предшествующих идеальных миров. Рассмотрение разницы между ренессансным и утопическим прекрасно показано Л. Баткиным в работе «Итальянское Возрождение: проблемы и люди».

Именно Италию Л. Баткин называет родиной зрелой «ренессансной утопии», под которой он понимает в первую очередь архитектурные изображения «ведуты» и разнообразные проекты идеальных городов.

Карта итальянского города Пальмы, составленная Йорисом Хефнагелем, 1593

Главное отличие от утопии Нового времени Баткин видел в том, что ренессансный «идеальный город» был не критическим отражением реального, не мечтой и не описанием несуществующего, а чем-то давно существующим и требующим своего описания. «Идеальный город» служил мифом о возможностях и достижениях человечества. «Когда же ход истории обнаружил, что из самостоятельности индивида, из его внутренних возможностей и доблести нельзя построить счастливое существование, тогда, к середине XVI в., ренессансный миф начал превращаться в утопию»⁹³. Итальянский перевод Т. Мора середины XVI в. породил целую череду утопических произведений: «Счастливый город» Франческо Патрици, «Королевское государство» Альбергати, «Остров Нарсида» Маттео да Прато, «Воображаемая республика» Лодовико да Пезаро, «Миры» Антона Дони и как кульминация данного процесса – «Город Солнца» Томмазо Кампанеллы. По сло-

⁹³ Баткин Л.М. Итальянское Возрождение: проблемы и люди. М.: РГГУ, 1995. С. 370.

вам Л. Баткина, ренессансные идеальные города стремились раскрыть уже заложенное в настоящем божественное совершенство, в утопии же «центр тяжести был вынесен за пределы реальности – из настоящего в будущее, из Италии в выдуманные страны и лучше всего на остров посреди океана, наиболее подходящий для экспериментальной изоляции от того, что было известным и сущим в истории»⁹⁴. Утопия беспрецедентна, в то время как реальность героя ущербна, новый мир стремится стать для него образцом, подчиняя своей системе: «Разница особенно сказалась в неприменном духе регламентации, жесткости, несвободы, замкнутости, в механицизме утопического мышления, в отличие от ренессансного органицизма, в том, что утопия заботилась о счастливом государстве, а не о счастливом индивидуе»⁹⁵. Однако далеко не все утопии ставят на первое место описание идеального государства. Зачастую форма, предложенная Т. Мором, становится ключом для создания самых разнообразных миров. Преодоление географических границ позволяло выйти за пределы «нормального мира» и заняться социальным проектированием, вступающим в конфликт с традицией и реальностью автора.

Герой фантастического путешествия Джозефа Холла «Открытие Нового Света, или Описание Южной Индии» (ок. 1605⁹⁶), Бероальд, собираясь отправиться к неизвестным землям, доказывает друзьям что путешествия по Европе уже сложно считать настоящими путешествиями, и что все открытые земли предельно похожи: «Зарубежные земли так похожи на наши, что вы не сможете считать их совершенно неизвестными, хотя бы никогда раньше их и не видели. И разве есть что-то во всем известном мире, чему карты и авторы не смогут научить человека также хорошо, как его собственные глаза?»⁹⁷; «Заслуживает ли тот, кто покидает свою Родину, чтобы пройти в соседнюю страну

⁹⁴ Баткин Л.М. Итальянское Возрождение: проблемы и люди. М.: РГГУ, 1995. С. 374.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Первое латинское издание «Mundus Alter et Idem» вышло ок. 1605 г. В 1643 г. ее переиздадут на латыни под одной обложкой с «Городом Солнца» Т. Кампанеллы и «Новой Атлантидой» Ф. Бэкона. Первый перевод на английский Джона Хили (*John Healey*) опубликован в 1609 г.

⁹⁷ Hall J. The occasion of this trauell, and the pre-instruction for it // The discovery of a new world or A description of the South Indies hetherto vnkowne by an English Mercury. London: Imprinted for Ed: Blount. and W. Barrett, 1613 or 1614. URL: <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A68132.0001.001?view=toc> (дата обращения: 13.06.2023).

или через соседнюю реку (допустим, это Рейн или Твид), звания путешественника (как, кажется, допускает вульгарное мнение), в то время как он не меняет ни небо, ни воздух, ни почву? Если это так, я не вижу в таком путешествии никакой ценности». В качестве настоящих путешественников он перечисляет первопроходцев: «Я считаю, что ваши Дрейк и Кавендиш были путешественниками, как и португалец Себастьян Делькано, потому что их путешествия опоясывают весь мир. Но все же я позволю носить это имя и Христофору Колумбу за его открытие Вест-Индии, Франсиско Писарро и Альмагро за открытие Перу, Фернанду Магеллану за Молукку и сэру Хью Уиллоби за его открытия северных земель, а также всем, кто первым обнаружил неизвестные области или привел сведения о них в порядок»⁹⁸.

Преодоление границ известного – одна из ключевых характеристик утопии. При этом реальность, описанная в тексте, при всей своей фантастичности локализована в пределах реальной картографии, оставляя надежду, что каждый покинувший родную землю и отправившийся в плавание, сможет ее достичь⁹⁹. Ирония в том, что автор сам создает новые миры и объявляет себя их первопроходцем: «О, сколь священно будет его имя для всех потомков! Его статуя будет воздвигнута для всеобщего обозрения до скончания времен. Это такая же слава (думаю я) быть названным первооткрывателем новых миров, как и их завоевателем. И почему мы не можем иметь такой успех и подобную славу?» Джозеф Холл не просто иронично описывает неизвестные прежде земли, он, подобно Т. Мору, подчеркивает их воображаемый характер, а точнее безграничные возможности воображения: «Мы согласились и решили испытать великое разочарование, и погрузились на корабль под названием «Fancie» (Фантазия), прощаясь со всеми друзьями и знакомыми»¹⁰⁰. Насколько соотносимы между собой описания идеальных обществ и фантастические путешествия вопрос от-

⁹⁸ *Hall J.* The occasion of this trauell, and the pre-instruction for it...

⁹⁹ «Меня всегда оскорбляло, что, глядя на географические карты, я находил вот это: Terra Australis, nondum Cognita – Неизвестный Южный Континент. Как можно не горевать об этом? Если они знают, что это континент, расположенный на юге, то почему называют его неизвестным? А если он неизвестен; почему все географы изображают его одинаково и в одном месте? Бездельники, как они, могут довольствоваться этим, но мы – нет. Как долго мы будем оставаться невежественными в том, о чем, по нашим словам, обладаем знаниями?» (Ibid.)

¹⁰⁰ Ibid.

крытый, но уже в середине XVII в. текст путешествия Д. Холла был издан под одной обложкой с «Городом Солнца» Т. Кампанеллы и «Новой Атлантидой» Ф. Бэкона.

Утопия нуждается в преодолении границ и в переворачивании привычных устоев с ног на голову. В том виде, как она представлена у Т. Мора, утопия находится вне времени, пространственно отделяясь от нас. «Но потенциально – за пределами утопического повествования – сопоставление двух обществ, настоящего и будущего, неизбежно в настоящем»¹⁰¹. Недостигаемость утопии освобождает автора от условностей, что роднит ее с фантастикой. Часто к первым научно-фантастическим произведениям относят тексты, имеющие с утопиями ряд общих черт, а одним из первых называют «Правдивую историю» Лукиана, написанную во II в. н. э., первый перевод которой на английский язык был издан Френсисом Хиксом в 1634 г.¹⁰²

Лукиан разрушает границы, подвергая сомнению как историческую, так и философскую истину, а описанное им путешествие на Луну является доведенной до абсурда пародией на литературу путешествий. Лукиан последовательно демонстрирует утопические, то есть несуществующие в реальности миры, такие как поверхность Луны, чрево кита, острова блаженных и проч., предлагая читателям поразмыслить над судьбой попавших туда героев. Лукиан признает, что его миры вымышлены, но в то же время оставляет некоторую недосказанность, иронизируя над тем, что его лож настолько велика, что никому и в голову не придет принять ее за чистую монету, в отличие от той лжи, которую сообщают многие путешественники. Отплыв от Острова блаженных, герои попадают к островам, где претерпевают страдания грешники: «Самые ужасные из всех наказаний претерпевали те, которые при жизни лгали и писали неправду; среди этих преступников находились книдиец Ктесий, Геродот и многие другие. Глядя на них, я преисполнился доброй надеждой, так как не знал за собой ни одной произнесенной лжи»¹⁰³.

Где же та граница, разделяющая утопию и фантастику, и есть ли она? Канадский литературный критик Дарко Сувин в книге «Метаморфозы

¹⁰¹ Баткин Л.М. Итальянское Возрождение: проблемы и люди. М.: РГГУ, 1995. С. 376.

¹⁰² Hosington В.М. "Compluria Opuscula Longe Festivissima": Translations of Lucian in Renaissance England // Essays Monique Mund-Dopchie and Gilbert Tournoy. Leuven, 2009. P. 199.

¹⁰³ Лукиан Самосатский. Сочинения. СПб.: Алетейя, 2001. Т. II. С. 122.

научной фантастики» (1979) назвал два ключевых элемента научно-фантастического произведения – «когнитивное отчуждение» (*cognitive estrangement*) и «новум» (*novum*), то есть нечто странное, не встречаемое прежде. Под отчуждением Сувин понимал отстраненность мира текста, содержащего чудесные элементы, присущие иной реальности: «Когда чудесный предмет появляется в воображаемом мире, между двумя системами реальности происходит разрыв, вызывающий чувство отчуждения»¹⁰⁴. Под «новумом» – необычные изобретения, преобразующие мир. «Новум» – это промежуточная категория, возникающая в результате редкого соединения литературного с нелитературным, нарративного с эмпирическим, морфологического с идеологическим полем, интегрирующего литературное произведение в его бесспорной историчности»¹⁰⁵.

Путешествие Лукиана начинается с выхода за пределы известного мира – прохождением через Геркулесовы столбы, освобождающего автора от необходимости сдерживать свою фантазию и открывая путь для фантазмагорических аллегорий. Реки из вина; женщины, похожие на растения; древесные люди и проч. – все это примеры образов, трансформирующих привычную реальность, как и необычное оружие и одежда жителей Луны и островов блаженных. В то же время мы все еще находимся в привычном для нас нарративе путешествия. Автор – первопроходец, сообщающий нам о географии, астрономии, необычных растениях и гибридных существах, только его мир воистину утопичен и создан силой воображения. Подобное мы увидим и в «Новой Атлантиде» Ф. Бэкона, и в «Пылающем мире» М. Кавендиш.

В XVII в. границы замкнутого космоса подвергаются серьезному испытанию со стороны астрономов, оснащенных новым механическим и математическим инструментарием. Воображаемые миры все чаще выносятся за пределы земного пространства. В том же году, что и английский перевод «Правдивой истории», выходит сочинение Иоганна Кеплера – «Сновидения или посмертный труд по лунной астрономии» (*Somnium sive opus posthumum de astronomia lunari*), в котором Кеплер в утопической форме излагает свое представление об условиях жизни на Луне.

¹⁰⁴ Viglas K. The Placement of Lucian's Novel True History in the Genre of Science Fiction // *Interlitteraria*. 2016. Vol. 21/1. P. 161.

¹⁰⁵ *Ibid.*

Выучившийся у Тихо Браге астрономии герой произведения Кеплера Дуракот, возвращается к своей матери, которая сообщает, что с помощью демона Луны может перенести их на лунную поверхность, что и происходит далее: «Как только Солнце зашло за горизонт и соединилось с планетой Сатурн в знаке Быка, Фиолхильда призвала Демона и села рядом со своим сыном, который накрыл их головы одеялом. Через несколько мгновений началось путешествие в пятьдесят тысяч немецких миль через эфирные области к Луне»¹⁰⁶. Главное отличие путешествия Кеплера – его ориентированность на изображение достоверных физических сведений. Кеплер сообщает о температуре, географии, растительности, существах, населяющих Луну, их рациональности и проч. В одном из писем Кеплер замечает: «Кампанелла написал “Город Солнца”. Как насчет того, чтобы написать “Город Луны”? Не лучше ли было бы описать циклопические нравы нашего времени в ярких красках, но при этом – на всякий случай – покинуть эту землю и отправиться на Луну? Мор в своей “Утопии” и Эразм в “Похвале глупости” попали в беду и вынуждены были защищаться. Поэтому оставим в покое политические перипетии и останемся на приятных, свежих зеленых полях философии»¹⁰⁷.

Кеплер одним из первых использовал формат утопии для изложения своих натурфилософских представлений. Подробнее о связи натурфилософии и утопии речь пойдет в главе 3.3. Отметим только, что количество произведений, герои которых открывали для себя новые миры, в Англии XVII в. значительно выросло. Луна становится площадкой для сочинений Джона Уилкинса «Открытие мира на Луне» (1638) и Френсиса Годвина «Человек на Луне» (1638).

Утопическое сочинение епископа англиканской церкви Ф. Годвина повествует о путешествии испанца Доминга Гонсалеса на Луну, куда он попадает с помощью запряженных в упряжь лебедей. На Луне Годвина царит монархия, жители не знают ни преступности, ни болезней, а если в детях замечают порок, обменивают их на земных. Мы могли бы не задумываясь отнести произведение Годвина к социальной утопии, но о ее близкой связи с научной-фантастикой говорит

¹⁰⁶ Gale E. Christianson Kepler's Somnium: Science Fiction and the Renaissance Scientist // Science Fiction Studies. 1976. Vol. 3. P. 82.

¹⁰⁷ Ibid. P. 88.

упоминание чудесных предметов и необычных устройств. Так путешественник, сообщая нам о низкой лунной гравитации, говорит, что перемещение по Луне осуществляется с помощью специальных вееров, а также сообщает о лунных камнях, наделенных необычными свойствами: один может всегда оставаться горячим, нагревая предметы, другой обладает способностью освещать просторные помещения, третий – делает предметы тяжелее или невесомее. Описание камней, наделенных необычными свойствами, мы встретим и в «Пылающем мире» М. Кавендиш.

Фронтиспис сочинения Джона Уилкинса «Открытие мира на Луне», 1638¹⁰⁸

¹⁰⁸ На фронтисписе утопии Д. Уилкинса изображена схема, демонстрирующая движение планет согласно концепции Н. Коперника. Солнце расположено в центре, а пять планет обращаются вокруг него по круговым орбитам, представляющим собой твердые сферы.

Идея существования иных миров в Англии XVII в. была широко распространена, являясь не просто риторической стратегией, но частью крупных философских программ¹⁰⁹. И не только окрестные планеты могли быть заселены необычными жителями, иные миры могли окружать человека, вмешиваясь в его повседневные практики и оставаясь незамеченными из-за слабости человеческих органов чувств. М. Кавендиш посвятила этой проблеме ряд стихов в издании «Стихи и фантазии» (1653). В стихотворении «Сложно поверить, что в этом мире есть другие миры» она сообщает:

Nothing so hard in nature as faith is,
For to believe impossibilities –
Not that they're not, but that they
do not clear
Unto our reason and to sense appear.
For reason cannot find them out, since they
Seem wrought beyond all Nature's course
and way.
For many things our senses dull may scape,
For they're too gross to know each form
and shape.
<...>
What eye so clear is, yet did ever see
Those little hooks that in the loadstone be,
Which draw hard iron, or give reasons why
The needle's point still in the north will lie?
As for example, atoms in the air
We ne'er perceive, although the light
be fair¹¹⁰...

Нет ничего труднее в природе,
Чем вера в невозможное.
Дело не в том, что их нет,
А в том, что наши органы слабы,
чтобы их разглядеть.
Разум не может обнаружить их,
так как они кажутся выходящими
за границы Природы.
Многое может ускользнуть от наших
притупленных чувств,
Потому что они слишком грубы,
чтобы знать каждую форму.
<...>
Кто имеет столь острый глаз,
Что сможет разглядеть маленькие
крючки в магните,
Которые притягивают твердое железо
и являются причиной тому, что острие
иглы всегда смотрит на север?
И мы не замечаем атомы в воздухе,
Каким бы ярким не был свет...

¹⁰⁹ К концу XVII в. жанр путешествий в иные миры становится очень популярен. Издаются такие работы, как «The Celestial Worlds Discover'd, or Conjectures concerning the Inhabitants, Plants and Productions of the Worlds in the Planets» Х. Гюйгенса (1698), «The Consolidator, or Memoirs of Sundry Transactions from the World in the Moon: Translated from the Lunar Language» Д. Дефо (1705) и перевод на английский язык сочинения «A voyage to the world of Cartesius written originally in French, translated into English by T. Taylor» («Путешествие в мир Декарта», 1694).

¹¹⁰ *Cavendish M.* It Is Hard to Believe that there Are Other Worlds in this World // Margaret Cavendish's Poems and Fancies: A Digital Critical Edition / ed. L. Blake. URL: <http://library2.utoronto.ca/poemsandfancies/2017/06/12/it-is-hard-to-believe-that-there-are-other-worlds-in-this-world/> (дата обращения: 13.05.2023).

Далее Маргарет начинает рассуждать о существовании маленьких людей, живущих в неизвестном нам мире¹¹¹. Они строят дома, растят сады, разводят скот и ведут войны, которые приводят к гибели многих из них, но все это остается для нас незамеченным: «They may have commonwealths, and kings to reign, / Make wars and battles, where are many slain, / And all without our hearing, or our sight, / Or any of our other senses light». В стихотворении «О многих мирах в этом мире» она продолжает рассуждать о возможностях существования невидимых миров и населяющих их существах¹¹²:

...Nature is curious, and such work may	Природа затейлива и может сотворить
make,	такое,
That our dull sense can never find,	Что запросто ускользнет от наших
but scape.	ограниченных чувств.
For creatures, small as atoms, may be	Ведь там могут быть существа размером
there,	с атом, если каждый атом будет нести
If every atom a creature's figure bear:	по существу.
If four atoms a world can make, then see,	А если из четырех атомов можно
What several worlds might in an earring be.	создать мир, то представьте,
For millions of these atoms may be in	Сколько миров может быть в серьге.
The head of one small, little, single pin.	Ведь миллионы этих атомов могут
And if thus small, then ladies well may	находиться на кончике малюсенькой
wear	булавки.
A world of worlds, as pendants	И если они так малы, то дамы вполне
in each ear ¹¹³ .	могут носить
	Миры, полные миров, как сережки,
	в каждом ухе.

Еще в одном стихотворении из сборника 1653 г. на тему невидимых миров – «Мир в серьге» Маргарет продолжает рассуждать о возможном устройстве подобного микромира. Она предполагает, что круглая серьга

¹¹¹ «Роберт Гук, выступая с речью в только что созданном Лондонском Королевском обществе, говорил о микроскопе как о средстве открытия новых земель – целого мира, пусть очень малого, но заслуживающего своего интереса» (*Джар П., Шейпин С.* Научная революция как событие. М.: НЛО, 2015. С. 22). Не случайно термин «открытие» (*discovery*) входит в науку как раз из географических трактатов.

¹¹² *Cavendish M.* Of Many Worlds in this World // Margaret Cavendish's Poems and Fancies: A Digital Critical Edition / ed. Liza Blake. URL: <http://library2.utm.utoronto.ca/poemsandfancies/> (дата обращения: 13.05.2023).

¹¹³ *Ibid.*

может оказаться зодиаком, по которому двигаются невидимые нам семь планет вокруг неподвижного, «как доказали бы ученые», Солнца. У серыги может быть северный и южный полюсы, но дамы не замечают холода, как не замечают грома, ветра и молний. Внутри нее есть богатые пряностями острова, золотые рудники и хрустальные скалы; из-за землетрясений могут возникать горы, а эпидемии могут уносить множество жизней – и все это незаметно для нас. В городах могут проходить праздники, а в церквях звонить колокола и возноситься молитвы; на рынках будет идти торговля, а цари будут продолжать вести кровопролитные войны. Даже голоса мудрых советников не сможет расслышать дамское ухо¹¹⁴.

There rivals duels fight, where some are slain;	Гибнут соперники, сражаясь на дуэлях; Скорбят влюбленные, чьи стоны
There lovers mourn, yet hear them not complain.	не слышны. Готовит смерть возлюбленным могилу,
And Death may dig a lover's grave: thus were	Любовник гибнет в милом дамском ушке.
A lover dead in a fair lady's ear. But when the ring is broke, the world	Но разомкнется лишь кольцо, и гибнет мир;
is done; Then lovers they into Elysium run.	Тогда любовники в Элизиум сбегают.

К какому жанру отнести эти стихи? Подобно Кеплеру, за счет описания воображаемой реальности М. Кавендиш излагает элементы своей натурфилософской программы и, как и он, в отличие от Т. Мора, избегает рассуждения о лучшем политическом устройстве общества. В основе ее ранней программы лежит концепция Эпикура (341–270 н. э.), утверждавшего, что атомы способны создавать бесконечное количество миров. Однако в отечественной историографии утопия зачастую все еще воспринимается исключительно как инструмент социального проектирования. Причина этого как в ограниченном количестве переводов, так и в историографическом наследии, рассматривающем утопическую мысль исключительно как один из идейных истоков марксизма и инструмент политической пропаганды. Современные исследователи отходят от подобной

¹¹⁴ *Cavendish M. A World in an Earring / Margaret Cavendish's Poems and Fancies: A Digital Critical Edition.* Ed. Liza Blake. URL: <http://library2.utm.utoronto.ca/poemsandfancies/> (дата обращения: 15.06.2023).

точки зрения, но все еще рассматривают утопию в контексте социально-политических предпочтений автора. И.М. Эрлихсон в монографии, посвященной истории утопической мысли в Англии, разделяет утопии на консервативно-абсолютистские и республиканские. «Пылающий мир» М. Кавендиш отнесен ею к числу первых и назван «самой консервативной монархической утопией времен Реставрации»¹¹⁵.

Из-за акцента на социальные и политические практики в тени остается огромный пласт натурфилософских представлений, изложенный в утопиях и часто затмевающий собой любые иные элементы повествования. Слабый интерес к натурфилософии в утопиях связан и с представлением о развитии научного знания, ключевыми концептами которого являются «наука» (*science*), «ученый» (*scientist*) и «научная революция» (*scientific revolution*). Распространение этих понятий привело к возникновению демаркационной линии между наукой и религией XVII в., вынудив многих историков науки воспринимать развитие научного знания Нового времени как окончательное размежевание между научным и метафизическим. О путях формирования данной точки зрения пойдет речь в следующей главе.

¹¹⁵ Эрлихсон И.М. В поисках идеала. Из истории английской утопической мысли второй половины XVII – начала XVIII в. 2008. С. 57.

1.3. Метафоры «научной революции»

Вплоть до 60-х гг. XX в. большинство историков опирались на представление, сформировавшееся еще в эпоху Просвещения, гласившее, что наука есть рациональное, систематическое и универсальное познание мира, происходящее путем накопления и совершенствования знаний. Наука осмыслялась прежде всего как целостная совокупность знаний, связанных общей методологией, нацеленная на получение истины. Этот подход подразумевал, что наука развивается путем замены «плохих» теорий на более прогрессивные, рациональные и объективные и является самовоспроизводимым, универсальным и корректирующим собственные границы конструктом. При этом традиционная нацеленность на поиск окончательной истины затрудняла рассмотрение альтернативных моделей научного знания, признаваемых «ошибочными», «наивными», «устаревшими» и т. д. О противоречивом значении понятия «наука» говорит сам факт существования выражения «научное знание», знаменующего специализацию познавательной активности ученых.

Развитие научного знания в Англии XVII в. часто представляется в виде преодоления университетской схоластической модели путем замены ее на эпистемологическую программу научных сообществ. Однако данный взгляд не отражает всей глубины и противоречивости происшедших преобразований. Сложно назвать точную дату зарождения схоластики, формирование которой правильнее всего отнести к XII в., когда в крупных городах возникают университеты и начинается более глубокое знакомство с работами Аристотеля. В результате этого процесса происходит разделение философии («естественной теологии») и собственно теологии («божественной теологии»), так как благодаря Аристотелю оказалось, что можно создать философскую систему бытия, не обращаясь к книге «Бытия» Библии. Целью естественной философии стало объяснение всех аспектов натурального мира. Как указывает П. Деар: «Она организовывалась с опорой на соответствующие трактаты Аристотеля; и, так как Аристотель употреблял греческое слово *physis* по отношению ко всему естественному миру, живому и неживому, слово “физика” (*physica*) стало в латинском Средневековье синонимом “естественной философии”»¹¹⁶.

¹¹⁶ Деар П., Шейпин С. Научная революция как событие. М.: НЛЮ, 2015. Р. 17.

Учитель Аристотеля Платон выделял истинное знание (эпистему) и мнение (доксу), которое он в свою очередь делил на воображение и верование. Эпистема подразделялась им на «дианойю» и «ноэзис» – знание логическое и интуитивное. Именно в виде перевода на латынь понятия «эпистема» в форме *scientia* термин *science* приходит в английский язык. Благодаря придаваемому переводчиками Аристотеля значению слова *scientificus*, оно приобретает коннотации точного и систематизированного знания. Для схоластов знание считалось научным (*scientificus*), если получено путем силлогизмов, основанных на разуме и интуиции. Благодаря регулярному использованию термин *scientificus* стал техническим термином схоластов, означая «относящийся к доказуемому знанию или науке». Слово вошло в романские языки (итал. *scientifico*, фр. *scientifique*) с этим значением, но в английском закрепилось только в 1600 г.¹¹⁷

К концу XV в. понятие «наука» (*science*) стало означать особый вид знания, более точный и соответствующий истине, основанный на наблюдении, логике и эксперименте. Хотя споры о том, какой именно вид знания можно соотносить со словом *science* только разгорались. Современное определение *science* как совокупности методов и систематических наблюдений за определенными объектами или явлениями закрепилось только в XVIII в.¹¹⁸ Но одновременно с понятием *science* в английском языке XVIII–XIX вв. для обозначения познания истины продолжало фигурировать понятие «философия». В некотором роде, они были синонимичны, входя в такие словосочетания, как экспериментальная философия и моральная наука.

К середине XIX в. «философское» все чаще относят к области теологии и метафизики, а «научное» к физическому и экспериментальному. Сидней Росс отмечает, что в современном значении слово *science* фигурирует в названии Британской научной ассоциации (*British Association for the Advancement of Science*), основанной в 1831 г.¹¹⁹ Равнозначное значение понятий «наука» и «философия» осложняло научную коммуникацию, к тому же из-за растущего значения экспериментальной науки на фоне промышленного переворота и развития торговли требовалось разграничение предметов. Томас Карлейль в 1829 г. писал: «Все призна-

¹¹⁷ Ross S. Scientist: The story of a word // *Annals of Science*. 1962. Vol. 18/2. P. 67.

¹¹⁸ Science // *Online Etymology Dictionary*. URL: <https://www.etymonline.com/word/science> (дата обращения: 20.05.2023).

¹¹⁹ Ross S. Scientist: The story of a word // *Annals of Science*. 1962. Vol. 18/2. P. 69.

ют, что метафизические и моральные науки (*Moral Sciences*) приходят в упадок, в то время как физические с каждым днем обретают все больше уважения. Такого состояния двух великих областей знания. Внешнее – культивируемое исключительно на механических принципах; и внутреннее, оставленное на задворках, поскольку те же принципы не дают никакого результата. <...> Подобное представление о внутреннем знании уже широко распространилось, и доходит даже до высказываний, что, кроме внешних, нет истинных наук; единственная мыслимая дорога во внутренний мир, если он вообще есть, лежит через мир внешний; и то, что не может быть исследовано и понято механически, не может быть исследовано и понято вообще»¹²⁰. Все чаще слово *science* употреблялось в сочетании со словами «естественный» и «физический», вытесняя другие виды знания и приобретая коннотации единственного достоверного знания о мире. Изредка слышались голоса протеста, но они были единичны. Например, Дж. Рескин в 1875 г. писал: «Среди современных математиков, химиков и аптекарей стало дозволенной модой называть себя “людьми науки” (*scientific men*), противопоставляя себя теологам, поэтам и художникам. Они знают, что их сфера является обособленной; но их смехотворное представление о том, что только им доступен научный подход, не должно быть допущено в наших университетах. Есть наука о морали, наука об истории, наука о грамматике, наука о музыке и наука о живописи и это совершенно несравненно более высокие области человеческого интеллекта, и они требуют большей точности и более тщательного наблюдения, чем химия, электричество (*electricity*) или геология»¹²¹. Он же в 1878 г. писал: «Употребление слова *scientia*, как если бы оно отличалось от знания (*knowledge*), является современным варварством (*barbarism*) и обычно подкрепляется предположением, что знание различия между кислотами и щелочами более уважаемо, чем знание различия между пороком и добродетелью»¹²².

Когда мы говорим о науке (*science*) в XVII в. мы неминуемо впадаем в анахронизм. Следует смотреть на развитие знания, стараясь не навязывать акторам научного процесса современного представления

¹²⁰ Ross S. Scientist: The story of a word // *Annals of Science*. 1962. Vol. 18/2. P. 69.

¹²¹ Ruskin J. *Ariadne Florentina* // *The Complete Works of John Ruskin* / eds. Cook and Wedderburn. London, 1906. Vol. 22. P. 396.

¹²² Ruskin J. *The Storm-Cloud of the Nineteenth Century* // *The Complete Works of John Ruskin* / eds. Cook and Wedderburn. London, 1908. Vol. 34. P. 157.

о функционале ученого. К тому же само понятие *scientist* возникает только в XIX в. Ранее ученого могли называть «натуралистом», «натур-философом», «виртуозом», «man of learning», «естествоиспытателем» и проч. Термин «ученый» (*scientist*) впервые был использован Уильямом Уэвеллом в рецензии на книгу миссис Сомервилль «О связи физических явлений» в 1834 г. В ироническом ключе он рассуждает о дроблении научных специализаций: «Тенденцией наук уже давно является возрастающая склонность к разделению и фрагментации... Математик отворачивается от химика; химик от натуралиста; математики, предоставленные сами себе, разделяются на чистого математика и математика смешанного типа; химик может стать электрохимиком, оставив другим общий химический анализ. Между математиком и химиком следует вставить физика (*physicien*) (у нас нет для него английского названия), изучающего теплоту, влажность и тому подобное»¹²³. Он сожалеет, что, несмотря на такое количество наименований, до сих пор нет общего термина, который мог бы их объединить.

Термин «философ» (*philosopher*) слишком широк, поэтому по аналогии с «художник» (*artist*) следует использовать понятие «ученый» (*scientist*). Шесть лет спустя Уэвелл снова возвращается к проблеме наименований, но уже более сдержанно: «Поскольку мы не можем использовать понятие “физиолог” (*physician*) как обозначение исследователя физики, я назвал его физиком (*physicist*). Нам очень нужно имя, чтобы описать культиватора науки вообще. Я склонен называть его ученым (*scientist*). Таким образом, мы могли бы сказать, что как художник (*artist*) – это музыкант, живописец или поэт, так и ученый (*scientist*) – это математик, физик или естествоиспытатель»¹²⁴.

Оба термина подверглись критике. *Scientist* за использование греческого окончания в латинском слове, а *physicist* за свое неблагозвучие и четыре шипящих согласных «как звук пиропатрона». Писатели избегали использование слова *scientist*, употребляя вместо него *man of science* или предпочитая традиционные понятия – «философ» (*philosopher*) и «натуралист» (*naturalist*). «В 1910 году осторожные британские писатели использовали слово “ученый” только в разговор-

¹²³ Whewell W. Review of Mrs Somerville “On the Connexion of the Physical Sciences” // The Quarterly Review. 1834. Vol. 51. P. 58–61.

¹²⁴ Whewell W. The Philosophy of the Inductive Sciences. London: J.W. Parker, 1840. Vol. I. P. CXIII.

ной речи, а фразу “человек науки” – в письменной. Так, титульные листы самых ранних томов с 1888 по 1914 год “Большого Оксфордского словаря” (*The great Oxford English Dictionary*) содержат строчку: “При содействии многих преподавателей и людей науки” (*Many scholars and men of science*)»¹²⁵.

Когда мы говорим о научном знании XVII в. необходимо ни только не забывать о терминологических особенностях понятия «наука», но и о том, что современные стандарты научного текста для произведений того времени совершенно не применимы. Для Нового времени вполне естественным выглядит изложение физических концепций в форме стихотворения или философской утопии, притчи или проповеди. Документальное и художественное органично дополняют друг друга, способствуя осуществлению авторского замысла. Соотношение и функция вербальной и визуальной информации также отличались от привычных нам форм. Рисунки могут не только служить украшением текста или визуальным комментарием, но и порождать особую физическую реальность – изображения кратеров на поверхности Луны или микроскопических существ Роберта Гука. Изображения могли служить двигателем мировоззренческих трансформаций, выступая в качестве новых метафор реальности, и коммуникативным агентом, аккумулирующим сведения о реальности. Не менее интересен вопрос о взаимодействии театральных и музейных практик и естественно-научных публичных манипуляций, таких как демонстрации физических экспериментов, вивисекции животных или публичные вскрытия человеческих тел.

Смешение и сосуществование практик представляет огромный интерес для историков науки, но в то же время служит причиной многочисленных упрощений и поверхностных суждений. Историки могут одновременно признавать, что в XVII в. научные модели описания еще только приобретают четкие формы, и в то же время ссылаться на значительный рост научных знаний и на «Научную революцию», которая сама по себе является метафорой, детерминирующей повествовательные стратегии историков, пытающихся выявить ее корни.

Концепция разрыва, внезапной трансформации или «Научной революции» восходит к эпохе Просвещения, окончательно утвердившей

¹²⁵ Ross S. Scientist: The story of a word // *Annals of Science*. Vol. 18/2. 1962. P. 75.

представление о становлении нового знания, пребывавшего в зачатке на протяжении «темных веков» Средневековья. Основания для исторического анализа развития науки закладывались в XVIII в. и характерным примером может служить введение Жана Лерона Д'Аламбера к «Энциклопедии, или Толковому словарю наук, искусств и ремесел» (1751–1780).

Д'Аламбер не расстается окончательно с прошлым человеческого знания, но говорит о Средневековье как о периоде, когда знание было порицаемо: «Тщательное и всестороннее изучение природы и человечества были заменены тысячей легкомысленных вопросов об абстрактных и метафизических существах. Решение этих вопросов, хорошее или плохое, требовало большой тонкости и, следовательно, большого злоупотребления интеллектом. Этот беспорядок усугубляли рабство, в которое была ввергнута почти вся Европа, и разрушительное действие суеверия, которое порождалось невежеством и, в свою очередь, порождало его. Если рассмотреть все эти трудности, то станет ясно, что не было недостатка в препятствиях, которые надолго задержали возвращение разума и вкуса»¹²⁶. Показательно, что он использует понятие «революция»: «Итак, одна из тех революций, которые заставляют мир принять новый вид, была необходима, чтобы дать человеческому роду возможность выйти из варварства. Греческая [Византийская] империя была разрушена, и ее крушение заставило остатки знания вернуться в Европу. Изобретение книгопечатания и покровительство Медичи и Франциска I оживили умы, и повсюду возродилось просвещение»¹²⁷. Схоластику он называет «наукой веков невежества», но выступает в защиту Аристотеля, учение которого было «прокомментировано арабами, и искажено тысячами нелепых и детских дополнений». Он не выступает против христианской веры, но осуждает «некоторых могущественных богословов»: «Злоупотребление духовной властью в сочетании с мирской силой заставило разум замолчать; и они были недалеко от того, чтобы запретить человеческому роду думать»¹²⁸. Выход из тьмы незнания видется ему в деятельности «нескольких великих людей»: «Молча

¹²⁶ *D'Alembert J.-B. Preliminary Discourse // The Encyclopedia of Diderot & d'Alembert Collaborative Translation Project / Trans. by Richard N. Schwab and Walter E. Rex. Ann Arbor: Michigan Publ.; University of Michigan Library, 2009. URL: <http://hdl.handle.net/2027/spo.did2222.0001.083> (дата обращения: 14.04.2023).*

¹²⁷ Ibid.

¹²⁸ Ibid.

в тени они приготовили далекий свет, который мало-помалу, незаметной поступью осветит мир». И первым он называет «бессмертного канцлера Англии» Френсиса Бэкона: «Рожденный в глубине глубочайшей ночи, Бэкон сознавал, что философии еще не существовало, хотя многие люди, несомненно, льстили себе, что якобы преуспели в ней». В описании противостояния Ф. Бэкона и схоластики чувствуется некоторое преувеличение, поэтому Д'Аламберу приходится добавить, что Френсис Бэкон «проявлял слишком большую осторожность или уважение к господствующим вкусам своего века в частом использовании терминов схоластов, иногда даже схоластических принципов и в использовании модных в его время делений и подразделений. Разорвав так много оков, этот великий человек все еще был скован некоторыми цепями, которые он не мог или не осмеливался разорвать»¹²⁹. В числе великих людей он упоминает Р. Декарта и И. Ньютона, но нужно заметить, что Д'Аламбер не выступает против метафизики, напротив, именно ее он считает основой наук: «Представляется, что Ньютон не совсем пренебрегал метафизикой. Он был слишком великим философом, чтобы не знать, что она составляет основу наших знаний, и точные представления обо всем надо искать только в метафизике»¹³⁰. Звание метафизика для него изрядно дискредитировано и воспринимается совсем не в том значении, в котором должно: «Я не сомневаюсь, что этот титул скоро станет оскорблением для наших ученых людей, как имя “софист”, приниженное теми, кто носил его в Греции, было отвергнуто истинными философами, хотя оно и означает “мудрец”»¹³¹. В его предисловии мы можем различить две основные тенденции эпохи Просвещения. Во-первых, деятельность нескольких великих людей способствовала революционному преобразованию в знании и в освобождении от цепей средневековой схоластики. Во-вторых, Англия выступает в роли провозвестницы нового знания, хотя в основе его, по словам Д'Аламбера, лежит философия, истоки которой Англия заимствовала у Франции.

Как бы то ни было, первыми метафоры революции и уникальности нового знания использовали сами представители научных сообществ в Англии XVII в. Во многом этому способствовало развитие капитала,

¹²⁹ *D'Alembert J.-B. Preliminary Discourse...*

¹³⁰ *Ibid.*

¹³¹ *Ibid.*

положительно воспринявшего утилитарное значение новой науки и оказавшего влияние на разработку новых научных систем.

Символом подобного сочетания науки и капитала становится Грэшем-колледж, основанный в Лондоне в 1597 г. на деньги финансиста Т. Грэшема. Наибольшую славу Грэшем-колледжу принесли открытия профессоров точных наук. Был даже составлен проект о реформе колледжа в соответствии с научными принципами Ф. Бэкона – о закрытии кафедр теологии, риторики и права, однако он так и не был воплощен в жизнь. В 1660 г. часть профессоров вступает во вновь созданное в Лондоне общество, которое вскоре получит статус Королевского и будет официально названо «Лондонским Королевским обществом по развитию знаний о природе». Королевское общество сложно напрямую вывести из какой-либо предшествующей институции, но считается, что «научная сеть, сосредоточенная на Грэшем-колледже, сыграла решающую роль в собраниях, которые привели к формированию Королевского общества»¹³². Запись в первом журнале Общества от 28 ноября 1660 г. сообщает, что члены Королевского общества «согласно обычаю, принятому большинством из них, собрались вместе в Грэшем-колледже, чтобы послушать лекцию г-на Рена»¹³³.

Сохранилась баллада Грэшем-колледжу, датируемая ок. 1663 г. и приписываемая члену общества Дж. Гленвиллу¹³⁴. На протяжении всей баллады Грэшем-колледж выступает как провозвестник нового знания, которое должно в конце концов сокрушить педантичность Оксфорда и Кембриджа¹³⁵:

By demonstrative Philosophy
They playnly prove all things are bodyes,
And those that talke of Qualitie
They count them all to be meer Noddyes.
Nature in all her works they trace
And make her as playne as nose in face.

Демонстративной философией
Они ясно доказали, что всё вокруг
 есть тела,
А тех, кто рассуждает о качествах,
Они считают просто болванами.
Природу во всех проявлениях
 они изучили,
И она стала такой же понятной, как нос
 на лице.

¹³² Chartres R., Vermont D. A Brief History of Gresham College 1597–1997. Suffolk: Print. in England by St Edmundsbury Press, 1997. P. 32.

¹³³ Ibid. P. 32.

¹³⁴ Stimson D. Ballad of Gresham Colledge // Isis. 1932. Vol. 18(1). P. 103–117.

¹³⁵ Thy Colledg, Gresham, shall hereafter / Be the whole world's Universitie, / Oxford and Cambridge are our laughter; / Their learning is but Pedantry. (Ibid.)

В балладе перечисляются эксперименты, проводимые членами общества: выкачивание воздуха из колбы, опыты с каплями Руперта, с магнитом и железными опилками и проч. Но основная цель общества – служение на благо человечества: «Благородная научная корпорация создана не ради себя самой, а ради общественного блага нации и блага всего человечества. Это не простые люди: они жаждут славы и презируют золото»¹³⁶. И каждый из этих непростых людей уже сделал открытие или написал книгу: «Each single Member hath undertook / To shew a Trick or write a Booke». Первый виртуоз, под которым имеется в виду первый президент Королевского общества Роберт Морэй, сопоставляется с Френсисом Бэконом, все эксперименты которого он уже осуществил и «если уж он не найдет философский камень, то это не удастся никому»¹³⁷. Словом, уже в этой балладе в несколько шуточной форме культивируется идея уникальности сообщества ученых мужей и экспериментального знания: «And to conclude in Ballad Fashion, / God blesse the King and this new Corporation»¹³⁸.

Об истинности экспериментального подхода будут заявлять многие члены Королевского общества. Эта уверенность ляжет в основу мифологии, развитию которой посвящен как исторический трактат Т. Спрата, так и главный рупор Академии – журнал «*Philosophical Transactions of the Royal Society of London*». Во введении к первому выпуску журнала 1665 г. сказано: «Поскольку нет ничего более необходимого для разрешения философских вопросов (*Philosophical Matters*), чем налаживание коммуникации между занятиями (*Studies*) и устремлениями (*Endeavors*) одних и открытиями и достижениями других, в качестве наиболее подходящего способа полагается целесообразным использовать печать (*Press*)... чтобы предприятия (*Productions*) подобного рода смогли быть ясно и правдиво переданы, стремления к достоверным и полезным знаниям удовлетворены, а гениальные усилия и начинания воспеть. Поиск заинтересованными в решении этих вопросов будет поощряться ради открытия нового и обмена сведениями, дабы они вносили свой вклад в грандиозный замысел улучшения естественных знаний

¹³⁶ The noble learned Corporation / Not for itselfe is thus combyn'd, / But for the publique good oth'Nation / And generall benefit of Mankynd. / These are not men of common mould: / They covet Fame but contemne gold. (*Stimson D. Ballad of Gresham Colledge // Isis. 1932. Vol. 18 (1). P. 103–117.*)

¹³⁷ If he doe not, be sure that none / Will ever fynd the Philosopher's stone. (*Ibid.*)

¹³⁸ *Ibid.*

и совершенствования всех философских искусств и наук (*Philosophical Arts and Sciences*). Все для Славы Бога, Чести и Процветания этих Царств и Всеобщего Блага человечества»¹³⁹. Идея всеобщего блага, грандиозности замысла и гениальности участников – основные темы, постулируемые членами Королевского общества.

Спустя всего несколько лет после основания общества в 1667 г. епископ Томас Спрат опубликует «Историю Королевского общества», в которой заявит об уникальной роли общества в судьбе Англии и всего человечества: «Чего еще более значимого может желать человек, о каких достижениях грезить, как не стоять у основания столь выдающейся компании, уже послужившей человечеству источником множества добродетелей. Что может восторгать англичанина, претерпевшего в недавние времена столь многие невзгоды, более, чем то, что он не только за короткий срок достиг былого Достоинства (*Civility*) и Учености (*Learning*), но и вступил на новый путь совершенствования искусств, столь великих и полезных, которые только когда-либо и изобретала самая остроумная и счастливая эпоха»¹⁴⁰.

Трактат Т. Спрата состоит из трех частей. В первой он сообщает о развитии знания в былые эпохи, подчеркивая, что и в Античность, и в Средние века мыслители были слишком сосредоточены на абстрактных понятиях вместо того, чтобы осуществлять реальные эксперименты: «В первой части своей работы я назвал причины, по которым во все предыдущие века эти исследования были подавлены из-за корыстных интересов различных группировок, жестоких споров, притворного правдоподобия, религиозных конфликтов, догматических взглядов, бедности исполнителей (*undertakers*) и отсутствия сообщества экспериментаторов»¹⁴¹.

Во второй части Т. Спрат воспекает Королевское общество и его успехи: «Я показал, какими усилиями создавалось Королевское общество, какие меры оно предприняло, чтобы сделать свои Наблюдения универсальными и постоянными (*perpetual*); какую поддержку получало оно на этом пути»¹⁴².

Третья часть посвящена инструментарию Общества, а точнее экспериментам и их превосходству над иными практиками описания физического

¹³⁹ Introduction // *Philosophical Transactions of the Royal Society*. 1665. Vol. 1. March. P. 1–2.

¹⁴⁰ *Sprat T. The History of the Royal-Society of London for the Improving of Natural Knowledge*. London: Printed by TR for J. Martyn and J. Allestry, 1667. P. 3–4.

¹⁴¹ *Ibid.* P. 430.

¹⁴² *Ibid.*

мира. Непогрешимость членов сообщества не подлежит сомнению: «Мой Читатель теперь видит Собрание, состоящее из многих выдающихся людей различных качеств, отдавших свои силы на столь необходимое всем дело и столь свободных от малейших подозрений в подлости или корысти»¹⁴³.

Т. Спрат стремится создать устойчивое представление о прогрессе научного знания, достигающего кульминации вместе с деятельностью научного сообщества, основа методологии которого была заложена Ф. Бэконом, выступающим в роли проводника в мир нового научного знания. Спрат гарантирует не только, что природа благодетельствует человека за его старания, но и что в королевстве наступит мир и люди будут более преданы короне и послушны законам: «Нарушение закона есть идолопоклонство: причина, по которой люди презирают законы и власть, проистекает из их поклонения идолам собственного остроумия (*wit*): они превозносят свое благоразумие, считают себя непогрешимыми, создают собственные мнения и поклоняются им. Но это тщетное идолопоклонство неизбежно падет перед экспериментальным знанием, являющимся врагом всевозможных суеверий и людей, преданных собственным фантазиям»¹⁴⁴.

Сочинение Т. Спрата является первым произведением, закладывающим канон повествования об истории Королевского общества с позиций прогресса знания и в то же время вписывающим это знание в систему государственных институций, ведь общество, возникшее в ноябре 1660 г. в виде собрания дюжины энтузиастов, получает в 1662 г. королевскую хартию, обеспечившую институциональную структуру общества с назначением, советом и секретарями. На фронтисписе сочинения Т. Спрата мы видим бюст Карла II как покровителя и защитника новой философии: «Тесная ассоциация бэконизма с монархическим типом правления, без сомнения, способствовала тому, чтобы философия Бэкона увенчала научную деятельность 1660-х гг.»¹⁴⁵.

Трансформации описательных практик, происходившие на протяжении раннего Нового времени, зачастую подменяются понятием «Научная революция», позволяющим свести все философские дебаты XVII в. к процессу размежевания науки и метафизики. Однако понятие «Научная революция» вошло в обиход историков далеко не сразу. Выше

¹⁴³ *Sprat T. The History of the Royal-Society of London for the Improving of Natural Knowledge. London: Printed by TR for J. Martyn and J. Allestry, 1667. P. 431.*

¹⁴⁴ *Ibid. P. 430.*

¹⁴⁵ *Депр П., Шейнин С. Научная революция как событие. М.: НЛО, 2015. С. 208.*

уже было сказано, как образы революции и «разбиения оков» использует Д'Аламбер, но в XVII–XVIII вв. изменения в научном знании еще не сводились к некоей одной всеобъемлющей революции. Встречаются упоминания о «революциях» в медицине, геометрии, философии и проч. Д.Н. Дроздова отмечает, что в значении наиболее близком к современному это понятие приводит в 1847 г. Александр фон Гумбольдт: «Научная революция, начало которой положил Николай Коперник, имела редкое счастье... без задержек продвигаться к своей цели – познанию истинной структуры вселенной»¹⁴⁶.

Фронтиспис «Истории Королевского общества» Т. Спрата, 1667

Идея научного прогресса и размежевания с метафизикой прослеживается в работах: И. Канта «Критика чистого разума» (1787), где он утверждает, что надежная математика, разработанная греками, подготовила почву для того, чтобы эмпирическое знание стало достоверной

¹⁴⁶ Дроздова Д.Н. Интерпретация Научной революции в работах Александра Койре: дис. ... канд. ист. наук: 09.00.03. М.: Высшая школа экономики, 2012. С. 86.

наукой; О. Конта «Курс позитивной философии» (1830–1842), считавшего, что истинное знание может быть основано только на непосредственном наблюдении; Э. Маха «Механика: историко-критический очерк ее развития» (1883), полагавшего, как и Конт, что именно в период Научной революции начался процесс размежевания науки и теологии – процесс, который, по его мнению, полностью завершился лишь к концу XVIII столетия: «Потребовалось два века, начиная с трудов Коперника и заканчивая окончательной формулировкой Лагранжа, чтобы в умах исследователей сформировалось ясное представление о том, что теология и физика суть две различные ветви знания»¹⁴⁷. О. Конт вслед за Д^ж Аламбером сообщает о революционности нового знания и о его неминуемом торжестве: «Именно тогда дух позитивной философии восстал против духа суеверных и схоластических систем, которые до сих пор затемняли истинный характер всей науки. С тех пор прогресс позитивной философии и упадок двух других были столь значительны, что ни один рациональный ум не сомневается в том, что революции суждено дойти до своего завершения»¹⁴⁸.

Однако в начале XX в. появляются работы, бросающие вызов идее разрыва между средневековым знанием и наукой Нового времени. Пьер Дюгем защищал идею преемственности и пытался выявить истоки открытий XVII в. среди средневековых мыслителей. Он отмечал, что религия являлась важным стимулом развития науки, а не цепями, сковывавшими ее. В девятитомной «Системе мира» он прослеживает связь между трактатами Жана Буридана, Альберта Саксонского, Николая Орема и философов XVII в.

Попытки рассмотреть становление Королевского общества в контекстуальном ключе предпринимают в 30-х гг. историки, сторонники социологических подходов, Борис Гессен и Роберт Мертон. Советский историк Б. Гессен в работе «Социально-экономические корни механики Ньютона», представленной им в 1931 г. на II Международном конгрессе по истории науки и техники, утверждал, что развитие механики Ньютона оказалось следствием экономического развития и формирующегося буржуазного общества Англии: «Новый метод исследования, который в лице

¹⁴⁷ Ослер М. Религия и меняющаяся историография научной революции // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2013. № 1. Р. 35.

¹⁴⁸ Comte A. The Positive Philosophy / Trans. and Condensed by Harriet Martineau. Batoche Books Kitchener. 2000. Vol. 1. P. 32.

Бэкона, Декарта и Ньютона одержал победу над схоластикой и привел к созданию новой науки, явился результатом победы нового способа производства над феодализмом»¹⁴⁹. Согласно его концепции, именно потребность в совершенствовании техники вывела механику на первый план.

Последователь М. Вебера Р. Мертон связывал становление английской науки и протестантскую этику. Согласно Р. Мернтону, «протестантская этика породила современный этос науки, нашедший свое воплощение в четырех нормах – коммунализме (*communalism*), универсализме (*universalism*), бескорыстности (*disinterestedness*) и организованном скептицизме (*organized skepticism*)»¹⁵⁰. Хотя историки 30-х гг. начали обращать внимание на социальный контекст формирования научных сообществ, во многом они использовали прежнюю риторику торжества нового знания над устаревшими подходами.

В историографический обиход понятие «научная революция» входит только в 40–50-е гг. Одним из первых в качестве концептуального инструмента его использовал французский историк российского происхождения Александр Койре. В 1939 г. он опубликовал ряд эссе под заголовком «*Études Galiléennes*», где использовал это понятие при рассмотрении математизированной механики Галилея. Революция для него заключалась в создании Галилеем абсолютного пространства, основанного на евклидовой геометрической системе. В 1943 г. он выпустил статью «Галилей и Научная революция», заложив традицию употребления этого концепта.

В 1949 г. Герберт Батгерфилд в книге «Истоки современной науки, 1300–1800» (*The Origins of Modern Science, 1300–1800*) дал подробную характеристику термина «научная революция», предположив, однако, что революций могло быть несколько или она могла проходить в несколько этапов.

Первая монография, целиком посвященная феномену «научной революции», была опубликована А. Руперт Холлом в 1954 г. под заголовком «Научная революция: 1500–1800 гг.» (*Scientific Revolution: 1500–1800*). Она окончательно закрепила этот концепт в каноне историко-научных исследований. Холл рассматривал научную революцию как поступательный прогресс становления рационального знания. Для него существенным было проиллюстрировать отсутствие уникальной причины формирования науч-

¹⁴⁹ Гессен Б.М. Социально-экономические корни механики Ньютона. М.; Л.: Гос. техн.-теорет. изд-во. 1933. С. 71.

¹⁵⁰ Гатина М.Р., Михель Д.В. Ранняя история Лондонского Королевского общества глазами современных историков науки // Диалог со временем. 2011. Вып. 34. С. 195.

ного знания в Европе, рассмотрев революцию как совокупность причин, а не трансформацию, связанную с рядом гениальных открытий.

Вплоть до 60-х гг. многие историки рассматривали научную революцию в качестве аргумента, свидетельствующего об объективности и рациональности научного знания. Однако контекстуальное рассмотрение развития научного знания показало, что его универсализм является по меньшей мере упрощением. Несмотря на то что термин получил широкое распространение, прочно войдя в учебники и энциклопедии, не было однозначного представления ни о его сути, ни о его хронологических¹⁵¹ или территориальных рамках. Научная революция могла рассматриваться с позиции институциональных трансформаций, экономических или социальных практик, средств коммуникаций или мыслительных стратегий.

Джозеф Агасси в работе «На встречу историографии науки» (1963) предостерегает историков как от стремления выявить истоки современных идей, так и от разделения теорий на истинные и ложные¹⁵²; Томас Кун в своих работах, в том числе в знаменитой «Структуре научных революций» (1962), предлагает разделять понятия «научная революция» и «научные революции», которые происходят регулярно.

В 60-е гг. разворачивается полемика между Кристофером Хиллом, поддерживающим концепцию пуританской природы «научного знания», и его оппонентами, из которых выделяются Хью Кирни и Барбара Шапиро, заявлявшими о более сложной природе формирования научных сообществ¹⁵³. В 70-е гг. Л. Маллиган выделяет характерные черты представителей Королевского общества. Согласно ее исследованию «типичный ученый был роялистом, англиканином и университетски образованным джентльменом»¹⁵⁴. Poleмика продолжится и в последующее десятилетие, но постепенно будет намечен сдвиг от выявления внешних факторов к более пристальному взгляду на жизнь и деятельность отдельных членов Общества, а также к анализу самой науки и природы экспериментального знания.

¹⁵¹ Из череды революций раннего Нового времени особенно выделяют космографическую, также называемую коперниканской, начало которой традиционно отмечают публикацией трактата «Об обращении небесных сфер» (1543), а окончание – работой И. Ньютона «Математические начала натуральной философии» (1687).

¹⁵² Agassi J. Towards an Historiography of Science // History and Theory. Beiheft 2. 1963. P. V.

¹⁵³ Гатина М.Р., Михель Д.В. Ранняя история Лондонского Королевского общества глазами современных историков науки // Диалог со временем. 2011. Вып. 34. С. 197.

¹⁵⁴ Там же. С. 198.

В этом контексте знаковой является работа С. Шейпина и С. Шеффера «Левиафан и воздушный насос: Гоббс, Бойль и экспериментальная деятельность», опубликованная в 1985 г.¹⁵⁵ Цель работы заключалась в том, «чтобы разрушить ауру самоочевидности, окружающую экспериментальный способ получения знаний». «“Истина”, “адекватность” и “объективность”» рассматриваются «как достижения, как исторические продукты, как суждения и категории действующих лиц». Таким образом, задачей авторов было «представить научный метод как кристаллизацию форм социальной организации и как средство регулирования социальных взаимодействий внутри научного сообщества»¹⁵⁶. Ключевым тезисом является утверждение о том, что именно десятилетия политических неурядиц способствовали в конечном итоге поиску согласия между социальными группами. Новые эпистемологические основания должны были позволить избежать повторения гражданской войны.

С. Шейпин в работе «Научная революция» отмечает, что это событие являлось фундаментальной переориентировкой нашего восприятия природы, связанной «с радикальными изменениями фундаментальных категорий мышления»¹⁵⁷. В подтверждение своей позиции он пишет: «Согласно Баттерфильду, мышление изменилось в ходе этой революции так, как будто мы получили “новые очки” вместо потрепанных старых. А по мнению А. Руперта Холла, научная революция – это не просто сдвиг в образе мысли, а “никому не подвластное переопределение объектов философского и научного исследования”»¹⁵⁸.

Сочинение Шеффера и Шейпина заложило основу для пересмотра традиционных историографических моделей описания становления научных практик, переключая внимание с текстовых источников на визуальные, материальные и перформативные (экспериментальные практики), с изучения эксплицированных данных, таких как научные теории и эксперименты, на выявление имплицитных структур рациональности. В последствии в работах таких исследователей, как Бруно Латур, Мари Боас Холл, Лорейн Дастон и проч., дисциплинарные основы истории

¹⁵⁵ *Shapin S., Schaffer S.J. Leviathan and the air-pump: Hobbes, Boyle, and the experimental life. Princeton: Princeton Univ. Press, 1985. 456 p.*

¹⁵⁶ Цит. по: *Вархотов Т. В поисках эпистемологии согласия: к 35-летию «Левиафана и воздушного насоса» // Логос. 2020. Т. 30. № 3. С. 182.*

¹⁵⁷ *Деп П., Шейпин С. Научная революция как событие. М.: НЛО, 2015. С. 316.*

¹⁵⁸ Там же.

науки переосмысляются и приобретают новые формы в виде исторической эпистемологии или истории знания¹⁵⁹. Попытка представить развитие науки как усовершенствование научного метода также стало предметом критики, поскольку само понятие метода в XVII в. имело иные коннотации: «Сомнительны теперь и заявления об историческом существовании “научного метода”, то есть соотносимого с собой универсального эффективного набора процедур, производящих научное знание, и тем более не следует толковать развитие науки в XVII в. как реализацию “метода” и вести от тогдашнего метода прямые линии к современности»¹⁶⁰.

Стивен Джей Гулд в 1981 г. в работе «Ложное измерение человека» писал: «Создание научного знания является социальной деятельностью, поскольку совершается людьми. Оно развивается благодаря догадке, озарению и интуиции. Большая часть изменений знания во времени свидетельствует не о приближении к абсолютной истине, а об изменении культурных контекстов, которые сильно на него влияют. Факты – это не чистая и не безупречная информация, поскольку культура также влияет на то, что и как мы видим. Более того, теории не являются бесспорным выводом из фактов. Самые креативные теории часто представляют собой воображаемые образы, навязанные фактам, а источник воображения также сильно связан с культурой»¹⁶¹.

Помимо указанных «проблемных точек» можно выделить и внетерриториальный аспект «научной революции», которую часто обозначают в контексте «западного образа мышления» или, напротив, вписывают в границы одного государства без учета поликультурного статуса науки XVI–XVII вв., связанного с существованием собственного научного языка и особых коммуникативных практик, позволяющих говорить о существовании особого государства ученых – «Республики писем» (*Respublica litteraria*). «Республика писем» появилась в XVII в. в качестве самопровозглашенного сообщества ученых и литературных деятелей, которое простиралось за пределы национальных границ, сохраняя тем не менее уважение к различиям в языке и культуре»¹⁶². В работе А. Бала «Диалог цивилизаций в рождении современной науки» ставится вопрос о правомерности

¹⁵⁹ Дагстон Л. История науки и история знания // Логос. 2020. Т. 30. № 1. С. 63–90.

¹⁶⁰ Деар П., Шейпин С. Научная революция как событие. М.: НЛО, 2015. С. 318.

¹⁶¹ Gould S.J. The Mismeasure of Man. N.Y.: W.W. Norton, 1981. P. 22.

¹⁶² Лисович И.И. Скальпель разума и крылья воображения. Научные дискурсы в английской культуре раннего Нового времени. М.: ИД ВШЭ, 2015. С. 181.

рассмотрения научной революции как исключительно европейского феномена и постулируется мультикультурный характер научного знания Средних веков, когда исламская математика, китайская механика, индийское счисление и атомизм прививаются на европейской почве¹⁶³.

Л. Дастон отмечает, что в последние десятилетия в фокус внимания историков науки попали «люди, собиравшие травы для домашних хозяйств, имперские авантюристы, женщины, занимавшиеся вычислениями, библиографы эпохи Возрождения, викторианские голубятники... <...> К местам науки теперь относятся не только лаборатория и обсерватория, но и ботанический сад, кузница, поле, корабль, домашняя печь»¹⁶⁴.

Возникает все больше исследований, рассматривающих деятельность участников научных сообществ в контексте их религиозного мировоззрения. И это не только ставшие традиционными исследования теософских практик И. Ньютона¹⁶⁵, но и эксперименталистов, стоявших у истоков Королевского общества – Р. Бойля, Р. Гука и др.¹⁶⁶

Таким образом, повествование, рассматривающее трансформацию научных знаний, изначально ограничено вариативностью границ исследуемого предмета и разнообразием «экспликаций» знания в работах авторов. Научная революция – аналитический инструмент историка, не имеющий ни строгой хронологической, ни концептуальной привязки, а следовательно, поиск ее истоков, причин и результатов не может иметь практического значения.

Вместе с пересмотром традиционного представления о развитии научного знания все больший интерес отводится авторам, творчество которых не вписывается в привычное представление о развитии экспериментального знания. Пересматривается и образ М. Кавендиш. Феминистское прочтение Маргарет как женщины, бросившей вызов мужскому сообществу экспериментаторов, уступает место более сложному осмыслению взаимодействия интеллектуальных программ и практик мыслителей раннего Нового времени.

¹⁶³ Bala A. *The Dialogue of Civilizations in the Birth of Modern Science*. New York: Palgrave Macmillan, 2006. 230 p.

¹⁶⁴ Дастон Л. История науки и история знания // Логос. 2020. Т. 30. № 1. С. 75.

¹⁶⁵ Дмитриев И.С. *Неизвестный Ньютон. Силуэт на фоне эпохи*. СПб.: Алетейя, 1999. 784 с.

¹⁶⁶ Sarasohn L.T. *The Natural Philosophy of Margaret Cavendish: Reason and Fancy during the Scientific Revolution*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2010. 251 p.

2 ПОРТРЕТ НА ФОНЕ ЭПОХИ

Боже мой, сколько мнений и суждений было вызвано в умах ее соотечественников! Одни утверждали, что она ангел, другие, что она была волшебницей, некоторые называли ее богиней, иные предполагали, что это дьявол обманывает их в образе прекрасной леди.

М. Кавендиш. Пылающий мир

2.1. Между Минервой и Аполлоном

«Мой отец был джентльменом» – этими словами М. Кавендиш начинает свою автобиографию. Ее творчество невозможно рассматривать отдельно от ее жизни. Столь сильным было ее стремление увековечить свое имя, оставив о себе литературную память, что практически в каждой ее работе мы встречаем автобиографические отсылки и сюжеты, заимствованные из повседневного опыта. Гонения на роялистов вынудили ее бежать из Англии, ее мать и почти все братья и сестры погибли в результате войн, но чем стремительнее время стирало все, что связывало ее с прошлым, тем настойчивее было ее желание оставить о себе память.

Маргарет воссоздает «утраченное время» в своей автобиографии, полное название которой – «Достоверный отчет о моем рождении, взрослении и жизни» (*A True Relation of my Birth, Breeding and Life*). Это небольшое, чуть менее девяти тысяч слов эссе было включено в изданный в 1656 г. сборник «Картины природы» (*Natures Pictures*). К этому времени тридцатитрехлетняя Маргарет уже успела издать несколько произведений, но все-таки публикация автобиографии далеко не самое очевидное, что может предпринять начинающий писатель.

«Достоверный отчет» условно можно разделить на две части. Первая демонстрирует образ семьи Маргарет, во второй она приводит собственный портрет. Начинается автобиография с упоминания трагической дуэли, в результате которой ее благородному отцу, который «не ценил титулов, если они не были добыты героическими действиями»¹⁶⁷, приходится отправиться в изгнание. Она рассуждает о причине столь печального итога, и приходит к выводу, что всему виной то, что убитый ее отцом мистер Брукс был фаворитом лорда Кобэма, настроившего королеву Елизавету против ее отца. Здесь заметен рефрен, который будет слышен во многих ее произведениях, – к сожалению, в политических делах имеют значение не столько личное достоинство и заслуги, сколько поддержка властных покровителей и удача. Король Яков позволяет ее отцу вернуться на родину,

¹⁶⁷ *Cavendish M. A True Relation of the Birth, Breeding, and Life, of Margaret Cavendish, Duchess of Newcastle. Kent: Printed at the private Press of Lee Victory; By Johnson and Warwick. 1814. P. 2.*

«где он жил счастливо и умер мирно, оставив жену и восемь детей – трех сыновей и пять дочерей»¹⁶⁸. Маргарет была младшей из восьми детей своих родителей¹⁶⁹.

М. Кавендиш остается без отца в 1625 г. в возрасте двух лет. После его смерти вся тяжесть заботы о детях ложится на плечи матери и старших братьев. Маргарет вспоминает, что в детстве она и ее сестры имели все необходимое и не было никаких причин для бунта, «ибо бунт даже в королевских дворах и княжеских дворцах приносит разорение без толку и удовольствия»¹⁷⁰. После смерти Т. Лукаса имение было разделено между матерью М. Кавендиш и ее братьями с условием выплаты суммы ее сестрам при их совершеннолетию или замужестве. Мать предстает в описании Маргарет идеалом, которому она обязана всем, что у нее есть: «Мы были воспитаны ласково, ибо моя мать стремилась угождать детям и радовать их, а не мучить их, запугивая угрозами или хлеща рабскими кнутами. Вместо угроз нас убеждал разум, а вместо плетей были открыты уродства порока и явлены грации и добродетели»¹⁷¹.

Маргарет окружали только достойные слуги, являвшиеся образцом добропорядочности. Воспитание же ее чтению, письму, музыке и проч. было скорее формальным, поскольку «мать заботилась не столько о наших танцах и игре на скрипке, пении и болтовне на нескольких языках, сколько о том, чтобы мы воспитывались добродетельно, скромно, вежливо, благородно и на честных основаниях»¹⁷². Она не получила образования в области философии или естественных наук и не знала ни латыни, ни греческого, что было обычным для женского воспитания того времени, когда обучение девочек сводилось к владению письмом, танцам и музыке, но, хотя у нее не было частного наставника по натурфилософии или языкам, она имела свободный доступ к библиотеке.

¹⁶⁸ *Cavendish M. A True Relation of the Birth, Breeding, and Life, of Margaret Cavendish, Duchess of Newcastle...* P. 3.

¹⁶⁹ Маргарет Кавендиш родилась в состоятельной семье сэра Томаса Лукаса и Элизабет Лейтон Лукас в 1623 г. Еще до дуэли 24-летний Томас Лукас попал в немилость, вступив в отношения с 16-летней дочерью лондонского джентльмена Элизабет Лейтон. После дуэли, спасаясь от разбирательств, он бежал во Францию. В 1603 г. ему будет позволено вернуться и вступить в законный брак, но еще до этого от Элизабет у него родится сын Томас, объявленный незаконнорожденным.

¹⁷⁰ *Cavendish M. A True Relation of the Birth, Breeding, and Life of Margaret Cavendish, Duchess of Newcastle...* P. 3.

¹⁷¹ *Ibid.* P. 4.

¹⁷² *Ibid.* P. 5–6.

Многому она научилась у своих братьев – родившегося до официального брака родителей Томаса (1598–1649), наследника поместья Джона (1606–1671) и Чарльза (1613–1648), которым в ее автобиографии отводится значительное место. Она подробно описывает их воспитание и воспекает их нравственные качества: «Они ценили добродетель, стремились к достоинству, практиковали справедливость и излагали истину»¹⁷³. Праздноты они предпочли участие в войнах. Ее младший брат Чарльз Лукас некоторое время служил Голландским штатам и «обладал практическим талантом к воинским искусствам, как естественные поэты имеют к поэзии»¹⁷⁴. Он умирает рано, но оставляет после себя написанный шифром «Трактат о военном искусстве», ключ от которого, по словам Маргарет, был утерян.

Ее братья много внимания уделяли занятиям фехтованием, борьбой, стрельбой и проч. Трое из ее сестер вышли замуж, и Маргарет с матерью часто выезжала к ним в Лондон, который, как она, по-видимому, отмечает для своих не английских читателей, «является столичным городом Англии (*the Metropolitan city of England*)»¹⁷⁵. Но в идиллическую жизнь полную благородных свершений вторглась война, не берущая в расчет чьи-либо добродетели или пороки¹⁷⁶: «Неестественная война пришла, как вихрь, который разрушил их дома. Некоторые из них погибли на войне – как мой младший брат сэра Чарльз Лукас и мой брат сэра Томас Лукас; и, хотя мой брат – сэра Томас Лукас, умер от ран не сразу, все же ранение, полученное им в голову в Ирландии, сократило его жизнь»¹⁷⁷.

Поместье семьи Лукасов в аббатстве святого Иоанна, где Кавендиш провела свою юность, подверглось нападению повстанцев и было разграб-

¹⁷³ *Cavendish M. A True Relation of the Birth, Breeding, and Life, of Margaret Cavendish, Duchess of Newcastle...* P. 7.

¹⁷⁴ *Ibid.*

¹⁷⁵ *Ibid.* P. 8.

¹⁷⁶ Король Англии Карл I (1625–1649) был фанатичным правителем, не желающим идти на компромиссы. Недовольство его властью усугубила его женитьба на французской дворянке-католичке Генриетте Марии. В 1629 г. король теряет финансовую поддержку парламента и распускает его, но в 1640-м в результате кризиса созывает вновь. Парламент открыто выступает против короля, а Шотландия требует ограничения прав католиков. Все это приводит к началу первой гражданской войны в Англии в 1642 г. между сторонниками парламента и роялистами. Семья Маргарет, которой в это время всего девятнадцать лет, поддерживает короля. Карл был казнен в 1649 г., хотя конфликт продолжался до 1651 г. Англия была преобразована в Английское Содружество под фактическим правлением Оливера Кромвеля – военного и парламентского государственного деятеля, принявшего титул лорда-протектора Англии.

¹⁷⁷ *Cavendish M. A True Relation of the Birth, Breeding, and Life, of Margaret Cavendish, Duchess of Newcastle...* P. 9.

лено в 1642 г. Разграбление имения описано в первом номере новостного издания роялистов «Mercurius Rusticus»¹⁷⁸. 22 августа 1642 г. сэр Джон Лукас планировал отправиться с лошадьми и оружием на север, чтобы присоединиться к королю. Об этом стало известно местным предводителям парламентариев. Дороги были оцеплены, а к его дому поставлена стража. Стоило ему выдвинуться, как в городе была объявлена тревога, и толпа из двух тысяч человек ворвалась в дом – в поисках оружия и подавляя гарнизон кавалеров. «Люди схватили сэра Джона Лукаса, его леди и сестру и повели их, угрожая мечами, ружьями и алебардами в общую тюрьму. Последней вывели его мать “с той же или большей дерзостью, которая, будучи слабой и запыхавшейся, с трудом получила разрешение на передышку”»¹⁷⁹. Мать едва не была убита неким крестьянином, который «с такой силой ударил ее шпагой по голове, что, если бы удар не пришелся на алебарду, ее горести и жизненный путь (*her sorrows and her journey*) были бы немедленно окончены»¹⁸⁰. Дом был разграблен, документы и бумаги уничтожены, сад испорчен, олени убиты и даже фамильный склеп в церкви Св. Джайлса осквернен, «чтобы показать, что их ярость не имеет границ, и нет ничего столь священного и почтенного, чего они не осмелились бы осквернить, они с пистолетами, шпагами и алебардами врываются в церковь Св. Джайлса, открывают склеп, где были похоронены его (сэра Джона) предки и пронзают гробы мертвецов»¹⁸¹. Сэр Джон был отправлен в заключение в Лондон, но вскоре отпущен под залог с условием не покидать город. Его оружие и восемь лошадей были изъяты парламентом.

В автобиографии Маргарет не упоминает своего местонахождения во время грабежа, мы узнаем только, что в 1643 г. ей удастся устроиться фрейлиной (*maid of honor*) королевы Генриетты: «Когда королева была в Оксфорде, до меня дошел слух, что она нуждается во фрейлине, и мне ужасно захотелось стать ей. Тогда я смогла убедить свою мать отпустить меня»¹⁸².

¹⁷⁸ Mercurius Rusticus, or, The countries complaint of the barbarous outrages committed by the sectaries of this late flourishing kingdom together with a brief chronology of the battels, sieges, conflicts, and other most remarkable passages, from the beginning of this unnatural war, to the 25th of March, 1646. London: Printed for R. Royston... 1685. URL: <https://quod.lib.umich.edu/e/ebo/A58041.0001.001/1:4?rgn=div1;view=fulltext> (дата обращения: 10.08.2023).

¹⁷⁹ Ibid.

¹⁸⁰ Ibid.

¹⁸¹ Ibid.

¹⁸² *Cavendish M. A True Relation of the Birth, Breeding, and Life, of Margaret Cavendish, Duchess of Newcastle.* Kent: Printed at the private Press of Lee Victory; By Johnson and Warwick. 1814. P. 10.

Фронтиспис «Mercurius Rusticus».

Вторая сцена в правом ряду изображает разграбление дома Лукасов, 1685

В 1644 г. армия короля, сбором оружия для которой занималась и королева, терпит сокрушительное поражение в битве при Марстон-Муре. Генриетта Мария отправляется в изгнание во Францию, а вместе с ней и Маргарет Кавендиш. Будучи оторванной от дома, она совершенно не понимала, как следует себя вести, и хотела вернуться, но семья настояла на том, чтобы она осталась за границей: «Я так боялась опозорить своих друзей и семью нескромными действиями, что предпочла скорее прослыть глупой, чем грубой или распутной. По правде говоря, моя стыдливость и страхи заставляли меня раскаиваться в том, что я покинула дом, чтобы посмотреть свет, и мне очень хотелось вернуться к матери или к моей сестре Пай, с которой я часто жила, когда она была в Лондоне, и которую любила со сверхъестественной силой (*loved with a super natural affection*),

но мама рекомендовала мне остаться там»¹⁸³. Мать говорила, что столь скорое возвращение стало бы позором. В итоге Маргарет находилась при дворе до своего замужества, в конце 1645 г. она вышла за муж за вдовца Уильяма Кавендиша (1593–1676)¹⁸⁴, имевшего пять детей от предыдущего брака.

Уильям Кавендиш был известен как в интеллектуальных кругах, так и при дворе. Он не только покровительствовал философам, музыкантам и драматургам, но и сам писал стихи и драмы. Также он был известен своей любовью к лошадям и даже написал несколько работ об искусстве верховой езды. В 1638 г. он обучал верховой езде принца Чарльза в аббатстве Уэлбек и в замке Болсовер, потратив на это значительную сумму. В аббатстве Болсовер он построил крытую школу верховой езды. Позднее подобная школа будет открыта им в Антверпене, где в 1658 г. на французском языке будет издан его «Новый метод дрессировки лошадей» (*Methode et invention nouvelle de dresser les chevaux*) с иллюстрациями, демонстрирующими мастерство Кавендиша.

Уильям Ньюкасл принимает поклоны от своих лошадей¹⁸⁵

¹⁸³ *Cavendish M. A True Relation of the Birth, Breeding, and Life, of Margaret Cavendish, Duchess of Newcastle...* P. 11.

¹⁸⁴ Граф с 1628 г., маркиз с 1643 г., а затем и герцог Ньюкасла с 1665 г.

¹⁸⁵ *Cavendish W. Methode et invention nouvelle de dresser les chevaux. A Anvers, chez Jacques Van Meurs, 1658. Pl. 3. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k10432190/f76.item.zoom#> (дата обращения: 10.08.2023).*

В годы гражданской войны он становится генералом королевских войск и вплоть до поражения при Марстон-Муре активно участвует в сражениях. Ему в сопровождении двух сыновей и брата Чарльза удается бежать в Гамбург. В апреле 1645 г. они переезжают в Париж, где он и встречает Маргарет.

В автобиографии Маргарет подробно описала, что, по ее мнению, могло заинтересовать в ней Уильяма. Главным она называет свою застенчивость и покорность, поскольку Уильям «выбирал такую жену, какую мог бы подстроить под себя, а не такую, которая была бы замужем за самомнением и равнодушна к мнению других»¹⁸⁶. И хотя, по ее словам, она боялась брака и избегала мужского общества, она не могла отказать Уильяму, поскольку была привязана к нему и он был единственным, в кого она когда-либо была влюблена. Любопытно, как она описывает свою любовь, которой гордилась, поскольку та была не амурной (*amorous love*): «Эту болезнь, или страсть, или их совокупность, я знаю только по рассказам, а не по опыту. Ни титул, ни богатство, ни власть, ни личность не могли соблазнить меня, но моя любовь была честной и благородной, основанной на достижениях, позволяющих радоваться славе его достоинства, наслаждаться прелестью его остроумия, гордиться уважением, которое он оказывал мне, и торжествовать от чувств, проявляемых им ко мне»¹⁸⁷. Несмотря на то что Маргарет описывает себя как застенчивую и скромную, она отнюдь не была парализована страхом от пребывания при дворе Генриетты Марии. Дж. Фицморис замечает, что в письмах к будущему мужу она «делилась пронизательными и даже резкими наблюдениями о придворной политике» и к тому же приняла смелое решение вступить в брак с известным женихом, несмотря на неодобрение двором и королевой их союза¹⁸⁸.

Хотя привязанность супруга и делает ее «счастливой, несмотря на хмурый взгляд фортуны»¹⁸⁹, описание счастливого брака сменяет история бедствий, вызванных войной, которая начинается с на-

¹⁸⁶ *Cavendish M. A True Relation of the Birth, Breeding, and Life, of Margaret Cavendish, Duchess of Newcastle. Kent: Printed at the private Press of Lee Victory; By Johnson and Warwick. 1814. P. 12–13.*

¹⁸⁷ *Ibid.* P. 12.

¹⁸⁸ *Fitzmaurice J. Margaret Cavendish and the Cultural Milieu of Antwerp // A Companion to the Cavendishes / eds. by L. Hopkins and T. Rutter. Leeds, Arc Humanities Press, 2020. P. 161.*

¹⁸⁹ *Cavendish M. A True Relation of the Birth, Breeding, and Life of Margaret Cavendish, Duchess of Newcastle... P. 13.*

Фронтиспис роялистского памфлета, описывающего расстрел
Ч. Лукаса и Дж. Лисли, 1648

поминания, что, несмотря на все свои заслуги, ее супруг «потерял свое состояние и был изгнан за верность своему королю и стране»¹⁹⁰. Бедствия не оставили и оставшуюся в Англии семью Лукасов: «Эти трагические войны и разрушения довелось застать моей матери, прежде чем она умерла, прожив много лет вдовой, ибо она никогда не забывала моего отца и не собиралась снова выходить замуж»¹⁹¹. Маргарет описывает скорбь матери, которая, хотя никогда не упоминала имени отца, «но часто говорила о нем, когда от любви и горя текли слезы и поднимались нежные вздохи печали и скорби»¹⁹². Война и несчастье детей сокрушили ее, хотя, несмотря на разграбление имущества ее детей, она «отличалась героическим духом, терпеливо перенося лишения там, где не было помощи, и проявляя трудолюбие там, где,

¹⁹⁰ *Cavendish M. A True Relation of the Birth, Breeding, and Life of Margaret Cavendish, Duchess of Newcastle...* P. 13.

¹⁹¹ *Ibid.* P. 14.

¹⁹² *Ibid.*

как ей казалось, могла помочь она»¹⁹³. Мать Маргарет умерла в 1647 г. Незадолго до этого от чахотки умерла сестра Маргарет Мэри. В августе 1648 г. был расстрелян ее брат Чарльз, а в 1649 г. умер ее брат Томас. «Хотя время склонно растрчивать память, как изможденное тело, или изнашивать ее в лохмотья, как одежду, или превращать ее в прах, тем не менее я нахожу, что естественные чувства, которые я испытываю к своим друзьям, превосходят длительность, силу и власть времени»¹⁹⁴.

Она упоминает Чарльза Кавендиша, брата Уильяма, бежавшего вместе с ним в Гамбург в 1644 г. Чарльз много времени уделял наукам – изучал строение телескопов, встречался с известными математиками, читал греческие трактаты, а также труды Иоахима Юнгиуса, Томаса Гоббса, Рене Декарта и проч.¹⁹⁵ Он умирает от чахотки в 1653 г. В автобиографии Маргарет превозносит его достоинства: «Я построю ему памятник истины, хотя и не из мрамора, и повешу свои слезы и гербовые щиты на его могилу»¹⁹⁶. Маргарет вспоминает, что обязана Чарльзу за поддержку, которую он оказывал ей в то время, когда Уильям на шесть месяцев отправляется в Роттердам, а затем в Антверпен, где в итоге селится «с семьей, выбрав его как самое приятное и тихое место для уединения»¹⁹⁷.

Проведя некоторое время с мужем в Антверпене, Маргарет в 1651 г. решает отправиться в Лондон для урегулирования финансового положения. Ей стало известно, что имение Кавендиша, как и многие другие, выставлено на продажу, и жены владельцев могут получить часть от вырученных средств. Она отправляется в сопровождении Чарльза, «которому было приказано вернуться, чтобы жить там, или потерять свое имение, которое он был вынужден купить с большой наценкой (*a great composition*), прежде чем смог довольствоваться хотя бы его частью»¹⁹⁸. Однако Маргарет не получает ни гроша от продажи имения Уильяма. Ее брат Джон пытается добиться хотя бы небольшой

¹⁹³ *Cavendish M. A True Relation of the Birth, Breeding, and Life of Margaret Cavendish, Duchess of Newcastle...* P. 14.

¹⁹⁴ *Ibid.* P. 17.

¹⁹⁵ *Jacquot J. Sir Charles Cavendish and his learned friends // Annals of Science. 1952. Vol. 8(1). P. 13–27.*

¹⁹⁶ *Cavendish M. A True Relation of the Birth, Breeding, and Life of Margaret Cavendish, Duchess of Newcastle...* P. 17.

¹⁹⁷ *Ibid.* P. 18.

¹⁹⁸ *Ibid.* P. 19.

финансовой помощи для нее, но получает ответ, что, так как она вышла замуж за человека, который уже считался преступником, она не заслуживает ничего.

Описав неудачу, Маргарет пускается в рассуждения о том, с каким трудом женщины в ее время могут добиться справедливости: «Обычаи Англии изменились, как и законы, – женщинам приходится становиться адвокатами, поверенными, истцами и т. п., бегая со своими многочисленными оказиями, жалуясь на свои многочисленные обиды, обвиняя своих многочисленных врагов, хвастаясь многочисленными милостями, полученными от власть имущих»¹⁹⁹. Однако мытарства Маргарет не увенчались успехом. Одну из причин она видит в своей застенчивости и, пытаясь оправдать ее, пишет: «У меня такое отвращение к подобным людям, что я боюсь с ними встречаться, как дети боятся увидеть духов или встретить чертей, что заставляет меня думать, что этот природный недостаток во мне, если это действительно недостаток, есть скорее боязнь, чем стыдливость»²⁰⁰.

Маргарет подробно описывает свое прибытие в Англию в 1651–1653 гг., которое станет поворотным для ее творчества. За полтора года она, по ее словам, совершит около полудюжины визитов, несколько раз отправится послушать музыку в сопровождении Чарльза Кавендиша и несколько раз навестит сестер. У нее будет достаточно времени для занятия письмом. Как она отмечает в автобиографии: «Я написала сборник стихов и небольшую книжку под названием “Философские фантазии” (*Philosophical Fancies*), к которой, вернувшись из Англии, сделала большое дополнение. Что касается моей книги, озаглавленной “Олио мира” (*World’s Olio*)²⁰¹, то большую ее часть я написала еще до поездки в Англию»²⁰².

Однако печальные мысли и бессонница, вызванные разлукой с мужем, заставили ее ускорить возвращение: «Хотя мне было очень печально расставаться с сэром Чарльзом, братом милорда, так как он был болен лихорадкой, от которой вскоре и умер»²⁰³.

¹⁹⁹ *Cavendish M. A True Relation of the Birth, Breeding, and Life of Margaret Cavendish, Duchess of Newcastle...* P. 20.

²⁰⁰ *Ibid.* P. 22.

²⁰¹ Слово *Olio* означает сборную солянку, смесь из всего, что подвернется под руку.

²⁰² *Ibid.* P. 23.

²⁰³ *Ibid.* P. 24.

После пассажа, посвященного добродетелям ее мужа, речь которого «всегда нова по случаю, не утомляя слушателей старыми историческими отношениями и не забывая бесполезными фразами»²⁰⁴, а владение мечом и управление лошадьми доведены «усердными упражнениями, рациональным опытом и практикой до абсолютного совершенства»²⁰⁵, Маргарет переходит к ключевому для всей автобиографии рассуждению о собственном творчестве.

Она замечает, что ей особенно трудно бывает угнаться за своими мыслями и облечь их в слова. Ей приходится много раз проговаривать свои мысли прежде, чем записать их пером: «Поскольку эти мысли – печальные, серьезные или меланхолические, слишком сильно отвлекают и возвращают назад, подавляя рождение новых идей, но когда некоторые из этих мыслей выражены словами, они дают остальным больше свободы и позволяют расположиться в более методическом порядке, более стройно маршируя под моим пером по белой бумаге»²⁰⁶. Она сетует на то, что в погоне за собственными мыслями ей не удастся сохранить стройность почерка: «Мой почерк (*my ordinary hand*) настолько плох, что немногие смогут его прочесть, чтобы переписать для печати»²⁰⁷.

Важным в контексте ее писательской карьеры является ее рассуждение о причинах собственного увлечения творчеством и литературой: «Я с детства пристрастилась к созерцанию, а не к разговору; к одиночеству, а не к обществу; к меланхолии, а не к веселью; к письму пером, а не к работе иглой; проводя время в безобидных фантазиях, общество которых приятно, беседы невинны, и от которых я получаю такое удовольствие, что пренебрегаю своим здоровьем»²⁰⁸. Она самокритично замечает, что слишком скучна, чтобы находиться в веселом обществе, а из иных занятий, кроме письма, попросту ни на что не годна, да и к тому же ленива по своей натуре. В то же время она не считает одиночество утомительным: «Все же я должна сказать от имени моих мыслей, что никогда не находила их праздными, ибо если чувства не приносят никакой работы, они работают сами по себе, как шелкопряды, которые прядут из собственных недр»²⁰⁹.

²⁰⁴ *Cavendish M. A True Relation of the Birth, Breeding, and Life of Margaret Cavendish, Duchess of Newcastle...* P. 25.

²⁰⁵ *Ibid.* P. 26.

²⁰⁶ *Ibid.* P. 27.

²⁰⁷ *Ibid.*

²⁰⁸ *Ibid.*

²⁰⁹ *Ibid.* P. 29.

Она признает, что имеет большие пробелы в образовании, а особенно в изучении языков: «У меня была врожденная неспособность (*a natural stupidity*) к изучению любого другого языка, кроме родного, ибо я могла скорее и с большей легкостью понять смысл, чем запомнить слова, и отсутствие такой памяти делает меня неучем в иностранных языках»²¹⁰. Но, как уже было сказано, она любила читать, и, если ей попадались незнакомые слова, она узнавала их значение у брата. Она отмечает и прочие недостатки: «Мое обучение не могло быть глубоким, по причине того, что я очень любила наряды, изысканные одежды и моды, особенно те, которые изобретала сама, не получая такого удовольствия от тех, что были придуманы другими»²¹¹.

Последние страницы «Достоверного отчета» Маргарет отводит для описания своего характера, из которого мы узнаем, что она «скорее склонна к меланхолии, чем к веселью, но не раздражительной или сварливой меланхолии, а к нежной, тающей, одинокой и созерцательной меланхолии»²¹², «склонна плакать, а не смеяться, но не то, чтобы часто», совесть ее мягка до такой степени, что ей может быть затруднительно убить муху, а стоны умирающего зверя ранят ее душу. Она редко злится, но признается: «Когда я гневаюсь, я гневаюсь очень сильно, но все же это скоро проходит, и я легко успокаиваюсь, если это не такая обида, которая может вызвать ненависть», она не склонна к ревности, «но если есть хоть малейший признак этой страсти, я сообщаю об этом тем, кого она касается, ибо я никогда не позволяю ей затаиться в моей груди, чтобы породить злокачественную болезнь в уме, которая может вылиться в сумасбродные страсти, бранные речи или неосмотрительные действия»²¹³. Она признает, что тщеславна, но не считает, что должна довольствоваться чем-то меньшим из даров природы, ибо, как она пишет: «Я не считаю преступлением желать себе самых лучших произведений природы, самой длинной нити жизни, самой прочной цепи судьбы, самого миролюбивого ума, самой приятной жизни, самой легкой смерти и самой великой святости на небесах (*the greatest Saint in heaven*)»²¹⁴. Тщеславие

²¹⁰ *Cavendish M. A True Relation of the Birth, Breeding, and Life of Margaret Cavendish, Duchess of Newcastle...* P. 30.

²¹¹ *Ibid.* P. 31.

²¹² *Ibid.*

²¹³ *Ibid.* P. 33.

²¹⁴ *Ibid.*

ее простирается не столько на небесную жизнь, сколько на присутствие в земной памяти: «Я боюсь, что мое честолюбие склоняется к тщеславию, ибо я очень честолюбива (*very ambitious*), но это не жажда красоты, ума, титулов, богатства или власти; скорее это ступеньки, ведущие меня в Башню Воображения, которая должна остаться в памяти на все грядущие века (*to live by remembrance in after ages*)»²¹⁵. М. Кавендиш не стесняется говорить о своих страхах, сообщая, что отважно вступит в сражение, спасая свою честь, но, пишет она далее, «когда опасность не грозит моим друзьям или моей чести, а может лишь бесполезно погубить мою жизнь – я самая трусливая по своей природе – на воде и в других опасных местах, в страхе от воров, огня и т. п. Более того, выстрел из ружья, даже хлопкового, заставит меня вздрогнуть и лишит слуха, и тем более у меня не хватит смелости выстрелить из него. А если на меня наведут меч, хотя бы и в шутку, то, боюсь, хотя я не жадная, но и не расточительная, скорее буду склонна к расточительству, но не могу назвать его напрасным, потому что, полагаю, в данном случае оно к лучшему»²¹⁶.

Рассуждением о собственном тщеславии Маргарет и заканчивает автобиографию. В конце она пытается ответить на важный для нас вопрос, зачем и для кого этот текст был написан. Она надеется, что ее не сочтут тщеславной из-за ее автобиографии, «поскольку многие сделали то же самое, как Цезарь, Овидий и многие другие – как мужчины, так и женщины»²¹⁷. На возможные вопросы о том, зачем кому-либо читать биографию «этой дамы», Маргарет парирует: «Написала ее для себя, а не для них, и предназначала не для того, чтобы радовать, а чтобы поведать; не чтобы ублажать воображение, а чтобы сказать правду». Ее воспоминания, по ее словам, были записаны, «чтобы последующие века не ошиблись, не зная, что я была дочерью мастера Лукаса из Сент-Джонса, близ Колчестера, в Эссексе, второй женой лорда маркиза Ньюкасла, ибо у моего лорда было две жены, но тут я легко могу ошибиться, особенно если я умру и мой господин женится снова»²¹⁸.

На этом ее автобиография завершается. Заключительное предложение подразумевает не обращение к современникам, а к потомкам, для ко-

²¹⁵ *Cavendish M. A True Relation of the Birth, Breeding, and Life of Margaret Cavendish, Duchess of Newcastle...* P. 34.

²¹⁶ *Ibid.* P. 35.

²¹⁷ *Ibid.*

²¹⁸ *Ibid.* P. 36.

торых, по ее словам, это эссе и предназначается. Но есть еще один ключ, позволяющий понять, какую цель преследовала Маргарет, публикуя это сочинение.

Первое издание автобиографии (1656) предваряет краткий вступительный текст, озаглавленный «Послание» (*An Epistle*). Маргарет заканчивает его утверждением, что пишет не для настоящего, а для будущих веков, «которые, я надеюсь, будут для меня более справедливыми, чем нынешние»²¹⁹. В чем же заключалась несправедливость современных ей критиков?

В «Послании» она перечисляет те критические замечания, с которыми ей приходилось сталкиваться: «Мне доводилось слышать, что некоторые считают, будто бы мой ум (*wit*) перегружает мой мозг (*brain*), особенно когда он оперирует философскими воззрениями. Я обязана им тем, что они считают мой ум сильнее моего мозга, но мне было бы жаль, если бы они считали мой ум сильнее моего разума. Я должна сказать им, что мой мозг (*brain*) сильнее моего ума (*wit*), а мои суждения (*reason*) столь сильны, насколько требуется от нежного пола»²²⁰. Маргарет резко отвечает на замечание не только потому, что оно обвиняет ее в непоследовательности стиля, но и потому, что им открывается дорога для следующего критического тезиса, на корню подрывающего ее творческие усилия: «Я слышала, как некоторые говорили, что мои писания не принадлежат мне, потому что, когда некоторые посещали меня, хотя я редко принимаю визиты, они не слышали, чтобы я говорила о них или повторяла какие-либо главы или стихи, но я полагаю, что, если они пожелают, чтобы лучший оратор повторил свои речи или проповеди, которые он произнес *ex tempore*, он не сделает этого даже после часовой речи»²²¹. Ей приходится оправдываться, объясняя, что забывать собственные произведения для автора вполне естественно: «В самом деле, естественному уму противопоказано помнить, ибо невозможно, чтобы мозг только сохранял и создавал. Мы видим в природе, как смерть уступает место жизни; ибо если бы не было смерти, не было бы новой жизни или жизнью»²²². М. Кавендиш решительно

²¹⁹ The Life of William Cavendish, Duke of Newcastle, to which is Added the True Relation of My Birth, Breeding and Life / ed. by C.H. Firth. London: J.C. Nimmo, 1886. P. 273.

²²⁰ Ibid. P. 267.

²²¹ Ibid.

²²² Ibid. P. 269.

выступает против тех, кто оспаривает ее авторство: «Если они не поверят, что мои книги принадлежат мне, пусть ищут автора или авторшу (*the author or authoress*). Но я уверена, что они поступят, как Дрейк, который ушел так далеко, что добрался до того же места, с которого начал путь»²²³. Отчасти ответ критикам объясняет мотивы написания автобиографии. Это своеобразная исповедь, признание несовершенства собственной мысли и в то же время не терпящее возражений утверждение личного авторства. В Эпизоде, прилагаемом к ее «Философским и физическим мнениям» (1655), она пишет: «Умоляю моих читателей быть столь милосердными и справедливыми, чтобы не хоронить мои сочинения в памятниках других писателей, а если их и похоронят, то в их собственном прахе или в забвении, ибо я предпочитаю скорее быть забытой, чем навязывать кому-то знакомство или втираться в чужую компанию, хвалиться добытыми милостями, принимать незаслуженные дары, лгать благородным благодетелям или воровать, хотя бы я была уверена, что это воровство никогда не будет обнаружено и позволит мне жить вечно»²²⁴.

Маргарет Ривс приводит любопытный анализ заголовка автобиографии, а именно сочетания «Достоверный отчет» (*A True Relation*). Термин «реляция» (*relation*) определялся как средство коммуникации между властями и суверенами в форме отчетов. В Оксфордском словаре указано, что этот термин впервые встречается в английском языке в 1560 г. в отчете английского королевского посла. Ривс утверждает, что Маргарет, употребляя это понятие, скрыто указывает на политический характер и легитимность своих утверждений. Не менее любопытно замечание, что в английском языке слово *relation* регулярно сопровождалось понятием «достоверное» (*true*). «Вплоть до 1640-х годов такие тексты касались самых разных тем, включая отчеты о войне, открытия нового мира, сообщения о смертях и болезнях в Лондоне, рассказы о младенцах с уродствами при рождении и других необычных биологических явлениях, убийствах, несчастных случаях, религиозных свидетельствах и полемике,

²²³ The Life of William Cavendish, Duke of Newcastle, to which is Added the True Relation of My Birth, Breeding and Life / ed. by C.H. Firth. London: J.C. Nimmo, 1886. P. 273.

²²⁴ *Cavendish M.* An Epiloge to my Philosophical Opinions / The philosophical and physical opinions written by Her Excellency the Lady Marchionesse of Newcastle. London: Printed for J. Martin and J. Allestrye..., 1655. URL: <https://quod.lib.umich.edu/cgi/t/text/text-idx?c=eebo;idno=A53055.0001.001> (дата обращения: 10.08.2023).

сводки новостей из колоний, землетрясениях...»²²⁵ С 1640-х это сочетание остается практически исключительно в политических трудах. «Фраза “достоверный отчет” отражает этот союз факта и истории, в котором фактические “истины” оформлены в рамках объяснительных и оправдывающих нарративов»²²⁶.

Однако остается вопрос, для чего Маргарет несколько раз обращается в своем эссе к потомкам. Чтобы ответить на это, следует обратиться к историческому контексту. Маргарет пишет свою автобиографию находясь в Антверпене, куда возвращается из Англии в 1653 г. Несмотря на упоминание о финансовых трудностях, семья Кавендишей жила в достатке, арендуя дом художника Рубенса (*Rubenshuis*) у его вдовы. В «Общественных письмах» Маргарет сообщает, что была столь впечатлена спектаклями итальянской труппы клоунов, что сняла комнату с видом на сцену, чтобы смотреть их ежедневно²²⁷. Хотя этот факт не обязательно автобиографичен, он в целом сообщает об интересах Маргарет. Именно в это время она знакомится с голландским художником Авраамом Ван Дипенбеком (1596–1675). Он напишет несколько портретов, которые станут основой фронтисписов многих ее изданий, а также сделает иллюстрации для сочинения Уильяма о дрессировке лошадей.

На фронтисписе «Картин природы», где было опубликовано автобиографическое эссе Маргарет, Дипенбек изобразил семейную сцену с Маргарет и Уильямом в лавровых венках. Их окружают дети и внуки, создавая атмосферу семейного благополучия. Фронтиспис сопровождает следующее четверостишие:

Thus, in this Semy-Circle, wher they Sitt,
Telling of Tales of pleasure & of witt,
Heer you may read without a Sinn
or Crime,
And how more innocently pass your tyme'.

Здесь, в этом полукружии они
Любви и мудрости истории слагают,
Ты, не стыдясь скорее их прочти,
Невинно с ними время пролетает.

²²⁵ Reeves M. Writing to Posterity: Margaret Cavendish's "A True Relation of my Birth, Breeding and Life" (1656) as an "autobiographical relazione" // Renaissance and Reformation / Renaissance et Réforme. Vol. 34. No. 1/2, Special issue / Numéro special: Things not easily believed: introducing the early modern relation. Published By: Renaissance and Reformation, 2011. P. 185.

²²⁶ Ibid. P. 188

²²⁷ Rees Emma L.E. Margaret Cavendish. Gender, genre, exile. Manchester: Manchester University Press, 2004. P. 37.

Уильям Кавендиш и его семья в Антверпене.
По рисунку Абрахама ван Дипенбека, 1656

Однако, помимо творческой, была еще одна сторона жизни Маргарет и Уильяма, о которой автобиография умалчивает. Хильда Смит рассматривает переписку Уильяма с семейным врачом Кавендишей Теодором Майерном. Маргарет предстает как практичная и деятельная личность, стремящаяся разобраться во всех аспектах врачебных рекомендаций, зачастую открыто выступая против них. Сохранились рецепты и заметки, составленные Майерном. Уильям описан как самый здоровый из троих, его сына от первого брака Генри лечили от эпилептических припадков, а Маргарет от ряда болезней, в том числе от бесплодия, запоров, геморроя и нерегулярного менструального цикла²²⁸. Случай Кавендиш считался трудным

²²⁸ *Smith Hilda L.* Claims to Orthodoxy: How far Can We trust Margaret Cavendish's autobiography? // *God and Nature in the Thought of Margaret Cavendish* / eds. B.R. Siegfried, L.T. Sarasohn. Farnham, Ashgate, 2015. P. 22.

из-за ее самолечения и нежелания следовать рекомендациям врачей. Хильда Смит отмечает, что, в отличие от описания лечения Уильяма и Генри, врачи упоминают оригинальность Маргарет как пациентки, из-за которой ей требовалась двукратная доза различных препаратов. Майерн в письме Уильяму упоминает о вреде табака и пользе некоего азиатского вещества, возможно, опиума. Но основное, что тревожило Уильяма – проблема зачатия у Маргарет. В одном из писем Уильяму врач указывает на следующую трудность с ее лечением: «Я полагаю, что вылечить мою леди маркизу, Вашу жену, будет еще труднее, не столько из-за природы болезни, которая является мятежной, сколько из-за характера пациентки, которая не подчинится добровольно совету своих врачей, какими бы хорошими и искусными они ни были»²²⁹. Маргарет, видимо, не была готова следовать всем рекомендациям, чтобы избавиться от бесплодия: «Если ее *Hemroides*, или геморроидальные узлы, набухнут, я не против применения к ним пиявок. Будет взято столько крови, сколько сочтут необходимым врачи, через руки которых все-таки необходимо пройти»²³⁰. Врач сетует, что Уильям слишком снисходителен к ней, разрешая не делать надрезы на ногах для регулирования менструального цикла. Так или иначе, нам известно, что своих детей у Маргарет и Уильяма не было, а врачебная переписка демонстрирует, насколько независимой от чужих мнений была Маргарет. Отсутствие детей отразилось и на ее литературной карьере. В послании к читателю «Стихов и фантазий» она упоминает, что у нее «нет детей, о которых... могла бы заботиться и за которыми могла бы ухаживать», и неоднократно далее сравнивает свои книги с детьми²³¹. Возможно, отсюда и обращение к будущим поколениям, которое мы встречали в ее автобиографии. Ее произведения как дети должны пережить ее, повествуя о ней следующим поколениям.

Имеется и любопытное мнение, что стихотворные и прозаические сборники Маргарет 50-х гг. являются отражением ее потребности в бытовой организованности. Не имея в собственном управлении личного владения, Маргарет упорядочивала свои произведения в виде собрания наблюдений и рекомендаций, что можно соотнести с кулинарными книгами

²²⁹ *Smith Hilda L.* Claims to Orthodoxy: How far Can We trust Margaret Cavendish's autobiography?.. P. 24.

²³⁰ *Ibid.*

²³¹ *Cavendish M.* To the Reader // Margaret Cavendish's Poems and Fancies: A Digital Critical Edition / ed. L. Blake. URL: <http://library2.utm.utoronto.ca/poemsandfancies/> (дата обращения: 13.05.2023).

ее времени: «Система взглядов Кавендиш могла включать надзор за домашней работой, планирование изысканных блюд, приготовление домашних лекарств и управление поместьями»²³².

«Достоверный отчет» служил как подтверждением ее авторства, так и обращением к будущим поколениям, выходящим за границы авторского времени. Это воспоминание о прошлом, написанное для будущего. Выражению авторской идентичности служили и портреты на фронтисписах изданий. На одном из них, созданном в начале 1650-х гг. рукой Дипенбека, и используемом в том числе в издании «Пылающего мира», Маргарет изображена в виде статуи драпированной в античную тунику, подчеркивающей ее аристократический статус и соотносящей ее с античными поэтессами. По бокам от нее фигуры Минервы/Афины и Аполлона. Аполлон – покровитель музыкантов, поэтов и художников, а Минерва – мудрости и справедливой войны. Можно заметить, что на голове у Маргарет изображена корона, а тунику украшает подкладка из горносталя – символы ее благородного происхождения и статуса. Уверенная поза, в которой она изображена, часто использовалась в парадных портретах, в том числе портретах королевы Елизаветы, а Минерва часто встречалась на картинах художников XVII в. У того же Рубенса есть работы «Минерва защищает мир от Марса», «Минерва, изгоняющая пороки», «Мария Медичи в образе Минервы». Портрет Маргарет сопровождает следующее стихотворение, написанное Уильямом:

Here on this Figure Cast a Glance.
 But so as if it were by Chance,
 Your eyes not fixt, they must not Stay,
 Since this like Shadowes to the Day
 It only represent's; for Still,
 Her Beauty's found beyond the Skill
 Of the best Paynter, to Imbrace
 These lovely Lines within her face.
 View her Soul's Picture, Judgment, witt,
 Then read those Lines which Shee
 hath writt,
 By Phancy's Pencill drawne alone
 Which Peces but Shee, can justly owne.

Взгляни на изображенный здесь силуэт,
 Но так, будто сделал это ненароком,
 Не задерживайся на нем слишком долго,
 Ведь он – всего лишь тень среди дня,
 Он – всего лишь ее подобие;
 Ведь красота ее за пределами мастерства
 Искуснейшего из живописцев,
 не способного
 Передать притягательные линии ее лица.
 Вглядишься в портрет ее души, оцени его,
 Затем прочитай строки, написанные
 ее рукой
 С остроумием и принадлежające
 ей одной.

²³² *Fung Megan J.* Art, Authority, and Domesticity in Margaret Cavendish's Poems and Fancies // Early Modern Women. 2015. Vol. 10. No. 1. P. 28.

Маргарет Кавендиш (урожденная Лукас), герцогиня Ньюкасл-апон-Тайн.
 Гравюра П. ван Шуппена по рисунку А. Дипенбека.
 Фронтиспис книги «The Worlds Olio», 1655

В стихотворении подчеркивается оригинальность Маргарет и вновь упоминается, что именно она, а никто другой является автором. Творческая оригинальность, которой покровительствует Аполлон, была для Маргарет не только частью ее литературного пути, но и повседневного быта, о чем неоднократно писали ее современники и о чем пойдет речь в следующей главе.

2.2. «Безумная Мэг»

Одно то, что Маргарет позиционировала себя в качестве литератора, а тем более философа, для середины XVII в. было чрезвычайно оригинальным. В общественных кругах продолжались дискуссии об умственных способностях женщин, возможности их обучения и проч. – так называемый «женский вопрос» (*querelle des femmes*)²³³.

Первая книга на английском, касавшаяся женских прав, – «Резолюции законов о правах женщин», была опубликована в 1632 г. и сообщала, что женщины теряют свой правовой статус после замужества²³⁴. Одиноким женщинам имели больше прав собственности, но порицались в обществе и имели меньше экономических прав, чем вдовы. В случае Маргарет ее муж являлся ее спонсором и покровителем, о котором она упоминает практически в каждой из опубликованных работ, придавая им этим более высокий общественный статус.

Уже в первом из своих сборников – «Стихи и фантазии» (1653) – Маргарет приходится оправдывать свое увлечение поэзией. В обращении к дамам она пишет: «Благородные и достойные дамы, не осуждайте меня за то, что своей работой я могу обесчестить ваш пол, ибо она безвредна и свободна от всякой нечестивости, не скажу, что от тщеславия, поскольку оно столь естественно для нашего пола, что было бы неестественным избегать его»²³⁵. Маргарет замечает, что женщинам вполне свойственно заниматься поэзией, основанной на фантазии, «поскольку их мозг работает в фантастическом ключе (*a fantastical motion*)», а их мысли «постоянно заняты фантазиями». Однако, пишет она, «представители моего пола осудят меня, а мужчины будут презрительно надсмехаться над моей книгой, потому что думают, что таким образом женщины слишком сильно посягают

²³³ Нельзя сказать, что Маргарет была единственной, кто актуализировал эти проблемы в своем творчестве. Например, имеется любопытная работа Анны Марии фон Шурман «Ученая служанка, или “Может ли служанка быть ученой?”: Логическое рассуждение...» (*The learned maid; or Whethr a maid may be a scholar?: A logick exercise...*) (1659), тем не менее количество женщин, поднимавших эту проблему в печати, было минимальным.

²³⁴ *The Lawes Resolutions of Womens Rights...* London: Printed by Miles Flesher for the assignes of Iohn More Esq., 1632. 404 p.

²³⁵ *Cavendish M. To All Noble and Worthy Ladies // Margaret Cavendish's Poems and Fancies: A Digital Critical Edition / ed. L. Blake. URL: <http://library2.utm.utoronto.ca/poemsandfancies/> (дата обращения: 13.05.2023).*

на мужские прерогативы». Она критикует мужчин, которые «держат книги, как свою корону, и меч, как скипетр, которым они командуют и правят» и которые призывают женщин отказаться от книг, заявляя, что «мудрые женщины, конечно, не написали ни одной»²³⁶. Она призывает благородных леди бороться с этим предубеждением и силой своих острых, как обоюдоострые мечи, языков вытеснить противников с поля спора.

В обращении к поэтам, включенном в тот же сборник, Маргарет отстаивает свое право на творчество, заявляя, что если пишущие женщины и кажутся чем-то необычным, а «необычное – фантастическим, фантастическое – странным, а странное – смешным», нужно прислушаться к истине и признать, что не всегда то, что не в моде, является чем-то недостойным: «Прежде чем ты будешь смеяться надо мной, пусть твой разум строго взвесит, не будет ли эта мода полезной, изящной, легкой, миловидной и скромной»²³⁷.

Являясь на раннем этапе своего творчества атомистом, Маргарет пытается на основе представления о природе полов оправдать занятие женщинами литературой: «До сих пор казалось, что природа смешала мужской мозг с большим количеством острых атомов, образующих горячий и сухой элемент, а женский мозг с большим количеством круглых атомов, образующих холодный и влажный элемент. И хотя вода – полезный элемент, огонь – благороднее, так как имеет свойство устремления»²³⁸. Природе приятно, когда ее творения подражают ей, чем и будет заниматься Маргарет, ведь ее стихи «подобны творениям целомудренной Пенелопы, поскольку написаны в отсутствие мужа, чтобы развеять меланхолические мысли и избежать праздного времяпрепровождения»²³⁹. Мы видим, что здесь Маргарет пытается польстить критикам мужского пола и избежать чрезмерного негодования с их стороны.

В обращении «Ко всем пишущим дамам», включенном только в первое издание «Стихов и фантазий», Маргарет открыто призывает

²³⁶ *Cavendish M. To All Noble and Worthy Ladies // Margaret Cavendish's Poems and Fancies: A Digital Critical Edition / ed. L. Blake. URL: <http://library2.utm.utoronto.ca/poemsandfancies/> (дата обращения: 13.05.2023).*

²³⁷ *Cavendish M. To Poets // Ibid.*

²³⁸ *Ibid.*

²³⁹ *Ibid.*

девушек писать, утверждая, что именно их эпоха как никакая другая способствует раскрытию талантов: «И хотя мы ниже мужчин, но покажем, что мы выше животных. Не будем только есть, пить и спать, как делают они, живя только по чувству, а не по разуму, становясь забвенной пылью. Но постараемся при жизни выстроить себе гробницы благородных, достойных, добрых и, по крайней мере, безобидных дел, чтобы, хотя наши тела и умрут, наши имена остались жить в памяти»²⁴⁰.

Хорошо знакомая с обществом придворных дам, она находила их манеры недостойными женского пола и часто обличала их в своих сочинениях. Это, в свою очередь, вызывало ответную негативную реакцию. Дороти Осборн в письме к своему жениху Уильяму Темплу пишет: «Позвольте мне спросить Вас, попадалась ли Вам недавно вышедшая книга стихов леди Ньюкасл? Ради Бога, если наткнетесь на нее, пришлите мне. Говорят, она в десять раз экстравагантнее, чем ее платье. Конечно, бедная женщина немного рассеяна – она никогда не была бы настолько нелепой, чтобы отважиться писать книги, да еще и в стихах»²⁴¹. Критику вызывает как то, что Маргарет осмелилась публиковаться, так и то, что первое ее произведение написано в стихах, что недостойно как ее пола, так и аристократического статуса. Помимо этого, читателей приводила в недоумение натурфилософская составляющая. Хотя женщины в XVIII в. и писали стихи, но женские сочинения по натурфилософии были нонсенсом, стирающим гендерные границы и противоречащим естественному порядку вещей.

Однако было бы ошибкой полагать, что Маргарет выставляла женщин притесняемым полом, вынужденным бороться за свои права. Напротив, она искренне симпатизировала возможностям мужчин и считала слабость женского пола естественным проявлением природы. В «Предисловии к читателю», включенном в ее сочинение «Олио

²⁴⁰ Полный перевод см. в приложении на с. 191 наст. изд. (*Cavendish M. To all Writing Ladies / Margaret Cavendish's Poems and Fancies: A Digital Critical Edition / ed. L. Blake. URL: <http://library2.utm.utoronto.ca/poemsandfancies/2019/04/30/to-all-writing-ladies/>* (дата обращения: 13.05.2023).)

²⁴¹ *Walters L. Epicurus and Gender in the British Newcastle Circle: Charleton, Hobbes and Margaret Cavendish // A Companion to the Cavendishes / eds. by L. Hopkins and T. Rutter. Leeds, Arc Humanities Press, 2020. P. 183.*

мира» (1655), она излагает естественные слабости, присущие женскому полу, учитывая, что подвергнется критике как с женской, так и с мужской стороны: «Весь мой собственный пол будет против меня из-за пристрастия к себе, и все мужчины будут против меня, из-за почтения к женщинам или, по крайней мере, ради тишины и покоя»²⁴². Однако завершая подробное изложение причин, по которым у женского пола «больше желания, чем силы; больше любопытства, чем умения хранить тайны; больше тщеславия, чем усердия; больше жалоб, чем боли; больше ревности, чем любви; больше слез, чем печали; больше глупости, чем терпения; больше гордости, чем приветливости; больше красоты, чем постоянства; больше злобы, чем добра», она все-таки делает оговорку, что природа «вложила в женщин такие нежные чувства, как любовь, благочестие, милосердие, щедрость, терпение, смирение и тому подобное; что делает их наиболее похожими на ангелов, которые являются совершеннейшими из всех ее работ»²⁴³. Тем не менее М. Кавендиш признает, что природа весьма избирательна в своих творениях.

В заметке «О лицемерии женщин» Кавендиш указывает на особое превосходство, а точнее на стремление женщин превосходить представителей мужского пола: «Все женщины – своего рода мошенницы, ибо они заставят мир поверить, что они лучше, чем есть. Они делают все возможное, чтобы привлечь внимание и очаровать своими нарядами, пением, танцами, живописью и т. п. и когда мужчины попадают, они смеются, видя, какие они глупцы, развелись на эти трюки, ведь цель женщин состоит только в том, чтобы заставить мужчин поклоняться и протестовать, лгать и отрекаться от себя в восхищении ими, ибо единственное наслаждение женщины состоит в том, чтобы ей льстили мужчины, и, так как им безразлично, любят ли они искренне или говорят лживо, они исповедуют все-рвез (*profess earnestly*)»²⁴⁴.

²⁴² Cavendish M. The Preface to The Reader // The Worlds Olio Written by the Right Honorable, the lady Margaret Newcastle. London: Printed for J. Martin and J. Allestrye at The Bell in St. Pauls Church Yard, 1655. URL: <http://digitalcavendish.org/complete-works/worlds-olio-1655/> (дата обращения: 10.08.2023).

²⁴³ Ibid.

²⁴⁴ Cavendish M. Of The Dissembling of Women // Ibid.

Кавендиш говорит о женщинах максимально отстраненно, из-за чего ее личная позиция остается скрытой от читателя, тем более, что в других заметках она старается избегать однозначных суждений о женском характере: «Женщины, страдающие несдержанностью, являются самыми грязными и лживыми созданиями из всех произведений природы, но те, что благочестивы, подобны тому, что мы воображаем в природе ангелов, то есть непорочность (*Incorruptible*)».

Если в Англии заходила речь о превосходстве женского пола, на ум приходил образ королевы Елизаветы, с историей которой Маргарет была хорошо знакома. Важная черта в характере королевы, которую выделяет М. Кавендиш, – умение казаться слабой, осознавая собственное превосходство: «Хотя она казалась слабой (*loth*), тем не менее она никогда не упускала возможности сокрушить насмерть тех, кто вставал у нее на пути»²⁴⁵. Идея фантастического превращения одна из ключевых для понимания творчества Маргарет.

На фронтисписе «Олио мира» М. Кавендиш без лишней скромности помещает один из своих портретов, написанных Дипенбеком. Маргарет изображена сидящей в одиночестве за письменным столом в окружении путти, возлагающих на ее голову лавровый венец. Ее платье выступает вразрез с пуританской этикой, царящей в Англии в этот период, что, как и корона на ее голове, служит вызовом сложившемуся порядку вещей. Портрет Маргарет, изображенной в одиночестве за письменным столом в окружении своих мыслей-книг, символизирует торжество воображения в писательском ремесле. Стихотворение в нижней части фронтисписа гласит:

Studious she is and all alone
Most visitants, when she has none,
Her library on which she looks
It is her head her thoughts her books.
Scorning dead ashes without fire
For her own flames do her Inspire.

Она вся в трудах, вот ее кабинет,
У многих есть гости, у нее их нет.
На библиотеку направлен взгляд –
Это разум, мысли, ее книг ряд.
Наплевав на смерти дым, без огня
Ее пламя раздуйте, ее хваля.

²⁴⁵ Полный перевод см. в приложении на с. 195 наст. изд. (*Cavendish M. Of Queen Elizabeth // The Worlds Olio Written by the Right Honorable, the lady Margaret Newcastle. London: Printed for J. Martin and J. Allestrye at The Bell in St. Pauls Church Yard, 1655. URL: <http://digitalcavendish.org/complete-works/worlds-olio-1655/> (дата обращения: 10.08.2023).*)

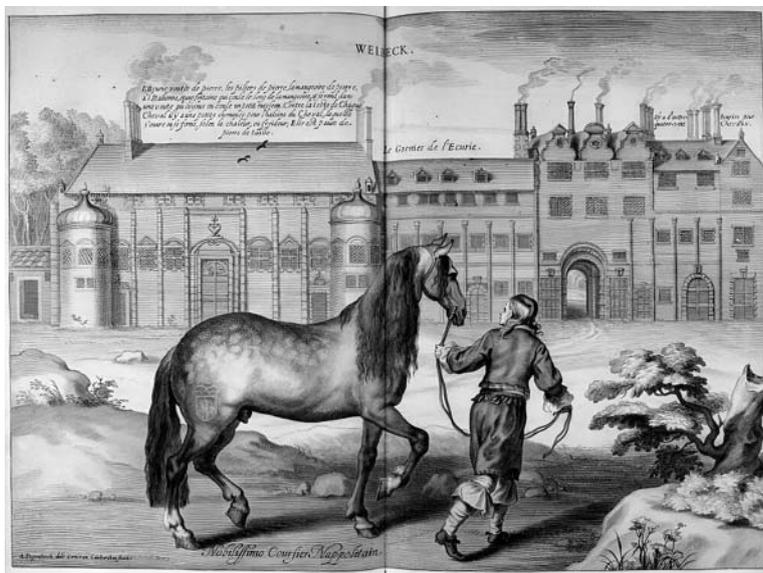

М. Кавендиш в своем кабинете. Фронтиспис «The Worlds Olio», 1655

В период, когда Маргарет публикует свои первые произведения, у власти в Англии пребывает Оливер Кромвель. При нем были приняты карательные законы как против католиков, так и против различных протестантских сект. Многие роялистские семьи находились в изгнании, былые праздники и торжества были запрещены. Кромвель умирает в 1658 г., и его наследник Ричард немедленно теряет контроль над государством. В итоге в 1660 г. Карл II возвращается из ссылки, что знаменует восстановление монархии в Англии. Карл будет править вплоть до 1685 г. Вместе с Карлом в Англию в 1660 г. возвращается и Уильям Кавендиш с супругой.

В Англии у него сохранилось имущество в аббатстве Уэлбек, где они с Маргарет будут вести тихую семейную жизнь, и в Болсовере. В свое

время дочь Уильяма Джейн смогла сохранить от разорения часть мебели и произведений искусства, а младшему брату Чарльзу удалось выкупить эти владения. В дополнение к этому вскоре после возвращения в Англию Уильям приобретает Ноттингемский замок, который будет перестроен в герцогский особняк.

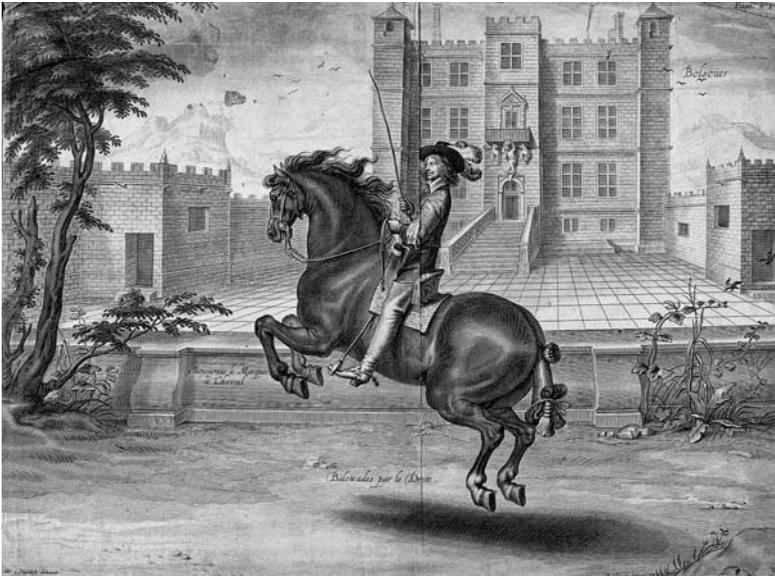

Аббатство Уэлбек. Иллюстрация из издания «Методы дрессировки»²⁴⁶, 1658

Уильям получил норманнский замок Болсовер в наследство в 1617 г. и перестроил его под себя. Уэлбек являлся основной резиденцией Кавендишей, а Болсовер местом уединения и отдыха. Марина Лесли предпринимает любопытную попытку соотнесения архитектуры и фресок Болсовера с характером Маргарет и Уильяма. К примеру, на стенах одного из коридоров замка изображены различные темпераменты – флегматик, холерик, меланхолик в виде пары мужчины и женщины, но на месте сангвиника изображена фантазия в виде ряда колонн, ведущих к хра-

²⁴⁶ Cavendish W. Methode et invention nouvelle de dresser les chevaux, A Anvers, chez Jacques Van Meurs. 1658. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k10432190/f76.item.zoom#> (дата обращения: 10.08.2023).

му с горящим пламенем. Отсутствие сангвиника должен был восполнить сам Уильям Кавендиш: «Болсовер был задуман так, чтобы без Уильяма не было дома. Встраивая человека в замок и замок в человека, Джон Смитсон и Уильям Кавендиш сотрудничают, чтобы усовершенствовать пространство, построенное вокруг и одушевленное его хозяином, в процессе стирая различие между образным и буквальным отношением Уильяма к Болсоверу»²⁴⁷. Марина Лесли отмечает, что Маргарет, хотя и попадает в уже достроенный замок, который с 1662 г. становится также и ее собственностью, она дорабатывает интерьеры Болсовера, подстраивая их под себя. Капитальный ремонт замка, лишённого дорогой мебели и имеющего ряд повреждений, все еще продолжался, когда Маргарет работала над изданием «Пылающего мира».

Уильям Кавендиш перед замком Болсовер²⁴⁸

²⁴⁷ Leslie M. Mind the Map: Fancy, Matter, and World Construction in Margaret Cavendish's "Blazing World" // *Renaissance and Reformation*. 2012. Vol. 35. No. 1. P. 85–112.

²⁴⁸ Cavendish W. *Methode et invention nouvelle de dresser les chevaux*, A Anvers, chez Jacques Van Meurs. 1658. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k10432190/f76.item.zoom#> (дата обращения: 10.08.2023).

Судя по письмам и дневникам современников, возвратившись в Англию, Маргарет становится объектом сплетен, окутанным ореолом всеобщего любопытства. Одни критиковали ее за эксцентричность и невежество, другие, напротив, восхищались ее талантом писателя и оригинальностью мысли. При встречах обсуждались ее платья, эксцентричные суждения и манеры. Супруга писателя Джона Ивлина в письме 1667 г. после безуспешной попытки описать Маргарет иронично подытоживает: «Она не из расы смертных, и поэтому не может быть определена»²⁴⁹. И все же в ее описании чувствуется некоторая зависть и насмешка, попытка сохранения собственного достоинства под прикрытием традиции. Мэри Ивлин пишет: «Ее осанка особенная, фантастическая, не лишенная хорошей формы, которой она действительно может похвастаться. Ее лицо обнаруживает легкость пола, в манере все же убежденной, что заслуживает уважения, не смотря на годы, благодаря бесконечной заботе, которую она проявляет, чтобы уложить свои локоны и кудри. Ее вид превосходит воображение поэтов или описания величия романтических героинь; ее грациозные поклоны, своевременные кивки, вежливое протягивание рук, мерцание глаз и различные жесты одобрения демонстрируют то, чего можно ожидать от ее речи, такой же воздушной, пустой, причудливой и бессвязной, как ее книги, посвященные науке, различным проблемам, высоким понятиям, обычно заканчивающиеся чепухой, богохульством и непристойностями»²⁵⁰. В письме Маргарет предстает чрезвычайно ветреной и эгоцентричной дамой, единственной заботой которой является впечатление, производимое ей на окружающих.

Но еще за год до замечания М. Ивлин в «Пылающем мире» Маргарет на упрек в тщеславии отвечает, что «абсолютно не принимает во внимание порицания этого или любого иного века в отношении тщеславия», поскольку, «ни настоящий, ни какой-либо из будущих веков не смогут заявить, что я не добродетельна и не справедлива, поскольку я уверена, все мои знакомые и слуги, которые когда-либо у меня были, смогут поклясться, что все мои действия были добродетельны»²⁵¹. Она формирует в своих

²⁴⁹ Diary and Correspondence of John Evelyn / ed. William Bray. London: Henry G. Bohn, 1859. Vol. 4. P. 8.

²⁵⁰ Полный перевод см. в приложении на с. 189 наст. изд. (Diary and Correspondence of John Evelyn / ed. William Bray. London: Henry G. Bohn, 1859. Vol. 4. P. 8.)

²⁵¹ Кавендиш М. Пылающий мир. С. 313 наст. изд.

сочинениях представление о том, что личное достоинство и интеллектуальный уровень более значимы, чем социальный статус. В письме 109 она подобно Ф. Петрарке сетует на то, сколь ограничен круг читателей, осознающих замысел автора: «Мудрые и знающие, действительно, составляют весь мир людей; остальные – только отродья, как чувствительные личности (*Sensual Persons*), то есть полулюди – полужвери; и невежественные люди, то есть полулюди – полукамни. Более того, по большей части они на три части звери или камни, и только на одну – люди. Таким образом, среди всех творений природы настоящие люди – самые скудные, самые редкие, как и самые превосходные творения в природе. Вот почему самые выдающиеся творения природы не вызывают восхищения у большинства»²⁵².

Маргарет подвергала переоценке общепринятые нормы, о чем можно судить как по ее текстам, так и по костюмам, которые она сама себе шила. В автобиографии о своем кратком пребывании в Лондоне она сообщала: «Одевали меня на сотни различных ладов, правда, когда я одевалась сама, то старалась сделать это как нельзя лучше, как по отношению к себе самой, так и по отношению к тем, кого я посещала или могла случайно встретить»²⁵³. Ее необычные наряды станут притчей во языцех, вплоть до того, что, когда граф Граммон сообщает Карлу II о встрече с некой очень странно одетой дамой, король предполагает, что это была герцогиня Ньюкасл. Люси Морган подчеркивает, что переодевание и заигрывание с различными гендерными моделями было сознательным воспроизведением образов, представленных в ее книгах²⁵⁴. Круг тем, допустимых для женского творчества, был весьма ограничен, но все-таки женщины писали благочестивые рассуждения, и родственники часто посмертно публиковали их тексты. Эксцентричность Маргарет позволяла ей избежать сопоставления с другими женщинами-писателями своего времени. Если ее работы и подвергались критике, то только в частных письмах или дневниковых заметках.

²⁵² Полный перевод см. в приложении на с. 200 наст. изд. (*Cavendish M. Sociable Letters / ed. with an introduction and notes by James Fitzmaurice. Abingon, NY: Routledge, 2012. P. 117.*)

²⁵³ *Cavendish M. A True Relation of the Birth, Breeding, and Life, of Margaret Cavendish, Duchess of Newcastle. Kent: Printed at the private Press of Lee Victory; By Johnson and Warwick. 1814. P. 23.*

²⁵⁴ *Morgan L. Cross-Dressing for Self-Empowerment: a Case Study of Margaret Cavendish // EPOCH. 2021, 1 jun. URL: <https://www.epoch-magazine.com/post/cross-dressing-for-self-empowerment-a-case-study-of-margaret-cavendish> (дата обращения: 10.08.2023).*

Портрет Маргарет Кавендиш, герцогини Ньюкасл, работы Питера Лели, 1664

В пьесе «Любовные приключения» (*Loves adventures*), опубликованной в сборнике «Пьесы» (*Playes*) в 1662 г. героиня, переодевшись в мужскую одежду, спасает своего возлюбленного и Венецианскую республику от турок²⁵⁵. В пьесе «Bell en Campo» сюжет со смелой гендерных ролей представлен еще более ярко. Героиня по имени Виктория желает сопровождать супруга, выдающегося генерала,

²⁵⁵ *Cavendish M. Loves adventures // Playes written by the thrice noble, illustrious and excellent princess, the Lady Marchioness of Newcastle. London: Printed by A. Warren, for J. Martyn, J. Allestry, and Th. Dicas...*, 1662. URL: <https://quod.lib.umich.edu/cgi/t/text/text-idx?c=eebo;idno=A53060.0001.001> (дата обращения: 30.05.2023).

на войну, но получив отказ, самостоятельно собирает армию верных жен и разбивает противника²⁵⁶.

Как заметила Натали Земон Девис: «Смена мужских и женских ролей в культуре раннего Нового времени в художественной литературе или в реальности, когда женщины были на вершине, не только представляла собой предохранительный клапан для снятия напряжения и сохранения порядка в иерархическом обществе, но также предоставляла инструмент для критики, оспаривания, а иногда даже изменения доминирующих ценностей и устройства власти в обществе»²⁵⁷. Но признание несовершенства политической или социальной системы в середине XVII в. неизбежно вело к вопросу о функции божественной власти, предопределении и подчиненных традиции социальных ролях.

Маргарет старается избегать вопроса о природе божественного, скептически оценивая возможность человека познать божественную природу и замысел творца. Она довольно резко заявляет в «Олио мира», что «лучше быть атеистом, чем суеверным человеком, поскольку в атеизме есть человечность и вежливость между людьми, но суеверие не заботится о человечестве, а порождает жестокость ко всему и даже к самим себе»²⁵⁸. Из этого можно было бы сделать вывод об атеизме²⁵⁹ Кавендиш, но ее позиция не была столь однозначной. В ее сочинениях, действительно, нет ни малейшего почтения к церковным институтам, которые она трансформирует по своему усмотрению, и даже ставит во главе них собственных персонажей, как, например, в «Пылающем мире» или в пьесе «Монастырь удовольствий» (*The Convent of Pleasure*), а в автобиографии нет ни слова о ее посещении церкви или о ее религиозном опыте. Ее суждения о религии столь же нейтральны, как и о женском поле. Маргарет занимает позицию

²⁵⁶ Cavendish M. Bell in Campo // Playes written by the thrice noble, illustrious and excellent princess, the Lady Marchioness of Newcastle. London: Printed by A. Warren, for J. Martyn, J. Allestry, and Th. Dicas..., 1662. URL: <https://quod.lib.umich.edu/cgi/t/text/textidx?c=ebo;idno=A53060.0001.001> (дата обращения: 30.05.2023).

²⁵⁷ Sarasohn L.T. A Science Turned Upside Down: Feminism and the Natural Philosophy of Margaret Cavendish // Huntington Library Quarterly. 1984. No. 4. P. 289.

²⁵⁸ Cavendish M. Of Atheisme, and Superstition // The Worlds Olio Written by the Right Honorable, the lady Margaret Newcastle. London: Printed for J. Martin and J. Allestrye at The Bell in St. Pauls Church Yard, 1655. URL: <http://digitalcavendish.org/complete-works/worlds-olio-1655/> (дата обращения: 10.08.2023).

²⁵⁹ Значение термина «атеизм» в то время могло отличаться от современного. Атеистами называли как тех, кто не посещает церковные службы, так и тех, кто не верит в Бога и в загробную жизнь.

отстранения, стараясь непредвзято зафиксировать отношения Бога и человека. Если ее муж Уильям призывал Карла II обуздать католиков и пресвитериан и быть осторожным с философами²⁶⁰, то Маргарет пишет о религии как о чем-то второстепенном на фоне отношения человека и природы. В «Олио мира» в заметке о сносе монастырей при Генрихе VIII Маргарет описывает выгоды, которые получили от этого король и парламент, не говоря ни слова о религиозных предпосылках²⁶¹.

И все же Маргарет была против того, чтобы ее считали атеисткой. В «Философских и физических суждениях» (1655) Маргарет, обращаясь к читателям, пишет: «Я желаю, чтобы мои читатели предоставили мне такую же привилегию к рассуждениям в области натуральной философии, какую имеют схоласты (*Scholars*) в школах, которые, как я слышала, говорят свободно и смело, не будучи осужденными за атеизм, ибо они говорят, как естествоиспытатели, а не как богословы, и поскольку это натурфилософия, а не теология, то я, молю вас, не считать меня атеисткой, а верить, как и я, во Всемогущего Бога»²⁶². Только путем разделения философии натуральной и божественной Маргарет могла избежать обвинений, хотя практически невозможно было не касаться богословских вопросов, рассуждая о материальной природе мира.

В «Философских письмах» (1664), рассуждая о том, что акт сотворения мира подразумевает его предшествующее отсутствие, Маргарет пишет: «Все, что я говорю, находится во власти натуральной философии и только в свете разума, а не откровения, и мои суждения не безошибочны. Я не буду объявлять свои мнения непогрешимой истиной. Я также думаю, что они не оскорбительны ни для Церкви, ни для государства, ибо я подчиняюсь законам одного и следую учению другой настолько, что ради них была бы готова пожертвовать своей жизнью, особенно ради Церкви.

²⁶⁰ *Smith Hilda L.* Claims to Orthodoxy: How far Can We trust Margaret Cavendish's autobiography? // *God and Nature in the Thought of Margaret Cavendish* / eds. B.R. Siegfried, L.T. Sarason. Farnham, Ashgate, 2015. P. 16.

²⁶¹ Полный перевод см. в приложении на с. 196 наст. изд. (*Cavendish M.* Of pulling down of the Monasteries in Henry the Eighth's time // *The Worlds Olio* Written by the Right Honorable, the lady Margaret Newcastle. London: Printed for J. Martin and J. Allestrye at The Bell in St. Pauls Church Yard, 1655. URL: <http://digitalcavendish.org/complete-works/worlds-olio-1655/> (дата обращения: 10.08.2023).)

²⁶² *An Epistle to my Readers* // *The Philosophical and Physical Opinions written by Her Excellency the Lady Marchionesse of Newcastle*. London: Printed for J. Martin and J. Allestrye..., 1655. URL: <https://quod.lib.umich.edu/cgi/t/text/text-idx?c=ebo;idno=A53055.0001.001> (дата обращения: 10.08.2023).

Если бы у меня были миллионы жизней и каждую жизнь я должна была либо страдать, либо жить в довольстве, я предпочла бы мучения на благо Церкви, и поэтому, если бы я могла знать, что мои мнения могут оскорбить Церковь, я была бы готова ежеминутно изменять их»²⁶³. В случае Маргарет сложно сказать, насколько искренни ее признания, но так или иначе, находясь в Англии, она не вступает в открытый конфликт с Церковью, пытаясь найти компромисс между богословием и натуральной философией. Утверждая, что природа, будучи материальной, не способна познать нематериального Бога и, будучи конечной, не способна познать бесконечность, пишет, что если кто-то и заявит, что Бог постижим, она никогда не поверит в это, оставляя божественное Церкви: «И поскольку я не вмешиваюсь ни в какие Божественные тайны, но подчиняю свою веру (*Faith or Belief*) и действия для обретения вечной жизни полностью под правление и учение церкви, я надеюсь, они также дадут мне разрешение на созерцание природы и естественных вещей, чтобы я могла рассуждать о них с такой свободой, какой пользуются только философы-натуралисты или, по крайней мере, должны пользоваться. Таким образом, я буду и хорошей христианкой, и хорошим естествоиспытателем»²⁶⁴.

Маргарет пытается заключить неравную сделку с Церковью. Она не будет вмешиваться в богословские споры и получит за это и свободу, и вечную жизнь. Впрочем, ее творчество во многом и являлось ее завещанием вечности. Однако разделение богословия и натурфилософии в середине XVII в., как бы некоторые философы к нему не призывали, было невозможным.

Но, как и в случае с характеристикой женского пола, Маргарет избегает крайностей, стремясь сохранить нейтралитет, а точнее сформулировать свое собственное мнение, независимое от суждений авторитетов. Она не отрицает существования Бога, но не признает его материальной природы, она считает женщин ограниченными в возможностях, но по естественному порядку вещей или по собственной вине. Нейтральный статус Маргарет приводил к тому, что она не вписывалась ни в одно сообщество, считаясь чуть ли не безумной.

Однако, несмотря на свою репутацию, она вызывала огромный интерес у английского общества. Это прекрасно видно по дневниковым

²⁶³ *Cavendish M.* Letter I.III // *Philosophical Letters: or Modest Reflections Upon some Opinions in Natural Philosophy.* London, 1664. URL: <https://www.gutenberg.org/files/53679/53679-h/53679-h.htm> (дата обращения: 10.08.2023).

²⁶⁴ *Cavendish M.* Letter III.XXI // *Ibid.*

записям Самюэля Пипса, предпринявшего пять попыток увидеться с Маргарет и каждый раз сокрушавшегося в дневнике по поводу своей неудачи. С творчеством Уильяма, ее супруга, Пипс познакомился еще в 1661 г. В заметке в своем дневнике от 26 октября он сообщает, что побывал в театре, где посмотрел пьесу «Деревенский капитан» (*The Country Captain*): «Впервые за двадцать пять лет была поставлена пьеса милорда Ньюкасла, но такая глупая пьеса, какой я никогда в жизни не видел, и первая, от которой я устал»²⁶⁵. Спустя шесть лет, 30 марта 1667 г., «уведомив жену», он отправляется «посмотреть глупую пьесу миледи Ньюкасл под названием “Юмористические любовники” (*The Humourous Lovers*)». Автором пьесы считается Уильям, но тем не менее Пипс подытоживает свои впечатления так: «Самая глупая вещь, которая когда-либо появлялась на сцене. Мне было неприятно (*I was sick*) видеть это, но я все же должен был пойти на это, чтобы лучше понять ее»²⁶⁶. Пипс выступает здесь настоящим исследователем, пытающимся раскрыть загадку Маргарет.

Через десять дней ему снова подвернется случай лицезреть ее. Он отправляется в Уайт-Холл, «убежденный, что видел герцогиню Ньюкасл, прибывшую ночью ко двору с визитом к королеве». В предыдущий день, по словам Пипса, король нанес ей визит по случаю ее появления в городе. В чем же секрет популярности Маргарет? Пипс, явно очарованный ореолом тайны, искусно создаваемым Маргарет, признается: «Вся история этой дамы – романтика (*romance*), и все, что она делает, – романтично (*romantick*)». Ключом к пониманию того, что имеет в виду Пипс, может быть заметка Кавендиш из «Олио мира» под заголовком «Что такое романтика». Маргарет определяет это понятие так: «Романтика (*Romancy*) – это незаконнорожденный жанр, происходящий от связи истории с поэзией, ибо романтика – это как бы поэтические фантазии, записанные историческим стилем, но они скорее сказки, чем фантазии, поскольку сказки – это множество методически записанных невозможностей»²⁶⁷. То есть будет яснее, если мы скажем, что Пипс считал Маргарет сказочной, а все

²⁶⁵ Pepys S. Saturday, 26 October. 1661 // *The Diary of Samuel Pepys*. URL: <https://www.pepysdiary.com/diary/1661/10/26/> (дата обращения: 10.08.2023).

²⁶⁶ Pepys S. Saturday, 30 March. 1667 // *Ibid.* URL: <https://www.pepysdiary.com/diary/1667/03/30/> (дата обращения: 10.08.2023).

²⁶⁷ Полный перевод см. в приложении на с. 196 наст. изд. (*Cavendish M. What Romancy is // The Worlds Olio Written by the Right Honorable, the lady Margaret Newcastle. London: Printed for J. Martin and J. Allestrye at The Bell in St. Pauls Church Yard, 1655. URL: http://digitalcavendish.org/complete-works/worlds-olio-1655/* (дата обращения: 10.08.2023).)

что с ней связано – сказкой. «Говорят, что все ее лакеи носят бархатные сюртуки, а сама она облачена в старинное платье», – продолжает Пипс. Он сообщает, что ожидание ее прихода было столь же велико, «как будто все ожидали царицу Савскую (*the Queen of Sheba*)»²⁶⁸, но и в этот вечер увидеть Маргарет ему не удалось.

Наконец, 26 апреля ему довелось наткнуться на экипаж Маргарет: «По дороге мы встретили миледи Ньюкасл с ее каретами (*coaches*) и лакеями, облаченными в бархат. Она, хотя мне самому встречать ее не доводилось, была точно такой, какой ее описывали, потому что все городские разговоры теперь сводятся к ее экстравагантности. Она была в бархатном берете (*velvetcap*), с распущенными волосами (*hair about her ears*); с большим количеством черных мушек (*black patches*) вокруг рта, скрывающих прыщи, с открытой шеей и в черном мужском джастакорпсе (*just-au-corps*)»²⁶⁹. Каждый из отмеченных Пипсом элементов ее наряда имеет собственные коннотации. Бархатные береты являлись атрибутом ученой элиты и означали интеллект, мушки из черной тафты, скрывающие недостатки кожи, являлись нововведением, распространение которого в Англии приписывают Маргарет, открытая шея означала отсутствие дорогого ожерелья, то есть финансовые утраты, а мужской костюм в контексте увлечений Карла II говорил о преданности Кавендиш королевскому дому²⁷⁰.

Тем не менее Пипсу явно недостаточно этого мимолетного свидания: «Она показалась мне очень милостивой женщиной, и я надеюсь снова увидеться с ней на первомайском празднике»²⁷¹. Первого мая Пипс отправится в Гайд-парк, чтобы внимательнее разглядеть Кавендиш, но, как он отмечает, «за ней всю дорогу гнались кареты и теснили ее, так что никто не мог приблизиться к ней; я мог видеть только, что она была в большой черной карете, украшенной серебром вместо золота, с белыми занавесками, где все было в черно-белых тонах, а сама она была в берете.

²⁶⁸ Pepys S. Thursday. 11 April. 1667 // The Diary of Samuel Pepys. URL: www.pepysdiary.com/diary/1667/04/11/ (дата обращения: 10.08.2023).

²⁶⁹ Pepys S. Friday. 26 April. 1667 // Ibid. URL: <https://www.pepysdiary.com/diary/1667/04/26/> (дата обращения: 10.08.2023).

²⁷⁰ Morgan L. Cross-Dressing for Self-Empowerment: a Case Study of Margaret Cavendish // ЕРОСН. 2021. 1 jun. URL: <https://www.epoch-magazine.com/post/cross-dressing-for-self-empowerment-a-case-study-of-margaret-cavendish> (дата обращения: 10.08.2023).

²⁷¹ Pepys S. Friday. 26 April. 1667 // Ibid. URL: <https://www.pepysdiary.com/diary/1667/04/26/> (дата обращения: 10.08.2023).

Других деталей я разобрать не смог»²⁷². Десятого мая он натывается на ее карету и начинает преследование, наблюдая за «сотней девочек и мальчиков, бегущих, глядя на нее»²⁷³, но она добирается до дома, прежде чем он успеет ее догнать. Очередная неудача не останавливает Пипса. «Но я найду время, чтобы увидеть ее», – подытоживает он.

Внимательно разглядеть герцогиню ему удастся во время ее визита на собрание Королевского общества, о котором речь пойдет в главе 3.2. Пример того, как увлеченно Сэмюэль Пипс преследует М. Кавендиш, характерен. Маргарет удается поддерживать таинственность своего образа, разбрасывая подсказки в книгах или приоткрывая тайну на публичных собраниях. Сложно сказать, насколько сознательным был этот ход, но осторожность и избирательность Маргарет очевидны. Тактика среднего пути касательно женского вопроса или вопросов религии давала свои плоды. Хотя у Маргарет и были враги, которые, к примеру, пытались обвинить ее в прелюбодеянии²⁷⁴, ей удавалось сохранять загадочность образа. Так и в своем творчестве она продолжала экспериментировать, смешивая жанры и нарушая границы, о чем пойдет речь в следующей главе.

²⁷² *Pepys S. Wednesday. 1 May. 1667 // ЕPOCH. 2021. 1 Jun. URL: <https://www.pepysdiary.com/diary/1667/05/01/> (дата обращения: 10.08.2023).*

²⁷³ *Pepys S. Friday. 10 May. 1667 // The Diary of Samuel Pepys. URL: <https://www.pepysdiary.com/diary/1667/05/10/> (дата обращения: 10.08.2023).*

²⁷⁴ *Smith Hilda L. Claims to Orthodoxy: How far Can We trust Margaret Cavendish's autobiography? // God and Nature in the Thought of Margaret Cavendish / eds. B.R. Siegfried, L.T. Sarasohn. Farnham, Ashgate, 2015. P. 19.*

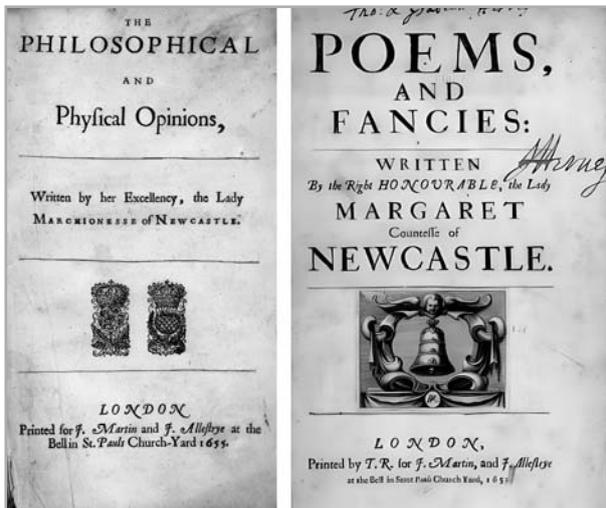
2.3. Поэзия и проза на острие пера

Творчество Маргарет Кавендиш сложно оценить в полной мере, если рассматривать ее произведения, не учитывая их взаимосвязи. Эксперименты Маргарет с жанровыми границами и стремление к созданию новых жанровых форм обуславливали многообразие тем – от стихотворных изложений натурфилософских концепций до предсмертных речей и панегириков на вымышленные темы. При этом переход от поэтического к документальному является важным приемом, применяемым Маргарет. В какой-то мере весь ее творческий путь можно рассматривать как попытку найти компромисс между поэзией и философией. Уже в первой опубликованной работе «Стихи и фантазии» 1653 г. Маргарет сообщает, что избрала стихотворную форму из-за ее свободы от строгих правил и большего набора возможностей, позволяющих донести свои концепции до читателя. В дальнейшем Маргарет будет манипулятивно использовать различные жанры, излагая свои идеи в форме писем, пьес, панегириков, философских трактатов, утопий и проч.

Не сохранилось рукописей печатных работ Маргарет, что характерно для периода, когда печатники редко сохраняли оригиналы. Кавендиш сама сообщает, что сжигала рукописи после печати. Не сохранилось и ее детских тетрадей, о которых она упоминает в «Общественных письмах»²⁷⁵. Но хотя рукописей не осталось, исправления можно проследить по переизданиям ее работ. Например, «Стихи и фантазии» при ее жизни выходили

²⁷⁵ В «Письме 131» М. Кавендиш пишет: «Мадам, Вы пожелали, чтобы я отправила Вам шестнадцать книг, написанных мной в детстве. Мне кажется, они подобны двенадцати подвигам Геракла, только на четыре подвига больше, но хотя мои труды не были столь полезны для мира, и не были столь трудны в достижении, и не так подвержены опасностям в схватках, тем не менее Вы найдете их подобными бесконечной природе, которая не имеет ни начала, ни конца и столь же беспорядочна, как хаос, в котором нет ни метода, ни порядка, но все смешано вместе без разбора, подобно вечернему свету и тьме. В моих шестнадцати книгах разум и отсутствие смысла, знание и невежество перемешаны так, что Вы не сможете разобраться, что с этим делать; или, по крайней мере, Вы найдете каждую книгу, подобной горстке безделушек или лавке перекупщика, в которой нет ничего, кроме остатков, обрывков и огрызков отдельных вещей или заплатак, непригодных для использования, поэтому я не могу себе представить, с какой целью вы могли желать их, если только из дружбы, увидев их, вы не решите их сжечь, прежде чем я умру, опасаясь, что я пренебрегу принесением их в жертву...» (*Cavendish M. Sociable Letters / ed. with an introduction and notes by J. Fitzmaurice. Abingon, NY: Routledge, 2012. P. 140.*)

три раза: в 1653, 1664 и 1668 гг.²⁷⁶ В первое издание и в большинство последующих изданий включено стихотворение Уильяма «Леди Ньюкасл на ее книгу стихотворений», в котором он воспекает таланты супруги, утверждая, что своими стихами она затмила все, что было написано прежде: «Шекспиру остается лишь в слезах, / Остаться там, где Чосера скрыт прах»²⁷⁷. Неизвестно точно, участвовал ли он в финансировании издания ее первой книги, которое было затратным, учитывая, что стихи публиковались в формате фолио, довольно редком для XVII в., но очевидно, что он внимательно следил за ее творчеством.

Пример оформления сочинений М. Кавендиш

Стихотворную форму Маргарет использует и в «Философских фантазиях», которые изначально планировалось совместить со «Стихами и фантазиями». В обращении «К читателю» она отмечает, что работа пи-

²⁷⁶ Подробнее о различиях между этими изданиями см.: *Blake L. Textual and Editorial Introduction // Margaret Cavendish's Poems and Fancies: A Digital Critical Edition / ed. L. Blake. URL: <http://library2.utm.utoronto.ca/poemsandfancies/> (дата обращения: 13.05.2023).*

²⁷⁷ ...And gentle Shakespeare weeping, since he must, / At best, be buried, now, in Chaucer's dust. (*Cavendish W. To the Lady Newcastle, on Her Book of Poems // Margaret Cavendish's Poems and Fancies: A Digital Critical Edition / ed. L. Blake. URL: <http://library2.utm.utoronto.ca/poemsandfancies/> (дата обращения: 13.05.2023).*)

салась в спешке «из-за желания присоединить ее к книге стихов» и была написана «менее чем за три недели». К тому же стремление опубликовать эту работу в Англии вынудило Маргарет послать ее «без дальнейшего дополнения»²⁷⁸. Спустя два года выйдет еще одна работа Маргарет, посвященная натурфилософским вопросам, «Философские и физические мнения» (1655), но за рядом исключений вся она будет написана прозой, однако это не значит, что Маргарет расстается с поэзией.

В «Картинах природы» (1656), включающих стихи, поучительные истории и диалоги, Маргарет, обращаясь к читателям, поясняет: «Хотя мой естественный талант (*Naturall Genius*) заключается в том, чтобы писать фантазии, тем не менее в этой работе я стремилась, насколько это возможно, скрыть воображение в каком-нибудь отдаленном уголке моего мозга, чтобы уступить место живым описаниям (*lively descriptions*), ведь описания должны подражать, а фантазии создавать, ибо фантазия есть не подражание природе, а естественное творение (*naturall creation*), которое я принимаю за истинную поэзию»²⁷⁹. Фантазия, воображение и поэзия в данном случае синонимичны. «Поэтическое» – значит воображаемое, приукрашенное, созданное путем усиления отдельных элементов реальности и создания новых, не существующих в физическом мире. Подобное назначение поэтического отмечал и Ф. Сидни в «Апологии поэзии»: «Природа никогда не украсит землю столь богато, как это сделали поэты, ее реки не будут красивее, деревья плодотворнее, запах цветов нежнее, ей не сделать нашу безмерно любимую землю еще прекраснее. Ее мир – это медь, которую поэты превращают в золото»²⁸⁰. Причину, по которой в одном издании собраны различные по жанру тексты, Маргарет Кавендиш объясняет так: «Хотя моя работа состоит из комических, трагических, поэтических, философских, романтических, исторических и моральных дискурсов, я не могу распределить их равномерно, как хотелось бы, в несколько книг или частей, но вынуждена смешивать друг с другом»²⁸¹.

²⁷⁸ Cavendish M. To the Reader // *Philosophical Fancies*. London: J. Martin, 1653. URL: <https://archive.org/details/dli.granth.72020/page/n19/mode/2up> (дата обращения: 10.08.2023).

²⁷⁹ Margaret Cavendish's Natures Pictures. Vol. 1 / ed. by: R. Dorman. The University of Sheffield. 2018. P. 69–70.

²⁸⁰ Сидни Ф. Астрофил и Стелла. Защита поэзии. М.: Наука, 1982. С. 153.

²⁸¹ Margaret Cavendish's Natures Pictures. Vol. 1 / ed. by: R. Dorman. The University of Sheffield. 2018. P. 69–70.

В издание «Картин природы» 1656 г. войдет и ее автобиография, о которой шла речь выше. В предисловии Маргарет приходится заступаться за поэзию, над которой «смеется большинство, особенно серьезные государственники (*grave statist*), суровые моралисты, ревностные священники, сварливые законники, алчные скряги, грабители, техничные натуры (*mechanic natures*) и многие другие, которые по большей части считают поэзию игрушкой и осуждают ее как тщеславное и праздное занятие»²⁸². Поэзия для нее наделена столь притягательной красотой, что ни может не очаровывать, а кто этого не понимает, тот «не имеет ни божественной души, ни стройных мыслей»²⁸³.

От кого же столь рьяно приходится защищать поэзию? Мыслителем из ближайшего окружения Маргарет, ратующим за главенство формы и строгость описаний, был приближенный ее супруга философ Томас Гоббс (1588–1679), многие годы работавший на семью Кавендишей.

Хорошо знавший латынь и греческий Т. Гоббс, получив в 1608 г. в Оксфордском университете звание бакалавра искусств, поступил на службу к Уильяму Кавендишу, 1-му графу Девоншира, для обучения его сына Уильяма. Вместе с воспитанником Гоббс около трех лет путешествовал по Франции и Италии, а после возвращения служил секретарем у Френсиса Бэкона. Он был прекрасно знаком со многими античными авторами, переводил Фукидида и изучал «Начала» Евклида. Был знаком и со знаменитостями – Галилео Галилеем, Рене Декартом, Пьером Гассенди и проч. Часто возникает путаница в связи с тем, что в разное время Т. Гоббс служил четырем Уильямам Кавендишам. Уильям герцог Ньюкасл был племянником Уильяма Кавендиша, 1-го графа Девоншира. Он и познакомил его со своей супругой Маргарет Кавендиш после того, как Гоббс, спасаясь от возможных обвинений со стороны парламента, покинул Англию и отправился в Париж, где регулярно посещал кружок Кавендиша, собиравшего видных философов своего времени.

Находясь в Париже, в 1650 г. Гоббс напишет письмо Уильяму Давенанту касательно его поэмы «Гондидерт», которое будет включено в издание поэмы 1651 г. Гоббс изначально сообщает, что некомпле-

²⁸² The Life of William Cavendish Duke of Newcastle to Which is Added the True Relation of My Birth, Breeding, and Life by Margaret, Duchess of Newcastle / ed. by C.H. Firth. London: J.C. Nimmo, 1886. P. 270.

²⁸³ Ibid.

тентен, так как не считает себя поэтом²⁸⁴, но тем не менее излагает, как, по его мнению, поэзию следует структурировать. Он начинает с выделения трехчастной системы: «Подобно тому, как философы разделили вселенную (их предмет) на три области: небесную, воздушную и земную; так и поэты, чьей работой является подражание в восхитительных и размеренных строках человеческой жизни, дабы отвратить людей от порока и склонить их к добродетельным и благородным поступкам, поселились в трех областях человечества – дворе (*court*), городе и стране, – соответствующих в некоторой степени тем трем областям мира»²⁸⁵. Назначение поэзии для Гоббса весьма прагматично – воспитание добродетели и отвращение от порока. У находящихся при дворе он отмечает блеск и властность, у горожан – подвижность и горячий нрав, а у жителей деревни – прямоту и жизненные силы. Отсюда он выводит три разновидности поэзии: героическую, скомматическую (*scommatique*) и пасторальную. Если на сцене присутствует один чтец, то это повествование (*narrative*); если несколько актеров играют свои роли – это драма (*dramatique*)²⁸⁶. Гоббс призывает четко отделять поэзию от других жанров и не смешивать ее с натурфилософией или историей, как делают те, кто считает «Эмпедокла и Лукреция (философов-натуралистов) – поэтами, и причисляют к по-

²⁸⁴ Нельзя сказать, что Томасу Гоббсу было совершенно чуждо поэтическое восприятие. В 1636 г. он опубликует латинскую поэму «Чудеса Пика» (*De Mirabilibus Pecci*), описывающую семь чудес Девоншира, к которым Гоббс отнес два источника, две пещеры, гору, яму и дворец, принадлежавший его нанимателю графу Девонширу. (*De mirabilibus pecci being the wonders of the peak in Darby-shire, commonly called the Devil's Arse of Peak: in English and Latine // The Latine written by Thomas Hobbes of Malmshury. London: Printed for William Crook..., 1678. URL: https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A43981.0001.001/1:4?rgn=div1; view=fulltext (дата обращения: 24.04.2023).*)

²⁸⁵ *The Answer of Mr. Hobbes to Sr. Will. D'Avenant's Preface before Gondibert // Gondibert an heroick poem written by Sir William D'Avenant. London: Printed for John Holden..., 1651. P 52–53.*

²⁸⁶ Т. Гоббс перечисляет разновидности, возникающие из сочетания этих условий: «Таким образом, существует не больше и не меньше шести видов Poesie, ибо повествование в героической поэме (*Heroique Poem Narrative*) [такой, как ваша] называется эпической поэмой (*Epique Poem*). Героическая драматическая поэма (*Heroique Poem Dramatique*) – это трагедия. Скомматическое повествование (*Scommatique Narrative*) – это сатира (*Satyre*); скомматическая драма (*Dramatique*) – это комедия (*Comedie*). Пасторальное Повествование (*The Pastoral Narrative*), именуемое просто Пасторалью (*Pastoral*) (в древности – Буколика), а драма – пасторальной комедией (*Pastoral Comedie*)». (*The Answer of Mr. Hobbes to Sr. Will. D'Avenant's Preface before Gondibert // Gondibert an heroick poem written by Sir William D'Avenant. London: Printed for John Holden..., 1651. P. 53.*)

Форма произведения никак не может являться для Маргарет показателем качества. Только личные впечатления, преобразованные в поэтической форме, делают из автора настоящего поэта. Еще более прямо о невозможности выводить поэтические достоинства автора из апелляции к устойчивым формам она заявляет в «Олио мира», утверждая, что схоласты (*scholars*) никогда не смогут стать настоящими поэтами, поскольку слишком сильно полагаются на существующие формы и авторов прошлого: «Великие схоласты (*great scholars*) подстраиваются и принимают столько обличий, сколько прочитают авторов, что делает их чудовищами, а их головы есть не что иное как сундуки, забитые старьем (*lumber stufed with old commodities*), поэтому хуже быть ученым поэтом, чем поэтом-неучем»²⁸⁹. Настоящим поэтом, как и тайным советником, по ее мнению, можно стать, только положившись на «наблюдение и опыт, полученные от времени и общения»²⁹⁰.

Леди Маргарет Кавендиш. Художник Годфри Кнеллер (?), 1683

Но форма и классическая структура не единственное, что, по мнению Томаса Гоббса, должно характеризовать автора. Поэзия для него есть аналог систематизации, упорядочивания слов в верном порядке

²⁸⁹ *Cavendish M. Great Schollars are not Excellent Poets // The Worlds Olio Written by the Right Honorable, the lady Margaret Newcastle. London: Printed for J. Martin and J. Allestrye at The Bell in St. Pauls Church Yard, 1655. URL: <http://digitalcavendish.org/complete-works/worlds-olio-1655/> (дата обращения: 10.08.2023).*

²⁹⁰ *Ibid.*

механическим путем. Для механициста Гоббса, отрицавшего существование бестелесных духов, такой взгляд был вполне естественным. В том же «Ответе на Предисловие сэра Уильяма Давенанта к “Гондиберту”» Гоббс призывал поэтов отказаться от привычки взывать о помощи к музам, называя это языческим пережитком, оставшимся от древних религий. Не должен поэт полагаться и на вдохновение, то есть на помощь духов, чтобы не уподобиться фокусникам, о которых сообщают, что они «ошибаясь в обрядах и церемониях своего искусства, вызывают таких духов, которыми не могут управлять по своему желанию»²⁹¹. Он писал далее: «Не могу представить себе никакой иной причины, кроме беспричинного подражания глупому обычаю, из-за которого человек, способный говорить мудро, исходя из принципов природы и собственных размышлений, скорее желает, чтобы его считали говорящим по вдохновению, подобно волынке»²⁹².

Поэзия для Гоббса выступает скорее инструментом описания реального, способного наставлять и воспитывать, а не забавлять и развлекать, что вполне соотносится с пуританской этикой, царившей в Англии в 50-х гг. Поэт должен ограничиваться реальностью, дарованной ему Богом, а не пытаться примерять на себя образ творца. Гоббс призывает ограничить воображение и фантазию пределами реальности: «Поэт может выйти за пределы реальных произведений природы, но за пределы воображаемой возможности природы – никогда»²⁹³.

²⁹¹ The Answer of Mr. Hobbes to Sr. Will. D’Avenant’s Preface before Gondibert // Gondibert an heroick poem written by Sir William D’Avenant. London: Printed for John Holden..., 1651. P. 56.

²⁹² Ibid. P. 57.

²⁹³ Т. Гоббс пишет: «Некоторым не нравится вымысел, если он недостаточно смел. И, для того чтобы превзойти старания и возможности природы, они создают непробиваемые доспехи, волшебные замки, неуязвимые тела, железных людей, летающих лошадей и тысячи подобных вещей, которые легко создаст каждый, кто пожелает. Я призываю воздерживаться от этого (не соглашаясь с теми, кто осуждает Гомера или Вергилия) и оспаривая суждения тех, кто думает, что красота поэмы состоит в непомерности вымысла. Ибо как истина есть граница исторического, так и сходство с истиной есть высший предел поэтической свободы. В древности у язычников такие странные вымыслы и метаморфозы были не столь далеки от символов их веры, как от наших современных, и поэтому не были так неприятны. Теперь поэт может выйти за пределы действительных произведений природы; но за пределы задуманные возможностями природы – никогда. Я могу позволить географу изобразить в море рыбу или корабль, длина которых, судя по масштабу его карты, будет двести или триста миль, и думать, что это сделано для украшения, потому что это делается вне рамок его предприятия; но когда он изображает таким же образом слона, я тут же расцениваю это как невежество и простое признание Terra incognita» (The Answer of Mr. Hobbes to Sr. Will. D’Avenant’s Preface before Gondibert // Gondibert an heroick poem written by Sir William D’Avenant. London: Printed for John Holden..., 1651. P. 59).

В отличие от многих современников, Маргарет воспевала роль фантазии и отрицала границы традиции. И хотя многие ее соотечественники считали, что нет ничего достойнее композиционного подражания классическим образцам, она заявляла, что черпает композицию из собственной фантазии. В «Общем предисловии к моим пьесам», опубликованном в собрании пьес 1662 г., она предостерегает читателя от сопоставления ее произведений с работами авторов прошлого²⁹⁴:

But Noble Readers, do not think my Playes,
Are such as have been writ in former daies;
As Johnson, Shakespear, Beaumont,
Fletcher writ;
Mine want their Learning, Reading,
Language, wit:
The Latin phrases I could never tell,
But Jonson could, which made him write
so well.
Greek, Latin Poets, I could never read,
Nor their Historians, but our English Speed;
Nor could not steal their Wit, nor Plotts
out take;
All my Playes Plots, my own poor brain
did make.

Читатели, не думайте при чтении,
Что мои пьесы только повторение
Шекспира, Флетчера иль Джонсона
с Бомонтом.
У них свои язык, идея, форма.
Латынь не знаю я, и не могу приставить
к делу,
Как Джонсон, что ее использовал умело.
Поэтов греческих, латинских не читаю,
А из историков я только Спида знаю.
Сюжет заимствовать у них я не могла,
Все из своих фантазий извлекал.

Может показаться, что Маргарет отстаивает свое авторство и боится быть обвиненной в плагиате, но, судя по заявлениям того же Гоббса, заимствование у авторов прошлого являлось скорее положительной характеристикой для автора. Маргарет, напротив, заявляет, что не опиралась ни на какие образцы, а только на собственную фантазию. К тому же она замечает, что из-за невладения языками классические образцы остаются ей недоступными. Но, безусловно, она лукавит, отрицая знакомство с античными авторами. Хотя она и не изучала ни греческого, ни латыни, она читала многие произведения в переводах. В «Общественных письмах» она упоминает Перикла и Цезаря, сведения о которых берет у Плутарха. В письме 147 она пишет: «Вы изволили просить меня прислать Вам свое мнение о Вергилии и Овидии, которые, по моему

²⁹⁴ *Cavendish M.* A General Prologue to all my Playes // Playes written by the thrice noble, illustrious and excellent princess, the Lady Marchioness of Newcastle. London: Printed by A. Warren, for J. Martyn, J. Allestry, and Th. Ducas..., 1662. URL: <https://quod.lib.umich.edu/cgi/t/text/text-idx?c=eebo;idno=A53060.0001.001> (дата обращения: 30.05.2023).

мнению, были лучшими поэтами...»²⁹⁵, а в письме 162 говорит о своей симпатии к авторам прошлого еще более конкретно: «Мадам, помните, как-то раз, когда мы были совсем юными девушками, мы обсуждали любовников и сговорились признаться, кто любил нас и кого любили мы. Я призналась, что была влюблена в трех мертвецов, умерших за-долго до меня. Первым был Цезарь, которого я любила за его доблесть, вторым – Овидий, которого я любила за его остроумие, а третьим – наш соотечественник Шекспир, которого я любила за его комические и трагические настроения (*humour*)»²⁹⁶.

Если задачей поэзии Маргарет называет выражение авторской фантазии, то за документальное описание реальности отвечает история: «Поэзия в большей мере вымысел, а история сообщает правду, поэзия может быть фантастической, история должна быть серьезной, поэзия должна возбуждать страсти, история – подтверждать истину, история побуждает мысль оглянуться назад, поэзия – смотреть вперед; поэзия имитирует (*simulising*), история повторяет...»²⁹⁷ Как ученому, по ее мнению, не суждено стать хорошим поэтом, так и поэту не дано быть хорошим историком, «потому что он слишком полон фантазии и изобретательности, сбивающих его с пути»²⁹⁸. Если Томас Гоббс осуждает чрезмерное воображение у поэтов, не позволяющее достоверно выражать личный опыт, то Маргарет и не ставит перед поэтами такой задачи. В конце концов, для достоверного описания действительности и подражания образцам прошлого есть история, и совершенно не обязательно соотносить ее с поэзией.

Вернувшись в Англию, Маргарет в 1662 г. опубликует сборник пьес, которые, по ее словам, она написала, вдохновившись пьесами своего супруга. Издание пьес, предшествующее их постановке в театре, встречалось не часто и было обусловлено тем, что Маргарет была не уверена в возможности их постановки на сцене. Обращаясь к Уильяму она пишет: «Мои пьесы очень не похожи на те, что на-

²⁹⁵ *Cavendish M. Sociable Letters / ed. with an introduction and notes by J. Fitzmaurice. Abingon, NY: Routledge, 2012. P. 156.*

²⁹⁶ *Ibid. P. 173.*

²⁹⁷ *Cavendish M. The difference between Poesy and History // The Worlds Olio Written by the Right Honorable, the lady Margaret Newcastle. London: Printed for J. Martin and J. Allestrye at The Bell in St. Pauls Church Yard, 1655. URL: <http://digitalcavendish.org/complete-works/worlds-olio-1655/> (дата обращения: 10.08.2023).*

²⁹⁸ *Cavendish M. Of Historians and Poets // Ibid.*

писаны Вами, ибо в пьесах Вашей Светлости есть как бы естественная жизнь и живой дух, в то время как мои подобны унылым мертвым статуям, вот почему я посылаю их для печати вместо того, чтобы держать их скрытыми в надежде, что они когда-нибудь будут поставлены»²⁹⁹. Обращаясь к читателям, она называет ряд причин, которые вынуждают ее усомниться в том, что ее пьесы когда-либо будут сыграны на сцене. Первая – в том, что пьесы в Англии долгое время были под запретом, и практически не осталось талантливых актеров, которые «либо умерли, либо были рассеяны». Должно уйти время на воспитание нового поколения. Вторую причину она видит в чрезмерной продолжительности своих пьес: «Их длина может утомить зрителей, которые вынуждены, следуя правилам вежливости, отсиживать пьесу до конца». В итоге Маргарет решает не ждать случая, а опубликовать их в виде литературного произведения: «Если они доставят удовольствие и понравятся читателям, я получу такое же удовлетворение, как если бы получила аплодисменты от зрителей»³⁰⁰.

Но это не единственное, что может препятствовать постановке ее пьес. Она детально разбирает критические замечания, которые ее пьесы могут вызвать. В основном все сводится к тому, что она ориентировалась на реальную жизнь, а не на традиционные формы. Например, на возможное замечание об их концовках, она отвечает: «Я не пошла по стопам предшествующих поэтов, ибо, по моему мнению, так же хорошо, если не лучше, когда пьеса заканчивается только с одним или двумя актерами на сцене. Кроме того, я хотела бы, чтобы мои пьесы соответствовали естественному ходу всех вещей...»³⁰¹ Правило, что действие комедии должно занимать не больше одного дня, кажется ей совершенно излишним: «Комедии были бы очень плоскими и скучными, бесполезными и неприятными, если бы представляли действия только одного дня»³⁰². Она призывает избегать однообразия

²⁹⁹ *Cavendish M.* The Epistle Dedicatory // *Playes written by the thrice noble, illustrious and excellent princess, the Lady Marchioness of Newcastle.* London: Printed by A. Warren, for J. Martyn, J. Allestry, and Th. Dicas..., 1662. URL: <https://quod.lib.umich.edu/cgi/t/text/text-idx?c=ebo;idno=A53060.0001.001> (дата обращения: 30.05.2023).

³⁰⁰ *Cavendish M.* To the Readers // *Ibid.*

³⁰¹ *Ibid.*

³⁰² *Ibid.*

и смешивать различные эпохи и территории, так же как врачи и аптекари смешивают несколько лекарственных растений и минералов с разных частей света: «Поэты в своих комедиях и трагедиях должны или, по крайней мере, могли бы изображать в одной пьесе несколько наций, правительств, народов, обычаев, мод, нравов, природ, судеб, случайностей, действий; а также разные возраста одного человека, если случай требует изображения пути от детства до зрелости в одной пьесе»³⁰³. Она признает, что ее могут осудить за пренебрежение половой принадлежностью героинь, изображающих любовь, грацию, ярость и проч. Для нее это всего лишь грамматические тонкости, которые никак не влияют на содержание произведения: «А что касается тонкостей правил, форм и терминов, то я отказываюсь следовать им и заявляю, что если бы я действительно ясно понимала и разбиралась в них, а это не так, я бы и тогда не следовала им. Я предпочла бы, чтобы мои сочинения оставались непрочитанными, чем чтобы их читали такие педантичные схоласты»³⁰⁴.

Особенность письма Маргарет – его гиперболизированное авторское начало. Какую бы форму она не предпочла, какие бы персонажи не представляли перед нами, Маргарет напоминает читателям о том, что они находятся на ее территории, где вымысел и фантазия не скованы ничем, кроме ее собственного представления о том, каким должно быть творчество. Она экспериментирует со стилем, перевоплощаясь то в бедного странника, то в мудрого правителя. Особенно ярко это видно в ее произведении «Речи» (*Orations*), опубликованном в 1662 г., в котором Маргарет примеряет на себя разнообразные роли, выступая от лица представителей различных сословий и социальных страт. Это и предсмертные речи путешественников, куртизанок и девиц, и надгробные речи философа, студента, судьи, дворянина и проч. Впечатляет разнообразие речей, прочитанных ею и от своего лица. Она рассуждает на темы войны и мира, налогообложения и достойного управления государством, но всему этому предшествует традиционное обращение к читателю, в котором Маргарет напоминает о своем авторстве и, защищаясь от возможной критики, предупреждает, что она «будучи женщиной, не была воспитана для публичных дел,

³⁰³ Cavendish M. To the Readers...

³⁰⁴ Ibid.

связей или переговоров» и не следует ожидать, что она будет «говорить или писать мудро»³⁰⁵.

Паратексты, или обращения, предшествующие основному содержанию работ, занимают в творчестве Маргарет особое место. В то время как ее современники используют обращения, чтобы польстить покровителям или заигрывая с читателями, Маргарет неоднократно заявляет, что пишет для собственного удовольствия, а общественное мнение является неизбежным следствием ее творчества. Напускная небрежность Маргарет позволяет ей дистанцироваться от возможной критики. Десятки вводных текстов напоминают читателю о том, что ни слава, ни заработок, ни почетное звание не являются целью автора, а следовательно, критикам не остается ничего иного, кроме как покрутить пальцем у виска и отложить прочитанное. Как отмечает Мелани Холм: «Кавендиш проявляет скептицизм в отношении подражания, условностей и ожиданий через аффективное отчуждение. Она остраивает письмо для своих читателей, культивируя в них впечатление о тексте, как о суверенной стране, в которой они чужаки, вводя их в контакт со скептически настроенным другим, над которым они не властны»³⁰⁶.

Маргарет продолжит рассуждать на темы общественного устройства и человеческой жизни в «Общественных письмах» (1664). В обращении к читателю она последовательно отвергает критические замечания, коснувшиеся предыдущих книг и, характеризуя свое произведение, пишет: «Правда в том, что это скорее сценические зарисовки (*scene*), чем письма, ибо я попытался под прикрытием писем выразить характеры и дела человеческие в виде переписки двух дам»³⁰⁷. Двести десять писем, по словам Маргарет, являются имитацией личной беседы, в которой дамы рассуждают на различные серьезные темы. Форма письма была избрана, потому что она уже «написала двадцать пьес, число которых сочла достаточным», поскольку она заметила, что «разнообразие форм больше всего привлекает читателей», а также потому, что «читатели будут более увлечены

³⁰⁵ *Orations of Divers Sorts Accommodated to Divers Places Written by the Lady Marchioness of Newcastle*. London: [s. n.], 1662. URL: <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A53051.0001.001/1:5?rgn=div1;view=fulltext> (дата обращения: 10.08.2023).

³⁰⁶ *Holm Melanie D. Authorial Sovereignty: Pleasure and Paratext in Margaret Cavendish's Blazing Worlds // Restoration: Studies in English Literary Culture, 1660–1700*. 2017. Vol. 41. No. 1. P. 15.

³⁰⁷ *Cavendish M. Sociable Letters / ed. with an introduction and notes by J. Fitzmaurice*. Abingon, NY: Routledge, 2012. P. 8.

краткими письмами, чем сценами и целыми пьесами, части и сюжеты которых нельзя понять, пока не прочитана вся пьеса»³⁰⁸.

В том же году Маргарет публикует «Философские письма», в которых вновь завуалированно заявит о себе как об оригинальном мыслителе, вступая в заочную полемику с такими философами, как Т. Гоббс, Р. Декарт, Г. Мор, ван Гельмонт и проч. Жанр философского письма был к этому времени не нов. Подобные произведения публиковали многие авторы от Г. Галилея до Т. Гоббса, но почти все они обращались в своих письмах к конкретному лицу – оппоненту, коллеге или покровителю. Философские письма Маргарет отличает отсутствие конкретного адресата. Это все та же «мадам», к которой она обращалась в «Общественных письмах». Как будто от разговоров на жизненные темы собеседницы внезапно перешли на рассуждения о философских проблемах. В подобном диалоге Маргарет могла не беспокоиться по поводу резкого ответа оппонента. Ей вновь удавалось сохранить нейтралитет и обезопасить свою позицию, делая вид, что она не претендует на звание философа, а просто-напросто ведет светскую переписку. Маргарет уже заявляла о себе как о философе, рассуждая о природных явлениях и в стихотворной, и в прозаической форме, но здесь она вступает в полемику с маститыми мыслителями, что само по себе является заявкой как минимум на равенство и аналогичный им статус. Отвечая на возможную критику, Маргарет вновь напоминает о том, что она женщина, а следовательно, не может быть столь же сведущей в философских терминах как ученые мужи, из-за чего ее прежние работы могут показаться не столь легкими для понимания, поскольку она излагала все «в соответствии со своими собственными представлениями и так, как сама их понимала». Теперь же, «благодаря чтению известных и ученых (*learned*) авторов», она освоила ряд терминов и постарается сделать свой труд максимально понятным для тех, кто будет читать его «без пристрастия, раздражения и злобы»³⁰⁹.

В последующих философских работах, а именно в «Наблюдениях за экспериментальной философией» (1666) и «Основах натуральной фи-

³⁰⁸ *Cavendish M. Sociable Letters / ed. with an introduction and notes by J. Fitzmaurice. Abingon, NY: Routledge, 2012. P. 9.*

³⁰⁹ Полный перевод см. в приложении на с. 201 наст. изд. (*Cavendish M. Letter. IV.XXVII // Philosophical Letters: or Modest Reflections Upon some Opinions in Natural Philosophy, Maintained By several Famous and Learned Authors of this Age, Expressed by way of Letters: By the Thrice Noble, Illustrious, and Excellent Princess, The Lady Marchioness of Newcastle. London, Printed in the Year, 1664. URL: <https://www.gutenberg.org/files/53679/53679-h/53679-h.htm> (дата обращения: 10.08.2023).*)

лософии» (1668), Маргарет уже не пытается обезопасить себя от критики и насмешек со стороны философов, скрывая свои философские концепции за стихотворной, эпистолярной или драматической формой. Она публично заявляет, что излагает собственную философскую программу, полемизируя с современниками и авторами прошлого и подчеркивая отличие ее собственных суждений. В обращении к читателю она сообщает, что написала «Наблюдения» «не из-за честолюбия, чтобы наполнить мир бесполезными книгами, а чтобы объяснить и проиллюстрировать свои собственные мнения»³¹⁰. И основную цель она видит в том, чтобы ее произведение было понято, ведь «натурфилософия является самым трудным из всех человеческих знаний»³¹¹. Она все еще от лица женского пола сожалеет об ограниченности ее возможностей в познании, но в тоже время осуждает авторов, которые, вместо того чтобы сделать свои произведения более доступными, заполняют их трудными для понимания словами и выражениями: «Я не вижу для этого никакой причины, кроме того, что они рассчитывают быть прославленными теми, кто восхищается всем, чего не понимает, хотя бы это было вздором»³¹². Она видит свою задачу в том, чтобы сделать язык натурфилософии насколько это возможно прозрачным и доступным, и донести свои суждения до максимально широкой аудитории.

Нисколько не преуменьшая значение своих прошлых философских работ, она представляет их в виде континуума становления ее собственной философской программы. Под «своей философией» она понимает череду опубликованных ею работ, призывая читателей познакомиться с ними всеми, чтобы иметь возможность делать более обоснованные суждения: «Особенно рекомендую вам мои “Философские Мнения”, которые содержат основания и принципы моей философии, но, так как они были опубликованы прежде, чем я разобралась в работах других авторов, я желаю, чтобы вы присоединили к ним мои “Философские Письма”, а к ним “Наблюдения”, которые послужат комментариями для понимания того, что может показаться неясным в упомянутых “Мнениях”»³¹³.

Кульминации своего творческого пути М. Кавендиш достигает, когда решается на изложение собственных философских концепций в виде

³¹⁰ *Cavendish M. Observations upon Experimental Philosophy / ed. by Eileen O'Neill. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 11.*

³¹¹ *Ibid.*

³¹² *Ibid.* P. 12.

³¹³ *Ibid.* P. 13.

произведения, сочетающего в себе разнообразные жанры, границы которых никогда не являлись для Маргарет существенной преградой. К изданию «Наблюдений» 1666 г. она прилагает сочинение «Пылающий мир», состоящее из элементов фантастического травелога, социальной утопии, сократического диалога, героической поэмы, автобиографии и пьесы.

Используя концепцию множественности миров, Кавендиш последовательно проводит героиню произведения из ее страны Эсфи (*Esfi*) (название является аббревиатурой от Англия–Шотландия–Франция–Ирландия) в мир, именуемый Раем (*Paradise*), а затем и в мир, из которого происходит сама Маргарет Кавендиш и ее читатели. Похищение героини из ее мира может являться отсылкой на популярный в XVII в. сюжет похищения Европы, который был хорошо известен Маргарет. Имеется даже картина Йоханнеса Митенса, на которой, как следует из описания, Маргарет Кавендиш изображена в виде богини Европы³¹⁴.

Похищение Европы. Маргарет Кавендиш в виде богини Европы.
Художник Йоханнес Митенс

³¹⁴ В XVI в. похищенная богиня, упоминаемая Овидием и др., дает название континенту, жители которого прежде ассоциировали себя с христианским миром, но в результате экспансии на восток и в Америку стали осознавать свои земли как особое территориальное образование, претендующее на мировую гегемонию. Европу начинают изображать на картах в виде императрицы, как, например, на карте Себастьяна Мюнстера «*Europa Regina*» (1570). См.: *Cools H. Europe-America-Utopia: Visions of an Ideal World in the Sixteenth Century // In Search of Utopia. Art and Science in the Era of Thomas More / ed. Jan Van der Stock. Amsterdam University Press. 2016. P. 21–31.*

Сюжет развивается за счет перемещения героини между тремя мирами и последовательного их освоения, что напоминает о жанре натурфилософской утопии, о которой подробнее пойдет речь в главе 3.3. Стремление к авторскому доминированию над текстом достигает в «Пылающем мире» наивысшей точки, когда сам автор, Маргарет Кавендиш герцогиня Ньюкасл, становится одним из персонажей своего текста. Она попадает в реальность, власть над которой реализована еще до ее прибытия, и единственное, что ей остается, бросить силы на открытие нового мира либо же сотворить свой собственный. Маргарет выбирает второй путь и, отказавшись от предшествующих формул творения, создает силой воображения самый прекрасный из миров. Но власть над воображаемым остается зависима от условий осуществления власти в реальном физическом мире. Принимая как данность множественность миров и размытость границ как между политическими образованиями, так и между мирами материальных и бестелесных сущностей, Маргарет стремится разорвать шаблоны условностей, свести на нет антагонизмы идеологий. «В “Пылающем мире” персонажи отворачиваются от социальных потрясений, вызванных разногласиями, желая найти место для беспрепятственного выражения различий, но чувствуя, что такое пространство всегда будет неуловимым или недостижимым»³¹⁵.

«Пылающий мир» разделен на две части. Это деление достаточно условно, а привязанность Маргарет к тройственности подразумевает наличие третьей части, которая, по ее словам, была запланирована, но реализована только в виде отдельного произведения, о котором будет сказано в заключении. Первая часть ограничена реальностью райского, воображаемого, а также мира, откуда происходит сама Маргарет, вторая же обрисовывает образы мира, где правит король страны Эсфи. Узнав о войнах в Эсфи, герцогиня и Императрица снаряжают флот и, обладая технологиями, опережающими все известные в обычном мире, уничтожают врагов королевства. Совмещая элементы героического эпоса, торжественной речи и театральной постановки, Кавендиш демонстрирует торжество женской власти, подчиняющее себе как врагов королевства, так волю его правителя и его подданных. Но установление контроля над этим миром для Маргарет не является окончательной победой. Еще в первой части

³¹⁵ *Carrie H. “But One Opinion”: Fear of Dissent in Cavendish’s New Blazing World // Utopian Studies. 1996. Vol. 7. No. 1. P. 34.*

Маргарет, обращаясь на короткое время к образам ее родного мира, сетует на неудачи, постигшие ее супруга, и просит Императрицу заступиться за него перед Фортуной. Но на судебном процессе Фортуна остается непоколебимой. Окончательное торжество воображения становится невозможным. Но остается возможным побег в собственный мир, созданный силой воображения.

«Пылающий мир» ставит множество вопросов, ответить на которые невозможно, не ориентируясь в традиции натурфилософской утопии XVII в. и в натурфилософской концепции Маргарет Кавендиш, для которой воображаемые миры столь же реальны, как и ее собственный. В эпилоге она напишет: «Если кому-то придется по нраву созданный мной Мир, и он пожелает стать моим подданным, он может вообразить себя таковым, и быть таковым, я имею в виду, в своем уме, фантазии или воображении. Но если кто-то не желает быть моим подданным, он может создать свой собственный Мир и управлять им, как ему заблагорассудится»³¹⁶.

³¹⁶ Кавендиш М. Пылающий мир. С. 319 наст. изд.

3 МЕЖДУ ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИЕЙ И НАТУРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИЕЙ

...Каждая часть материи имеет естественную материальную душу, так как природа есть не что иное, как одно бесконечное самодвижущееся, живое и самопознающее тело, состоящее из трех уровней неодушевленной, чувствительной и разумной материи, настолько перемешанных между собой, что ни одна часть природы, пусть даже и атом, не может быть лишена какой-либо из этих трех степеней. Чувствительная – жизнь, разумная – душа и неодушевленная часть – тело бесконечной природы.

М. Кавендиш. Пылающий мир

3.1. Воображение и материя

Во время трехлетнего пребывания в Париже (1645–1648) Маргарет посещает собрания французских и английских ученых в изгнании, организованных ее мужем Уильямом и его братом математиком Чарльзом. Кружок получил название «Ньюкаслский» или «Кавендишский». В его число входили такие философы, как Т. Гоббс, К. Дигби, У. Чарлтон, Р. Декарт, П. Гассенди, М. Мерсенн и др. Многие из философских идей, обсуждавшихся участниками кружка, будут включены Маргарет в ее первые книги: «Философские фантазии» (1653), «Стихи и фантазии» (1653), «Философские и физические мнения» (1655).

Идеи «Ньюкаслского кружка» во многом базировались на атомизме Эпикура, полагавшего, что мир состоит из пребывающих в движении материальных атомов. Материальность у Эпикура распространялась и на область души, которая, по его убеждению, погибала после смерти тела, что вело к особому восприятию личности, гендера и самой жизни. Пьер Гассенди, пытаясь примерить концепции Эпикура с позицией христианской церкви, объяснял тягу к удовольствиям у Эпикура стремлением к христианскому блаженству и утверждал, что атомы имеют божественное происхождение. Эпикурейская философия, призывающая к обустройству частной жизни вдали от политических неурядиц, прекрасно подходила англичанам, бежавшим от бедствий гражданской войны на континент. К тому же атомистическая концепция уравнивала представителей разных слоев и гендеров, позволяя философам и их патронам, также как женщинам и мужчинам обсуждать философские вопросы на равных.

Лиза Уолтерс в статье «Эпикур и гендер в британском Ньюкаслском кружке» разбирает, как взгляд Эпикура на гендерное равенство способствовал распространению литературы и философии среди таких англичанок, как М. Кавендиш, Л. Хатчинсон, А. Бен, М. Ивлин, Э. Хейвуд и проч. Влияние Кавендиш на становление женской натурфилософии в Англии XVII в. неоспоримо: «Эпикурейские идеи об удовольствии, справедливости и авторитете, а также необычная поддержка некоторыми членами ньюкаслского круга Маргарет Кавендиш как фило-

софа, оказали большое влияние на приобщение английских женщин к натурфилософии»³¹⁷.

Первым изложение идей Эпикура на английском предпринял Уолтер Чарлтон, опубликовавший «Рассеянье тьмы атеизма светом природы: физико-теологический трактат» (1652) и «Физиология Эпикуро–Гассендо–Чарлетониана, или Ткань естественной науки, основанная на гипотезе атомов» (1654). Примерно в это же время Маргарет публикует свои «Философские фантазии» (1653), а Т. Гоббс прославившего его «Левиафана» (1651), первые шесть глав которого посвящены вопросам, касающимся функций разума, природе чувств, воображения, языка и проч.

Т. Гоббс, как уже было сказано, был тесно связан с семьей Кавендишей, будучи приятелем отца и наставником племянника Уильяма, 2-го графа Девонширского. В работе «Человеческая природа» (1640), являющейся частью трактата «Основные элементы политики» (*Elements of Law, Natural and Politic*)³¹⁸, приведено посвящение Уильяму Кавендишу, в котором сказано, что для получения истины, необходимо положить в основу учения принципы, неподвластные страстям: «Это те принципы, милорд, которые я уже излагал Вам в наших частных беседах и, согласно Вашему желанию, изложил здесь в методической последовательности»³¹⁹.

В 1641 г. на латыни выходят «Размышления о первой философии» Р. Декарта, включающие и возражения Т. Гоббса, отражающие его натурфилософскую программу. Как было показано в предыдущей главе, Гоббс уделяет значительное внимание природе языка, связи понятий и объектов. Он утверждает, что с помощью разума мы не обязательно добьемся знания о природе вещей, но только об их наименованиях, и если это так, то «рассуждение будет зависеть от имен, имена – от воображения, а воображение, быть может, как и чувство, – от движения телесных органов; таким образом, мысль будет не чем иным, как движением в некоторых частях телесного организма»³²⁰.

³¹⁷ Walters L. Epicurus and Gender in the British Newcastle Circle: Charleton, Hobbes and Margaret Cavendish // A Companion to the Cavendishes / eds. by L. Hopkins and T. Rutter. Leeds, Arc Humanities Press, 2020. P. 150.

³¹⁸ Первая часть – «Человеческая природа», вторая – «О политическом теле» (*De Corpore Politico*). Первое издание без разрешения Т. Гоббса в 1650 г.

³¹⁹ Гоббс Т. Соч.: в 2 т. Т. 1 / пер. с лат. и англ.; сост., ред. изд., авт. вступ. ст. и примеч. В.В. Соколов. М.: Мысль, 1989. С. 508.

³²⁰ Декарт Р. Соч.: в 2 т. Т. 2 / пер. с лат. и фр. С.Я. Шейнман-Топштейн и др., ред. изд., авт. вступ. ст. и примеч. В.В. Соколов. М.: Мысль, 1994. С. 140.

Отрицая существование предзаданных идей, таких как Бог и душа, Гоббс утверждал, что субстанция является результатом рассуждения, но «не воспринимается непосредственно и не являет нам никакой идеи»³²¹. Таким образом, для Гоббса есть только два пути поиска достоверного знания – рассуждение и воображение. О неодушевленных вещах, таких как, например, камни, он пишет, что они не могут и ошибиться, так как лишены способности к рассуждению или воображению³²².

В последующих работах Гоббс также уделяет большое внимание проблеме природы мысли, разума, воображения и материи. В работе «О теле»³²³ он утверждает, что вселенная состоит из инертных частиц подвижной материи, а вся физическая реальность обусловлена столкновением этих частиц. Движением частиц объясняются и такие явления как тепло, свет, аромат и проч. В заключении, защищая свою механистическую программу, он утверждает: «Когда нам говорят о самодвижении или самозарождении, о видах, силах, субстанциональных формах, бестелесных субстанциях, инстинкте, действии двух противоположных качеств (антиперипатетасис), антипатии, симпатии, скрытых качествах, то все это пустые схоластические формулы, не имеющие никакой научной ценности»³²⁴.

В своей первой опубликованной работе «Стихи и фантазии» (1653) М. Кавендиш также придерживалась концепции механистического атомизма. По ее представлению, мир состоял из четырех типов атомов различной формы: квадратных атомов, составляющих землю, круглых, составляющих воду, длинных, составляющих воздух, и острых, составляющих огонь. Из их соединений и движения возникало все многообразие природных тел и явлений, в том числе разум и эмоции. Атомы в представлении Маргарет были вечными и, возможно, действующими по собственной воле, что отрицали сторонники корпускулярной философии, не желавшие вступать в открытый конфликт с Церковью³²⁵. В стихотворении «Мир, сделанный из атомов» она пишет:

³²¹ Декарт Р. Соч.: в 2 т. Т. 2 / пер. с лат. и фр. С.Я. Шейнман-Топштейн и др., ред. изд., авт. вступ. ст. и примеч. В.В. Соколов. М.: Мысль, 1994. С. 145–146.

³²² Там же. С. 149.

³²³ Работа «Элементы философии» (*Elementorum Philosophiae*) в конечном итоге состояла из трех частей: «О теле» (*De Corpore*) (1655), «О человеке» (*De Homin*) (1658) и «О гражданине» (*De Cive*) (1642). «О теле» охватывает вопросы логики, языка, метода, метафизики, математики и физики. «О человеке» сосредоточена на вопросах физиологии и оптики.

³²⁴ Гоббс Т. Соч.: в 2 т. Т. 1 / пер. с лат. и англ.; сост., ред. изд., авт. вступ. ст. и примеч. В.В. Соколов. М.: Мысль, 1989. С. 218.

³²⁵ Sarasohn L.T. A Science Turned Upside Down: Feminism and the Natural Philosophy of Margaret Cavendish // Huntington Library Quarterly. 1984. No. 4. P. 291.

Thus by their several motions, and their forms,
As several workmen serve each other's turns.
And so by chance may a new world create,
Or else, predestinate, may work by Fate³²⁶.

Так, своими движениями и формами,
Как рабочие, что помогают друг другу,
Они могут случайно создать новый мир,
Или, быть может, им суждено это сделать.

Но помимо описания миров, состоящих из атомов, в ее стихах прослеживаются и замечания о природе мысли и воображения. В стихотворении «Причина, по которой мысли находятся только в голове» она пишет³²⁷:

Each sinew is a small and slender string,
Which to the body all the senses bring.
And they like pipes or gutters hollow be,
Where animal spirits run continually.
Though small, yet they4 such matter do
contain
As in the skull doth lie, which we call brain.
That makes if anyone doth strike the heel,
The thought of that sense in the brain
doth feel.
Yet 'tis not sympathy, but 'tis the same
Which makes us think and feel the pain.
For had the heel such quantity of brain
As doth the head and skull therein contain,
Then would such thoughts, which in the brain
dwell high,
Descend down low, and in the heel would lie.
In sinews small, brain scattered lies about;
It wants both room and quantity, no doubt.
For if a sinew so much brain could hold,
Or had so large a skin it to enfold
(As hath the skull), then might the toe
or knee,
Had they an optic nerve, both hear and see.
Had sinews room fancy therein to breed,
Copies of verses might from the heel
proceed.

Каждая жилка словно малая струна,
По телу чувства все несет она.
Подобно трубам, полая внутри,
Там дух животный движется, смотри.
Пускай мала, но скрыта в ней материя,
Как та, что называют мозгом в черепе.
И, если вдруг ударится кто пяткой,
Мысль о том в мозгу предстанет ярко.
Но не симпатия будет тому виной,
А то, чем мыслится и чувствуется боль.
И если б в пятке было столько мозга,
Как в черепе, а не всего лишь горстка,
Тогда и мысли со своих высот далеких
Спустились и легли бы в наши ноги.
Но в жилах мозг какой-то да найдется,
Пространство им с количеством
займется.
Но если столько ж мозга было б
в жилах,
И толща кожи им подобно черепу
служила,
Колено с пальцем бы могли суметь,
Имея нерв оптический, и слышать,
и смотреть.
Коль было б все у жил с фантазией
в порядке,
Стихи могли бы сочиняться в пятке.

³²⁶ *Cavendish M.* A World Made by Atoms // Margaret Cavendish's Poems and Fancies: A Digital Critical Edition / ed. L. Blake. URL: <http://library2.utm.utoronto.ca/poemsandfancies/2017/06/09/a-world-made-by-atoms/> (дата обращения: 13.05.2023).

³²⁷ *Cavendish M.* The Reason Why the Thoughts Are Only in the Head // Ibid.

Чувствуется неоднозначность М. Кавендиш в определении природы мысли и ее местоположения и в вопросе о ее материальной природе. В стихотворении «Движение мыслей» М. Кавендиш формулирует эту проблему еще более четко³²⁸. Она описывает движение своих мыслей наподобие странствия. Мысли взбираются на высокий холм, с которого видят ярчайший свет, заполняющий все пространство вокруг. Кавендиш размышляет о природе этого света и описывает его в виде первоисточника движения всего сущего: «Мои мысли дивились тому, что они видели», и далее: «И в конце концов осознали в себе ту же природу, но были столь малой ее ветвью, что не могли знать, откуда они произошли, и как были рождены»³²⁹. Здесь же чувствуется и скептицизм по отношению к возможности окончательного познания истины: «Мы можем определить удаленность планет / И число звезд в небе; / Рассчитать окружность мира; / Выявить все явления природы. / Но никто из мудрых и ученых не сможет дать ответ, / Что происходит на небесах / И какая жизнь нас там ожидает»³³⁰.

Вопросы о сущности познания, природе телесного и бестелесного, структуре мысли и воображения встречаются в творчестве многих мыслителей того времени. И хотя М. Кавендиш, как и Т. Гоббса, можно отнести к материалистам, все же нельзя поставить между их философскими программами знак равенства. В уже упоминавшемся стихотворении «Сложно поверить, что в этом мире есть другие миры»³³¹ М. Кавендиш продолжает задаваться вопросом о возможностях эмпирического познания, перечисляя суждения, противоречащие чувственному восприятию: что духи могут менять форму и обновлять свои тела, что жизнь может осуществляться без тела и что фантазия подобна бестелесным духам,

³²⁸ *Cavendish M. The Motion of Thoughts // Margaret Cavendish's Poems and Fancies: A Digital Critical Edition / ed. L. Blake. URL: <http://library2.utm.utoronto.ca/poemsandfancies/2017/06/12/the-reason-why-the-thoughts/> (дата обращения: 13.05.2023).*

³²⁹ *My thoughts then wondering at what they did see, / Found at the last themselves the same to be, / Yet were so small a branch, as they could not / Know whence they sprung, nor how they were begot. (Ibid.)*

³³⁰ *Say we can measure all the planets high, / And number all the stars be in the sky, / And we can circle all the world about, / And can find all th'effects of nature out: / Yet all the wise and learned cannot tell / What's done in Heaven, or how we there shall dwell. (Ibid.)*

³³¹ *Cavendish M. It Is Hard to Believe that there Are Other Worlds in this World // Margaret Cavendish's Poems and Fancies: A Digital Critical Edition / ed. L. Blake. URL: <http://library2.utm.utoronto.ca/poemsandfancies/2017/06/12/it-is-hard-to-believe-that-there-are-other-worlds-in-this-world/> (дата обращения: 13.05.2023).*

но все же не может существовать без мозга³³². В ранней философии М. Кавендиш эти суждения выглядят довольно противоречиво и наводят на вопрос о том, могут ли бестелесные духи быть наделены воображением.

Вопросу о природе мысли и воображения отведено немало места и в «Левиафане» Т. Гоббса. Воображением он называет ослабленное ощущение, вызванное движением во внутренних частях человека, при этом его ослабление вызвано замещением прежних ощущений новыми: «подобно тому, как свет солнца затемняет свет звезд»³³³. Поэтому, по его мнению, более близкие объекты воспринимаются отчетливее, чем удаленные: «Представление прежнего объекта затемняется и слабеет, подобно тому, как это бывает с человеческим голосом в шуме дня»³³⁴. Время, таким образом, разрушает то, что он называет «представлением», «так как непрерывное изменение человеческого тела с течением времени разрушает частицы, находящиеся в движении в акте ощущения»³³⁵. Поблекшее представление он называет «памятью», то есть фактически память для Гоббса – это ослабевшее воображение или представление: «Представление и память обозначают одну и ту же вещь, которая лишь в зависимости от различного ее рассмотрения имеет разные названия»³³⁶.

Нет однозначного ответа насколько тесно общались М. Кавендиш и Т. Гоббс. Имеется только одно письмо за 1661 г. от Т. Гоббса к М. Кавендиш с благодарностью за полученную им книгу, где он сообщает, что в ней «больше верных суждений о добродетели и чести, чем в любой другой прочитанной им книге о морали»³³⁷.

Вот как Маргарет описывает их отношения в «Эпиллоге» к работе «Философские и физические мнения» (1655): «Что же касается магистра Гоббса, я действительно имела счастье видеть его довольно

³³² That spirits change and can take bodies new, / That life may be, yet in no body live, / For which no sense nor reason we can give. // As incorporeal spirits this fancy feigns, / Yet fancy cannot be without some brains. (*Cavendish M. It Is Hard to Believe that there Are Other Worlds in this World* // Margaret Cavendish's Poems and Fancies: A Digital Critical Edition / ed. L. Blake. URL: <http://library2.utm.utoronto.ca/poemsandfancies/2017/06/12/it-is-hard-to-believe-that-there-are-other-worlds-in-this-world/> (дата обращения: 13.05.2023).)

³³³ Гоббс Т. Соч.: в 2 т. Т. 2 / пер. с лат. и англ. Н. Федорова, А. Гутермана; сост., ред. изд., авт. вступ. ст. и примеч. В.В. Соколов. М.: Мысль, 1991. С. 12.

³³⁴ Там же.

³³⁵ Там же.

³³⁶ Там же.

³³⁷ Letters and poems in honour of the incomparable princess, Margaret, Dutchess of Newcastle. London: Printed by Thomas Newcombe, 1676. P. 67–68. URL: <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A48252.0001.001?view=toc> (дата обращения: 16.03.2023).

часто на обедах у моего господина, и, поскольку я редко общалась с посторонними, у меня не было другой возможности встретить этих двух знаменитых философов [Гоббса и Декарта. – Г. Ш.]. Однако, насколько я помню, я никогда не слышала, чтобы магистр Гоббс рассуждал о философии, и я никогда в жизни не обменялась с магистром Гоббсом и дюжиной слов, но я не могу сказать, что не задавала ему вопросов, ведь, когда я была в Лондоне, повстречав его, я сказала, что была бы очень рада его видеть, и спросила, не будет ли он любезен оказать мне честь остаться на обед, но он с большой любезностью отказал, так как у него было некое дело, которое, я полагаю, требовало его присутствия»³³⁸.

Несмотря на невозможность прямого общения М. Кавендиш и Т. Гоббса, она отводит ему немало места в своих «Философских письмах». В обращении к читателю она пишет: «Я написала эту книгу не из-за тяги, любви или предрасположенности к противоречию, ибо я предпочитаю скорее восхвалять, чем опровергать любую изобретательную личность или людей. По причине того, что мнение свободно и может пройти без пропуска (*may pass without a pass-port*), я взяла на себя смелость изложить свои собственные суждения, как это делают другие философы, и с этой целью изложила здесь мнения нескольких известных ученых (*learned*) авторов, а также свои ответы на них в виде писем, форма которых подходила мне более всего. Тем самым я сделала то, чего хотела бы и для себя, ибо я хочу, чтобы мои мнения опровергались, как и я противоречу другим. Я так люблю разум, что тот, кто сможет привести наиболее рациональные и вероятные аргументы, получит мой голос, хотя бы они и опровергали мои суждения»³³⁹. М. Кавендиш, таким образом, подвергает сомнению возможность окончательного познания истины, что девальвирует статус ученых мужей, и ставит ее нарав-

³³⁸ *Cavendish M. An Epiloge to my Philosophical Opinions // The philosphical and physical opinions written by Her Excellency the Lady Marchionesse of Newcastle. London: Printed for J. Martin and J. Allestrye..., 1655. URL: <https://quod.lib.umich.edu/cgi/t/text/text-idx?c=eebo;idno=A53055.0001.001> (дата обращения: 10.08.2023).*

³³⁹ *Cavendish M. To the Most Famous University of Cambridge // Philosophical Letters: or Modest Reflections Upon some Opinions in Natural Philosophy, Maintained By several Famous and Learned Authors of this Age, Expressed by way of Letters: By the Thrice Noble, Illustrious, and Excellent Princess, The Lady Marchioness of Newcastle. London, Printed in the Year, 1664. URL: https://www.gutenberg.org/files/53679/53679-h/53679-h.htm#TO_THE (дата обращения: 25.04.2023).*

не с ними, позволяя задавать вопросы и опровергать догматы. Однако она не отрицает эвристический потенциал натуральной философии и в письме IV.XXVII пишет: «Без натурфилософии мы жили бы в невежестве, не зная движений небес, причин затмений, влияний звезд, употребления чисел, мер и весов, свойств и действий растений и минералов, искусства архитектуры, мореплавания и тому подобного»³⁴⁰.

В письме I.VI она подвергает критике суждения Т. Гоббса о воображении, представленные в «Левиафане». Она не согласна с его утверждением, что воображение есть ослабевающее чувство, сообщая что «не только их материя (*matter*), но и их движения (*motions*) различаются; ибо воображение есть разумное восприятие (*rational perception*), а чувство – чувственное восприятие (*sensitive perception*), поэтому насколько разумная материя отличается от чувственной, настолько воображение отличается от чувства»³⁴¹. К моменту составления писем ее рассуждения о местонахождении мысли оформились в концепцию существования разумной материи. Она пишет, что хотя «впечатления (*Impressions*) не остаются в теле чувствительной материи, в ее власти создавать или повторять подобные образы (*figures*). Воображение ничуть не слабее, когда предмет отсутствует, чем когда он находится перед нами, но образ, запечатленный органами чувств, видоизменяясь и оставаясь единственно в разумной части материи, не так очевиден и ясен, как когда предмет был одновременно и в чувстве (*sense*), и в уме (*mind*)»³⁴². В доказательство того, что образы минувшего остаются с течением времени все столь же сильными, она замечает, что «многие люди в старости будут иметь столь же совершенные образы (*Imagination*) происходившего в их молодые годы, как если бы это случилось только что»³⁴³. Рассуждая о соотношении воображения и памяти, она

³⁴⁰ Полный перевод см. в приложении на с. 202 наст. изд. (*Cavendish M. Letter IV.XXVII // Philosophical Letters: or Modest Reflections Upon some Opinions in Natural Philosophy, Maintained By several Famous and Learned Authors of this Age, Expressed by way of Letters: By the Thrice Noble, Illustrious, and Excellent Princess, The Lady Marchioness of Newcastle. London, Printed in the Year, 1664. URL: <https://www.gutenberg.org/files/53679/53679-h/53679-h.htm> (дата обращения: 25.04.2023).*)

³⁴¹ *Cavendish M. Letter I.VI // Philosophical Letters: or Modest Reflections Upon some Opinions in Natural Philosophy, Maintained By several Famous and Learned Authors of this Age, Expressed by way of Letters: By the Thrice Noble, Illustrious, and Excellent Princess, The Lady Marchioness of Newcastle. London, Printed in the Year, 1664. URL: <https://www.gutenberg.org/files/53679/53679-h/53679-h.htm> (дата обращения: 25.04.2023).*

³⁴² *Ibid.*

³⁴³ *Ibid.*

замечает, что «они могут состоять из одного вида материи, но хотя материя эта одинакова, однако разные движения в разных ее частях делают Воображение и Память разными предметами. Например, человек может вообразить то, чему никогда не был свидетелем, поэтому воображение и память не одно и то же»³⁴⁴.

В 1655 г. Гоббс издает трактат «О теле» (*De corpore*), который является первой частью «Основ философии». Одна из глав посвящена ощущению и животному движению. Воспоминанием он называет чувственное ощущение: «Ибо ощущать, что мы ощущали, есть не что иное, как вспоминать»³⁴⁵, то есть уравнивает природу ощущения и воспоминания. Чувственное восприятие, как и в «Левиафане», он объясняет внутренними движениями, происходящими в теле: «Субъектом ощущения является сам ощущающий, следовательно, живое существо; и правильное утверждать, что видит живое существо, чем что видит глаз»³⁴⁶. Природа чувств и ощущений у Гоббса связаны с движением частиц: «В тот самый момент, когда первая частица занимает место второй, отодвинув ее далее, предпоследняя частица занимает место отодвинутой ею последней, благодаря чему в то же мгновение в силу обратного давления, если оно достаточно сильно, возникает впечатление и одновременно с последним — соответствующее ему ощущение»³⁴⁷. Но главный тезис Гоббса, который будет оспаривать Кавендиш, состоит в том, что только тела, имеющие специальные органы, способны запоминать ощущения: «Ибо раз эти неодоушевленные тела не обладают, подобно живым существам, органами³⁴⁸, годными для сохранения сообщенного им движения (и по удалении предмета), то они будут ощущать только таким образом, что у них никогда не сохранится воспоминания об испытанном ощущении»³⁴⁹.

³⁴⁴ Cavendish M. Letter I.VI...

³⁴⁵ Гоббс Т. Соч.: в 2 т. Т. 1 / пер. с лат. и англ.; сост., ред. изд., авт. вступ. ст. и примеч. В.В. Соколов. М.: Мысль, 1989. С. 192.

³⁴⁶ Там же. С. 194.

³⁴⁷ Там же.

³⁴⁸ Т. Гоббс определяет «животные» и «жизненные» духи так: «Так как ощущение есть не что иное, как переданное до последних частей органа действие объектов, а животные духи (*spiritus animales*) – не что иное, как очищенные в сердце и распространенные при помощи артерий жизненные духи (*spiritus vitales*), то отсюда следует, что процесс возбуждения распространяется от сердца до корешков нервов, находящихся в голове, при помощи каких-либо артерий, таких, как *plexus retiformis* или другие артерии, углубляющиеся в вещество мозга». (Там же. С. 202–203.)

³⁴⁹ Там же. С. 195.

В «Философских письмах» Маргарет выступает резко против отождествления мышления и ощущения с работой определенных органов: «Я считаю, что чувствительная и разумная части материи являются живыми и мыслящими (*knowing*) частями природы». Она называет ошибочным суждение Гоббса, что чувства присущи только животным, а разум только человеку, «ибо может ли кто-нибудь думать или верить, что природа невежественна и мертва во всех других своих частях, кроме животных». «Иные существа, – пишет она, – могут знать и воспринимать столько же, сколько и животные, хотя у них другие органы чувств и иной способ восприятия»³⁵⁰. Также она подвергает критике и концепцию Гоббса о механизме возникновения ощущений путем перемещения частиц: «По моему мнению, восприятие не вызывается ни столкновением тел, ни давлением, ибо давление вызвало бы общую остановку всех естественных движений, особенно если бы имелась какая-либо реакция или сопротивление чувств; но, по моему мнению, чувствительные и разумные телесные движения в одном теле формируют фигуру другого тела, как внешнего объекта, что может быть сделано легко без какого-либо давления или реакции»³⁵¹. Таким образом, ощущения, как и воображение, осуществляются не за счет влияния внешних раздражителей, а благодаря внутреннему самодвижению, «а чувствительные и разумные телесные движения являются единственной причиной восприятия»³⁵².

Маргарет Кавендиш раздвигает границы «мыслящего», включая в него не только животных, но и материю в целом. При этом она не утверждает, что все тела одинаково разумны, но резонно предлагает за неимением достоверных сведений не отводить возможность к суждению исключительно человеку. Кавендиш остается материалисткой, во многом соглашаясь с концепцией движения частиц, но в то же время отрицая, что причиной движения может быть бездушное и неразумное воздействие одних частиц на другие. Подход Маргарет в философии называют виталистическим материализмом, и он действительно представлял собой довольно оригина-

³⁵⁰ *Cavendish M.* Letter I.XVIII // *Philosophical Letters: or Modest Reflections Upon some Opinions in Natural Philosophy, Maintained By several Famous and Learned Authors of this Age, Expressed by way of Letters: By the Thrice Noble, Illustrious, and Excellent Princess, The Lady Marchioness of Newcastle.* London, Printed in the Year, 1664. URL: <https://www.gutenberg.org/files/53679/53679-h/53679-h.htm> (дата обращения: 25.04.2023).

³⁵¹ *Ibid.*

³⁵² *Ibid.*

нальную концепцию XVII в. «Натурфилософия Кавендиш постулирует иерархию материи, объединенной в органическое целое, из которого состоит весь природный мир»³⁵³.

В основе всего лежит подвижная материя, из которой она выделяет три вида – разумную материю, лежащую в основе двух прочих, чувствительную, находящуюся на службе у разумной и неодушевленную, лишенную восприятия. Все три типа материи интегрированы в состав вселенной. «Чувствительные и разумные (*sensitive and rational*) части материи являются самыми чистыми и самыми тонкими частями природы – как активные части; знающие, понимающие и предусматривающие; проектирующие, строящие и трудящиеся; как жизнь и душа природы. И нет никакого творения или части природы лишенной этой жизни и души; и не только животные, но и растения, минералы и элементы, и все что есть в природе, наделены этой жизнью и душой, чувством и разумом»³⁵⁴. Ничто в природе не было лишено разума – ни животные, ни деревья, ни камни.

В «Наблюдениях за экспериментальной философией» (1666) Кавендиш отмечает, что животные наделены не меньшими талантами к познанию мира, чем человек: «Некоторые философы много рассуждают о познавательных способностях человека и невежестве всех других существ, но я уже достаточно сказала об этом не только здесь, но и в других философских работах, а именно: что я верю, что другие существа наделены не меньшим знанием, чем человек...»³⁵⁵ В пример она приводит информацию, которую человек может получить от животных. Например, по тому, как далеко от воды крокодилы строят гнезда, египтяне узнавали, насколько высоко поднимется Нил; а многие птицы могут предвидеть начало бури и укрываться до ее наступления. Это, по ее словам, свидетельствует, что познание многих живых существ происходит либо от чувственных восприятий, либо от рациональных наблюдений, либо от того и другого.

³⁵³ *Sarasohn L. T.* Leviathan and the Lady: Cavendish's Critique of Hobbes in the Philosophical Letters // *Authorial Conquests: Essays on Genre in the Writings of Margaret Cavendish* / ed. by L. Cottagnies and N. Weitz. Madison: Fairleigh Dickinson University Press, 2003. P. 40–58.

³⁵⁴ *Cavendish M.* A Preface to the Reader. *Philosophical Letters: or Modest Reflections Upon some Opinions in Natural Philosophy, Maintained By several Famous and Learned Authors of this Age, Expressed by way of Letters: By the Thrice Noble, Illustrious, and Excellent Princess, The Lady Marchioness of Newcastle.* London, Printed in the Year, 1664. URL: <https://www.gutenberg.org/files/53679/53679-h/53679-h.htm> (дата обращения: 25.04.2023).

³⁵⁵ *Cavendish M.* *Observations upon Experimental Philosophy* / ed. by Eileen O'Neill. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 218.

Человек же, по ее мнению, настолько самолюбив и тщеславен, что считает весь мир, созданным исключительно ради него одного и воображает, «что все другие существа невежественны, тупы, глупы, бессмысленны и неразумны; а только он мудрый, знающий и понимающий»³⁵⁶. С этим она связывает и то, что человек считает себя в праве молиться Богу за других тварей из-за их неспособности делать это самостоятельно. «Если бы пастырь только молился, а овцы его не молились и продолжали пребывать в своих грехах, я полагаю, что его молитвы были бы малодейственными, и поэтому хорошо, если их молитвы и прошения будут соединены вместе. То же самое можно сказать и о других существах, ибо единственное знание и преданность человечества не могут принести пользу другим созданиям, если они невежественны и не способны сами познавать, восхищаться, обожать и поклоняться Богу»³⁵⁷. Она не только отрицает превосходство человека, но и утверждает, что другие существа могут знать Бога намного лучше, чем человек: «И таким образом ни один человек, при всей силе своей логики, никогда не сможет доказать, что он является главой над всеми другими тварями, и только он как никто знает Бога и поклоняется ему; ибо бесспорно, что другие существа в своем роде столь же знающие и мудрые, как и человек в своем»³⁵⁸.

М. Кавендиш превозносит природу в качестве абсолютного творца, нивелируя различия между ее творениями. Вездесущность Бога уравнивается с природой, заполняющей все места во вселенной живой и разумной материей.

В стихотворении «Охота на зайца» (*The Hunting of the Hare*) она описывает повадки этого животного, говорящие о его мудрости. Например, как он старается сохранить тепло и не давать ветру задувать под его меховую шкурку³⁵⁹. Но гончие собаки уже взяли его след, и испуганный заяц пытается укрыться от них в густом лесу, но все напрасно:

³⁵⁶ *Cavendish M. Observations upon Experimental Philosophy* / ed. by Eileen O'Neill. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 219.

³⁵⁷ *Ibid.*

³⁵⁸ *Ibid.*

³⁵⁹ His Head he alwaies sets against the Wind; / If turne his Taile his Haires blow up behind: / Which he too cold will grow, but he is wise, / And keeps his Coat still downe, so warm he lies. (*Cavendish M. The Hunting of the Hare* // Margaret Cavendish's Poems and Fancies: A Digital Critical Edition / ed. L. Blake. URL: <https://library2.utm.utoronto.ca/poemsandfancies/2019/04/29/the-hunting-of-the-hare/> (дата обращения: 13.05.2023).)

начальствующих магистратов, несправедливых судей и спорщиков-юристов, ибо, поскольку их Содружество (*Commonwealth*) представляет собой единое тело или, точнее, все эти маленькие тела подобны одной великой голове или одному мудрому мозгу, они объединены общим Соглашением (*general Agreement*) как единым разумом; и их части объединены для общего блага, что дает всем в равной мере получать от этого выгоду»³⁶⁵. Наблюдение за муравьями наводит ее на мысль, что отнюдь не количество мозга означает мудрость, иначе «бык был бы мудрее человека». Также не от размера сердца зависит добродушие, «ибо эти маленькие создания, хотя у них и маленькие сердца, обладают великой щедростью, состраданием и милосердием друг к другу: и поскольку они всегда готовы нести часть бремени, их забота и привязанность вынуждает их хоронить своих умерших»³⁶⁶. Кавендиш признает, что ей не известно, скорбят ли муравьи по умершим, «но они кладут мертвых в землю и покрывают их землей с великой торжественностью»³⁶⁷.

Не менее любопытно она описывает пчел, которые собираются в рой, подобный шару. Она замечает, что, по всей видимости, это самая надежная фигура, и сравнивает роение с собранием совета. Сначала начинает говорить ведущая пчела, затем гул подхватывают все остальные, соглашаясь или нет с предложением главной пчелы. Кавендиш утверждает, что в их собрании отсутствуют споры, так как отсутствует тщеславие и своеволие. Пчелы, по ее мнению, мудрее людей, «ибо они знают, что, если Содружество (*Commonwealth*) будет разрушено, ни одна конкретная личность не будет свободной (*can be free*)»³⁶⁸.

Она отмечает, что муравей и пчела похожи друг на друга, скорее, своим трудом, чем управлением: «Пчелы – монархическое правительство, как любой может заметить; а муравьи – республика». И исходя из этого, она делает революционный вывод, что «не определенные формы правления, а определенные способы правления делают Содружество (*Commonwealth*) процветающим в изобилии, удобстве, мире и спокойствии. Монархическое государство (*Monarchical Government*) пчел такое же мудрое и счастливое, как и республика (*Republick*) муравьев»³⁶⁹.

³⁶⁵ Natures picture drawn by fancies pencil to the life being several feigned stories... P. 282.

³⁶⁶ Ibid.

³⁶⁷ Ibid. P. 283.

³⁶⁸ Ibid. P. 284.

³⁶⁹ Ibid. P. 286.

Не останавливаясь здесь на ее политических взглядах, замечу, что разумность или рациональность материи является фундаментом как ее теологических, так и социо-политических воззрений. А из рассуждения о существовании рациональной материи вытекает вопрос о возможности существования бестелесного.

Т. Гоббс в «Возражении Декарту» отрицал возможность осознания незримых тел и предзаданных идей, «поскольку мы верим в существование неких существ – исполнителей воли Бога, незримых и нематериальных, мы даем предполагаемой нами вещи, в которую мы верим, имя ангела, хотя идея, в облике которой я воображаю ангела, составляется из идей зримых вещей»³⁷⁰.

Причину возникновения фантастических образов Гоббс в «Левифане» видит в человеческом страхе, который делает людей «склонными предполагать и воображать существование разного рода невидимых сил, благоговеть перед образами своего собственного воображения, призывая их на помощь в моменты несчастий и вознося им благодарность в надежде на успех, делая, таким образом, своими богами творения собственной фантазии»³⁷¹.

Гоббс объясняет их возникновение несовершенством человеческой фантазии, но в тоже время делает вывод, что с помощью умозаключений можно устранить ошибочные суждения. В трактате «О теле» он говорит об этом еще более конкретно: «Некоторые принимают явления и голоса, которые они, как им представляется, видят и слышат во сне, не за образы воображения, а за предметы, существующие независимо от них. Ибо воображению некоторых не только спящих, но и бодрствующих людей, в особенности таких, которые виновны в каком-либо преступлении, страх, отчасти поддерживаемый рассказами о подобных явлениях, рисует ночью в святых местах страшные видения, которые они принимают за реальные вещи и называют духами или бестелесными субстанциями»³⁷².

³⁷⁰ Декарт Р. Соч.: в 2 т. Т. 2 / пер. с лат. и фр. С.Я. Шейнман-Топштейн и др., ред. изд., авт. вступ. ст. и примеч. В.В. Соколов. М.: Мысль, 1994. С. 141–142.

³⁷¹ Гоббс Т. Соч.: в 2 т. Т. 2 / пер. с лат. и англ. Н. Федорова, А. Гутермана; сост., ред. изд., авт. вступ. ст. и примеч. В.В. Соколов. М.: Мысль, 1991. С. 80–81.

³⁷² Гоббс Т. Соч.: в 2 т. Т. 1 / пер. с лат. и англ.; сост., ред. изд., авт. вступ. ст. и примеч. В.В. Соколов. М.: Мысль, 1989. С. 202.

Маргарет Кавендиш скептически относится к подобным рассуждениям, поскольку не уверена в возможностях нахождения окончательной истины. В «Стихах и фантазиях» она рассуждает о том, существуют ли феи, и приходит к выводу, что природа не только «может создавать малые тела с таким же успехом, как и большие, а тонкие с таким же успехом, как и широкие», но и что в маленьких телах могут быть такие же разумные и богоспасаемые души. «В природе есть все основания, чтобы не только существовали такие вещи, как феи, но и чтобы они были так же дороги Богу, как и мы»³⁷³.

Но когда дело доходит до бестелесных сущностей, однозначный ответ об их существовании дать гораздо сложнее. Т. Гоббс прямо заявляет, что существование бестелесных духов невозможно: «Слова “субстанция” и “тело” означают одно и то же, поэтому бестелесная субстанция суть слова, которые при соединении взаимоуничтожают друг друга, как если бы человек сказал: бестелесное тело»³⁷⁴. Он полагает, что простакки называют телами исключительно осязаемые или видимые вещи, поэтому часто называют «воздух и воздушные субстанции» духами (*spiritus*): «Ту воздушную субстанцию, которая дает телу всякого живого существа жизнь и движение, они называют жизненными (*vital*) или животными (*animal*) духами»³⁷⁵. Что касается «идолов ума», как он называет бестелесных духов, то единственная причина веры в них – ложное воображение. «Так что точное значение слова дух в обиходной речи есть или утонченное, текучее и невидимое тело, или привидение, или другой призрак, или фантом воображения»³⁷⁶.

В более ранней работе «Человеческая природа» Гоббс не отрицал полностью возможности существования бестелесных духов, но утверждал, что в силу их неестественной природы для человека они непознаваемы: «Мы, христиане, признаем существование

³⁷³ Полный перевод см. в приложении на с. 193 наст. изд. (*Cavendish M. To the Reader, Concerning Fairies // Margaret Cavendish's Poems and Fancies: A Digital Critical Edition / ed. L. Blake. URL: <http://library2.utm.utoronto.ca/poemsandfancies/2019/04/30/to-the-reader-concerning-fairies/> (дата обращения: 13.05.2023).*)

³⁷⁴ Гоббс Т. Соч.: в 2 т. Т. 2 / пер. с лат. и англ. Н. Федорова, А. Гутермана; сост., ред. изд., авт. вступ. ст. и примеч. В.В. Соколов. М.: Мысль, 1991. С. 304.

³⁷⁵ Там же. С. 305.

³⁷⁶ Там же.

добрых и злых ангелов и духов. Мы говорим, что человеческая душа есть дух и что духи бессмертны, но для нас невозможно познание их, то есть они не могут иметь для нас естественной очевидности. <...> Предполагая, что духи являются субстанциями, не оказывающими никакого действия на наши органы чувств, мы признаем, что они непознаваемы»³⁷⁷. Но тут же, стараясь увязать свою концепцию с Писанием, он заявляет, что едва ли «во всей Библии мы могли найти слово “бестелесный”». Таким образом, он указывает на телесную природу духов, ангелов и самого Бога, поскольку они занимают определенное место, а это признак протяженности, а «все, что имеет протяженность, есть тело, каким бы тонким мы ни представляли его себе»³⁷⁸. Гоббс заключает: «Мне представляется, что Писание свидетельствует скорее в пользу тех, кто представляет себе ангелов и духов телесными существами, чем в пользу тех, кто придерживается противоположного мнения»³⁷⁹.

Кавендиш допускает существование нематериальных сущностей, таких как божественная и сверхъестественная душа, но утверждает, что разумная материя и наши тела не могут контактировать с ними. Таким образом, по ее мнению, нематериальные сущности могут существовать, но ни один разум не будет в состоянии их постичь. Она не заявляет однозначно о том, что они существуют, но и не отрицает возможность этого, хотя и выносит их за границы естественного, так как все натуральное, по ее представлению, телесно³⁸⁰. Кавендиш и Гоббс были не единственными, кто задавался вопросом о существовании и форме бестелесных сущностей. С ними полемизировал Генри Мор, настаивавший на существовании нематериальных субстанций, но не отделявший их от телесных и не отрицавший возможность их познания³⁸¹. В 1671 г. Генри Мор опубликует «Руководство по метафизике», содержащее доказательства существования нематериальных сущностей и критику механицизма Декарта. В качестве дополнитель-

³⁷⁷ Гоббс Т. Соч.: в 2 т. Т. 1. С. 560.

³⁷⁸ Там же. С. 561.

³⁷⁹ Там же.

³⁸⁰ См.: *Cunning D.* Margaret Lucas Cavendish // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter 2022 Edition) / eds. E.N. Zalta & U. Nodelman. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2022/entries/margaret-cavendish/> (дата обращения: 15.05.2023).

³⁸¹ См.: *Duncan S.* Debating Materialism: Cavendish, Hobbes, and More // History of Philosophy Quarterly, 2012. No. 4. P. 391–409.

ных аргументов в защиту своей концепции он приводит некоторые из экспериментов Р. Бойля³⁸². В «Пылающем мире» в сцене диалога с духами Маргарет подвергает критике многие тезисы Г. Мора.

Ее отношение к бестелесному прекрасно иллюстрирует «Письмо III. XVI» из «Философских писем», в котором она отвечает на сочинение Ван Гельмонта о ведьмах. В нем она отмечает, что часто фантазировала о субстанциях «более чистых и тонких, чем небо или эфирная субстанция», но в ее воображении эти субстанции «были материальными и имели тела, хотя никогда не были такими малыми и тонкими, ведь, пишет она, – я никогда не могла представить субстанцию, абстрагированную от всей материи, ибо даже воображение само по себе материально, и все мысли и понятия (*Thoughts and Conceptions*) созданы разумной материей, как и те, которые философы называют животными духами; но материальное воображение не может произвести нематериальные результаты, то есть идеи бестелесных духов»³⁸³. Несмотря на ее заявление о недостижимости нематериальной субстанции, в «Философских письмах» мы можем найти немало рассуждений о ее природе.

Нельсон Холли Фейт выделяет десять тезисов о природе сверхъестественной души, которые приводит М. Кавендиш. Она утверждает, что сверхъестественная душа подарена Богом только людям; она едва ли передается от родителей к детям из-за разницы нематериальной и телесной субстанций; если она и находится в теле, то не в какой-то одной части иначе другие были бы бездушными; идея нематериальной природной субстанции не имеет смысла; сверхъестественная душа не занимает

³⁸² В «Общем прологе» к «Собранию избранных сочинений» Г. Мор, сравнивая себя с Декартом, напишет: «...Мы оба отталкиваемся от одного и того же, но следуем различными путями. Один следует благородной Демокритовой дорогой среди пыли атомов и вихря частиц материи. Другой следует возвышенным (горным) путем платонизма, в более утонченной сфере нематериального. Тем не менее оба достигают одной цели (конечно, не без помощи Провидения), то есть святой Библии, посвящая свои совместные усилия пользе и славе Христианской церкви...» (Н. Море. «General Preface to the Selected Collection of Works»). (Семенов А.А., Ковалева И.В. Общая характеристика философии Генри Мора в контексте основных научных и теологических проблем XVII в. // Академия. Материалы и исследования по истории платонизма. Вып. 5. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2003. С. 345–364.)

³⁸³ Полный перевод см. в приложении на с. 203 наст. изд. (*Cavendish M. Letter III.XVI // Philosophical Letters: or Modest Reflections Upon some Opinions in Natural Philosophy, Maintained By several Famous and Learned Authors of this Age, Expressed by way of Letters: By the Thrice Noble, Illustrious, and Excellent Princess, The Lady Marchioness of Newcastle. London, Printed in the Year, 1664. URL: <https://www.gutenberg.org/files/53679/53679-h/53679-h.htm> (дата обращения: 25.04.2023).)*

места и поэтому неделима; она неспособна передавать или принимать движение чему-либо в природе; она наделена естественным разумом отличным от природного естественного разума; если она и существует в природе, то не может смешиваться с ней; сверхъестественная душа не может принадлежать к природе Бога, которая радикально отличается от человеческой природы; согласно писаниям естественная душа после смерти покидает естественную жизнь, отправляясь в Ад или в Рай³⁸⁴.

Холли Фейт замечает, что в своей последней крупной философской работе «Основания натуральной философии» (1668) Маргарет старается свести воедино действия Бога, природы, духа и материи, упоминая сверхъестественную душу в сослагательном наклонении и утверждая, что, в соответствии с божественными указами, части природы могут действовать сообразно их естественной воле: «Кавендиш не стремилась нарисовать картину “безбожной” вселенной... ее усилия приводят к новому и особому подходу к хронике отношений веры и разума, духа и материи у той, кто всерьез стремится быть одновременно “хорошей христианкой и хорошим естествоиспытателем”³⁸⁵».

И все же хочется подчеркнуть, что Маргарет, освобождая природу от сверхъестественных сущностей, в то же время постулирует трудность их познания в силу невежества отдельных частей природы: «Природа сама по себе является магией, но ее можно назвать естественной магией или колдовством только по отношению к нашему неведению. Хотя природа стара, все же она не ведьма, а серьезная, мудрая, методичная матрона, управляющая своим бесконечным семейством, составляющим ее отдельные части, с легкостью и умением, без ненужных хлопот и затруднений, которые происходят из-за невежества отдельных ее частей или отдельных существ, не понимающих своей хозяйки природы, ее действий и правления...»³⁸⁶

³⁸⁴ См.: *Nelson Holly Faith*. “A Good Christian, and a Good Natural Philosopher”: Margaret Cavendish’s Theory of the Soul(s) in the Early Enlightenment // *Studies in Philology*. 2016. Vol. 113. No. 4. P. 960.

³⁸⁵ *Ibid.* P. 968.

³⁸⁶ *Cavendish M.* Letter III.XVI // *Philosophical Letters: or Modest Reflections Upon some Opinions in Natural Philosophy, Maintained By several Famous and Learned Authors of this Age, Expressed by way of Letters: By the Thrice Noble, Illustrious, and Excellent Princess, The Lady Marchioness of Newcastle*. London, Printed in the Year, 1664. URL: <https://www.gutenberg.org/files/53679/53679-h/53679-h.htm> (дата обращения: 25.04.2023).

3.2. Ученое общество

Было бы ошибкой полагать, что общение Маргарет с научным обществом ограничивалось едкими суждениями в печати, как и считать, что никто в философских кругах не воспринимал Маргарет всерьез. Выйдя замуж за Уильяма Ньюкасла, вместе с обширным богатством она получила возможность приобретать новейшие научные труды и устройства. Многие мыслители, оставшиеся в годы гражданской войны и протектората в Англии, этой возможности не имели. В 1640-х гг. Кавендиши приобрели обширную коллекцию микроскопов и телескопов, среди которых были телескопы Торричелли и Эстачио Дивино. Маргарет активно пользовалась приборами и имела свой собственный микроскоп³⁸⁷. Неверно полагать, что критика экспериментализма в работах Маргарет основана только на недовольстве замкнутостью мужского сообщества. Многие критические положения Маргарет имеют серьезную философскую подоснову. О том как развивались философские взгляды Маргарет, можно узнать из сохранившихся писем. Спустя три года после ее кончины, в 1676 г., Уильям Кавендиш опубликовал собрание писем и стихов, адресованных известными авторами его супруге.

Многие из писем являются благодарностями за полученные в подарок книги. Например, полное комплиментов письмо натуралиста и алхимика Кенелма Дигби от 9 июня 1657 г. начинается так: «Сударыня, достойный подарок, который Ваше превосходительство изволила сделать мне через мистера Слотера, заставил меня вновь восхититься вашей добротой и знаниями...»³⁸⁸ Натурфилософ и богослов Уолтер Чарлтон в письме от 1 января 1654 г. также благодарит Маргарет за одну из книг, «недавно опубликованную под элегантным и наиболее подходящим названием – “Олио мира”»³⁸⁹. Но, помимо писем, написанных исключительно с целью выразить свою благодарность

³⁸⁷ См.: *Wilkins E. Margaret Cavendish and the Royal Society // Notes and Records of the Royal Society of London. 2014. Vol. 68. No. 3. P. 247.*

³⁸⁸ *Kenelm Digby to Cavendish // Letters and poems in honour of the incomparable princess, Margaret, Dutchess of Newcastle. London.: Printed by Thomas Newcombe, 1676. P. 65. URL: <https://quod.lib.umich.edu/e/ebo/A48252.0001.001?view=toc> (дата обращения: 16.03.2023).*

³⁸⁹ *Walter Charleton to Cavendish // Letters and poems in honour of the incomparable princess, Margaret, Dutchess of Newcastle. London: Printed by Thomas Newcombe, 1676. P. 142–149. URL: <https://quod.lib.umich.edu/e/ebo/A48252.0001.001?view=toc> (дата обращения: 16.03.2023).*

и засвидетельствовать почтение перед Маргарет и ее супругом, есть письма, в которых Маргарет ведет полемику касательно актуальных натурфилософских вопросов.

Сохранилось одиннадцать писем из переписки Маргарет и Константина Гюйгенса. В письмах конца 50-х гг. обсуждается природа такого феномена, как «капли Руперта». В одном из писем Маргарет оспаривает возражения Гюйгенса и приводит собственные доводы касательно экспериментального разрешения их разногласий³⁹⁰. В конце письма она замечает, что из-за плохого почерка письмо писалось не ей собственноручно, а под диктовку.

Также сохранились письма 1658 г., где Маргарет просит Гюйгенса презентовать ее книги библиотеке Лейденского университета и благодарит за успешное содействие: «Я бы поблагодарила Вас раньше, если бы не страдала так от зубной боли и стоматологов. Я рада, что моя книга была включена в Лейденскую библиотеку»³⁹¹. Не стоит полагать, что Гюйгенс поддерживал переписку исключительно из-за высокого статуса Маргарет и ее супруга. Ее сочинения действительно могли волновать и лишать сна. В письме 1653 г. к Утрисии Суонн К. Гюйгенс пишет: «Я был очарован этой дамой и поздней беседой о ее чудесной книге, чьи экстравагантные атомы не давали мне уснуть большую часть прошлой ночи в моем скромном уединении, где, с тех пор как Ваша милость бывала здесь в последний раз, я соорудил два прелестных кабинета с окнами, выходящими к воде, используя их чаще, чем весь замок Хофвейк, который теперь превратился в могучее и величественное здание, поскольку все в этом мире велико или мало только в сравнении»³⁹². Возможно, его замечание об относительности величин навеяно рассуждениями Маргарет о множественности миров из «Стихов и фантазий».

В любом случае Маргарет не только была открыта критическим замечаниям, но и могла аргументированно отстаивать свою позицию. И хотя она не раз заявляет об относительности философских истин, тщетности поиска окончательных ответов, а часто и критикует экспериментальный подход, в то же время она настаивает на эв-

³⁹⁰ Полный перевод см. в приложении на с. 197 наст. изд. (Constantijn Huygens, Briefwisseling. Deel 5: 1649–1663 / ed. J.A. Worp. Martinus Nijhoff, Den Haag. 1916. P. 287.)

³⁹¹ Ibid. P. 313.

³⁹² Ibid. P. 187.

ристическом потенциале натурфилософского поиска. В «Олио мира» помещено ее «Послание к читателям, сомневающимся в натуральной философии». Она последовательно отвергает суждения тех, кто называет поиск истин тщетным и не имеющим конечной цели, утверждая, что из результата можно вывести причину, а открытия, наподобие открытия Нового Света, говорят об оправданности поиска, а главное, являют собой пример того, что иногда авантюрный поиск оказывается удачным и только невежды могут отрицать все новое и неизвестное³⁹³.

Ее увлечение натурфилософией было поддержано ее супругом и его братом Чарльзом. У. Чарльтон утверждал в письме, что фантазии Маргарет показались ему чрезвычайно любопытными³⁹⁴ и в дальнейшем способствовал ее визиту в Королевское общество. Один из первых членов Королевского общества – Джон Ивлин, отмечал, что работы Кавендиш демонстрируют, что ум не имеет пола³⁹⁵, и поддерживал с ней общение вплоть до ее смерти. В письме Маргарет к Ивлину за февраль 1670 г. она, выражая благодарность за подаренную ей книгу «Беседы о лесных деревьях» (*Sylva, or A Discourse of Forest-Trees*), пишет: «Вы посадили лес, полный удовольствия и пользы, и, хотя он велик по количеству и разнообразию, окружили его элегантностью и красноречием, что доказывает, что Вам больше подходит быть главой Королевского общества, чем его членом»³⁹⁶. Лиза Уолтерс упоминает и женщин, на которых оказала влияние натурфилософская деятельность Маргарет. Считается, что она вполне могла обмениваться идеями с переводчицей «О природе вещей» (*De rerum natura*) Лукреция Люси Хатчинсон, с которой была знакома, а также

³⁹³ Полный перевод см. в приложении на с. 193 наст. изд. (*Cavendish M. An Epistle to the Unbelieving Readers in Natural Philosophy // The Worlds Olio Written by the Right Honorable, the lady Margaret Newcastle. London: Printed for J. Martin and J. Allestrye at The Bell in St. Pauls Church Yard, 1655. URL: <http://digitalcavendish.org/complete-works/worlds-olio-1655/> (дата обращения: 10.08.2023).*)

³⁹⁴ *Walter Charleton to Cavendish // Letters and poems in honour of the incomparable princess, Margaret, Dutchess of Newcastle. London: Printed by Thomas Newcombe, 1676. P. 142–149. URL: <https://quod.lib.umich.edu/e/ebo/A48252.0001.001?view=toc> (дата обращения: 16.03.2023).*

³⁹⁵ *Walters L. Epicurus and Gender in the British Newcastle Circle: Charleton, Hobbes and Margaret Cavendish // A Companion to the Cavendishes / eds. by L. Hopkins and T. Rutter. Leeds, Arc Humanities Press, 2020.*

³⁹⁶ *Diary and Correspondence of John Evelyn / ed. W. Bray. London: Henry G. Bohn, 1859. Vol. 4. P. 226.*

вдохновить на изучение Эпикура супругу Джона Ивлина Мэри и Афру Бен, осуществившую перевод «Открытия новых миров» Бернара де Фонтенеля³⁹⁷. Однако не всегда философия Маргарет оказывалась проста для понимания. Мэри Ивлин в письме к своему супругу замечает, что Кавендиш, «пользуясь случаем, дабы оправдать свою веру, рассказывала о своей религии – столь же новой и непонятной, как и ее философия»³⁹⁸.

Имеется еще одна любопытная грань отношений семьи Кавендишей и Ивлинов. Бракосочетание Маргарет и Уильяма проходило в 1645 г. в часовне сэра Ричарда Брауна в Париже. Тридцатилетняя разница в возрасте между супругами не была чем-то невероятным, но тем не менее породила насмешки. Два года спустя 27-летний Джон Ивлин женится в той же часовне на дочери сэра Ричарда Брауна Мэри, которой на тот момент было всего одиннадцать лет. Теперь уже Уильям со своей стороны пишет пикантные строки о паре Джона и Мэри. Д. Фицморис предлагает рассматривать иронические стихи Джона Ивлина, касающиеся визита Маргарет в Королевское общество³⁹⁹, как часть взаимного стихотворного обмена колкостями⁴⁰⁰.

Общению Маргарет с видными философами сильно мешало ее незнание иностранных языков. В уже упоминавшемся «Эпиволе к моим философским взглядам», опубликованном в «Философских и физических мнениях» (1655), Маргарет, отстаивая свою авторскую индивидуальность, сообщает: «Некоторые говорят, что моя книга по философии является результатом бесед с Декартом или магистром Гоббсом или ответом на их труды (*studies*). Я не могу отрицать, что мне доводилось встречаться с ними, но, признаться, я никогда в жизни не общалась с господином Декартом и никогда не понимала его речи, ибо он не говорил по-английски, а я не владею ни одним другим языком.

³⁹⁷ Walters L. Epicurus and Gender in the British Newcastle Circle: Charleton, Hobbes and Margaret Cavendish // Ibid. P. 184.

³⁹⁸ Diary and Correspondence of John Evelyn / ed. William Bray. London: Henry G. Bohn, 1859. Vol. 4. P. 8.

³⁹⁹ Her head-gear was so pritty / I n'ere saw any thing so witty / Tho' I was half a feard / God blesse us when I first did see her / Shee look'd so like a Cavalier / But that she had no beard. (Fitzmaurice J. The Cavendishes, the Evelyns, and Teasing in Verse and Prose // Quidditas. Vol. 16. Article 8. 1995. URL: <https://scholarsarchive.byu.edu/rmmra/vol16/iss1/8> (дата обращения: 28.03.2023).)

⁴⁰⁰ Ibid.

При встречах, а он дважды обедал с моим лордом в Париже, он показался мне самым немногословным человеком из всех, кого я когда-либо знала»⁴⁰¹.

Отношение Маргарет к научным сообществам сложно назвать однозначным. С одной стороны, она пишет о царящих в них спорах и разногласиях, с другой – сожалеет, что сама не является членом подобного сообщества.

В «Картинах природы» (1656) Маргарет помещает эссе под заголовком «Школьные ссоры или Битвы ученых», в котором рассказывает, как сбившийся с тропы путешественник укрывается от непогоды в доме, войдя в который, «он увидел длинную галерею, где книги стояли длинными рядами, а люди в старых лохмотьях читали и перелистывали страницы»⁴⁰². Первый из них изучал законы, второй – арифметику, третий сидел «с небесным глобусом и парой компасов, погруженный в изучение астрономии, занятый измерением планет и расстояния до них». Четвертый был географом и смотрел то в книгу, то на земной глобус. Пятый был очень серьезным и изучал моральную философию. Шестой «часто клал руку себе на грудь и закатывал черные глаза, изучая богословие». Те, кто читали и часто чесали затылки, были естествоиспытателями (*Natural Philosophers*). «Среди остальных один был очень весел и изучал старых поэтов. Также было очень много других, таких как историки, грамматики, логики, геометры, врачи и т. п.» Зазвонил колокольчик, и они отложили книги и завели дружескую беседу, которая привела к многочисленным спорам. «Грамматики и логики начали препираться друг с другом. Один о словах или, вернее, о буквах, другой – о смысле, предмете и содержании речи, одного беспокоили словообразования (*Derivations*), другого – количества и качества». Затем в спор вступили богословы, слова которых были «вне всякого почтения и вежливости»

⁴⁰¹ Cavendish M. An Epiloge to my Philosophical Opinions // The philosophical and physical opinions written by Her Excellency the Lady Marchionesse of Newcastle. London: Printed for J. Martin and J. Allestrye..., 1655. URL: <https://quod.lib.umich.edu/cgi/t/text/text-idx?c=eebo;idno=A53055.0001.001> (дата обращения: 10.08.2023).

⁴⁰² Cavendish M. The Schools Quarrels, or Scholars Battles // Natures picture drawn by fancies pencil to the life being several feigned stories, comical, tragical, tragi-comical, poetical, romanical, philosophical, historical, and moral: some in verse, some in prose, some mixt, and some by dialogues / written by... the Duchess of Newcastle. London: Printed by A. Maxwell, 1671. P. 165–170. URL: <https://quod.lib.umich.edu/cgi/t/text/text-idx?c=eebo;idno=A53048.0001.001> (дата обращения: 10.08.2023).

и которые называли друг друга «Еретиком, Вельзевулом, Вавилонской блудницей и тому подобными словами». Историк грек и историк римлянин спорили о достоинствах Александра и Цезаря и дошли до драки, втягивая других ученых (*Scholars*) в бой. В итоге даже магистр не мог прекратить их сражение, поскольку все поделались поровну: «Все септики (*Septicks*) были против математиков, естествоиспытатели против богословов, суровые моралисты против поэтов, и в такой же оппозиции были все остальные»⁴⁰³.

Разногласия и споры в сообществах приводили к беспорядкам, о чем Маргарет напишет спустя десять лет после «Картин природы» в «Пылающем мире», где героиня пойдет навстречу сообществу экспериментаторов и, вместо того чтобы распускать его, позволит им продолжать их занятия с условием, «что их споры и дебаты не будут выходить за пределы их школ, вызывая разногласия и беспорядки в государстве и правительстве»⁴⁰⁴.

Хотя она и относится скептически к возможности научного компромисса внутри сообществ, тем не менее она желает приобщиться к обществу натурфилософов и стать его членом. В «Общественных письмах» она прямо заявляет об этом в «Обращении к профессорам всех наук и искусств»: «И хотя я не являюсь ученой (*I have no learning*), все же позвольте мне восхищаться учением и желать, чтобы я была членом вашего Общества, ибо, конечно, будь я Императрицей мира, я бы продвигала вперед тех, кто обладает наибольшим знанием и умом, благодаря чему, как я полагаю, земля предпочла бы стать небесами, поскольку и люди, и правительство были бы такими же небесными. Я уверена, что мудрость и по большей части добродетель присущи тем, кто является мастерами учения (*Masters of Learning*) и наделены острым умом»⁴⁰⁵.

В «Пылающем мире» одна из героинь становится Императрицей мира и создает собственные научные сообщества, о чем подробнее будет сказано в следующей главе. А через год после издания «Пылающего мира», 30 мая 1667 г., происходит событие, которое чаще всего приводят в при-

⁴⁰³ *Cavendish M. The Schools Quarrels, or Scholars Battles // Natures picture drawn by fancies pencil to the life being several feigned stories... P. 165–170.*

⁴⁰⁴ *Кавендиш М. Пылающий мир. С. 242 наст. изд.*

⁴⁰⁵ Полный перевод см. в приложении на с. 192 наст. изд. (*Cavendish M. To All Professors of Learning and Art // Sociable Letters / ed. with an introduction and notes by J. Fitzmaurice. Abingon, NY: Routledge, 2012. P. 7.*)

мер, говоря о взаимодействии женщин с представителями научных обществ XVII в., – Маргарет посещает Королевское общество.

В историографии распространено устойчивое представление о противопоставлении Маргарет своей научной программы деятельности Королевского общества, при этом часто ее позиция подается как незрелая и наивная⁴⁰⁶. Но отношения Маргарет и членов Королевского общества были намного сложнее. После Великого пожара в 1666 г. Грешем-колледж, где прежде проводились собрания общества, был реквизирован лорд-мэром, и собрания стали проходить сперва на квартире доктора Уолтера Поупа, а после на Стрэнде в доме Арундела⁴⁰⁷. На собрании 23 мая лорд Беркли сообщил, что герцогиня Ньюкасл собирается посетить Общество и посмотреть на некоторые эксперименты, но желает, чтобы ей было направлено приглашение. Граф Карлайл и доктор Уолтер Чарльтон поддержали это предложение, и вопрос был поставлен на голосование. В итоге предложение было одобрено большинством голосов, а лорд Беркли и доктор Чарльтон должны были проинформировать герцогиню, что в следующий четверг общество с удовольствием развлечет ее экспериментами в Арундел-Хаусе. Р. Бойлю с Р. Гуком было поручено подготовить эксперименты с цветом, взвешиванием воздуха, растворением веществ и проч.⁴⁰⁸

День визита герцогини в Королевское общество запечатлен в дневнике Самюэля Пипса, которому наконец удается удовлетворить свое любопытство. «После обеда я пошел в Арундел-Хаус, было очень ветрено», – пишет он. Внутри он находит множество людей, многие из которых, как ему казалось, были против ее визита. Само описание визита Маргарет у Пипса занимает не больше нескольких предложений: «Вскоре пришла герцогиня в сопровождении своих женщин, между которых была Ферабоско⁴⁰⁹». Он отмечает, что служанка герцогини «действительно, теменькая, и у нее хорошенькие черные глазки, а в остальном самая заурядная женщина, но, говорят, хорошо поет». Примерно в том же надменном духе он описывает и саму герцогиню, говоря, что она «была

⁴⁰⁶ *Wilkins E.* Margaret Cavendish and the Royal Society // Notes and Records of the Royal Society of London. 2014. Vol. 68. No. 3. P. 246

⁴⁰⁷ *Mintz S.I.* The Duchess of Newcastle's Visit to the Royal Society // Journal of English and Germanic Philology. 1952. No. 2. P. 171.

⁴⁰⁸ *Ibid.* P. 172.

⁴⁰⁹ Феррабоско были итальянской семьей музыкантов.

приятной, миловидной женщиной, но платье у нее было такое старомодное, а манера держаться такая заурядная, что совсем меня не впечатлила, и я не слышал от нее ничего стоящего, кроме того, что она была полна восхищения». Описание происходящего в Обществе ограничено у него сообщением, что было показано «несколько прекрасных экспериментов с красками, магнитами, микроскопами и жидкостями, среди которых была жидкость, превращавшая кусок жареной баранины в чистую разряженную кровь»⁴¹⁰. Это все, что мы узнаем от него о визите герцогини. Заканчивает Пипс тем, что описывает ее уход: «После того как они показали ей множество экспериментов, и она все еще плакала, будучи преисполнена восхищения, она ушла, ведомая несколькими лордами»⁴¹¹.

Пипс не сообщает нам ничего о философских дебатах, ходе экспериментов и их участниках, замечаниях Маргарет и проч. Все, что мы от него узнаем, что она была, с его точки зрения, довольно миловидной. К счастью, сохранились протоколы собрания, опираясь на которые, Самюэль Минц детально реконструирует визит герцогини. Начинается все с того, что Маргарет опаздывает и президенту общества лорду У. Браункеру приходится браться за рутинные дела. На стол в знак того, что собрание началось, был водружен скипетр, дарованный Карлом II⁴¹². Он до сих пор служит важным символом Общества, напоминая о том, что Общество презентует монархическое правление. Скипетр декорирован символами Англии, Ирландии и Шотландии, а надпись на латыни сообщает, что он был дарован Карлом в 1663 г.

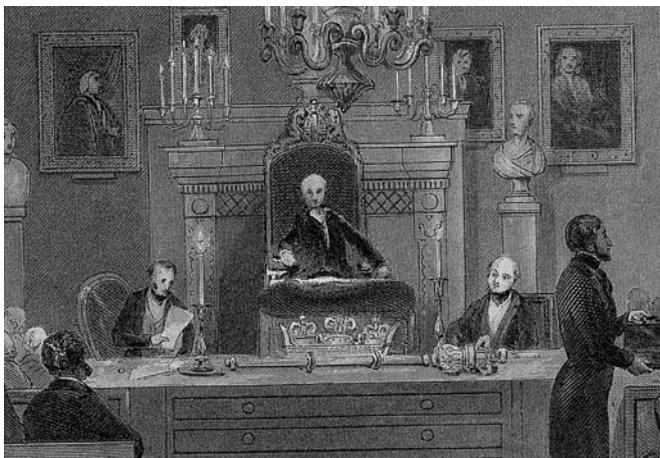
Члены Общества успели обсудить недавнее избрание господина Пети и предстоящее избрание Томаса Харли, а также вспомнить, что Гук задал обществу отчет об изменениях иглы под воздействием магнита. Прослушали письмо от доктора Уолтера Поупа, где он пишет о том, как осматривал червей в желудках бакланов, а также статью некоего доктора Тербервилля о человеке с вырезанной селезенкой. И только тут, как пишет С. Минц, «в компании прошло волнение. На востоке, на Милфорд-лейн, послышался шум карет, и через мгновение герцо-

⁴¹⁰ *Pepys S. Thursday. 30 May. 1667 // The Diary of Samuel Pepys. URL: <https://www.pepysdiary.com/diary/1667/05/30/> (дата обращения: 10.08.2023).*

⁴¹¹ *Ibid.*

⁴¹² *Mintz S.I. The Duchess of Newcastle's Visit to the Royal Society // Journal of English and Germanic Philology. 1952. No. 2. P. 172.*

гиня и ее свита с грохотом ввалились во двор Арундел-Хауса»⁴¹³. Лорд Браункер вышел, со скипетром, который торжественно несли перед ним, и принял герцогиню у дверей зала. Однако, судя по описанию, золоченый скипетр не произвел должного впечатления. Маргарет «внимательно осмотрела его, непонимающе уставилась на латинскую надпись и похвалила его изящество»⁴¹⁴. Герцогиня села по правую руку от президента, галантно отказавшегося от привилегии сидеть в шляпе, предоставленной ему уставом Общества⁴¹⁵.

Встреча членов Королевского общества в Сомерсет-Хаусе.
Фрагмент гравюры Генри Мелвилла
по рисунку Фредерика Фэрхолта. Лондон, 1844

За этим последовали эксперименты. Сперва Роберт Бойль продемонстрировал опыт со взвешиванием воздуха. Взвешивался заполненный воздухом сосуд, следом тот же сосуд, но с выкачанным воздухом, разница означала массу выкаченного воздуха⁴¹⁶. Маргарет привела в восторг возможность измерения массы бесплотного воздуха.

⁴¹³ Mintz S.I. The Duchess of Newcastle's Visit to the Royal Society // *Journal of English and Germanic Philology*. 1952. No. 2. P. 173.

⁴¹⁴ Ibid.

⁴¹⁵ Ibid. P. 174.

⁴¹⁶ В то время был еще не ясен химический состав воздуха. Он воспринимался не как сумма газов, а, скорее, как некий эфир, дающий живым организмам возможность жить.

Она, как отмечает Минц, «повернулась к своим женщинам и попросила их быть внимательными»⁴¹⁷. Такое обращение к своим дамам может свидетельствовать, что они не были случайными попутчицами, а являлись участниками возглавляемого Маргарет своеобразного женского общества⁴¹⁸. Далее Бойль перешел к опытам, демонстрирующим изменения цвета. Зрителей и в наше время приводит в восторг, когда две прозрачные жидкости, смешиваясь, испускают дым и принимают кроваво-красный цвет. Известно, что одним из опытов Бойль превратил рейнское вино в жидкость зеленого цвета, а другим – кусок баранины в разряженную кровь, как назвал это Пипс. Последний эксперимент Бойля проводился с крупным магнитом, который приводил в движение стрелку, находившуюся на расстоянии двух метров. Этот опыт доказывал наличие некой невидимой силы или неизвестного вещества, способного незаметно перемещаться по воздуху. Помимо опытов, герцогине показали библиотеку Общества, а также коллекцию картин и костюмов. Затем она была препровождена лордами в свою карету, за ней последовали и остальные дамы. Описание Минца заканчивается весьма иронично: «Лорд Браункер, возможно, чтобы показать, что он все еще находится у власти, или, возможно, чтобы подтвердить полную независимость Королевского общества от благородных дам, приказал Гуку измерить землю в парке Сент-Джеймс на следующее утро. После этого заседание было прервано»⁴¹⁹.

Можно было бы предположить, что эксперименты и в целом прием дам в Обществе, имели скорее развлекательное значение, но нужно учитывать, что вопросы существования пустоты, трансформации материи и существования невидимых сущностей всерьез беспокоили мыслителей этого времени. Натурфилософскую программу Маргарет часто рассматривают в контексте ее гендера и взаимодействия с мужским сообществом ученых, что уже подразумевает антагонизм в их взаимоотношении. Лиза Сарасон объясняет скептицизм Маргарет ее полем и видит в нем преимущество ее женской эпистемологии⁴²⁰. Но действительно

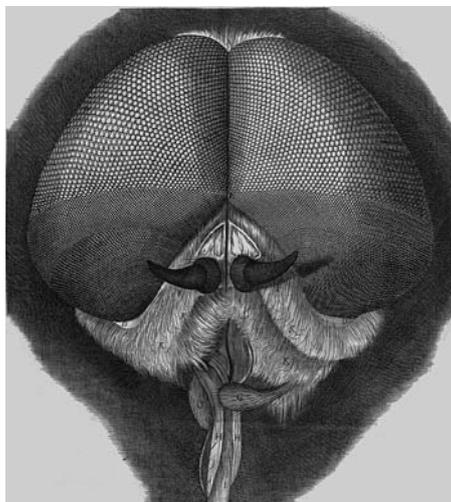
⁴¹⁷ *Mintz S.I.* The Duchess of Newcastle's Visit to the Royal Society // *Journal of English and Germanic Philology*. 1952. No. 2. P. 174.

⁴¹⁸ В пьесе 1662 г. «Женская академия» (*The Female Academy*) М. Кавендиш рассуждает на тему того, как могло бы выглядеть женское ученое сообщество.

⁴¹⁹ *Mintz S.I.* The Duchess of Newcastle's Visit to the Royal Society... P. 176.

⁴²⁰ *Sarasohn L.T.* A Science Turned Upside Down: Feminism and the Natural Philosophy of Margaret Cavendish // *Huntington Library Quarterly*. 1984. No. 4. P. 293.

ли Маргарет сомневалась в возможностях познания природы и насколько существенно ее программа отличалась от того, что предлагали философы мужчины? В действительности программа Маргарет не казалась изолированной и вызывающей, а вполне соотносилась с некоторыми из программ представителей Королевского общества, которое было далеко не однородным. Эмма Уилкинс подчеркивает, что во многом враждебная позиция Маргарет по отношению к экспериментальному методу кажется таковой из-за ее оценки микроскопических исследований, и дело не в том, что она не разбиралась в микроскопах, напротив, как было сказано в начале этой главы, ее опыт работы с микроскопом превосходил знания многих членов Общества. Дело в том, что линзы в то время могли иметь множество дефектов, и даже сам автор «Микрографии» Р. Гук подчеркивал, описывая глаза мухи, что в зависимости от освещения и положения, они могут выглядеть совершенно иначе⁴²¹. Тем не менее он приводит подробное описание мушиного глаза, которое будет повторено почти дословно экспериментаторами в «Пыляющем мире»⁴²².

Голова мухи, иллюстрация из «Микрографии» Р. Гука, 1665

⁴²¹ *Wilkins E.* Margaret Cavendish and the Royal Society // *Notes and Records of the Royal Society of London.* 2014. Vol. 68. No. 3. P. 247.

⁴²² *Кавендиш М.* Пыляющий мир. С. 242 наст. изд.

Кавендиш заявляла, что микроскопы могут исказить действительность, подтверждая это тем, что слишком много факторов влияют на их точность. К тому же она считала, что могут существовать искажающие факторы, о которых ученые пока еще и не подозревают, как произошло, по ее словам, с некоторыми устаревшими приборами, которые когда-то считались точными. К тому же она сомневалась в том, что поверхностное наблюдение за объектами способствует раскрытию их устройства и позволяет разобраться в искусстве управления этими объектами. Э. Уилкинс, оспаривая тезис, что позиция Маргарет вызвана ее полом, отмечает, что, к примеру, Томас Сиденхэм и Джон Локк также публиковали эссе с критикой потенциала микроскопических исследований⁴²³

Еще один тезис сторонников женской природы философии Маргарет состоит в описании ее дискурса и сводится к тому, что Маргарет часто использует иронию и пренебрежительные замечания, инфантилизируя экспериментаторов, сравнивая их с мальчишками, запускающими мыльные пузыри или лепящими фигурки из снега. Э. Уилкинс замечает, что данный подход можно рассматривать и без привязки к гендеру, так, к примеру, Т. Гоббс использовал точно такую же стратегию, описывая воздушный насос Бойля и сравнивая его с детской игрушкой⁴²⁴. Еще одним пунктом, характеризующим отличие позиции Маргарет, называют ее тягу к спекуляциям, построению гипотез, не основанных на реальных наблюдениях, а созданных только благодаря полету фантазии. Но и здесь отличие Маргарет оказывается не столь однозначным. Спекулятивное рассуждения являлось дискуссионным приемом, о котором спорили многие члены Общества, часто применяя его в своих трудах. Например, Р. Гук оспаривал концепцию притяжения Декарта, признаваясь, что его собственные суждения не основаны на наблюдениях и являются только вероятностью⁴²⁵. Также и Уолтер Чарльтон о своих научных гипотезах писал, что это «в лучшем случае остроумные предположения»⁴²⁶. Таким образом, преодоление догматизации являлось распространенным приемом, способствовавшим расширению гра-

⁴²³ Wilkins E. Margaret Cavendish and the Royal Society // Notes and Records of the Royal Society of London. 2014. Vol. 68. No. 3. P. 248.

⁴²⁴ Ibid. P. 249.

⁴²⁵ Ibid. P. 254.

⁴²⁶ Ibid.

ниц научного знания на раннем этапе становления научных сообществ. Что касается оптических приборов, то основная претензия М. Кавендиш состояла в том, что параметры, которые в них заложены, определяются исследователем, а не природой, соответственно, являются ограниченными и не позволяют получить непосредственные данные об объекте исследования. При этом многие суждения Маргарет вполне соотносимы с программными утверждениями Ф. Бэкона. К примеру, его мнение о том, что натурфилософия должна быть полезной человеку и облегчать его состояние, а не являться исключительно сферой теоретизирования. Этой же идеи придерживались многие члены Королевского общества, как и идеи, что знания должны быть доступными, а английский язык, на котором они распространяются, простым для понимания.

Маргарет Кавендиш не выступает в своих работах против эмпирических наблюдений и экспериментализма, но утверждает, что чувство должно быть подкреплено разумом, и призывает к рациональному созерцанию, не ограниченному возможностями органов чувств и приборов. Ее позиция прекрасно отражена в переписке со священником и членом Королевского общества Джозефом Гленвиллом⁴²⁷, с суждениями которого она полемизирует в том числе в «Пылающем мире». Сохранилось семь писем Гленвилла к Маргарет Кавендиш, опубликованных Уильямом Кавендишем в 1676 г.

Их переписка завязывается, когда Гленвилл отправляет Маргарет свою работу 1666 г. о колдовстве «Философские мысли в защиту существования ведьм и призраков» (*A Philosophical Endeavour Towards the Defense of the Being of Witches and Apparitions*). В этом трактате Гленвилл отстаивает идею существования призраков, оспаривая суждения Т. Гоббса и других противников существования бесплотных духов. К сожалению, не сохранилось писем с ответами Маргарет, но по возражениям Гленвилла можно реконструировать ее позицию. В первом сохранившемся письме он, принося извинения за дерзость, сообщает об отправленной книге и просит Маргарет почтить «последнее издание колдовства» своим «прославленным оком и одобрением (*acceptance*)»⁴²⁸.

⁴²⁷ *Broad J.* Margaret Cavendish and Joseph Glanvill: Science, Religion, and Witchcraft // *Studies in History and Philosophy of Science*. 2007. Vol. 38. No. 3. P. 493–505.

⁴²⁸ Letters and poems in honour of the incomparable princess, Margaret, Dutchess of Newcastle. London: Printed by Thomas Newcombe, 1676. P. 85. URL: <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A48252.0001.001?view=toc> (дата обращения: 16.03.2023).

По всей вероятности, Маргарет написала критический отзыв на его сочинение, а также отправила Гленвиллу какие-то из своих работ, поскольку во втором письме он благодарит ее за «искусные труды» и признает, что не согласен с ней «в некоторых вещах». Отвечая на замечание Маргарет о том, что он ставит «совершенство чувства (*sense*) выше совершенства разума (*ratiocination*)»⁴²⁹, он сперва замечает, что есть «два вида рассуждений»: «Те, которые ум выдвигает из своих собственных врожденных идей и собственного хранилища, таковы все метафизические созерцания. И естественные исследования, которые возникают из эксперимента и объектов чувств»⁴³⁰. При этом каждый тип рассуждения для него хорош, будучи применяем только сам по себе. Первый – если «абстрагирован от грубости чувственных вещей», а второй – «когда наиболее приспособлен к ним». Своей же целью он называет восхождение «от тренировки чувств к действию разума»⁴³¹.

Если Гленвилл был знаком с сочинениями Кавендиш, он не мог не знать о ее отношении к нематериальным сущностям. В уже упомянувшемся письме из сборника «Философские письма» Маргарет, отвечая на работу Ван Гельмонта, высказывает свое мнение о возможности существования ведьм и колдовства. Она признает, что в природе существует много загадочного и непостижимого – «симпатия, антипатия, магнетизм и т. д.». Но для нее все это имеет такую же материальную природу, как и воображение, любовь, отвращение и проч. Стремление человека приписывать работе дьявола все неизвестное, она объясняет недостатком знания о возможностях природы: «Ведь многое совершается в результате манипуляции искусствами, в которых ни дьявол, ни ведьмы не являются актерами»⁴³². Гленвилл видел в этой позиции опасность для религии и потенциальный зачаток атеизма, ведь отрицание нематериального может в конечном счете привести и к отрицанию существования Бога и души. К тому же вера в ведьм была настолько укоренена

⁴²⁹ Letters and poems in honour of the incomparable princess, Margaret, Dutchess of Newcastle... P. 99.

⁴³⁰ Ibid.

⁴³¹ Ibid.

⁴³² *Cavendish M.* Letter III.XVI // *Philosophical Letters: or Modest Reflections Upon some Opinions in Natural Philosophy, Maintained By several Famous and Learned Authors of this Age, Expressed by way of Letters: By the Thrice Noble, Illustrious, and Excellent Princess, The Lady Marchioness of Newcastle.* London, Printed in the Year, 1664. URL: <https://www.gutenberg.org/files/53679/53679-h/53679-h.htm> (дата обращения: 25.04.2023).

в общественном сознании, что исключать возможность их существования казалось по меньшей мере странным, наоборот, Гленвилл и его единомышленники из Королевского общества старались подвести научные аргументы под проблему существования ведьм, колдовства и призраков.

В третьем письме к Маргарет Гленвилл замечает: «Я не настолько большой сторонник механицизма, чтобы сводить все явления мира к определенным законам, но большинство из них, возможно, основаны на виталистической первопричине (*Principle that is vital*), а Мировую душу (*Anima Mundi*) я считаю весьма вероятной и удобной гипотезой»⁴³³. Так, вскользь, Гленвилл заявляет о главном принципе своей программы, в которой материальные явления сосуществует с бестелесными сущностями. Остальная часть письма посвящена выпрашиванию у Маргарет ее сочинений для пополнения коллекции библиотеки в Баде.

Четвертое письмо содержит благодарность Гленвилла за подаренную ему биографию Уильяма Кавендиша (1-е изд., 1667)⁴³⁴, а также рассуждение о том, что научные споры только способствуют развитию знания: «Сомной, мадам, меньше всего нужно извиняться, ибо я исповедую наибольшую свободу слова и исследования»⁴³⁵. Гленвилл, как и Кавендиш, придерживается бэкониянский подход, а также выступает против догматизма, но при этом его выводы гораздо сильнее зависят от его предшествующего опыта, чем суждения Маргарет. В пятом письме мы, наконец, можем открыто увидеть какой позиции придерживается Гленвилл. На вопрос герцогини о том, заключены ли способности (*faculties*) в душе или производятся механическими движениями, он прямо заявляет, что склоняется к платоникам, «у которых душа является творцом тела». Он излагает концепцию, согласно которой есть три своеобразных отдела или области души – разум, отвечающий за понимание, сама душа, которая «соединена с телом и осуществляет действие чувств», и образ души, отвечающий

⁴³³ Letters and poems in honour of the incomparable princess, Margaret, Dutchess of Newcastle. London: Printed by Thomas Newcombe, 1676. P. 102. URL: <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A48252.0001.001?view=toc> (дата обращения: 16.03.2023).

⁴³⁴ Помимо биографии Уильяма Кавендиша, Маргарет приводит ряд заметок по истории Англии в «Олио Мира», а также краткие сведения по истории философии в «Наблюдениях за экспериментальной философией». См.: *Parageau Sandrine*. Catching 'the Genius of the Age': Margaret Cavendish, Historian and Witness // *Etudes Episteme*. Vol. 17. 2010. URL: <https://journals.openedition.org/episteme/662?lang=en> (дата обращения: 30.03.2023).

⁴³⁵ Letters and poems... P. 105.

за движение, но лишенный понимания и чувства. Предвосхищая возможные вопросы, Гленвилл замечает, что философия пока еще не разобралась в том, как «нематериальная душа может управлять телесными движениями и упорядочивать их»⁴³⁶. Отсутствие однозначных эмпирических доказательств существования бестелесного является для него одним из признаков несовершенства науки, и единственный выход – говорить о нем в вероятностном ключе, надеясь, что доказательство их существования станет «счастливой привилегией последующих веков; когда они получат более широкое представление о феноменах, которые все еще слишком скудны и несовершенны, чтобы строить на них теории»⁴³⁷. Он сетует, что еще слишком рано говорить о такой вещи как натуральная философия (*natural philosophy*), поскольку существует только естественная история (*natural history*) и пока тоже только в зачатках.

Удивительно, но заявляя о вероятностном подходе и собственном антидогматизме, он немедленно заявляет, что, в отличие от Маргарет, уверен, что души были сотворены. Маргарет предполагает, что они могли быть вечными, с чем он также не согласен, возражая, что, если мир и был сотворен от вечности, тем не менее он является творением. А оспаривая тезис Маргарет, что все нематериальное является Богом, пишет: «Действительно, господин Гоббс отрицает всякую нематериальность сотворенных существ, но я думаю, что наши души по своей природе нематериальны, что было достаточно доказано некоторыми поздними философами, особенно ученым доктором Г. Мором, и я также кое-что сделал по этому поводу в моей Книге Предсуществования (*Book of Praeexistence*)»⁴³⁸.

Шестое письмо Гленвилла содержит стандартные любезности и благодарности, а вот седьмое – прекрасно говорит нам о том, какой позиции придерживалась Маргарет в их споре о существовании ведьм: «В то время как Ваша Светлость называет побуждения (*Inducements*) для веры в ведьм только вероятными аргументами, я склонен с покорностью считать некоторые из них настолько великими доказательствами, насколько может выдержать факт, будучи не чем иным, как свидетельством чувств и клятвами трезвых свидетелей и критическими исследованиями прозорливых лиц»⁴³⁹. Итак, Маргарет считает существование ведьм недоказан-

⁴³⁶ Letters and poems... P. 106.

⁴³⁷ Ibid.

⁴³⁸ Ibid. P. 126.

⁴³⁹ Ibid. P. 138.

ным и маловероятным, в то время как Гленвилл скорее убежден в том, что многие доказательства уже собраны, и вероятность их существования довольно высока. Он лично, по его словам, наблюдал за явлением, получившим название «Барабанщик из Тедуорта» (*Drummer of Tedworth*), когда «в доме мистера Момпессона в Уилтшире» можно было услышать барабанный бой загадочного происхождения.

Аргумент Маргарет, что ведьмы не упоминаются Христом и апостолами, он объясняет тем, что очень многое из того, что говорил Христос, не было записано, и неразумно отрицать существование Америк, народов их населяющих, книгопечатания и магнита только потому, что о них не сказано в Библии. Он сообщает также, что, по его мнению, Библия содержит много намеков на существование колдовства. Он оспаривает суждение Маргарет, что совершенен только Бог, который не мог сотворить мир из пустоты: «И, хотя Вашей милости приятно говорить, что Бог не механик, я согласен, что Он не таков, поскольку Ему не нужны материальные инструменты для действия. Но все же Он сотворил все с помощью своего рода геометрии – в числе, весе и мере, как сказал святой Оракул; и во всех произведениях природы есть своего рода математика»⁴⁴⁰.

У М. Кавендиш и Дж. Гленвилла много общего. Они призывают с осторожностью относиться к эмпирическим данным, отрицают догматизм и выдвигают на первое место доводы разума. Но опираясь на один и тот же набор данных, они приходят к противоположным выводам, вытекающим из их теоретических предположений. Для Маргарет ведьм скорее не существует, для Гленвилла, наоборот, их существование почти неоспоримо. В 1681 г. вскоре после смерти капеллана Его Величества и члена Королевского общества Дж. Гленвилла, будет опубликована его работа «Триумф Саддукеев: Или полное и ясное свидетельство существования ведьм и призраков, в двух частях: первая трактует их возможность, вторая – их реальное существование», в которой он собрал свидетельства существования ведьм. Скептицизм Маргарет, заключавшийся в недоверии к эмпирическим аргументам, не делал ее позицию более сильной или аргументированной. Победители многих дискуссий XVII в. определялись потомками, и с тем же успехом Гленвилл мог стать первым, аргументированно доказавшим существование призраков. Скорее их дискуссия

⁴⁴⁰ Letters and poems... P. 141.

говорит о том, насколько ошибочно воспринимать раннюю деятельность Королевского общества как символ триумфа опыта над верой. Предусловки ученых, будь то Маргарет, Гленвилл, Бойль или Гоббс, во многом определяли их научные программы. И это простое совпадение, что в наше время концепция Маргарет с ее восхищением скрытыми возможностями природы, кажется более аргументированной.

Фронтиспис второй части книги Д. Гленвилла «Триумф саддукеев», 1681

Гленвилл отстаивал не только веру в ведьм, но и возможность совмещения богословия и философии, не видя противоречий между ними и стремясь к созданию единой религиозно-философской программы: «Победив саддукизм или отрицание нематериальных духов, ведьм

и демонов, Гленвилл увидел себя победителем атеизма, поскольку, по его мнению, одно было просто скользкой дорожкой к другому»⁴⁴¹.

Многовекторность развития научного знания была показана еще С. Шейпиным и С. Шеффиром, которые писали: «Стороны спора изображали друг друга как лидеров банд, а их образцовые сообщества – как немногим более достойные, чем какой-то уличный сброд. Гоббс утверждал, что содружество экспериментаторов было одновременно слишком эксклюзивным и слишком открытым»⁴⁴². Гоббс обвинял экспериментаторов в том, что их философия не публична и доступна только группе избранных, ее сторонники политически ангажированы и напоминают малолетних ремесленников или заговорщиков, стремящихся к незаконной автономии. Подобная точка зрения верна настолько, насколько мы признаем гомогенность Королевского общества. Если обратиться к программам Р. Гука, Р. Бойля, Дж. Гленвилла, а чуть позже И. Ньютона, мы увидим, что на тот момент не существовало единой отработанной натурфилософской методологии. Каждый исследователь действовал на свой страх и риск, выкристаллизовывая методу получения «достоверного» знания. Остается открытым вопрос, какие способы распространения собственных концепций избирали авторы. Спор Маргарет и Дж. Гленвилла приобретет новые краски, если мы обратим внимание, что оба описали свой взгляд на развитие знания в виде натурфилософской утопии. В следующей главе утопия М. Кавендиш «Пылающий мир» будет рассмотрена в контексте научных утопий XVII в., в том числе сочинения Дж. Гленвилла «Сумма Новой Атлантиды лорда Бэкона».

⁴⁴¹ *Broad J.* Margaret Cavendish and Joseph Glanvill: Science, Religion, and Witchcraft // *Studies in History and Philosophy of Science*. 2007. Vol. 38. No. 3. P. 502.

⁴⁴² *Вархотов Т.* В поисках эпистемологии согласия: к 35-летию «Левиафана и воздушного насоса» // *Логос*. 2020. Т. 30. № 3. С. 189.

3.3. Утопия и натурфилософия

Развитие натурфилософских концепций в семнадцатом веке требовало разработки действенных инструментов их распространения. Концепция простоты научного языка подразумевала использование для этих целей разнообразных жанровых форм. О превосходстве поэтического изложения для усвоения материала писал еще Филип Сидни в «Защите поэзии» (1595), приводя в пример «Утопию» Т. Мора: «Какой совет философа, даже содержащий самое безупречное определение добродетели, может столь же легко воздействовать на правителя, как вымышленный Кир Ксенофонта; или наставлять добродетельного человека в любых обстоятельствах, как Эней Вергилия; или целое общество в виде “Утопии” Томаса Мора»⁴⁴³. Сидни заявлял, что, в то время как философ оперирует трудными для понимания абстрактными терминами, а историк скован границами правды, затрудняющей возможность нахождения верного вывода, только поэт способен объединить общее понятие с частным примером: «Поэт являет разуму образ того, что философ дает в многословном описании, которое не поражает нас и не привлекает к себе взор души так, как образ, творимый поэтом»⁴⁴⁴, и призывал использовать поэзию для прояснения философских понятий: «Философ с его учеными определениями добродетелей, пороков, государственной политики и семейных отношений заполняет память многими непогрешимыми основами мудрости, но они тем не менее остаются для воображения и суждения человека темными, пока не осветит их говорящая картина поэзии»⁴⁴⁵.

Как уже было сказано в главе 1.2, публикацией «Утопии» в 1516 г. Томас Мор закладывает традицию утопических повествований – форма, которая становится образцом для поэтического выражения авторских философских и социальных концепций. Но помимо социально-политических характеристик, Мор приводит и замечания, касающиеся философии и знаний утопийцев. Повествователь второй книги Утопии, Гитлодей, сравнивает уровень их знаний с современными ему, а точнее Т. Мору: «Все же в музыке, диалектике, науке счета и измерения они дошли поч-

⁴⁴³ Сидни Ф. Астрофил и Стелла. Защита поэзии. М.: Наука, 1982. С. 166.

⁴⁴⁴ Там же. С. 164.

⁴⁴⁵ Там же.

ти до того же самого, как и наши древние (философы)»⁴⁴⁶. Ирония Мора заключена в том, что древнее знание утопийцев не оказалось забыто из-за развития диалектики. Он саркастически сожалеет о том, что им неизвестно ничего «об ограничениях, расширениях и подстановлениях»⁴⁴⁷. Но при этом утопийцы, не знакомые с диалектикой, являются прекрасными изобретателями, сведущими «в течении светил и движении небесных тел», и при этом не увлечены суждениями о «содружествах и раздорах планет и о всем вздоре гадания по звездам»⁴⁴⁸. Так, за сто с лишним лет до «Новой Атлантиды» Ф. Бэкона, Т. Мор опишет в утопической форме практические преимущества эмпирического знания и личного опыта, благодаря которым утопийцы «предсказывают дожди, ветры и прочие изменения погоды»⁴⁴⁹. В познании остальных вещей, таких как приливы морей, соленость воды, происхождение и природа всего сущего, у утопийцев такие же разногласия, как и у философов прошлого: «Как те расходятся друг с другом, так и утопийцы, приводя новые причины объяснения явлений, спорят друг с другом, не приходя, однако, во всем к согласию»⁴⁵⁰.

Одна из задач натурфилософской утопии – демонстрация лучшей жизни, основанной на более совершенной эпистемологической модели, и в то же время доказательство того, что именно авторская эпистемологическая модель способствует наилучшему устройству жизни в будущем. Как уже было сказано, одним из первых подобный прием применил в своих «Сноведениях» Кеплер, отказавшийся от рассмотрения «политический перипетий» и пожелавший остаться на «свежих зеленых полях философии»⁴⁵¹. В Англии же традицию философской интерпретации физического мира и моделирования образа натурфилософских сообществ в утопической форме закладывает Френсис Бэкон, в опубликованном уже после его смерти произведении «Новая Атлантида» (1627).

Первое издание «Новой Атлантиды» Френсиса Бэкона являлось дополнением к трактату «*Sylva Sylvarum*», опубликованным У. Роули

⁴⁴⁶ Мор Т. Утопия / пер. и коммент. А.И. Малеина; предисл. В.П. Волгина. Academia, 1935. С. 134.

⁴⁴⁷ Там же. С. 135.

⁴⁴⁸ Там же.

⁴⁴⁹ Там же.

⁴⁵⁰ Там же.

⁴⁵¹ Gale E. Christianson Kepler's *Somnium*: Science Fiction and the Renaissance Scientist // *Science Fiction Studies*. 1976. Vol. 3. P. 80.

и представляющим собой список экспериментов и рекомендаций по их проведению. Вопрос об авторстве «Новой Атлантиды» остается открытым. Есть даже версии, что Т. Гоббс мог приложить руку к ее составлению⁴⁵². В «Обращении к читателю» У. Роули пишет: «Его Светлость счел целесообразным добавить ко многим экспериментам некоторый блеск причин (*gloss of the Causes*), чтобы в последующих трудах по толкованию природы и формулированию аксиом все было в большей готовности. <...> Точно так же он считал, что благодаря этому добавлению человеческий разум, который так торопится выяснить причины вещей, не помыслит, что он совершенно заблудился в бескрайнем лесу опыта, а останется на этих основаниях, пока истинные аксиомы (*true axioms*) не станут более известны»⁴⁵³. Ф. Бэкон дополняет сборник экспериментов описанием сообщества, успешно применяющего знания о природе на практике. В «Новой Атлантиде» показана островная страна Бенсалема, устройство которой подчинено задачам постижения мира. Эта утопия, как и многие до нее, начинается с травелографического описания странствия героев. Подобный прием использует и М. Кавендиш в «Пылающем мире». Отодвигая описываемые земли дальше от границ известного, автор остраивает читателя от описываемой реальности, что позволяет ему снять оковы с фантазии и представить мир, который едва ли заподозрят в неправдоподобности.

На острове Ф. Бэкона функционирует «Дом Соломона» (*Salomon's House*) или «Коллегия шести дней творения» (*College of the Six Days Works*) – общество, главной целью которого является «познание причин и тайных движений всех вещей и расширение границ человеческой империи (*human empire*), пока все не станет для человека возможным», а также прославление Бога, «получившего возможность отблагодарить человека обильными дарами»⁴⁵⁴. Ф. Бэкон пытается найти идеальный алгоритм, который позволил бы ученым будущего получать от природы достоверные сведения, способствующие благоустройству жизни человека. Члены

⁴⁵² Дмитриев И.С. Остров концентрированного счастья. Судьба Френсиса Бэкона. М.: Новое литературное обозрение, 2022. С. 494–495.

⁴⁵³ Bacon F. To the Reader // *Sylva Sylvarum; or A Natural History, in Ten Centuries. Whereunto is Newly added the History Natural and Experimental of Life and Death, or of the Prolongation of Life*. London: Printed by J. R. 1670.

⁴⁵⁴ Bacon F. *The New Atlantis*. URL: <https://www.gutenberg.org/files/2434/2434-h/2434-h.htm> (дата обращения: 20.04.2023).

общества занимаются в своих садах экспериментальным изучением природы: «С помощью своего мастерства (*by art*) в тех же фруктовых садах и парках мы принуждаем деревья цвести раньше или позднее своего времени, расти и плодоносить скорее, нежели в естественной среде»⁴⁵⁵; «Нам известны средства, чтобы выращивать растения без семян с помощью смешения разных почв, а также чтобы выводить новые виды растений, отличные от существующих и превращать одно дерево или растение в другое»⁴⁵⁶. Жители острова способны даже создавать животных, смешивая различные вещества и зная, «из каких веществ и соединений какое создание зарождается». При этом животные необходимы «не только из-за своей красоты или редкости, но также для вскрытий и опытов, чтобы пролить свет на то, что может быть сделано с телом человека»⁴⁵⁷. Познанию скрытых причин природы служат рудники, башни, озера, водопады, искусственные колодцы, источники, комнаты для демонстраций опытов и комнаты для лечения, фруктовые сады, огороды, пивоварни, пекарни, кухни, печи и проч.

Для экспериментов у жителей острова есть специально отведенные сооружения; которые мы бы назвали лабораториями, сообразные различным органам чувств: «дома света (*perspective-houses*), где проводятся опыты с разными видами света и излучений и с разнообразными цветами, и где из тел бесцветных и прозрачных мы извлекаем различные цвета»; «дома звука, где практикуется и демонстрируется происхождение звуков»; «дома ароматов (*perfume-houses*), «где также производятся опыты над вкусом»; «дома механики (*engine-houses*), «где создаются механизмы (*engines*) и устройства для всех видов движения»; дом математики (*mathematical house*), «где представлены разнообразные инструменты, как геометрические, так и астрономические», и «дома, где исследуются обманы органов чувств»⁴⁵⁸. В сообществе экспериментаторов Ф. Бэкона мы не встретим диалектиков, да и математики упоминаются только вскользь.

Познакомив нас с институциональной структурой Дома Соломона, Ф. Бэкон переходит к описанию специализации его «сотрудников». Мы не узнаем ничего о необходимых личных качествах, а получаем

⁴⁵⁵ Bacon F. The New Atlantis. URL: <https://www.gutenberg.org/files/2434/2434-h/2434-h.htm> (дата обращения: 20.04.2023).

⁴⁵⁶ Ibid.

⁴⁵⁷ Ibid.

⁴⁵⁸ Ibid.

только формальную разрядку о том, какое количество определенных должностей понадобится, чтобы машина по добыче научного знания была запущена – двенадцать членов общества занимаются сбором сведений у других народов; трое извлекают необходимый для опытов материал из книг; трое собирают информацию о механических науках; трое проводят опыты; трое пишут отчеты; трое возводят открытия на уровень законов и т. д. Ф. Бэкон составляет инструкцию по созданию механизма, производящего новые знания, не вдаваясь в рассуждения об эпистемологических основаниях своей модели. Еще одной любопытной особенностью Дома Соломона является его политическая обособленность, как сформулировал Х. Гарсия: «В государстве Бенсалема просвещенный и милостивый деспот Соломона... облек новоиспеченный Орден эпистемократов квазиабсолютистскими привилегиями в проведении государственной политики, как внутренней, так и внешней»⁴⁵⁹. Ф. Бэконом постулируется догма эмпирического познания, основанного на наблюдении и эксперименте, которая позднее ляжет в основу программы Королевского общества.

Но мы можем увидеть у Бэкона отсылки и к другим эпистемологическим установкам. Бенсалема предстает путешественникам не традиционным политическим образованием, а землей, скрывающей в себе некоторый божественный замысел, что дает возможность сопоставить этот затерянный в океане остров с Раем. Сведения, имеющиеся у жителей Бенсалема об остальном мире, а также их закрытость, позволяет путешественникам предположить, что бенсалемицы имеют свойства «божественных сил и существ (*divine powers and beings*)», «как если бы мы считали эту землю страной волшебников (*magicians*), отправляющих во все края воздушных духов (*spirits of the air*)»⁴⁶⁰. Таким образом, путешественники не скрывают своего подозрения, что на острове есть что-то «сверхъестественное; но все же скорее ангельское, чем колдовское (*magical*)»⁴⁶¹. Ф. Бэкон также упоминает и другую версию происхождения законов Бенсалема, переданных устами местного иудея, полагающего, что некогда Моисей установил законы с помощью тайной

⁴⁵⁹ Дмитриев И.С. Остров концентрированного счастья. Судьба Френсиса Бэкона. М.: Новое литературное обозрение, 2022. С. 552.

⁴⁶⁰ Bacon F. The New Atlantis. URL: <https://www.gutenberg.org/files/2434/2434-h/2434-h.htm> (дата обращения: 20.04.2023).

⁴⁶¹ Там же.

каббалы (*a secret Cabala*), но характеризует это мнение как «еврейские фантазии (*Jewish dreams*)»⁴⁶².

За несколько лет до публикации «Новой Атлантиды» во Франкфурте на латинском языке была опубликована утопия «Город Солнца» (*Civitas Solis*). Доминиканский монах Томмазо Кампанелла соединил в своей утопии элементы монашеского общежития с идеализмом неоплатоников и герметиков, представив общество, живущее в условиях единства и равенства и поклоняющееся божественным проявлениям в природе и астрономическим объектам. Нет однозначных свидетельств, что Бэкон был знаком с утопией Кампанеллы, но сходство тем и структуры произведений говорит, что этого никак нельзя отрицать⁴⁶³, хотя, конечно, оба произведения восходят к сочинениям Платона – «Государство», «Тимей», «Критий» и «Утопии» Т. Мора. «Город Солнца» как и «Новая Атлантида» первоначально был опубликован в виде приложения к более крупному труду⁴⁶⁴. Оба автора выступают против диалектики схоластов и призывают к эмпирическому познанию природы, но расходятся в своих теоретических представлениях о взаимодействии мира божественного и природного. Общество Кампанеллы основано на равенстве и общем имуществе. У Бэкона основной единицей общества является семья. В Городе Солнца всем заправляют магистраты-священники (*priest-magistrates*), подчиняющиеся высшему жрецу Метафизику. В Бенсалеме Бэкона правит монарх, исповедующий христианство. Религия Города Солнца является гибридом христианства, неоплатонизма и герметизма. Устройство власти в Городе Солнца имеет трехчастную структуру. Три жреца – Сила, Мудрость и Любовь являют собой три первоосновы Бытия: «все существа метафизически состоят из мощи, мудрости и любви, поскольку они имеют бытие, и из немощи, неведения и ненависти, поскольку причастны небытию»⁴⁶⁵.

⁴⁶² В переводе З.Е. Александровой – «иудейские бредни». (Бэкон Ф. Новая Атлантида. Опыты и наставления нравственные и политические / пер. З.Е. Александровой. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 238 с.)

⁴⁶³ *Blodgett E.D. Bacon's New Atlantis and Campanella's Civitas Solis: A Study in Relationships // PMLA. 1931. Vol. 46. No. 3. P. 763–780.*

⁴⁶⁴ Полное название – «Реальная эпигогическая философия, состоящая из четырех частей: о природе вещей, о нравственности людей, о политике (к которой присоединен Город Солнца) и об экономике» (*Realis Philosophie Epilogistica partes quatuor, hoc est, de Rerum Natura, Hominum Moribus, Politica (cui Civitas Solis juncta est) et Oeconomica*).

⁴⁶⁵ Кампанелла Т. Город Солнца. URL: <http://lib.ru/INOOLD/KAMPANELLA/suntown.txt> (дата обращения: 28.04.2023).

Семь концентрических кругов, образующих Город Солнца, являют собой своеобразный музей, в котором в визуальной и нарративной форме представлены различные науки – астрономия, математика, география, история, ботаника и проч., а среди изображенных животных и выставленных экспонатов можно встретить легендарных рыбу-епископа и птицу Феникса. Однако в отличие от «Дома Соломона» мыслители Города Солнца не выпытывают информацию у природы, а скорее учатся считывать уже метафизически представленные сведения: «Преимущественно перед всем необходимо постичь метафизику и богословие; познать корни, основы и доказательства всех искусств и наук; сходства и различия в вещах; необходимость, судьбу и гармонию мира; мощь, мудрость и любовь в вещах и в Боге; разряды сущего и соответствия его с вещами небесными, земными и морскими и с идеальными в Боге, насколько это постижимо для смертных, а также изучить пророков и астрологию»⁴⁶⁶. Помимо этого, Т. Кампанелла излагает концепцию существования добрых и злых духов, к которым примыкает душа после смерти физического тела, но отрицает возможность переселения душ «за исключением только отдельных случаев по воле Бога»⁴⁶⁷.

Оба произведения показывают инвариант совершенной реальности, осуществленный в соответствии с авторскими эпистемологическими установками. Познание божественного мира и у Бэкона, и у Кампанеллы лежит в основе процветания государства, но разница заключена в теоретических стратегиях этого познания. Сообщество ученых технократов у Бэкона и образованное духовенство, постигающее божественный замысел, у Кампанеллы. Обе стратегии ведут к открытию более совершенных способов управления государством и обществом и позволяют изобрести не существующие в реальности «новумы». В Городе Солнца это летающие аппараты, супермощные подзорные трубы, а также трубы, позволяющие слышать гармонию неба, телеги с совершенной колесной передачей, позволяющей им двигаться против ветра, а также «особые суда и галеры, ходящие по морю без помощи весел и ветра, посредством удивительно устроенного механизма»⁴⁶⁸. Бэкон также демонстрирует, к каким

⁴⁶⁶ Кампанелла Т. Город Солнца. URL: <http://lib.ru/INOOLD/KAMPANELLA/suntown.txt> (дата обращения: 28.04.2023).

⁴⁶⁷ Там же.

⁴⁶⁸ Там же.

открытиям может прийти общество, если будет следовать его программе. Например, можно изобрести огонь, горящий в воде; приспособление для полета; линзы, для наблюдения за малыми телами; устройства для улучшения слуха; подводные корабли и проч.

Различие между подходами Бэкона и Кампанеллы имеет ключевое значение для понимания развития научного знания XVII в., когда авторы утопий предлагали свой взгляд на задачи и цели научных сообществ.

Одна из первых попыток дописать «Новую Атлантиду» Бэкона будет предпринята анонимным автором (R. H.) в 1660 г.⁴⁶⁹ Из предисловия мы узнаем, что автор вдохновлялся «вымыслом лорда Бэкона, который, будучи мудрым человеком великого закона и учености, поддержал и создал свою Атлантиду под монархическим правлением»⁴⁷⁰. Монархия и наука сводятся здесь воедино, а сообщество ученых является ничем иным, как империей: «И хотя этот монарх разума и суждения не был законодателем, тем не менее он дал такие законы в науке и естественной философии и оставил такие политические очерки, что последующие века легко подчинятся господству его империи»⁴⁷¹. Автор взял за основу утопию Бэкона, «чтобы подражать тому, с кем он не может быть тождествен»⁴⁷². В то же время известность «Новой Атлантиды» давала шанс его произведению быть прочитанным. Автор отмечает, что для него честь «нести факел за столь ярким светилом, но, если завистливый порыв злобы и погасит его, он может вновь разгореться от его священного пламени, которое не погаснет во век»⁴⁷³.

Большая часть произведения является восхвалением монархических порядков и описанием судебного делопроизводства, законодательств, торговли, религии, образования и проч., чему не нашлось места на страницах оригинальной «Новой Атлантиды». Но и в этой социально-политической утопии не обходится без упоминания собственной эпистемологии. В одной из сцен герою показывают редкости природы и философские тайны, среди которых огромный магнит, позволяющий общаться на расстоянии: «Две иглы одинакового размера

⁴⁶⁹ Некоторые исследователи называют возможным автором Роберта Гука.

⁴⁷⁰ R. H., *esquire*. *New Atlantis Begun by Lord Verulam... and Continued by R.H.* London: Printed for John Crooke..., 1660. 101 p.

⁴⁷¹ *Ibid.*

⁴⁷² *Ibid.*

⁴⁷³ *Ibid.*

одновременно соприкасаются этим камнем и кладутся по отдельности на две таблицы с написанным вокруг них Алфавитом... повернув стрелку в одном Алфавите, другой в отдаленной таблице по тайной Симпатии повернется таким же образом»⁴⁷⁴; закаленное стекло, позволяющее поджигать корабли, подобно тому какое сделал Архимед; не гаснущие лампы и симпатический порошок, позволяющий заживлять раны на расстоянии. Использование симпатического порошка было сомнительной, но достаточно распространенной практикой. Автор объясняет, что этим порошком «посыпается окровавленная одежда или оружие, духи купороса (*Vitriol*) взаимодействуют с кровью, и рана заживляется путем притяжения света и Солнца (*of light and of the Sun*). Атомы и духи крови путем диффузии взаимодействуют (*participating*) либо при жаре, либо на холоде. Так что, если рану содержать в чистоте и в сильном тепле (в сочетании с порошком, нанесенным на окровавленную одежду), через три дня рана зарубцуется и полностью заживет»⁴⁷⁵. Также автор упоминает оживляющий бальзам, вернувший пеплу, оставшемуся от сгоревшей розы, былые форму и цвет. Проектное моделирование артефактов – распространенная практика XVI–XVII вв., нашедшая отражение в утопиях, жанровая особенность которых идеально подходила для этой задачи. Анонимное продолжение «Новой Атлантиды» демонстрирует достижения в науке, достигнутые при монархическом правлении, но в данном случае автор не сообщает о собственной научной программе, отсылая нас к оригинальному тексту Ф. Бэкона.

Утопическим произведением, разрабатывающим альтернативную модель познания, становится «Пылающий мир» М. Кавендиш, впервые опубликованный в 1666 г. в виде дополнения к трактату «Наблюдения за экспериментальной философией». В то время как Ф. Бэкон постулирует догму эмпирического знания, основанного на эксперименте и наблюдении, М. Кавендиш настаивает на взаимодействии с душой природы, «иначе называемой разумом (*Reason*)», которая «есть не что иное, как естественное телесное самодвижение, или частица самой чистой, самой тонкой и активной части материи, <...> которая есть жизнь

⁴⁷⁴ R. H., *esquire*. *New Atlantis Begun by Lord Verulam... and Continued by R.H.* London: Printed for John Crooke..., 1660. P. 68.

⁴⁷⁵ *Ibid.* P. 69.

и душа природы, а следовательно, и человека, и всех других существ»⁴⁷⁶. В издании 1666 г. в «Обращении к читателю» М. Кавендиш поясняет причину добавления поэтического, то есть созданного с помощью фантазии (*Fancy*), сочинения к ее «Наблюдениям», утверждая, что «так как первое более полезно и применимо в учении, чем второе, оно дается с большим трудом и требует иногда помощи фантазии, чтобы освежить голову и отвлечь ее от более серьезных размышлений»⁴⁷⁷. В отличие от Бенсалема Ф. Бэкона, Парадайз «Пылающего мира» не имеет ни глубоких пещер, ни высоких башен, позволяющих открыть тайны природы. Однако в нем обитают существа, способные благодаря своим качествам преодолеть недостатки человеческого тела: люди-медведи, люди-черви, люди-птицы и проч.

Рассуждение о взаимоотношении человека и животных перед лицом Бога является распространенным приемом утопической литературы⁴⁷⁸, а наделение животных человеческими характеристиками отвечает представлению Маргарет о разумности природы. Некоторые исследователи подчеркивают расовую стратификацию общества Пылающего мира⁴⁷⁹, но нужно учитывать и функциональное распределение профессий. Люди-медведи становятся философиями-экспериментаторами, люди-птицы – астрономами, люди-мухи

⁴⁷⁶ Представление М. Кавендиш о природе человеческой души сформулировано в заметке «О разумной душе человека»: «Из всех мнений о природной душе человека мне больше всего нравится то, которое утверждает, что душа есть самодвижущаяся субстанция; но все же я добавлю – материальная самодвижущаяся субстанция; ибо душа человека есть часть души природы, а душа природы материальна. Я имею в виду только природную, а не божественную душу человека, которую я оставляю Церкви. Эта природная душа, иначе называемая разумом (*Reason*), есть не что иное, как естественное телесное самодвижение, или частица самой чистой, самой тонкой и активной части материи, которую я называю одушевленной (*animate*), и которая есть жизнь и душа природы, а следовательно, и человека, и всех других существ. Логически мы не можем представить себе, что человек является единственным существом, имеющим причастность к этой душе природы, а все остальные части природы или их большинство являются бездушными или (что то же самое) иррациональными, хотя обычно их называют такими, а точнее, верят, что они таковыми являются...» (*Cavendish M. Of the Rational Soul of Man // Observations upon Experimental Philosophy / ed. by Eileen O'Neill. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 221.*)

⁴⁷⁷ Кавендиш М. Пылающий мир. С. 223 наст. изд.

⁴⁷⁸ *Muratori C. Real Animals in Ideal Cities: The Place and Use of Animals in Renaissance Utopian Literature // Renaissance Studies. 2017. Vol. 31/2. P. 223–239.*

⁴⁷⁹ *Mills Dan. Mad Madge's Bestiary Philosophical Animals and Physiognomic Philosophers in Margaret Cavendish's The Blazing World // The Return of Theory in Early Modern English Studies / eds. B. Reynolds, P. Cefalu, and G. Kuchar. New York: Palgrave Macmillan, 2014. Vol. II. P. 39–57.*

и люди-рыбы – естествоиспытателями, люди-пауки и вши – математиками и т. д.: «Каждый следовал профессии, наиболее соответствующей природе его вида. Императрица поощряла их в этом, особенно тех, кто посвятил себя изучению ремесел и наук»⁴⁸⁰.

Люди-медведи	Философы-экспериментаторы
Люди-птицы	Астрономы
Люди-мухи, люди-черви и люди-рыбы	Естествоиспытатели (<i>Natural Philosophers</i>)
Люди-обезьяны	Химики
Сатиры	Врачи-галенисты
Люди-лисы	Политики
Люди-пауки и вши	Математики
Люди-галки, сороки и попугаи	Ораторы и логики
Великаны	Архитекторы

Соответствие определенных видов своим профессиям не всегда кажется очевидным. Если животные распределены в соответствии со своими способностями, то почему на роль экспериментаторов Маргарет выдвигает медведей? Мы не найдем у этих животных особых интеллектуальных качеств, необходимых для работы с приборами, либо же для Маргарет с этой работой могут справиться даже медведи. Для англичан XVII в. медведи ассоциировались с безвольными животными, на которых устраивали травлю в специальных медвежьих садах (*bear-garden*), сооруженных для этой цели в Лондоне⁴⁸¹. Они были временно закрыты в 1642–1660 гг., но после открыты вновь. Связывая экспериментаторов с медведями, Маргарет подчеркивает их зависимое положение и ненадежность их эпистемологических установок.

⁴⁸⁰ Кавендиш М. *Пылающий мир*. С. 234 наст. изд.

⁴⁸¹ *Lawson I. Bears in Eden, or This Is Not the Garden You're Looking for: Margaret Cavendish, Robert Hooke and the Limits of Natural Philosophy // The British Journal for the History of Science*. 2015. Vol. 48. No. 4. P. 583–605.

Медвежья травля в XVII веке. Халтон Гетти. Гравюра, 1796

О критическом отношении Маргарет к оптическим приборам было сказано выше. В предисловии к трактату «Наблюдения за экспериментальной философией» она прямо заявляет, что, по ее мнению, многие древние знания были несправедливо забыты, а искусство предсказания (*augury*) дало людям намного больше, чем «недавно открытое искусство микрографии»: «Не телескопами были обнаружены затмения Солнца и Луны, как и движение магнита, искусство навигации, искусство ружей и пороха, печати и тому подобное не были открыты с помощью микроскопа»⁴⁸². «Микрография» Гука, изданная в 1665 г. постулировала познание, не замутненное чувствами, и отводящее исследователю роль своеобразного автомата, фиксирующего сведения, но Маргарет утверждает, что такой подход в действительности нереализуем. Она иллюстрирует свою точку зрения, изображая в «Пылающем мире» дискуссии представителей различных обществ. При этом к однозначным выводам не могут прийти не только люди-медведи, но и представители других сообществ. Астрономы не могли договориться касательно свойств Солнца, а вооруженные телескопами, экспериментаторы вносили только еще больший раздор, «поскольку одни говорили, что они видели Солнце стоящим

⁴⁸² *Cavendish M. Observations upon Experimental Philosophy / ed. by Eileen O'Neill. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 9.*

на месте, а Землю движущейся вокруг него, другие считали, что оба эти тела находятся в движении, а третьи повторяли, что Земля стоит на месте, а движется Солнце»⁴⁸³. Императрица приходит к выводу, что «чувства и разум по своей природе более совершенны, чем оптические устройства, которые попросту обманывают и никогда не приведут к познанию истины»⁴⁸⁴. Критике подвергаются и математики, писания которых, хотя они и пользуются большим почетом, «столь запутанны и замысловаты, что Императрица понятия не имела, что с ними делать»⁴⁸⁵; и логики, искусство которых заключается только в том, «чтобы противоречить друг другу, строя софизмы и затемняя истину, вместо того чтобы прояснять ее»⁴⁸⁶. Тем не менее людям-медведям удастся сохранить за собой приборы, с условием, что их споры не будут выходить за пределы школ. Удастся сохранить свои места и логикам, диспуты которых также были ограничены стенами школ. Людям-вшам повезло меньше, и после их безуспешных попыток измерить «все вещи с точностью до волоска и взвесить их с точностью до атома», Императрица заявила, что «в их специальности нет ни истины, ни справедливости и распустила их общество»⁴⁸⁷. Таким образом, М. Кавендиш отвергает как схоластическую, так и эмпирическую модель экспериментального познания, конструируя собственный подход, опирающийся на концепцию существования одухотворенной разумной материи и создавая мир, состоящий из «разумного начала, которое есть тончайшая и чистейшая степень материи»⁴⁸⁸.

Виталистическая концепция М. Кавендиш будет представлена в виде диалогов героини с духами, которые «всегда облачены в те или иные материальные одежды, а материя их тел по большей части состоит из воздуха»⁴⁸⁹. Духи, с которыми беседует Императрица, различают Божественную веру и веру естественную, сообщая, что первая основана на божественной Благодати, а вторая – на естественном разуме. Рассуждения о каббале отражают взгляды М. Кавендиш на работу Г. Мора «Каббалистическая гипотеза» (*Conjectura Cabbalistica*) (1653).

⁴⁸³ Кавендиш М. Пылающий мир. С. 240 наст. изд.

⁴⁸⁴ Там же. С. 241.

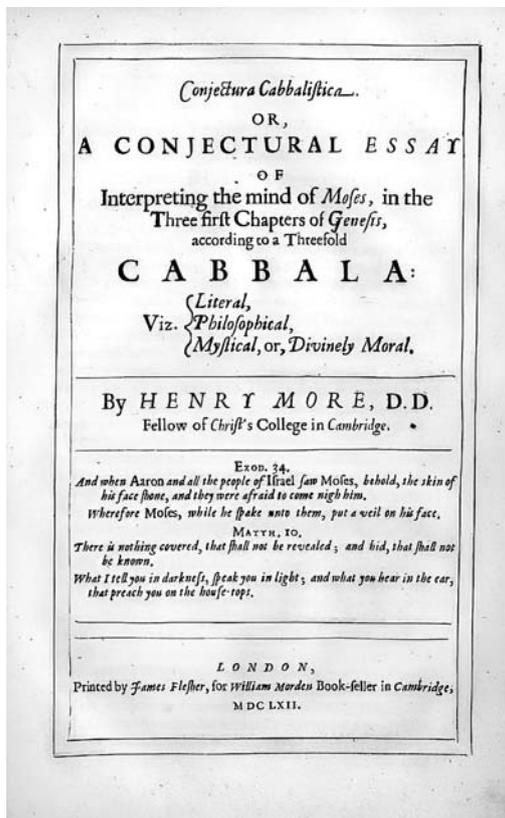
⁴⁸⁵ Там же. С. 258.

⁴⁸⁶ Там же. С. 260.

⁴⁸⁷ Там же. С. 258.

⁴⁸⁸ Там же. С. 286.

⁴⁸⁹ Там же. С. 263.

Титульная страница «Conjectura Cabbalistica» Г. Мора

Изначально под каббалой понимались мистические толкования Торы, призванные раскрыть послание, зашифрованное в символах, но к XVII в. каббалистикой в Англии увлекались как те, кто стремился с помощью алхимии и магических формулировок раскрыть тайны божественного замысла, так и те, кто понимал под каббалой любое толкование текста и скептически относился к сведению основ мира к зашифрованным смыслам. М. Кавендиш явно на стороне скептиков. От духов она узнает, что Д. Ди и Э. Келли являлись всего лишь мошенниками, утверждающими, что они якобы черпают знания из бесед с духами. Маргарет ссылается на пьесу близкого к ее семье драматурга Бена Джонсона

«Алхимик» (1610), где высмеивается общение с духами и другие герметические практики. Еще сильнее она оспаривает суждения Г. Мора, который в «Каббалистической гипотезе» различными способами трактует первые главы книги Бытия. «Буквальная каббала» является для него чем-то вроде комментированного пересказа. «Философская каббала» служит для разделения теологических и естественных истин, а «Моральная или мистическая каббала» служит прочтению скрытых правил и требований. Например, если в «Книге Бытия» сказано об отделении света от тьмы, моральный каббалист понимает, что речь идет о свете и тьме человеческой души. Большинство вопросов, заданных Императрицей духам, являются полемикой с тезисами Г. Мора – о существовании Души природы и бесплотных духов, о скрытых смыслах, заложенных в числах и т. д.⁴⁹⁰ Г. Мор, как и многие его современники, полагал, что первые книги Библии были написаны самим Моисеем, и поэтому отмечал, что его каббала является попыткой толкования мыслей Моисея.

Герцогиня, в лице которой изображена сама М. Кавендиш, отговаривает Императрицу создавать моральную, философскую или политическую каббалу, предлагая остановиться на поэтической или романтической (*Poetical or Romancical Cabbala*), которая позволяет «использовать метафоры, аллегории, подобию и т. д. и интерпретировать их, как угодно»⁴⁹¹. Поэтическая каббала для М. Кавендиш знаменует торжество фантазии и легализует авторское право с помощью естественного разума создавать свои собственные миры. В сцене сотворения воображаемого мира герцогиня последовательно отвергает как античные модели Фалеса, Пифагора, Платона, Эпикура и Аристотеля, так и современных ей Декарта и Гоббса, подводя читателей к описанию своей собственной концепции устройства мира.

Нас может сбить с толку, что в «Пылающем мире» помимо Императрицы, которую можно принять за персонажа, выражающего идеи автора, появляется и сама герцогиня Ньюкасл. Можно предположить, что у М. Кавендиш сложился некий творческий образ себя самой, воплощенный в персонаже Императрицы. Эта та ипостась Кавендиш, которую мы встречали в ее автобиографии, в письмах и в многочисленных обращениях к читателю, а автор в данном случае является реальным творцом

⁴⁹⁰ Perrin Radley C. Margaret Cavendish's Cabbala: The Empress and the Spirits in The Blazing World // God and Nature in the Thought of Margaret Cavendish / eds. by B. Siegfried and L. Sarasohn. Farnham: Ashgate, 2015. P. 161–170.

⁴⁹¹ Кавендиш М. Пылающий мир. С. 281 наст. изд.

«Пылающего мира», но нам напоминают об этом только в «Обращении» и в «Эпиллоге»: «Персонажи, созданные моим разумом, могли проявить такое же мужество в сражении, как Гектор и Ахиллес, быть мудрыми, как Нестор, красноречивыми, как Улисс, прекрасными, как Елена и т. д., но я предпочла образ достопочтимой Маргарет Ньюкасл, который не променяю теперь и на весь земной мир»⁴⁹².

Спустя десять лет после публикации «Пылающего мира» будет опубликована утопия Джозефа Гленвилла «Сумма Новой Атлантиды лорда Бэкона». Она выйдет в виде заключительного эссе к сочинению «Очерки по нескольким важным предметам философии и религии», и будет выражать представление Дж. Гленвилла о структуре научных сообществ их задачах и эпистемологических установках⁴⁹³. Гленвилл во введении отмечает, что позаимствовал у Бэкона «вид и цвет истории», и его работа «представляет собой смесь идеи и замаскированной истории». Большая часть произведения посвящена описанию разногласий сект, сложившихся в Англии в годы гражданской войны. Рассказ начинается с истории упадка Бенсалема из-за религиозных противоречий, гибели правителя и многочисленных войн: «разорвав и разрушив Древнее учение (*Ancient Doctrine*) и Правительство, каждый стремился установить свое собственное и придерживался своим избранным мнениям и моделям, принимаемым и почитаемым как непогрешимые истины и пути Бога»⁴⁹⁴. Завершить же неустроенность в обществе удалось только сообществу богословов (*Divines*), описание философии которых составляет значительную часть дальнейшего повествования. Гленвилл подробно рассказывает об их образовании, сообщая, что они были знакомы как с древними, так и новыми авторами: «Они изучали их, чтобы узнать различные мнения, не вынося суждений об их ошибочности или истинности»⁴⁹⁵. Не отрицая достижений Аристотеля, они признавали, что он был искажен последующими комментаторами, но: «все же, несмотря на разговор с этими мудрецами, они были не столь педантично и суеверно преданы древности, чтобы оставаться в ней с презрением ко всем последующим

⁴⁹² Кавендиш М. Пылающий мир. С. 319 наст. изд..

⁴⁹³ *Glanvill J. The Summe of My Lord Bacon's New Atlantis // Essays on Several Important Subjects in Philosophy and Religion. London: Printed by J.D. for John Baker and Henry Mortlock, 1676. 58 p.*

⁴⁹⁴ *Ibid.* P. 5.

⁴⁹⁵ *Ibid.* P. 8.

достижениям и открытиям. Они чувствовали, что знание все еще несовершенено и способно к дальнейшему росту, и поэтому смотрели и вперед на современных авторов, посвятивших себя обнаружению недостатков древних, возрождению некоторых забытых доктрин, дополняя их новыми идеями и концепциями. Они читали и знакомились со всевозможными усовершенствованиями в анатомии, математике, естественной истории и механике, знакомясь с экспериментальной философией дома Соломона и других ее идеологов»⁴⁹⁶. Дж. Гленвилл излагает антидогматическую позицию, призывая не ограничивать свои эпистемологические программы узкими концепциями, но тем не менее на первое место он ставит знакомство с религией: «Они исследовали рациональность (*reasonableness*) великих основ религии, а особенно христианской, и тем самым могли позволить себе иметь дело с атеистами, неверными и энтузиастами, которыми изобилвала эпоха»⁴⁹⁷. Для Дж. Гленвилла разум не только не противоположен религии, но является ключевым инструментом познания Бога, поэтому богословы в его утопии «усердно старались сделать людей разумными, чтобы излечить безумие своего века»⁴⁹⁸. Фактически его утопия является апологией разума в религии: «Этот разум есть ветвь и луч Божественной мудрости. Это тот свет, который Он вложил в наши умы, и тот закон, который Он записал в наших сердцах, гласящий, что откровения Бога в писании не противоречат тому, что Он запечатлел в нашей природе, и вера сама по себе есть действие разума, и основана на двух разумных принципах – Бог существует, и то, что он говорит – верно»⁴⁹⁹. Религия и вера должны согласно Гленвиллу опираться на разум: «Порицать и позорить разум – значит подрезать религию на корню и готовить мир к атеизму»⁵⁰⁰. Что касается натурфилософских принципов данного сообщества, то Гленвилл утверждает, что «лучшим основанием для натуральной философии (*Natural Philosophy*) будет хорошая естественная история (*History of Nature*)»⁵⁰¹. Дом Соломона, в его интерпретации как раз и создан представителями данного сообщества, «которые

⁴⁹⁶ *Glanvill J. The Summe of My Lord Bacon's New Atlantis // Essays on Several Important Subjects in Philosophy and Religion. London: Printed by J.D. for John Baker and Henry Mortlock, 1676. P. 9.*

⁴⁹⁷ *Ibid. P. 10.*

⁴⁹⁸ *Ibid. P. 17.*

⁴⁹⁹ *Ibid. P. 18.*

⁵⁰⁰ *Ibid.*

⁵⁰¹ *Ibid. P. 49.*

сошлись в том, что это лучший замысел, когда-либо осуществленный для увеличения естественных знаний и улучшения человеческой жизни, и он бесконечно выше всех спорных путей, из которых не могло возникнуть ничего, кроме отвлеченных дискуссий и разногласий. Они считали такой метод совместных усилий по изучению явлений и действий природы, предпринимаемых в царственном и благородном собрании, способом сделать философию практичной и полезной, отвлечь ее от траты сил на формирование суетных фантазий и бесконечных споров о химерах и сделать действенным орудием, приносящим свои плоды»⁵⁰².

Члены сообщества также касаются вопроса о существовании нематериальных тел, но Гленвилл, убежденный в существовании нематериального, не делает однозначного вывода о его природе, а, приводя точки зрения Платона и Декарта, говорит, что «одни придерживались доктрины Платона, считая духи протяженными, проницаемыми, неразличимыми, самодвижущимися субстанциями, в то время как другие вместе с Декартом полагали, что протяженность, движение и подобные атрибуты принадлежат только телам и не имеют ничего общего с духами, которые не могут быть характеризованы ничем, кроме их мышления и его модусов»⁵⁰³. Он ратует за сосуществование внутри натурфилософского сообщества сторонников различных концепций, к чему стремились и представители Лондонского Королевского общества, отмечая, что «различие во мнениях не вызывало ни грубости, ни пылкого противостояния, а служило упражнением их остроумию и философским развлечением»⁵⁰⁴. Одни представители общества богословов Гленвилла полагают, что суждения Платона дополняют механические принципы, которые сами по себе очень ущербны, другие склоняются к картезианской механистической картине, отрицая существование Души Мира. Так или иначе, они основывают свою программу на рассуждении и божественном познании, что скорее роднит их с богословами Т. Кампанеллы, чем с экспериментаторами Ф. Бэкона.

В «Пылающем мире» из диалога с духами М. Кавендиш узнает, что познанию природы может способствовать только естественный разум, а «вера происходит только от спасительной божественной благодати,

⁵⁰² *Glanvill J. The Summe of My Lord Bacon's New Atlantis // Essays on Several Important Subjects in Philosophy and Religion. London: Printed by J.D. for John Baker and Henry Mortlock, 1676. P. 49.*

⁵⁰³ *Ibid. P. 53.*

⁵⁰⁴ *Ibid.*

которая есть особый дар Божий». На вопрос о том, возможно ли познать Бога, она получает отрицательный ответ, поскольку, как ответили Духи, «некоторые мнения, которые вы, смертные, имеете о Боге, достаточно свидетельствуют об этом»⁵⁰⁵. Здесь выражено основное различие программ М. Кавендиш и Дж. Гленвилла, которое мы видели как в их переписке, так и в утопических произведениях. Но несмотря на то, что в произведениях Т. Кампанеллы, Ф. Бэкона, М. Кавендиш и Дж. Гленвилла авторские эпистемологические программы серьезно отличаются, их объединяют утопическая форма, сюжетные параллели и функциональное назначение. Все они были изначально опубликованы в качестве дополнений к философским трактатам и служили инструментом поэтического, то есть более доступного изложения философских концепций. «Новая Атлантида» Френсиса Бэкона вышла в качестве дополнения к работе «*Silva Silvarum*», «Пылающий мир» Маргарет Кавендиш – как дополнение к «Наблюдениям за экспериментальной философией», а «Сумма Новой Атлантиды лорда Бэкона» как заключительное эссе в работе Джозефа Гленвилла «Очерки по нескольким важным предметам философии и религии». Каждый из авторов ставит вопрос об институциональной природе научного знания, возможности его взаимодействия с институтами власти и церкви, инструментальных основаниях и эпистемологических моделях познания. Подобные произведения служат характерным примером поэтической интерпретации философских концептов в Англии XVII в. и могут рассматриваться как утопические модели, способствующие пересмотру границ «научного знания», институционализации научных сообществ и доступному изложению авторских программ.

⁵⁰⁵ Кавендиш М. Пылающий мир. С. 267 наст. изд.

4 ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: СВЕТ И ПЛАМЯ УТОПИЙ

Создав мир внутри себя, вы сможете наслаждаться всем – как целым, так и частями, без малейшего труда. Создавайте какой угодно мир, изменяйте его по вашему усмотрению, и наслаждайтесь таким количеством удовольствий и благ, какое он может вам предоставить.

М. Кавендиш. Пылающий мир

«Пылающий мир» содержит значительное количество упоминаний Солнца (57 раз), огня (58 раз) и света (67 раз). Можно выявить несколько ассоциативных линий, которые могли приходиться на ум англичанам XVII в. при чтении «Пылающего мира». Солнце в произведении Маргарет служило не только предметом научных дискуссий, но и являлось распространенным символом власти. Оно упоминается при описании царского дворца: «Своды были покрыты синими бриллиантами, посреди которых располагался карбункул, представляющий собой Солнце. А в западной и восточной частях комнаты – были выложены два Солнца из рубинов – восходящее и заходящее»⁵⁰⁶. А также выступает атрибутом в одеянии Императрицы: «Крупный карбункул, вырезанный в форме Солнца, венчал ее корону»⁵⁰⁷.

Упоминание Солнца как символа божественной мудрости и источника жизни встречается у М. Кавендиш и в более ранних произведениях. В сборнике «Стихи и фантазии» она пишет:

Although the Earth to all gives form and feature,
Yet is the sun the nurse to every creature.
For none could live unless the sun give heat,
Which is to them as nourishing as meat.
Just as a child is got and born of man,
It must be fed, or 'twill soon die again⁵⁰⁸.

Хотя Земля все формы сотворила,
Но Солнце все живущее взрастило.
Погибнет все, тепла его лишившись,
Питательного будто это пища.
Так и ребенок, что на свет придет,
Питаться должен, или он умрет.

Для эпохи раннего Нового времени символика Солнца играла важное значение. Мыслители сталкивались с переводами античных авторов, рассуждавших о нем, а дебаты о его природе и положении относительно Земли не позволяли этой теме угаснуть. Сравнение Бога с солнечным огнем встречается у многих античных авторов. Гераклит, как отмечал св. Ипполит в трактате «Опровержения всех ересей» утверждал, что «Бог – это умный огонь»⁵⁰⁹. Платон в седьмой книге «Государства» приводил метафору света и огня как знания и истины. Каждый, кто смо-

⁵⁰⁶ Кавендиш М. Пылающий мир. С. 232 наст. изд.

⁵⁰⁷ Там же. С. 233.

⁵⁰⁸ Cavendish M. The Sun is Nurse to All the Earth Bears // Of Many Worlds in this World / Margaret Cavendish's Poems and Fancies: A Digital Critical Edition / ed. L. Blake. URL: <http://library2.utm.utoronto.ca/poemsandfancies/2017/06/12/the-sun-is-nurse-to-all-the-earth-bears/> (дата обращения: 13.05.2023).

⁵⁰⁹ Фрагменты ранних греческих философов. М.: Наука, 1989. Ч. 1. С. 180

жет выйти из пещеры и чьи глаза постепенно привыкнут к свету Солнца получит истинное знание: «Он сделает вывод, что от Солнца зависят и времена года, и течение лет, и что оно ведаёт всем в видимом пространстве, и оно же каким-то образом есть причина всего того, что этот человек и другие узники видели раньше в пещере»⁵¹⁰.

В «Божественной комедии» Данте и Беатриче встречаются на Солнце с мудрецами разных эпох, среди которых – Фома Аквинский, Альберт Великий, Соломон, Боэций, Исидор Севильский, Беда Достопочтенный и проч. Солнце выступает в данном случае землей мудрецов и символом обретения истины.

Иллюстрация Алессандро Веллютелло
из итальянского издания «Божественной комедии» Данте Алигьери, 1544

⁵¹⁰ Платон. Государство. Кн. VII. URL: <https://classics.nsu.ru/bibliotheca/plato01/gos07.htm> (дата обращения: 22.04.2023).

Н. Коперник в трактате «О вращении небесных сфер» (*De revolutionibus orbium coelestium*) приводит распространенную герметическую концепцию о Солнце – как центре мира: «Действительно, в таком великолепном храме кто мог бы поместить этот светильник в другом и лучшем месте, как не в том, откуда он может одновременно все освещать. Ведь не напрасно некоторые называют Солнце светильником Мира, другие – умом, третьи – правителем»⁵¹¹.

Некоторые жители «Утопии» Томаса Мора почитают Солнце как Бога, но у них присутствуют и другие объекты поклонения, а вот в утопии Т. Кампанеллы поклонение Солнцу достигает своих высот. Для жителей Города Солнца оно является «живым изваянием Бога», для поклонения которому воздвигнут подобный Солнцу алтарь⁵¹². Френсис Бэкон в «Новой Атлантиде» также упоминает Солнце как атрибут дома мудрости, описывая повозку одного из мыслителей «Дома Соломона»: «Наверху ее украшало золотое Солнце, а впереди – маленький золотой херувим с распростертыми крыльями»⁵¹³.

Помимо образа Солнца мы неоднократно сталкиваемся в «Пылающем мире» с символикой огня и пламени, имеющего важное значение в герметизме и неоплатонизме. Плотин в «Эннеадах» писал, что огонь: «прекраснее остальных тел», и «что по отношению к остальным элементам он занимает место эйдоса, ибо он и выше других тел по положению, и, будучи близким к бесплотному, самое легкое из тел»⁵¹⁴. В «Стихах и фантазиях» Маргарет упоминает спо-

⁵¹¹ Коперник Н. О вращении небесных сфер. Малый комментарий. Послание против Вернера. Упсальская запись. М.: Наука, 1964. С. 35.

⁵¹² «Под видом Солнца они созерцают и познают Бога, называя Солнце образом, ликом и живым изваянием Бога, от коего на все находящееся под ним истекает свет, тепло, жизнь, живительные силы и всякие блага. Поэтому и алтарь у них воздвигнут наподобие Солнца, и священнослужители их поклоняются Богу в Солнце и звездах, почитая их за его алтари, а небо – за его храм, и взывают к добрым ангелам как к заступникам, пребывающим в звездах – живых их обиталищах: ибо, говорят они, Бог явил свое нескончаемое великолепие в небе и Солнце – своим трофеем и изваянием». (Кампанелла Т. Город Солнца. URL: <http://lib.ru/INOOLD/KAMPANELLA/suntown.txt> (дата обращения: 28.04.2023).)

⁵¹³ Френсис Бэкон в трактате «О мудрости древних» называл лучи, несущие свет, «волосами природы» и отмечал, что Солнце «кажется нам бородатым», а Т. Гоббс в трактате «О теле» писал, что Солнце в результате вращения раскидывает эфир, волна движения которого оказывает давление на глаза.

⁵¹⁴ Плотин. О прекрасном // Эннеады. К.: PSYLIB, 2003. URL: <https://classics.nsu.ru/bibliotheca/ploti01/index.htm> (дата обращения: 13.04.2023).

способность огня сохранять свою силу, сокрушая другие тела⁵¹⁵, и возможность «острых атомов» огня действовать на расстоянии⁵¹⁶. Стоит вспомнить и библейские образы огня – пламенный меч, преградивший Адаму вход в Рай; пламя неопалимой купины; охваченная огнем гора Синай; просветительный огонь; огненный столп, указывающий путь Моисею и проч.

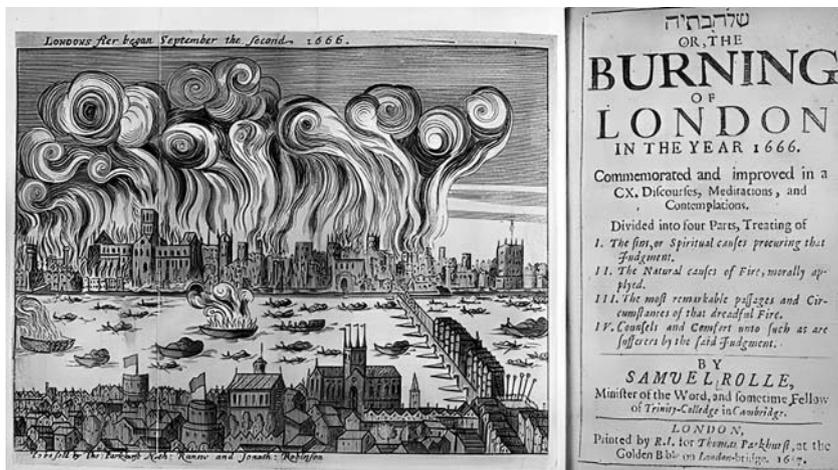
Помимо символического стоит вспомнить и исторический контекст, связывающий образ пламени с годом написания «Пылающего мира». Многие связывали 1666 г. со временем Второго пришествия Христа⁵¹⁷ и особенно пристально следили за астрономическими явлениями и символическими предзнаменованиями⁵¹⁸. В 1666 г. продолжается эпидемия чумы, а также происходит Великий лондонский пожар, о значении которого следует сказать отдельно. В 1665–1667 гг. шла вторая англо-голландская война. Примерно за три недели до пожара 9 августа 1666 г. голландский город Вест-Терсхеллинг и расположенный поблизости торговый флот, состоящий из ста пятидесяти судов, были почти полностью сожжены англичанами под командованием сэра Роберта Холмса. Это событие вошло в историю под названием «костер Холмса» (*Holmes's Bonfire*). Холмс писал королю, что «без труда поджег город, состоявший из не менее тысячи домов». В Англии это известие вызвало восторг, а в Амстердаме стали выпускаться брошюры и гравюры, осуждающие варварское нападение англичан. Когда через три недели пожар вспыхнул на Пудинг-лейн, немедленно стали выходить листки, характеризующие Лондонский пожар как божественное возмездие и справедливую кару за грехи. Распространялся тезис, что Лондон не был разрушен, но был очищен. Сэмюэл Ролл в 1667 г. издает трактат, где рассуждает о причинах пожара, греховности англичан и возможных путях их исправления.

⁵¹⁵ *Cavendish M. A The Power of Fire // Margaret Cavendish's Poems and Fancies: A Digital Critical Edition. Ed. Liza Blake. URL: <http://library2.utm.utoronto.ca/poemsandfancies/> (дата обращения: 13.05.2023).*

⁵¹⁶ *Cavendish M. Of Fire and Flame // Ibid.*

⁵¹⁷ *Дмитриев И.С. Неизвестный Ньютон. Силуэт на фоне эпохи. СПб.: Алетейя, 1999. С. 576.*

⁵¹⁸ Например, если записать 1666 г. римскими цифрами, выйдет MDCLXVI – последовательность всех цифр римского счета.

Шлохавот, или Сожжение Лондона в 1666 г.⁵¹⁹

Можно найти некоторое сходство между описанием уничтожения вражеских кораблей и городов в «Пылающем мире» и Лондонским пожаром, но есть параллель, которая бросается в глаза при сравнении «Пылающего мира» и «Новой Атлантиды». Жители страны Бенсалаем, повествуя о распространении у них христианства описывают явившийся в море огненный столп или большой столп света (*a great pillar of light*), увенчанный сияющим крестом. Горожане пытались приблизиться к нему на лодках, но на расстоянии шестидесяти ярдов что-то сковало их, и «лодки стояли все, как в театре, созерцая этот свет, являвшийся небесным знамением»⁵²⁰. В «Пылающем мире» Императрица, одержавшая победу над врагами своего короля, решает почтить князей торжественным обращением, ради чего они должны были «выйти в открытое море со своими кораблями и выстроиться в окружность довольно большого диаметра»⁵²¹. После того как все корабли заняли свое место, Императрица предстала перед ними, парящая в воздухе, в «одеянии света», будучи «столь же

⁵¹⁹ Rolle S. Shlohavot, or The burning of London in the year 1666. London: Printed by R.I. 1667.

⁵²⁰ Bacon F. The New Atlantis. URL: <https://www.gutenberg.org/files/2434/2434-h/2434-h.htm> (дата обращения: 20.04.2023).

⁵²¹ Кавендиш М. Пылающий мир. С. 310 наст. изд.

великолепной, как Солнце»⁵²². Императрица внушает трепет и благоговение не меньшее, чем внушает жителям Бенсалема огненный столп, только в ее случае все происходящее есть театральная постановка, все детали которой вплоть до пения людей-рыб и людей-птиц срежиссированы автором.

В 1668 г. будет издан последний сборник пьес М. Кавендиш «Пьесы, прежде не публиковавшиеся» (*Plays Never before Printed*), включающий фрагменты незаконченной пьесы (*A Piece of a Play*). В самом начале М. Кавендиш признается, что эта пьеса должна была стать частью «Пылающего мира», но не была завершена к сроку: «Я оставила этот замысел, а теперь, отправляя в печать несколько других комедий, разрешаю опубликовать вместе с ними и эту часть»⁵²³. Из фрагмента пьесы мы узнаем о том, что в некий город должна прибыть Леди Феникс, и общество переполняют слухи о том, как она выглядит и чего от нее ожидать. В дискуссии общества о леди явно чувствуется отсылка к тому, сколь разные отзывы получала Маргарет от современников: «Многие делают вид, что знают ее, но я вижу, что они приводят столь разные ее характеристики, что, кажется, не знают ее совсем»⁵²⁴, – сказал Сверчок. Канюк, знакомый с кем-то, кто лично видел Леди Феникс, сообщает, что она «вся одета светом, и лучи, исходящие от этого света, составляют ее подол длиной во много миль, который удерживается планетами. Она благоухает всеми специями Ост-Индии. Ее колесница сделана из воздуха в форме корабля, и это воздушное судно позолочено солнцем. У нее множество служителей. Те, что сопровождают ее, – Пылающие Звезды, а те, что следуют за ней, – Огненные Метеоры»⁵²⁵.

Здесь к образам пылающих звезд и огня добавляется образ птицы Феникса, распространенного символа перерождения. Образ Феникса соотносится с философской программой Маргарет, предполагающей вечное существование материи в природе и ее трансформацию: «Подобно бессмертной птице, которая циклически регенерирует,

⁵²² Кавендиш М. Пылающий мир. С. 311 наст. изд.

⁵²³ Cavendish M. A Piece of a Play // Plays, never before printed written by the... Princesse the Duchess of Newcastle. Newcastle, Margaret Cavendish, Duchess of, 1624(?)–1674. London: Printed by A. Maxwell, 1668. P. 1.

⁵²⁴ Ibid. P. 4.

⁵²⁵ Ibid.

природа, в представлении Кавендиш, существует в состоянии постоянного, но контролируемого потока, когда вещества никогда не исчезают полностью, а скорее принимают другие формы»⁵²⁶.

Но в пьесе есть и менее блестящее описание этой Леди, которое сообщает ее бывшая служанка: «Она прилежна по натуре, ведет уединенный образ жизни, постоянно уходит из большого общества и равнодушна к чужим мнениям, не обращая внимания на то, что мир говорит или делает. В компании у нее свободный нрав, и она может поддержать легкомысленную беседу. Она учтива с незнакомцами, добра к друзьям, щедра к своим слугам и милосердна к бедным. Она смиренна к тем, кто почтителен, но жестока к тем, кто груб»⁵²⁷. И суждения о ее гордости и тщеславии конечно являются просто сплетнями: «Она может показаться гордой только ослу и тщеславной канюку, но в остальном она такая, какой и должна быть»⁵²⁸. Это описание должно напомнить, что помимо ослепительной Императрицы и сверкающей Леди Феникс была и настоящая Маргарет Кавендиш, урожденная Лукас.

Образ Феникса часто использовался авторами, восхваляющими достоинства женской линии семьи Кавендишей. Драматург Уильям Сэмпсон (*William Sampson*) описывает гробницу родоначальницы династии Кавендишей Елизабет Толбот, используя метафору Феникса⁵²⁹; а Бен Джонсон, описывая могилу леди Кэтрин Огл, второй супруги Чарльза Кавендиша, сообщает, что рано или поздно ее «прах воскреснет Фениксом, которым она и являлась»⁵³⁰.

Священник и поэт Клемент Эллис (*Clement Ellis*) напишет эпитафию Маргарет Кавендиш, которая умирает в 1673 г. В ней есть такие строки:

⁵²⁶ *Thell Anne M.* "Lady Phoenix": Margaret Cavendish and the Poetics of Palingenesis // *Early Modern Women*. 2016. Vol. 11. No. 1. P. 128.

⁵²⁷ *Cavendish M.* A Piece of a Play // *Plays, never before printed written by the... Princesse the Duchess of Newcastle*. Newcastle, Margaret Cavendish, Duchess of, 1624(?)–1674. London: Printed by A. Maxwell, 1668. P. 7.

⁵²⁸ *Ibid.*

⁵²⁹ Rest sweete Eliza; againe I say goe rest, Sleepe with the Phoenix in thy spycie nest... (Virtvs Post Fvnera Vivit, or Honour Tryumphing over Death. Being true Epitomes of Honorable, Noble, Learned, And Hospitable Personages William Sampson. Printed by John Norton. 1636. P. 5.)

⁵³⁰ Until the dust returned be / Into a phoenix, which is she (*Johnson B.* Epitaph on Katherine, Lady Ogle // *The Cambridge Edition of the Works of Ben Jonson* URL: <https://universitypublishingonline.org/cambridge/benjonson/k/works/katherineogle/facing/#> (дата обращения: 11.05.2023).)

<p>Her Phant'sies heat had scorch't all Subjects, hurl'd The Universe into the Blazing-World: And having nought out of her self do do, She soon too active for her Body grew. Spirits are not confin'd, out thence she flashes, And leav's her house consum'd to these few ashes. Puff then broil'd <i>Chymist</i>, wrangle out thy Fire, Th'<i>Elixyr</i>'s fled: and till thou canst inspire These silent Ashes with new Forme, restore Us such a <i>Phoenix</i> as we had before; In spite of thy big words, we standers by Shall call thee fool, and thy fine Art a Lie...⁵³¹</p>	<p>Фантазий ее нас жар опалил, Вселенную бросил в Пылающий мир. Столь ярко внутри у нее все горело, Что с этим однажды не справилось тело. Но дух ее также, как прежде, горит, И дом свой покинув над пеплом парит. О, химик, напрасно, разводишь ты пламя, Разлит эликсир, зря стараться упрямо Придать форму пеплу, в том мало надежды, Вернуть того феникса, что знали мы прежде. Словами нас громкими ты не тревожь, Ты глуп и искусство твое – это ложь...</p>
---	--

И пускай телесное воскрешение для Маргарет оказалось невозможным, тем не менее ее произведения во многом задумывались, как тот самый эликсир, способный пронести память о ней через века. Мраморная гробница Маргарет и Уильяма в северном трансепте Вестминстерского аббатства напоминает об этом. Маргарет суждено вечно держать в руках открытую книгу и чернильницу. Южную часть гробницы украшают семь томов, некоторые из которых перевязаны подарочными лентами. «Книги Маргарет становятся физическими объектами, мало чем отличающимися от гробниц ее родственниц и подчеркивающими авторитет ее семьи»⁵³². Кто знает, каким будет ее путь в будущем, но уже в «Обращении к двум университетам» в 1655 г. Маргарет предполагала: «Кто знает, возможно после моего почетного погребения мне предстоит славное воскрешение в последующих веках, ведь время приносит странные и необычные вещи, я имею в виду необычные для людей, не для природы»⁵³³.

⁵³¹ Letters and poems in honour of the incomparable princess, Margaret, Dutchess of Newcastle. London: Printed by Thomas Newcombe, 1676. P. 176.

⁵³² *Lauenstein E.* The Funeral Monuments of the Cavendish Family // A Companion to the Cavendishes / eds. by L. Hopkins and T. Rutter. Leeds, Arc Humanities Press, 2020. P. 404.

⁵³³ *Cavendish M.* To The Two Universities // The Philosophical and Physical Opinions Written By her Excellency, the Lady Marchioness of Newcastle. London: Printed for J. Martin and J. Allestrye at the Bell in St. Pauls Church-Yard, 1655. URL: <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A53055.0001.001/1:1?rgn=div1;view=fulltext> (дата обращения: 10.08.2023).

Фрагмент гробницы М. Кавендиш и У. Кавендиша

Фрагмент гробницы М. Кавендиш и У. Кавендиша

ПРИЛОЖЕНИЯ

Письмо Мэри Ивлин преподабному Ральфу Богуну от 1667 г.⁵³⁴

Сэр, я обеспокоена тем, что Вы вынуждены отсутствовать, когда могли бы подтвердить избирательное право Ваших товарищей по колледжу и увидеть хозяйку обоих университетских судов; человека, которой, возможно, нет равных в мире, настолько она необыкновенна во всем. Признаюсь, хоть я и знаю ее несколько лет и не была чужда ее славы, я была удивлена, увидев столько экстравагантности и тщеславия в человеке, не запертом в четырех стенах. Ее осанка особенная, фантастическая, не лишенная хорошей формы, которой она действительно может похвастаться. Ее лицо обнаруживает легкость пола, в манере все же убежденной, что заслуживает уважения, не смотря на годы, благодаря бесконечной заботе, которую она проявляет, чтобы уложить свои локоны и кудри. Ее вид превосходит воображение поэтов или описания величия романтических героинь. Ее грациозные поклоны, своевременные кивки, вежливое протягивание руки, мерцание глаз и различные жесты одобрения демонстрируют то, чего можно ожидать от ее речи, такой же воздушной, пустой, причудливой и бессвязной, как ее книги, посвященные науке, различным проблемам, высоким понятиям, обычно заканчивающиеся чепухой, богохульством и непристойностями. Ее способ обращения к людям покорный более необходимого, будто есть некая общая форма для всех, услужливая, с повторением жеманных, великодушных, милых выражений. Стараясь показать смирение, она вспоминает прошлые дела, чтобы приумножить нынешнее величие и благосклонность друзей. Я застала с ней доктора Чарлтона, который хвалил ее за остроумие и образованность. Она приняла это за должное и поклялась, что, если школы не изгонят Аристотеля и не начнут читать герцогиню Ньюкасл, то причинят ей зло и будут заслуживать полного упразднения. Моей задачей было не столько говорить, сколько восхищаться. Особенно слушать, как она продолжает превозносить свои благородные поступки, величественные сооружения, благородное состояние, огромные потери своего господина на войне – его силу, доблесть, ум, ученость и трудолюбие. Упомянула ли она хоть что-то не ради его или собственной выгоды? Иногда, чтобы дать ей перевести дух, приходил новый поклонник. Затем она, пользуясь

⁵³⁴ Diary and Correspondence of John Evelyn / ed. W. Bray. London: Henry G. Bohn, 1859. Vol. 4. P. 8.

случаем, дабы оправдать свою веру, рассказывала о своей религии – столь же новой и непонятной, как и ее философия, цитировала строки и страницы своих произведений и рассказывала о приключениях некоторых из ее нимф. Наконец, я устала и пришла к выводу, что существо, называемое химерой, речь о котором я слышала, теперь можно видеть воочию, и мне пора удалиться, опасаясь заражения. Все же я надеюсь, поскольку она – оригинал, у нее никогда не будет копий. Никогда я не видела женщину столь самодовольную, столь поразительно тщеславную и честолюбивую. Какие противоположные чудеса производит этот век. Эта дама и миссис Филипс⁵³⁵! Одна восхищена тенью разума, другая одержима сущностью и незначительностью своего сокровища; и тем не менее люди, считающиеся мудрыми и учеными, не только уравнивают их, но и допускают, чтобы величие одной перевешивало несомненную реальную ценность другой. Вот и все, чем я могу отплатить Вам за Ваши редкие строки; которые настолько превосходят достоинства человека, которого Вы стремитесь описать, насколько это описание не соответствует той даме, с которой я хотела Вас познакомить: но она не из расы смертных, и поэтому не может быть определена. М. И.

Обращение М. Кавендиш ко всем пишущим дамам из издания «Стихов и фантазий», 1653 г.⁵³⁶

Следует заметить, что природа действует тайно, чтобы влиять на умы людей: как при эпидемиях, когда воздух испорчен и вызывает заболевания и различные психические расстройства, происходящие от воспаления духов. В здоровые же времена тела очищаются и ум заостряется. Тем не менее мне кажется, существует несколько невидимых духов (*spirits*), обладающих видимыми способностями, которые в течение веков воздействовали на умы людей. Ведь в разные века люди страдали и разочаровывались схожим образом. В одни века они были столь сильно и суеверно набожны, что сотворили многих богов; в другие – настолько атеистичны, что совсем отказались от Бога и начали жить согласно новым принципам. Некоторые эпохи имели столь сильную веру, что люди не только

⁵³⁵ Кэтрин Филипс (Catherine Philips) – англо-валлийский поэт-роялист, переводчик и писатель (1 января 1631/2 – 22 июня 1664).

⁵³⁶ *Cavendish M. To all Writing Ladies // Margaret Cavendish's Poems and Fancies: A Digital Critical Edition / ed. L. Blake. URL: <http://library2.utm.utoronto.ca/poemsandfancies/2019/04/30/to-all-writing-ladies/> (дата обращения: 13.05.2023).*

умирали, придерживаясь различных мнений, но и убивали и перерезали друг другу глотки из-за расхождения во взглядах. Были века, когда люди стремились к абсолютной власти, и каждый жаждал стать Императором мира, ведущим гражданские войны, поскольку их честолюбие делает их беспокойными, а неугомность заставляет искать перемен. В иные века все жили миролюбиво и были столь покорны, что сами правители правили смиренно (*with obedient power*). Были и века, когда все стремились к подражанию, как стая обезьян, подражая какому-либо поэту или стремясь иметь о себе мнение какого-нибудь философа. В одни эпохи все смешиваются – моралисты, поэты, философы и т. п., а в другие – кажутся оригинальными, мудрыми и достойными иметь самые экстравагантные мнения. В одни века процветает ученость в искусствах и науках, в другие же – все настолько скучно, что люди забывают то, чему их учили прежде. В одни века казалось, что существует содружество (*a commonwealth*) правящих духов (*governing spirits*), когда многие правила сообща, в другие, например, при аристократии, господствовала только часть, а случалось, что царил чистая монархия, когда правил только один. В некоторые эпохи казалось, что все духи бросали вызов тому, кто имел наибольшую власть, что приводило к смятению и войне. Некоторые века были так запутаны, что, кажется, существовали как духи женского рода, так и мужского. Случались века, когда было много героических женщин; или века, подходящие для женщин прорицателей; или для очень набожных и благочестивых – ведь наш пол чудесным образом пристрастен к духам. Но этот век породил много женоподобных (*effeminate*) писателей, как и проповедников, и много женоподобных правителей, как и актеров. И если наша эпоха – время господства женственных духов, что прекрасно видно в каждом королевстве, давайте воспользуемся преимуществом и максимально используем наше время, опасаясь, что их правление не продлится долго. Используем его во всем – в правительстве амазонской земли, в республике (*the politic commonwealth*) или в процветающей монархии, в школах богословия или в лекциях по философии, в остроумной поэзии и везде, где только можно прославить наш пол; ведь они – бедные, унылые духи, которые совсем не честолюбивы. И, хотя мы ниже мужчин, но покажем, что мы выше животных. Не будем только есть, пить и спать, как делают они, живя только по чувству, а не по разуму, становясь забвенной пылью. Но постараемся при жизни выстроить себе гробницы благородных,

достойных, добрых и, по крайней мере, безобидных дел, чтобы, хотя наши тела и умрут, наши имена остались жить в памяти.

Обращение М. Кавендиш к профессорам наук и искусств из сборника «Общественные письма», 1664 г.⁵³⁷

Знаменитые ученые (*Famously-Learned*),

я хотела бы писать столь мудро, остроумно, красноречиво и методично, чтобы быть достойной вашего прочтения, но, если кто-либо из вашей благородной профессии снизойдет до прочтения моих работ или хотя бы их части, умоляю, примите во внимание мой пол и происхождение, и они полностью оправдают недостатки, которые однозначно будут обнаружены в моих работах. И, хотя я не являюсь ученой (*I have no learning*), все же позвольте мне восхищаться учением и желать, чтобы я была членом вашего Общества, ибо, конечно, будь я Императрицей мира, я бы продвигала вперед тех, кто обладает наибольшим знанием и умом, благодаря чему, как я полагаю, земля предпочла бы стать небесами, поскольку и люди, и правительство были бы такими же небесными. Я уверена, что мудрость и по большей части добродетель присуща тем, кто является мастерами учения (*Masters of Learning*) и наделены острым умом. И именно таким людям я предлагаю свои работы, хотя они и будут осуждены на алтаре их порицания (*censure*), удовлетворившись честью того, что они стали достойными осуждения. Таким образом, независимо от того будут мои работы жить или погибнут, я остаюсь Вашей Службой М. Н.

Обращение М. Кавендиш «К читателю касательно фей» из «Стихов и фантазий»⁵³⁸

Дорогие читатели, меня поражает, что многие считают смешными и нелепыми рассказы о феях и в то же время искренне верят в существование духов, не имеющих даже описания, поскольку не имеют формы (*dimension*), то же самое можно сказать и о ведьмах, которые, как говорят, принимают различные формы, а затем снова возвращаются в пер-

⁵³⁷ *Cavendish M.* To All Professors of Learning and Art // *Sociable Letters* / ed. with an introduction and notes by J. Fitzmaurice. Abingon, NY: Routledge, 2012. P. 7.

⁵³⁸ *Cavendish M.* To the Reader, Concerning Fairies // *Margaret Cavendish's Poems and Fancies: A Digital Critical Edition* / ed. L. Blake. URL: <http://library2.utm.utoronto.ca/poemsandfancies/2019/04/30/to-the-reader-concerning-fairies/> (дата обращения: 13.05.2023).

вичную форму, что совершенно противоречит природе. И тем не менее они смеются над слухами о феях как о невозможных существах, хотя они являются всего лишь крошечными телами, неподвластными нашим чувствам, хотя они и доступны нашему разуму. Ведь природа может создавать малые тела с таким же успехом, как и большие, а тонкие с таким же успехом, как и широкие. Точно так же мы могли бы думать, что воздуха не существует, потому что мы его не видим, или считать, что в пустой бочке нет воздуха, потому что мы не можем почувствовать его руками. И почему они не могут просачиваться через двери или стены так же хорошо, как воздух, если их тела столь же тонки? И если мы можем допустить, что существует неподвластная нашим чувствам субстанция, мы можем признать, что субстанция должна иметь какую-то форму, а если так, то почему бы не человека или чего-либо еще? И почему разумные души не могут жить в маленьком теле, так же как в большом, тонком или широком? Можем ли мы сказать, что у карликов душа меньше, потому что их тела малы? А если их души разумны, то почему не богоспасаемые? Поэтому в природе есть все основания, чтобы не только существовали такие вещи, как феи, но и чтобы они были так же дороги Богу, как и мы.

Послание к читателям, сомневающимся в натуральной философии, из «Олио мира» М. Кавендиш⁵³⁹

Многие говорят, что в натурфилософии не могут быть известны ни конкретные явления, ни их причины, что, на мой взгляд, является ошибкой, ведь, если нам известны следствия, то мы должны знать и их причины, поскольку одни следствия являются причинами иных и, если мы можем знать только одно, несомненно, мы будем знать, как производить посредством него больше следствий.

Во-вторых, говорят, что естественная философия есть бесконечное изучение, не приносящее никакой выгоды. На это я отвечаю, что нет ни искусства, ни науки, кроме как произошедших от нее, что мы увидим, если без пристрастия рассмотрим, откуда они происходят.

⁵³⁹ *Cavendish M. An Epistle to the Unbelieving Readers in Natural Philosophy // The Worlds Olio Written by the Right Honorable, the lady Margaret Newcastle. London: Printed for J. Martin and J. Allestrye at The Bell in St. Pauls Church Yard, 1655. URL: <http://digitalcavendish.org/complete-works/worlds-olio-1655/> (дата обращения: 10.08.2023).*

В-третьих, утверждают, что в натуральной философии невозможно познать что-либо, по причине того, что она темна и скрыта от человеческого познания. Я отвечаю, что невозможно, чтобы природа могла в совершенстве понять и полностью познать себя, поскольку она бесконечна. Тем более ее не сможет познать никакое из ее производных, однако из этого не следует, что мы не способны узнать хотя бы что-то. Например, открыто несколько частей мира, но, скорее всего, не все, и, может быть, все никогда и не будут открыты, однако большинство полагает, что открыт весь мир, потому что Дрейк и Кавендиш шли по кругу, пока не пришли к тому месту, откуда они отплыли. Я уверена, что и до того, как были открыты Вест-Индии, большинство писателей думали, что им известен весь мир. А тот, кто открыл его в уме прежде, чем отправиться в путешествие по Судходному морю (*The Navigable Sea*), и сообщил о нем королю Генриху Седьмому, был отвергнут как глупец. И несомненно, многие смеялись над ним, как над тщеславным дураком; другие жалели его, считая сумасшедшим; третьи презирали его, как мошенника, который собирался вытянуть у короля большую сумму денег на свое путешествие. Но испанская королева, будучи мудрее остальных, наняла его и решила выделить крупную сумму на его путешествие, в результате которого успех, согласно гениальному замыслу человека, был достигнут, и принес королеве открытие Золотых и Серебряных копеек для чеканки испанских пистолетов. Тогда другие народы стали завидовать королю Испании, и, подобно своре собак, борющихся за кость, стали собираться, ведомые слухами (*went together by the ears*), чтобы заполучить свой кусок. Епископ, высказавший свое мнение об антиподах, не только был осмеян не терпящим изобретательности народом, но против него восстали и ученые мудрецы и уважаемые магистры (*Great and Grave Magistrates*) и, осудив его как атеиста, отстранили от епископства, полагая, что поступают великодушно, сохранив ему жизнь. С тех пор мореплаватели признали его мнение верным. Но невежественные и неокрепшие умы считают все неизвестное им – невозможным. Но представьте, что многие отправились бы на поиск того, что никогда не сможет быть найдено, как говорят они о натуральной философии. Во время поиска они могли бы отыскать то, чего и не ожидали, и что может оказаться им большую пользу. Или, допустим, десять тысяч отправятся разными

путями на поиски сундука с драгоценностями, и все, кроме одного, упустят его. Неужели этот человек будет осмеян и унижен за свою удачу или упорство? Это было бы ужасно несправедливо, но невежество и зависть стремятся затмить блеск истины, если не могут полностью превзойти его. Но я и те, кто пишет, должны вооружиться равнодушием к порицанию. Что до меня, то я знаю и охотно верю, что невежество и зависть нашего времени будут пренебрегать моей книгой, и все же я не сомневаюсь, что зависть будет изношена временем, а понимание вспомнит обо мне в последующие века, когда меня уже не будет на свете. Но я предпочитаю скорее остаться в общей памяти (*a General Remembrance*), чем в частной жизни.

**Заметка М. Кавендиш «О королеве Елизавете»
из сборника «Олио мира»⁵⁴⁰**

Королева Елизавета правила долго и счастливо; пусть и облачив себя в овечью шкуру, но имея лапу льва и голову лисицы. Лестью она ласкала щеки (*strokes the Cheeks*) подданных, обирая в то же время их кошельки. И хотя она казалась слабой, тем не менее она никогда не упускала возможности сокрушить насмерть тех, кто вставал у нее на пути. Она могла менять отношение к своим фаворитам (*Favourites for Sport*). Они могли быть в фаворе, но чуть что, тотчас выпадали из него, как Эссекс, Лестер, Рэли, Хаттон и проч. И первые фавориты получили не так много, как последние – Рэли меньше, чем Берли. Могут сказать, что, потратив больше, они меньше скопили; но тщеславные фавориты приобретают больше врагов и ненависти к принцам, чем прибыли, поскольку вид их тщеславия заставляет людей вспоминать свои налоги и думать, что их повелитель поддерживает тщеславие фаворитов за их счет. И принц думает, что они имеют больше, потому что они показывают во много раз больше того, чем имеют на самом деле. Но королева Елизавета единовременно вела больше внешних войн, чем любой из ее предшественников, но все же не вызывая недовольства народа, ведь это происходило не столько за счет их

⁵⁴⁰ *Cavendish M. Of Queen Elizabeth // The Worlds Olio Written by the Right Honorable, the lady Margaret Newcastle. London: Printed for J. Martin and J. Allestrye at The Bell in St. Pauls Church Yard, 1655. URL: <http://digitalcavendish.org/complete-works/worlds-olio-1655/> (дата обращения: 10.08.2023).*

кошельков, сколько благодаря доходам, полученным морским путем, ведь хотя король Испании имел честь быть повелителем Индий, все же королева Англии имела честь быть госпожой морей. Ее корабли были ее шахтами, поддерживающими войну против него.

Заметка М. Кавендиш «О разрушении монастырей в эпоху Генриха VIII» из сборника «Олио мира»⁵⁴¹

Некоторых удивляет, что Генрих Восьмой без всякого сопротивления разрушил в Англии так много древних монастырей, однако вполне вероятно, что сопротивление и не могло быть великим. Во-первых, люди были в некоторой степени убеждены доктриной Лютера, чтобы не любить тиранию папы, ведь она освобождала их кошельки и их души (*Their Purses and Their Persons*). Одних от петерпенсов [денарии святого Петра – ежегодная дань, выплачиваемая в пользу папы. – Г. Ш.], а других от сурового покаяния. Джентри и знать думали о захвате владений, земель и свобод, а король о присвоении большей части их богатства, так что король, знать и общины преследовали в этом свою цель. Там, где король следует за палатой общин, нововведения даются легко или, можно сказать, новшество дается легко там, где король следует за народом.

Заметка М. Кавендиш «Что такое романтика» из сборника «Олио мира»⁵⁴²

Романтика (*Romancy*) – это незаконнорожденный жанр, происходящий от связи истории с поэзией, ибо романтика – это как бы поэтические фантазии, записанные историческим стилем, но они скорее сказки, чем фантазии, поскольку сказки – это множество методически записанных невозможностей. Хотя они взяты из оснований истины, они возвышены до такой степени, что становятся чистой ложью. Поэзия есть подражание природе для создания нового, а не фальсификации старого, а история дает справедливый отчет без преувеличений. История, если она очерчивает и разделяет, – это чистая поэзия, но, если это ложь, сотканная из правды, – это романтика.

⁵⁴¹ *Cavendish M.* Of pulling down of the Monasteries in Henry the Eighths time // *The Worlds Olio* Written by the Right Honorable, the lady Margaret Newcastle. London: Printed for J. Martin and J. Allestrye at The Bell in St. Pauls Church Yard, 1655. URL: <http://digitalcavendish.org/complete-works/worlds-olio-1655/> (дата обращения: 10.08.2023).

⁵⁴² *Cavendish M.* What Romancy is // *Ibid.*

Заметка М. Кавендиш «О монстрах» из сборника «Олио мира»⁵⁴³

Некоторые говорят, что в природе не бывает ни монстров, ни уродливых существ, а жаба, паук и им подобные такие же прекрасные создания природы, если это соответствует их роду, как и самые прекрасные мужчины или женщины. Это верно, поскольку соответствует природной форме такого рода творений, но уродливо (*ugly*) то, что безобразно (*deformed*), и безобразно то, что бесформенно (*mishapen*), и бесформенно то, что сделано криво или наперекосьяк или одна часть чего больше или меньше другой. И те существа должны называться чудовищами, у которых больше или меньше частей, чем должно быть; или когда их части не находятся на надлежащем месте. Например, если у человека две головы или четыре ноги, или больше рук, или ступней, или пальцев, или глаз, или носов, или ушей, и т. п.; если глаза помещены на груди, на шее или во рту; или уши расположены на груди, или на животе, или на затылке; или если руки находятся там, где ноги, или ноги там, где должны быть руки; или когда рука или нога растут из головы; или если человек в некотором роде подобен зверю. Можно привести много примеров, когда существо, противоречащее естеству своего вида и не соответствующее природной форме, может быть названо чудовищем. При этом различаются уродливые твари и чудовища. Одни являются неточностью природы, другие – ошибкой или, можно сказать, ее пороком. Но жаба правильной формы может иметь неприглядный вид, поскольку она не так красива, как люди или многие другие виды животных, ведь я никогда не слышала никаких поэтических высоких выражений, восхваляющих жабу, как, например, высказываний, что это самая красивая, любезная, милая и прекрасная жаба.

Письмо М. Кавендиш к К. Гюйгенсу (30 марта 1657 г.)⁵⁴⁴

Я получила от мистера Дьюэртса Ваше второе письмо, где обнаружила несогласие с моим мнением об этих стеклянных каплях⁵⁴⁵. Воистину, творения человека так же темны и трудны для познания теми, кто в них не разбирается, как и творения природы. Но чтобы прояснить свое мнение

⁵⁴³ *Cavendish M. Of Monsters // Ibid.*

⁵⁴⁴ Constantijn Huygens, Briefwisseling. Deel 5: 1649–1663 / ed. J.A. Worp. Martinus Nijhoff, Den Haag. 1916. P. 287.

⁵⁴⁵ Имеются в виду капли Руперта.

и ответить на ваши возражения, я приведу еще кое-какие из моих доводов, хотя мои доводы (*arguments*) могут быть так же слабы, как мои мнения (*opinions*); мои мнения так же слабы, как и мои суждения (*judgement*), а мои суждения столь слабыми, какими их делает недостаток знаний. Вы говорите в своем письме о вашей жидкости, что, если бы она была сернистой жидкостью или жидким порошком, как полагала я, несомненно, она бы активизировалась с помощью огня. На это я отвечаю, что огонь оказывает несколько активных действий как сам в себе, так и на другие субстанции или предметы, поэтому, если бы раствор был сухим порошком, он мог бы подвергнуться такому действию огня – как вспышка, разрушение или хлопок, но, если бы порошок был на поверхности, огонь не мог бы произвести такого эффекта. Так как эта субстанция есть жидкость, то огонь так же воздействует на это вещество или материю, как это вещество или материя воздействует на огонь, ибо все жидкости, хотя бы и укрепленные спиртом или нагревающиеся, гасят огонь так же внезапно, как огонь испаряет жидкость. Возьмите равное их количество и, вполне вероятно, что сильный огонь, который вы приложили к каплям, испарит жидкость внутри них, что может быть ослаблением и изменением или вариацией прежних эффектов. Вы говорите также, что не можете воспринимать каплю (*buble*) как жидкость. Я отвечу, что, вероятно, жидкость, если она там была, испарилась либо из-за огня, который Вы применили, либо из-за воздушного клапана, который может быстро превратить ее в пар из-за малого ее количества в стекле. Таким образом, она может испариться до того, как истина станет известной, ибо моему чувству, как и моему разуму очевидно, что в тех каплях, которые Вы послали мне, была жидкость, но если ее не было, то вполне вероятно, что это мог быть заключенный в них сжатый воздух, который, выходя наружу, был причиной звука, издаваемого ими. Таким образом, сэр, вы можете заметить по моим рассуждениям, что я стремлюсь сделать свое прежнее мнение или чувство более верными, хотя я связываю себя не мнениями, а истиной; и правда в том, что, хотя я не могу узнать правду о каплях, но на самом деле я... Антверпен, 30 марта 1657 г.

Сэр, я бы написала Вам письма собственноручно, но, поскольку мой почерк неразборчив, я думаю, что вы скорее верно поймете то, что я скажу, чем ошибетесь в том, что я написала. В этом причина того, что они были написаны другой рукой.

«Письмо 109» из «Общественных писем» М. Кавендиш⁵⁴⁶

В последнем письме Вы были рады сообщить мне, что показали замечательные работы А. Б. – Л. С., и он не восхитился ими, что явный признак того, что он их не понял. Несомненно, в мире так мало понимания, что, если человечество разделить на четыре части, три с половиной четверти будут невежественными болванами. Из-за этого редкие качества, науки, любопытные искусства и божественные фантазии больше не почитаются и не служат объектом восхищения. Ведь если бы понимание было всеобщим, люди бы стремились, искали и звали, чтобы увидеть того единственного, кто наделен изобретательностью, чтобы творить искусства или открывать новые науки, кто обладает даром поэзии или глубокими представлениями о философии. Но это превосходит способности большинства, а будучи вне их способностей, не может привести к удовольствию или наслаждению и, следовательно, не почитается ими. Что касается доказательств, то пусть самые избранные стихи или какая-нибудь глубокая философия будут прочитаны несколькими людям. Расскажите им о какой-нибудь новой науке или покажите им какое-нибудь любопытное или полезное искусство. По тому как они зевают, мычат, хрипят, плюются или сидят, как если бы они были статуями, лишенными жизни или смысла, Вы бы поняли, как они утомлены; но прочтите им что-нибудь, что они понимают по своей звериной природе, какую-нибудь чепуху, бессмысленную песню или сценку или тому подобное, хотя в том не будет ни остроумия, ни смысла, и вы услышите их громкий смех и похвалы. Они будут клясться, что никогда не слышали ничего лучше, и хвалить автора за остроту ума. Покажите им какое-нибудь тщетное или бесполезное искусство, и они восхитятся им, даже если это будет всего лишь стеклянное кольцо, и будут удивляться тому, как оно изобретено, восхищаясь изобретателем как человеком великого ума; но, если это изделие редкое или приносящее пользу, они отнесутся к нему пренебрежительно и отведут свои взгляды в сторону не из зависти, а из невежества. Поэтому, мадам, теми, кто хорошо квалифицирован и остроумен, восхищаются лишь немногие, то есть мудрые и знающие, и эти немногие стоят остальных, ибо мудрые и знающие, действительно, составляют весь мир людей; остальные – только

⁵⁴⁶ *Cavendish M. Sociable Letters / ed. with an introduction and notes by J. Fitzmaurice. Abingdon, NY: Routledge, 2012. P. 117.*

отродья, как чувствительные личности (*Sensual Persons*), то есть полулюди – полужвери; и невежественные люди, то есть полулюди – полукамни. Более того, по большей части они на три части звери или камни, и только на одну – люди. Таким образом, среди всех творений природы настоящие люди – самые скудные, самые редкие, как и самые превосходные творения в природе. Вот почему самые выдающиеся творения природы не вызывают восхищения у большинства. Так что неудивительно, что Л. С. не оценил и не похвалил труды А. Б. Но, мадам, Вы не только видели и читали их, но и одобрили, и похвалили, что является достаточной наградой его изобретательному уму и честью его личности, а также честью всех тех, кого Вы считаете достойными вашего расположения, какой я, хотя и наименее достойная, но постараюсь стать, чтобы Вы не стыдились признать меня, Госпожа, Вашей верной и смиренной слугой.

«Письмо IV.XXVII» из «Философских писем» М. Кавендиш⁵⁴⁷

Мадам,

Вы изволили оказать мне великую честь, не только потратив время на прочтение моей книги под названием «Философские мнения», но и столь тщательно ее обдумав, что обращаете внимание на каждое мое суждение, расходящееся с общепринятым в Школах (*common way of the Schools*) и отмечаете те места, которые кажутся неясными, желая, чтобы я объяснила их. Все это я воспринимаю не только как большую милость, но и как однозначное свидетельство Вашей истинной и непритворной дружбы, и не могу не обнародовать этого, как для моей собственной чести, так и для того, чтобы все узнали роль столь верного друга, который так заботится о чести и пользе моих бедных работ; а также для пользы упомянутой книги, которая благодаря тому станет более доступной читателю. Я должна признаться, что мои «Философские мнения» не настолько ясны и доступны, чтобы быть полностью понятыми при первом прочтении, о чем сожалею. Есть две основные причины, почему они таковы: во-первых, их новизна, ведь они никогда не выпускались раньше, но исходят только из моих собственных концепций,

⁵⁴⁷ *Cavendish M. Letter IV.XXVII // Philosophical Letters: or Modest Reflections Upon some Opinions in Natural Philosophy, Maintained By several Famous and Learned Authors of this Age, Expressed by way of Letters: By the Thrice Noble, Illustrious, and Excellent Princess, The Lady Marchioness of Newcastle. London, Printed in the Year, 1664. URL: <https://www.gutenberg.org/files/53679/53679-h/53679-h.htm> (дата обращения: 25.04.2023).*

а не заимствованы у других философов. Далее, поскольку я, будучи женщиной не воспитанной в науке (*not bred up to Scholarship*), нуждалась в названиях и терминах и, следовательно, не была сведуща в сочинениях других философов, зная их только понаслышке, я не могла составить мою книгу так методично и выразить свои мнения так искусно и ясно, как могла бы сделать, если бы усердно читала философские книги или была бы образована (*bred a Scholar*). Тогда я могла бы обрядить их в прекрасные цветные одежды логики и геометрии, расположить в благообразном порядке и этим прикрыть свое невежество, подобно тому, как артисты скрывают подлые характеры или качества за красивыми нарядами. Но, как я уже сказала, будучи лишенной учения и мастерства (*Learning and Art*), я изложила их в соответствии со своими собственными представлениями и так, как сама их понимала. Однако к настоящему времени, благодаря чтению известных и ученых авторов, которых вы мне прислали, я достигла знания некоторых искусственных терминов, и не пожалею сил, чтобы сделать свои суждения настолько ясными, чтобы каждый, кто будет читать их без пристрастия, раздражения и злобы, сможет легко в них разобраться. Я также постараюсь дать такие ответы на Ваши замечания, возражения или вопросы, которые смогут объяснить показавшиеся неясными фрагменты и удовлетворить этим Ваше желание. Прежде всего Вы желаете знать, можно ли найти какую-либо истину в натуральной философии, ведь, поскольку все исследования основаны на вероятности, тот, кто думает, что у него есть наиболее надежные основания для своего мнения, может быть так же далек от истины, как и тот, чьи суждения считаются самими необоснованными. Более того, то, что сегодня кажется наиболее вероятным, завтра может показаться наименее вероятным, особенно если изобретательный противник выдвинет рациональные аргументы. Поэтому вы думаете, что нет причины напрасно утруждать свой мозг поисками и исследованием таких вещей, в которых нельзя найти ни истины, ни достоверности. На что я отвечаю, что несомненная истина в натуральной философии, по моему мнению, подобна философскому камню в химии, который искали многие ученые и знающие (*learned and ingenious*) люди, и будут искать до тех пор, пока существует искусство химии. Но, хотя они и не в силах найти философский камень, тем не менее с помощью своего искусства они открыли много редких для пользы и знания вещей.

Так же и в натурфилософии, хотя естествоиспытатели не могут найти абсолютную истину о природе, ее основаниях или скрытые причины природных явлений, тем не менее они открыли много нужных и полезных искусств и наук (*Arts and Sciences*), приносящих пользу человеку, ибо без натурфилософии мы жили бы в невежестве, не зная движений небес, причин затмений, влияний звезд, употребления чисел, мер и весов, свойств и действий растений и минералов, искусства архитектуры, мореплавания и тому подобного. Действительно, все искусства и науки приписывают свое происхождение изучению натуральной философии, и неразумен тот, кто отказывается от богатых даров, потому что не способен быть хозяином всего богатства, и глуп тот, кто не принимает лекарств, когда болен, потому что лекарства могут лишь на время избавить от смерти, но не могут дать бессмертия. В заключение скажу, что истина следует за вероятностью, и поиск скрытой причины обнаруживает видимые следствия. Натурфилософам известна истина, что дураков больше, чем мудрецов, а глупцы никогда не удостоятся чести быть естествоиспытателями.

«Письмо III.XVI» из «Философских писем» М. Кавендиш⁵⁴⁸

Мадам, мое мнение о ведьмах и колдовстве, о силе и странных способностях которых Ваш автор с удовольствием рассказывает, вкратце таково. Мои чувство и разум сообщают мне, что существует природное колдовство, назовем его так. Симпатия, антипатия, магнетизм и т. д., производимые чувствительными и разумными движениями между существами подобны воображению, фантазии, любви, отвращению и многому другому. Эти движения могут быть необычными и странными для нас, так как мы не знаем их причин (ибо какое существо знает все движения в природе и их пути?), и мы удивляемся их действующей силе и, так как не можем приписать им какую-либо естественную причину, склонны приписывать их действия дьяволу. Но мне не верится, что может быть такое дьявольское колдовство, которое возникает в результате заключения соглашения с дьяволом, силой которо-

⁵⁴⁸ *Cavendish M. Letter III.XVI / Philosophical Letters: or Modest Reflections Upon some Opinions in Natural Philosophy, Maintained By several Famous and Learned Authors of this Age, Expressed by way of Letters: By the Thrice Noble, Illustrious, and Excellent Princess, The Lady Marchioness of Newcastle. London, Printed in the Year, 1664. URL: <https://www.gutenberg.org/files/53679/53679-h/53679-h.htm> (дата обращения: 25.04.2023).*

го люди очаровывают или околдовывают других. Я осмелюсь сказать, что, несомненно, многие добрые, старые и честные женщины были невинно осуждены и несправедливо замучены до смерти из-за необоснованного подозрения в колдовстве по приговору глупых и жестоких судей, хотя были невинны. Ведь многое совершается в результате манипуляции искусствами, в которых ни дьявол, ни ведьмы не являются актерами. Так, англичанин по имени Бэнкс, как мне сообщили, едва не был сожжен за морем как колдун, за то, что с помощью искусства заставил коня показывать фокусы. Были и другие; как тот, кто смог извергнуть из себе несколько видов спиртных напитков и тот, который издавал телом барабанный бой. Но я не могу понять, что имеет в виду Ваш автор, говоря о переходе духовных лучей от ведьмы в человека или другое животное, которое она намеревается убить или причинить вред, и о том, как духи ходят по воздуху и обитают там, ведь о вещах, которые не состоят из природной материи, люди могут говорить только как о невозможном. Если бы человек сам был бестелесным духом, он, может быть, скорее смог бы понять сущность духа, как принадлежащую к той же природе, но пока он материален и состоит из природной материи, он может только притворяться, что знает сущность Бога, как и бестелесного духа. Должна признаться, у меня часто возникали фантазии о таких чистых и тонких субстанциях, более чистых и тонких, чем небо или эфир, о которых я писала в поэтических произведениях. Субстанции, которые я представляла, были материальными и имели тела, но никогда не были малыми и тонкими, ведь я никогда не могла представить субстанцию отдельную от всей материи, поскольку даже воображение само по себе материально, а все мысли и понятия созданы разумной материей, называемой философами животными духами, но материальное воображение не может произвести нематериальные результаты, то есть идеи бестелесных духов. И в этом причина того, что в первом издании моих Философских мнений я назвала чувствительную и разумную материю чувственными и разумными духами из-за ее тонкости, активности и подвижности. Я считала их не бестелесными, но материальными духами. Однако так как духи обычно считаются нематериальными, а дух и тело считаются противоположными друг другу, то, чтобы предотвратить неправильное понимание читателями, как если бы я имела в виду бестелесные духи,

я изменила это выражение в последнем издании и назвала его единственно чувствительной и разумной материей, или, что то же самое, чувственными и разумными телесными движениями. Вы, может быть, скажете, что божественная душа в человеке есть дух, но я хочу, чтобы Вы вспомнили то, что я часто говорила вам, а именно, что, когда я говорю о душе человека, я имею в виду только естественную, не божественную душу, которая будучи сверхъестественной, действует сверхъестественно, но все действия природной души, о которых я говорю, естественны, а не божественны или сверхъестественны. Но вернемся к магнетизму. Я абсолютно уверена, что он происходит естественным образом и естественными средствами без вмешательства нематериальных духов, хороших или плохих, а естественными телесными чувствительными и рациональными движениями; и, по большей части, должен иметься надлежащий подход (*a due approach*) между агентом и пациентом (*Agent and the Patient*), иначе эффект вряд ли последует, как Вы можете видеть по магнитному камню и железу. Влияние звезд также не осуществляется за пределами определенного расстояния, то есть такого, которое находится вне нашей видимости, или вне их естественной способности. Если их свет достигает наших глаз, я не знаю, чем это объяснить, но их действие может распространиться и на наши тела. А что касается заразных болезней, то они возникают при телесном подражании, как при прикосновении или через зараженный воздух, либо проникая через поры тела, либо из-за каких-либо вещей, принесенных из зараженных мест, либо через слух. Но болезни, вызванные тщеславием (*Conceit*), имеют свое начало, как и все изменения – в чувствительных и рациональных движениях, которые вызывают не только страх и тщеславие, но и болезнь, ведь как испуг иногда излечивает болезни, так и вызывает их. Но, как я сказала – и страх, и излечение, и болезнь производятся разумными и чувствительными телесными движениями внутри тела, а не сверхъестественной магией как сатанинское колдовство, проникающее в тело с духовными лучами извне. Но, рассуждая об этом в предыдущем письме, я не буду беспокоить вас напрасным повторением. Поэтому я заканчиваю тем, с чего начинала, а именно, что считаю естественную магию – естественными телесными движениями в естественных телах. Я не говорю, что природа сама по себе является магией, но ее можно назвать естественной магией или кол-

довством только по отношению к нашему неведению. Хотя природа стара, все же она не ведьма, а серьезная, мудрая, методичная матрона, управляющая своим бесконечным семейством, составляющим ее отдельные части, с легкостью и умением, без ненужных хлопот и затруднений, которые происходят из-за невежества отдельных ее частей или отдельных существ, не понимающих своей хозяйки природы, ее действий и правления, за что их нельзя винить, ибо как может часть понять бесконечное тело, если она не понимает саму себя, но природа понимает свои части лучше, чем они ее. Итак, оставив мудрость природы и невежество ее частей, я осознаю себя настолько, насколько могу, госпожа, Вашей скромной и верной слугой.

ХРОНОЛОГИЯ

- 1593 Рождение Уильяма Кавендиша, будущего мужа Маргарет
- 1597–1603 Отец Маргарет, Томас Лукас, покидает Англию из-за убийства на дуэли родственника лорда Кобхема (*Cobham*). Яков первый, взойдя на трон, позволяет ему вернуться
- 1604 Свадьба Томаса Лукаса и Елизаветы Лейтон (*Leighton*)
- 1618 Женильба Уильяма Кавендиша на Елизавете Ховард
- 1623 Рождение Маргарет Лукас, младшей из восьми детей Лукасов в аббатстве св. Иоанна (*st. John Abbey*), Колчестр, Эссекс
- 1625 Смерть отца Маргарет. Восшествие на трон Карла Первого, взявшего в жены католичку Генриетту Марию, сестру Людовика XIII и дочь Марии Медичи
- 1627 В виде приложения к трактату Ф. Бэкона «*Silvia Silvorum*» опубликована «Новая Атлантида»
- 1635–1636 Гоббс присоединяется к парижскому кружку Марина Мерсенна, поддерживающего связь с Декартом
- 1641 Изданы «Размышления о первой философии» Декарта на латыни
- 1642 Конфликт между роялистами и сторонниками парламента. Начало гражданской войны в Англии. Мародеры грабят дом Лукасов в аббатстве Святого Иоанна
- 1643 Маргарет становится фрейлиной королевы Генриетты Марии; умирает первая супруга Уильяма Кавендиша
- 1644 Роялисты терпят поражение в битве при Марстон-Муре. Маргарет вслед за Генриеттой Марией бежит в Париж. Опубликованы «Основы философии» Декарта
- 1645 Уильям Кавендиш прибывает в Париж, где знакомится и начинает переписку с Маргарет. Уильям и Маргарет женятся в конце года в часовне сэра Ричарда Брауна
- 1646 Маргарет начинает посещать собрания «Кавендишского кружка», на которых бывают Рене Декарт, Томас Гоббс, Марин Мерсен, Уолтер Чарлтон и проч.
- 1647–1649 В Англии погибают сестра Мэри, братья Томас и Чарльз и мать Элизабет
- 1648 Маргарет и Уильям переезжают в Антверпен, взяв в аренду дом, принадлежавший ранее Питеру Паулю Рубенсу

- 1649 Казнь Карла I в Лондоне
- 1650 Смерть Рене Декарта
- 1651 Опубликовано «Левиафан» Гоббса. Маргарет отправляется в Лондон, пытаясь получить компенсацию за утраченные имения Уильяма
- 1652 Уолтер Чарлтон публикует сочинение «Рассеяние тьмы атеизма светом природы» (*The darkness of atheism dispelled by the light of nature*)
- 1653 Изданы «Противоядие против атеизма» (*An Antidote against Atheism*) и «Каббалистическая гипотеза» (*Conjectura Cabbalistica*) Генри Мора и первое английское издание «О движении сердца и крови у животных» (*On the Motion of the Heart and Blood in Animals*) Уильяма Гарвея. Маргарет Кавендиш публикует первые работы «Стихотворения и фантазии» и «Философские фантазии». Возвращение Маргарет из поездки в Англию в Антверпен
- 1654 Опубликовано атомистический трактат У. Чарлтона «Физиология Эпикуро-Гассендо-Чарлтоняна» (*Physiologia-Epicuro-Gassendo-Charltoniana*). Смерть Чарльза Кавендиша
- 1655 Смерть Пьера Гассенди
- 1656 Кавендиш публикует «Картины природы», включающие ее автобиографию «Достоверный отчет о моем рождении, взрослении и жизни»
- 1657 Кавендиш переписывается с Константином Гюйгенсом, отцом известного математика и философа Христиана
- 1658 Уильям Кавендиш публикует на французском языке работу «Новый метод дрессировки лошадей»
- 1659 Генри Мор издает «Бессмертие души» (*The Immortality of the Soul*)
- 1660 Карл II восстановлен на троне. Кавендиш и Уильям возвращаются в Англию и живут в аббатстве Уэлбек, в Ноттингеме. Роберт Бойль публикует «Новые физико-механические эксперименты, касающиеся сжатия воздуха» (*New Experiments Physico-Mechanical: Touching the Spring of the Air*)
- 1662 Хартией Карла II утверждено Королевское общество
- 1664 Роберт Бойль публикует «Эксперименты и рассуждения о цвете» (*Experiments and Considerations Touching Colours*)

- 1665 Роберт Гук публикует «Микрографию». Уильям Кавендиш получает звание герцога Ньюкасла
- 1666 Лондонский пожар. М. Кавендиш издает «Наблюдения за экспериментальной философией», к которым прилагается «Пылающий мир»
- 1667 Издана биография Уильяма Кавендиша «Жизнь герцога». М. Кавендиш переписывается с Гленвиллом. Посещение Маргарет Лондонского Королевского общества. Издана «История Королевского общества» Томаса Спрата
- 1668 «Пылающий мир» издан в виде отдельного произведения.
- 1673 15 декабря умирает Маргарет Кавендиш; 7 января 1674 г. ее хоронят в Вестминстерском аббатстве
- 1676 Уильям Кавендиш редактирует и публикует «Письма и стихи в честь несравненной принцессы Маргарет». Смерть Уильяма (25 декабря) и его погребение рядом с Маргарет в Вестминстерском аббатстве

СПИСОК ПРОИЗВЕДЕНИЙ М. КАВЕНДИШ

- 1653 Поэмы и фантазии (Poems and Fancies); 2-е изд. – 1664; 3-е изд. – 1668
- 1653 Философские фантазии (Philosophical Fancies)
- 1655 Философские и физические мнения (Philosophical and Physical Opinions); 2-е изд. – 1663
- 1655 Олио мира (World's Olio); 2-е изд. – 1671
- 1656 Картины природы (Nature's Pictures); 2-е изд. – 1671
- 1662 Пьесы (Plays)
- 1662 Речи разного рода (Orations); 2-е изд. – 1663
- 1664 Общественные письма (Sociable Letters)
- 1664 Философские письма (Philosophical Letters)
- 1666 Наблюдения за экспериментальной философией; Пылающий мир (Observations upon Experimental Philosophy; Blazing World).
Есть упоминания об отдельном издании «Пылающего мира» в 1666
- 1667 Жизнь герцога (Life of the Duke); 2-е изд. – 1675; лат. перевод «De vita et rebus» – 1668
- 1668 Пьесы, прежде не публиковавшиеся (Plays Never before Printed)
- 1668 Основы натуральной философии (Grounds of Natural Philosophy)
- 1668 Пылающий мир (Blazing World)

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Баткин Л.М.* Итальянское Возрождение: проблемы и люди. М.: РГГУ, 1995. 448 с.
2. *Буланакова М.А.* Литературная биография леди Маргарет Кавендиш, герцогини Ньюкасл: особенности организации социального статуса знатной женщины // *Адам и Ева. Альманах гендерной истории.* М., 2004. № 8. С. 460–495.
3. *Бэкон Ф.* Новая Атлантида. Опыты и наставления нравственные и политические / пер. З.Е. Александровой. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 238 с.
4. *Вархотов Т.* В поисках эпистемологии согласия: к 35-летию «Левиафана и воздушного насоса» // *Логос.* 2020. Т. 30. № 3. С. 178–201.
5. *Вебер М.* Избр. произведения / пер. с нем.; сост., общ. ред. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайдено. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
6. *Вульф В.* Обыкновенный читатель / сост. и пер. Н.И. Рейнгольд. М.: Наука, 2012. 795 с.
7. *Гатина М.Р., Михель Д.В.* Ранняя история Лондонского Королевского общества глазами современных историков науки // *Диалог со временем.* 2011. Вып. 34. С. 191–205.
8. *Гесиод.* Полн. собр. текстов / пер. фрагментов О.П. Цыбенко, вступ. ст. В.Н. Ярхо, комм. О.П. Цыбенко и В.Н. Ярхо. М.: Лабиринт, 2001. 256 с.
9. *Гессен Б.М.* Социально-экономические корни механики Ньютона. М.; Л.: Гос. техн.-теорет. изд-во. 1933. 77 с.
10. *Гоббс Т.* Соч.: в 2 т. Т. 1 / пер. с лат. и англ.; сост., ред. изд., авт. вступ. ст. и примеч. В.В. Соколов. М.: Мысль, 1989. 622 с.
11. *Гоббс Т.* Соч.: в 2 т. Т. 2 / пер. с лат. и англ. Н. Федорова, А. Гутермана; сост., ред. изд., авт. вступ. ст. и примеч. В.В. Соколов. М.: Мысль, 1991. 735 с.
12. *Дастон Л.* История науки и история знания // *Логос.* 2020. Т. 30. № 1. С. 63–90.
13. *Деар П., Шейпин С.* Научная революция как событие. М.: НЛО, 2015. 576 с.
14. *Декарт Р.* Соч.: в 2 т. Т. 2 / пер. с лат. и фр. С.Я. Шейнман-Топштейн и др., ред. изд., авт. вступ. ст. и примеч. В.В. Соколов. М.: Мысль, 1994. 638 с.
15. *Дмитриев И.С.* Неизвестный Ньютон. Силуэт на фоне эпохи. СПб.: Алетейя, 1999. 784 с.
16. *Дмитриев И.С.* Остров концентрированного счастья. Судьба Френсиса Бэкона. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 632 с.
17. *Дроздова Д.Н.* Интерпретация Научной революции в работах Александра Койре: дис. ... канд. ист. наук. М.: [Б. и.], 2012. 247 с.

18. *Кампанелла Т.* Город Солнца. URL: <http://lib.ru/INOOLD/KAMPANEL-LA/suntown.txt> (дата обращения: 28.04.2023).
19. *Коперник Н.* О вращении небесных сфер. Малый комментарий. Послание против Вернера. Упсальская запись. М.: Наука, 1964. 653 с.
20. *Лисович И.И.* Скальпель разума и крылья воображения. Научные дискурсы в английской культуре раннего Нового времени. М.: ИД ВШЭ, 2015. 440 с.
21. *Лукиан Самосатский.* Соч. Т. II. СПб.: Алетейя, 2001. 538 с.
22. *Мор Т.* Утопия / пер. и коммент. А.И. Малеина; предисл. В.П. Волгина. М.: Academia, 1935. 239 с.
23. *Ослер М.* Религия и меняющаяся историография научной революции // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2013. № 1. С. 31–52.
24. *Платон.* Государство. Кн. VII. URL: <https://classics.nsu.ru/bibliotheca/plato01/gos07.htm> (дата обращения: 22.04.2023).
25. *Плотин.* О прекрасном // Эннеады. К.: PSYLIB, 2003. URL: <https://classics.nsu.ru/bibliotheca/ploti01/index.htm> (дата обращения: 13.04.2023).
26. *Публий Овидий Назон.* Метаморфозы / пер. с лат. С.В. Шервинского; примеч. Ф.А. Петровского. М.: Худ. литература, 1977. 430 с.
27. *Семенов А.А., Ковалева И.В.* Общая характеристика философии Генри Мора в контексте основных научных и теологических проблем XVII в. // Академия. Материалы и исследования по истории платонизма. Вып. 5. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2003. С. 345–364.
28. *Сидни Ф.* Астрофил и Стелла. Защита поэзии / отв. ред. Б.И. Пуришев. М.: Наука, 1982. 379 с.
29. *Фрагменты ранних греческих философов.* М.: Наука, 1989. Ч. 1. 576 с.
30. *Хрестоматия по западной философии XVII–XVIII вв.* / под ред. Л.И. Яковлевой. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2003. 784 с.
31. *Эрлихсон И.М.* В поисках идеала. Из истории английской утопической мысли второй половины XVII – начала XVIII веков: монография. Рязань; М.: Приз-Р, 2008. 308 с.
32. *Эрлихсон И.М.* В поисках утраченного эдема: «Блестающий мир» монархического рационализма Маргарет Кавендиш и торжество разума в «Государствах луны» Сирано де Бержерака // Рязанский историк. Рязань, 2008. № 7. С. 64–74.
33. *Эрлихсон И.М.* Маргарет Кавендиш в английской литературной традиции XVII века / материалы научно-практической конференции преподавателей РГУ им. С.А. Есенина по итогам 2014/15 уч. г.; Рязань: Рязанский гос. ун-т им. С.А. Есенина. 2015. С. 293–297.
34. *Agassi J.* Towards an Historiography of Science // History and Theory. Beih. 2. 1963. 117 p.

35. *Ahearn K.A.* "I'm Not a Feminist but...": Liberatory Approaches to Teaching Margaret Cavendish's the "Blazing World" // *Women's Writing*. 2007. No. 2. P. 215–231.
36. *Anghiera P.M.* The decades of the newe worlde / trans. by Rycharde Eden. Londini: In ædibus Guilhelmi Powell [for Edwarde Sutton], Anno. 1555. URL: <http://name.umdl.umich.edu/A20032.0001.001> (дата обращения: 09.08.2023).
37. *Bacon F.* Sylva Sylvarum; or A Natural History, in Ten Centuries. Whereunto is Newly added the History Natural and Experimental of Life and Death, or of the Prolongation of Life. London: Printed by J. R. 1670. 394 p.
38. *Bacon F.* The New Atlantis. URL: <https://www.gutenberg.org/files/2434/2434-h/2434-h.htm> (дата обращения: 20.04.2023).
39. *Bala A.* The Dialogue of Civilizations in the Birth of Modern Science. New York: Palgrave Macmillan, 2006. 230 p.
40. *Ballard G.* Memoirs of Margaret Duchess of Newcastle // *Memoirs of several ladies of Great Britain, who have been celebrated for their writing or skill in the learned languages, arts and sciences*. Oxford: W. Jackson, 1752. P. 299–306.
41. *Bethune G.* The British Female Poets. Philadelphia: Lindsay & Blakiston, 1848. 490 p.
42. *Bishop M.* Ambrosius Holbein's Memento mori map for Sir Thomas More's Utopia. The meanings of a masterpiece of early sixteenth century graphic art // *British Dental Journal*. 2005. Vol. 199. P. 107–112.
43. *Blaydes S.B.* Nature Is a Woman: The Duchess of Newcastle and Seventeenth-Century Philosophy // *Man, God, and Nature in the Enlightenment* / ed. by D.C. Mell, Th.E.D. Braun and L.M. Palmer. East Lansing: Michigan State University Press, 1988. P. 51–64.
44. *Blodgett E.D.* Bacon's New Atlantis and Campanella's Civitas Solis: A Study in Relationships // *PMLA*. 1931. Vol. 46. No. 3. P. 763–80.
45. *Bowerbank S.* The Spider's Delight: Margaret Cavendish and the 'Female' Imagination // *English Literary Renaissance*. 1984. No. 3. P. 392–408.
46. *Broad J.* Margaret Cavendish and Joseph Glanvill: Science, Religion, and Witchcraft // *Studies in History and Philosophy of Science*. 2007. Vol. 38. No. 3. P. 493–505.
47. *Carrie H.* "But One Opinion": Fear of Dissent in Cavendish's New Blazing World // *Utopian Studies*. 1996. Vol. 7. No. 1. P. 25–37.
48. *Cavendish M.* A Piece of a Play // *Plays, never before printed written by the... Princesse the Duchess of Newcastle*. Newcastle, Margaret Cavendish, Duchess of, 1624(?)–1674. London: Printed by A. Maxwell, 1668. URL: <https://quod.lib.umich.edu/cgi/t/text/text-idx?c=eebo2;idno=A53059.0001.001> (дата обращения: 10.05.2023).
49. *Cavendish M.* A True Relation of the Birth, Breeding, and Life, of Margaret Cavendish, Duchess of Newcastle. Kent: Printed at the private Press of Lee Victory; By Johnson and Warwick. 1814. 36 p.

50. *Cavendish M.* An Epiloge to my Philosophical Opinions // The philosophical and physical opinions written by Her Excellency the Lady Marchionesse of Newcastle. London: Printed for J. Martin and J. Allestrye..., 1655. URL: <https://quod.lib.umich.edu/cgi/t/text/text-idx?c=eebo;idno=A53055.0001.001> (дата обращения: 10.08.2023).
51. *Cavendish M.* The Description of a New World, Called the Blazing-World. London: Printed by A. Maxwell, 1668. URL: <https://digital.library.upenn.edu/women/newcastle/blazing/blazing.html> (дата обращения: 10.08.2023).
52. *Cavendish M.* Observations upon Experimental Philosophy / ed. by E. O'Neill. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 289 p.
53. *Cavendish M.* Philosophical Fancies. London: J. Martin, 1653. URL: <https://archive.org/details/dli.granth.72020/page/n19/mode/2up> (дата обращения: 20.05.2023).
54. *Cavendish M.* Sociable Letters / ed. with an introduction and notes by James Fitzmaurice. Abingon, NY: Routledge, 2012. 229 p.
55. *Cavendish W.* Methode et invention nouvelle de dresser les chevaux, A Anvers, chez Jacques Van Meurs. 1658. pl. 3. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k10432190/f76.item.zoom#> (дата обращения: 10.08.2023).
56. *Chartres R., Vermont D.* A Brief History of Gresham College 1597–1997. Suffolk: Print. in England by St Edmundsbury Press, 1997. 100 p.
57. *Comte A.* The Positive Philosophy // Trans. and Condensed by Harriet Martineau. Batoche Books Kitchener. 2000. Vol. 1. 338 p.
58. Constantijn Huygens, Briefwisseling. Deel 5: 1649-1663 / ed. J.A. Worp. Martinus Nijhoff, Den Haag. 1916. 604 p.
59. *Cunning D.* Margaret Lucas Cavendish // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter 2022 Edition) / eds. E.N. Zalta & U. Nodelman. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2022/entries/margaret-cavendish/> (дата обращения: 15.05.2023).
60. *D'Alembert J.-B.* Preliminary Discourse // The Encyclopedia of Diderot & d'Alembert Collaborative Translation Project / Trans. by Richard N. Schwab and W.E. Rex. Ann Arbor: Michigan Publishing, University of Michigan Library, 2009. URL: <http://hdl.handle.net/2027/spo.did2222.0001.083> (дата обращения: 14.04.2023).
61. *Davis N.Z.* Gender and Genre: Women as Historical Writers, 1400–1820 // Beyond Their Sex: Learned Women of the European Past / ed. by Patricia H. Labalme. New York: New York University Press, 1980. P. 153–182.
62. De mirabilibus pecci being the wonders of the peak in Darby-shire, commonly called the Devil's Arse of Peak: in English and Latine / the Latine written by Thomas Hobbes of Malmsbury. London: Printed for William Crook..., 1678. URL: <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A43981.0001.001/1:4?rgn=div1;view=fulltext> (дата обращения: 24.04.2023).
63. *Diary and Correspondence of John Evelyn* / ed. William Bray. London: Henry G. Bohn, 1859. Vol. 4. 469 p.

64. Digital Cavendish. A Scholarly Collaborative. URL: <http://digitalcavendish.org> (дата обращения: 15.06.2023).
65. *Duncan S.* Debating Materialism: Cavendish, Hobbes, and More // *History of Philosophy Quarterly*, 2012. No. 4. P. 391–409.
66. *Rees Emma L.E.* Margaret Cavendish. Gender, genre, exile. Manchester: Manchester University Press, 2003. 224 p.
67. *Fitzmaurice J.* Margaret Cavendish and the Cultural Milieu of Antwerp // *A Companion to the Cavendishes* / eds. by L. Hopkins and T. Rutter. Leeds, Arc Humanities Press, 2020. P. 161–180.
68. *Fitzmaurice J.* Margaret Cavendish on Her Own Writing: Evidence from Revision and Handmade Correction // *The Papers of the Bibliographical Society of America*. 1991. Vol. 85. No. 3. P. 297–307.
69. *Fitzmaurice J.* The Cavendishes, the Evelyns, and Teasing in Verse and Prose // *Quidditas*. Vol. 16. Article 8. 1995. URL: <https://scholarsarchive.byu.edu/rmmra/vol16/iss1/8> (дата обращения: 28.03.2023).
70. *Fitzmaurice J.* The Life and the Literary Reptation of Margaret Cavendish // *Quidditas*. 1999. Vol. 20. P. 55–74.
71. *Fung Megan J.* Art, Authority, and Domesticity in Margaret Cavendish's Poems and Fancies // *Early Modern Women*. 2015. Vol. 10. No. 1. P. 27–47.
72. *Gale E.* Christianson Kepler's Somnium: Science Fiction and the Renaissance Scientist // *Science Fiction Studies*. 1976. Vol. 3, P. 79–90.
73. *Glanvill J.* The Summe of My Lord Bacon's New Atlantis // *Essays on Several Important Subjects in Philosophy and Religion*. London: Printed by J.D. for John Baker and Henry Mortlock, 1676. 58 p.
74. *God and Nature in the Thought of Margaret Cavendish* / Siegfried Brandie R., Sarasohn Lisa T. eds. Farnham, Ashgate, 2015. 257 p.
75. *Gould S.J.* *The Mismeasure of Man*. N.Y.: W. W. Norton, 1980. 352 p.
76. *Green K., Broad J.* Fictions of a Feminine Philosophical Persona: Christine de Pizan, Margaret Cavendish, and Philosophia Lost // *The Philosopher in Early Modern Europe: The Nature of a Contested Identity*, ed. Conal Condren, Stephen Gaukroger, Ian Hunter. New York: Cambridge University Press, 2006. P. 227–253.
77. *Hall J.* The occasion of this trauell, and the pre-instruction for it // *The discovery of a new world or A description of the South Indies Hetherto vnknowne by an English Mercury*. London: Imprinted for Ed: Blount. and W. Barrett, 1613 or 1614. URL: <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A68132.0001.001?view=toc> (дата обращения: 13.06.2023).
78. *Hays M.* *Female Biography; Or Memoirs of Illustrious and Celebrated Women, of All Ages and Countries: Alphabetically Arranged*. London: Richard Phillips, 1803. Vol. 5. 527 p.
79. *Holm Melanie D.* Authorial Sovereignty: Pleasure and Paratext in Margaret Cavendish's *Blazing Worlds* // *Restoration: Studies in English Literary Culture, 1660–1700*. 2017. Vol. 41. No. 1. P. 5–28.

80. *Hosington B.M.* “Compluria Opuscula Longe Festivissima”: Translations of Lucian in Renaissance England // *Essays Monique Mund-Dopchie and Gilbert Tournoy*. Leuven, 2009. P. 187–206.
81. *Houston C.* “Knowledge Shall be Increased”: Natural Philosophy and Religion in the Early Modern Utopia // *Literature Compass*. 2007. No. 4(5). P. 1397–1411.
82. *Hui Wu.* The Paradigm of Margaret Cavendish: Reading Women’s Alternative Rhetorics in a Global Context // *Calling Cards: Theory and Practice in the Study of Race, Gender, and Culture* / eds. J.J. Royster and A.M. Mann Simpkins. 2005. P. 171–185.
83. *Hutton S.* Science and Satire: The Lucianic Voice of Margaret Cavendish’s Description of a New World Called the Blazing World // *Authorial Conquests: Essays on Genre in the Writings of Margaret Cavendish* / edited and introduced by Line Cottegnies and Nancy Weitz. Madison: Fairleigh Dickinson University Press, 2003. P. 161–78.
84. *In Search of Utopia. Art and Science in the Era of Thomas More* / ed. Jan Van der Stock. Amsterdam University Press. 2016. 429 p.
85. International Margaret Cavendish Society. URL: <https://www.margaretcavendishsociety.org/> (дата обращения: 20.07.2023).
86. *Jacquot J.* Sir Charles Cavendish and his learned friends // *Annals of Science*. 1952. Vol. 8(1). P. 13–27.
87. *Johnson B.* Epitaph on Katherine, Lady Ogle / *The Cambridge Edition of the Works of Ben Jonson*. URL: <https://universitypublishingonline.org/cambridge/benjonson/k/works/katherineogle/facing/#> (дата обращения: 11.05.2023).
88. *Kegl R.* “The World I Have Made”: Margaret Cavendish, Feminism, and the “Blazing-World” // *Feminist Readings of Early Modern Culture: Emerging Subjects* / eds. by V. Traub, L. Kaplan and D. Callaghan. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 119–141.
89. *Lawson Ian.* Bears in Eden, or This Is Not the Garden You’re Looking for: Margaret Cavendish, Robert Hooke and the Limits of Natural Philosophy // *The British Journal for the History of Science*. 2015. Vol. 48. No. 4. P. 583–605.
90. *Leslie M.* Gender, Genre and the Utopian Body in Margaret Cavendish’s Blazing World // *Utopian Studies: Journal of the Society for Utopian Studies*. 1996. No. 1. P. 6–24.
91. *Leslie M.* Mind the Map: Fancy, Matter, and World Construction in Margaret Cavendish’s Blazing World // *Renaissance and Reformation*. 2012. Vol. 35. No. 1. P. 85–112.
92. *Letters and poems in honour of the incomparable princess, Margaret, Dutchess of Newcastle*. London: Printed by Thomas Newcombe, 1676. P. 67–68. URL: <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A48252.0001.001?view=toc> (дата обращения: 16.03.2023).

93. Mad Madge / ed. W. James. URL: <http://www.dawnoftheunread.com/issue-15-01.html> (дата обращения: 12.05.2023).
94. *Malcolmson C.* Studies of Skin Color in the Early Royal Society: Boyle, Cavendish, Swift. Ashgate, 2013. 248 p.
95. Margaret Cavendish (Née Lucas), Duchess of Newcastle-upon-Tyne // *Minerva Scientifica*. URL: <https://minervascientifica.co.uk/margaret-cavendish/> (дата обращения: 10.05.2023).
96. Margaret Cavendish's Natures Pictures. Vol. 1 / ed. by R. Dorman. The University of Sheffield. 2018. 338 p.
97. Margaret Cavendish's Poems and Fancies: A Digital Critical Edition / ed. L. Blake. URL: <http://library2.utm.utoronto.ca/poemsandfancies/> (дата обращения: 13.05.2023).
98. *Martinuzzi C.* Utopia in Renaissance Philosophy // *Encyclopedia of Renaissance Philosophy* / ed. M. Sgarbi. Springer International Publishing AG. 2021. 4200 p.
99. *McGuire M.A.* Margaret Cavendish, Duchess of Newcastle, on the Nature and Status of Women // *International Journal of Women's Studies*. 1978. No. 2. P. 193–206.
100. *Mendelson S.H.* Concocting the world's olio: Margaret Cavendish and continental influence // *Early Modern Literary Studies*. 2004. No. 14. P. 1–34.
101. Mercurius Rusticus, or The countries complaint of the barbarous outrages committed by the sectaries of this late flourishing kingdom together with a brief chronology of the battels, sieges, conflicts, and other most remarkable passages, from the beginning of this unnatural war, to the 25th of March, 1646. London: Printed for R. Royston... 1685. URL: <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A58041.0001.001/1:4?rgn=div1;view=fulltext> (дата обращения: 10.08.2023).
102. *Mills Dan.* Mad Madge's Bestiary Philosophical Animals and Physiognomic Philosophers in Margaret Cavendish's The Blazing World // *The Return of Theory in Early Modern English Studies* / eds. B. Reynolds, P. Cefalu, and G. Kuchar. New York: Palgrave Macmillan, 2014. Vol. II. P. 39–57.
103. *Mintz S.I.* The Duchess of Newcastle's Visit to the Royal Society // *Journal of English and Germanic Philology*. 1952. No. 2. P. 168–176.
104. *Moore J.* Twentieth-Century Feminism and Seventeenth-Century Science: Margaret Cavendish in Opposing Contexts // *Restoration*. 2002. Vol. 26. P. 1–14.
105. *Morgan L.* Cross-Dressing for Self-Empowerment: a Case Study of Margaret Cavendish // *ЕPOCH*. 2021, 1 jun. URL: <https://www.epoch-magazine.com/post/cross-dressing-for-self-empowerment-a-case-study-of-margaret-cavendish> (дата обращения: 10.08.2023).
106. *Muratori C.* Real Animals in Ideal Cities: The Place and Use of Animals in Renaissance Utopian Literature // *Renaissance Studies*. 2017. Vol. 31/2. P. 223–239.

107. *Naess E.L.* Mad Madge and other “Lost” Women. The Situation of the Woman Writer in Seventeenth Century England // EDDA. 1979. P. 197–209.
108. Natures picture drawn by fancies pencil to the life being several feigned stories, comical, tragical, tragi-comical, poetical, romanicical, philosophical, historical, and moral: some in verse, some in prose, some mixt, and some by dialogues / written by... the Duchess of Newcastle. London: Printed by A. Maxwell, 1671. URL: <http://name.umdl.umich.edu/A53048.0001.001> (дата обращения: 10.08.2023).
109. *Nelson Holly Faith.* “A Good Christian, and a Good Natural Philosopher”: Margaret Cavendish’s Theory of the Soul(s) in the Early Enlightenment // *Studies in Philology*. 2016. Vol. 113. No. 4. P. 947–68.
110. *Orationes of Divers Sorts Accommodated to Divers Places Written by the Lady Marchioness of Newcastle.* London: [s. n.], 1662. URL: <https://quod.lib.umich.edu/e/ebo/A53051.0001.001/1:5?rgn=div1;view=fulltext> (дата обращения: 10.08.2023).
111. *Owen P.* The Romance of the Blazing World: Looking Back from CanLit to SF // *Blast, Corrupt, Dismantle, Erase: Contemporary North American Dystopian Literature* / eds. by Grubisic, Brett Josef, Gisèle M. Baxter and Tara Lee. Wilfrid Laurier UP, 2014. P. 409–425.
112. *Paloma D.* Margaret Cavendish: Defining the Female Self // *Women’s Studies*, No. 1–2. 1980. P. 55–66.
113. *Paper Bodies: A Margaret Cavendish Reader* / eds. S. Bowerbank, S. Mendelson. Peterborough: Broadview Press, 2000. 332 p.
114. *Parageau S.* Catching “the Genius of the Age”: Margaret Cavendish, Historian and Witness // *Etudes Episteme*. 2010. Vol. 17. URL: <https://journals.openedition.org/episteme/662?lang=en> (дата обращения: 30.03.2023).
115. *Perrin Radley C.* Margaret Cavendish’s Cabbala: The Empress and the Spirits in The Blazing World // *God and Nature in the Thought of Margaret Cavendish* / eds. by B. Siegfried and L. Sarasohn. Farnham: Ashgate, 2015. P. 161–70.
116. *Perry Henry Ten Eyck.* The First Duchess of Newcastle. Boston and London: Ginn and Company, 1918. 362 p.
117. *Philosophical Letters: or Modest Reflections Upon some Opinions in Natural Philosophy, Maintained By several Famous and Learned Authors of this Age, Expressed by way of Letters: By the Thrice Noble, Illustrious, and Excellent Princess, The Lady Marchioness of Newcastle.* London, Printed in the Year, 1664. URL: <https://www.gutenberg.org/files/53679/53679-h/53679-h.htm> (дата обращения: 25.04.2023).
118. *Philosophical Transactions of the Royal Society.* 1665. Vol. 1, March. P. 1–2.
119. *Playes written by the thrice noble, illustrious and excellent princess, the Lady Marchioness of Newcastle.* London: Printed by A. Warren, for John Martyn, James Allestry, and Tho. Dicas..., 1662. URL: <https://quod.lib.umich.edu/cgi/t/text/text-idx?c=ebo;idno=A53060.0001.001>

120. *Pohl N.* "Of Mixt Natures": Questions of Genre in Margaret Cavendish's *The Blazing World // A Princely Brave Woman: Essays on Margaret Cavendish, Duchess of Newcastle* / ed. by Stephen Clucas. Aldershot: Ashgate, 2003. P. 51–68.
121. *Prakas Tessie.* "A World of her own Invention": The Realm of Fancy in Margaret Cavendish's *The Description of a New World, Called the Blazing World // The Journal for Early Modern Cultural Studies*. 2016. Vol. 16. No. 1. P. 123–45.
122. *R.H., esquire.* *New Atlantis Begun by Lord Verulam... and Continued by R.H.* London: Printed for John Crooke..., 1660. 101 p.
123. *Reeves M.* Writing to Posterity: Margaret Cavendish's "A True Relation of my Birth, Breeding and Life" (1656) as an "autobiographical relazione" // *Renaissance and Reformation / Renaissance et Réforme* Vol. 34, No. 1/2, Special issue / Numéro special: Things not easily believed: introducing the early modern relation. Published By: Renaissance and Reformation, 2011. P. 183–206.
124. *Robertson Eric S.* *English Poetesses*. London, Paris & New York: Cassell and Company, 1883. 381 p.
125. *Rolle S.* *Shlohavot, or The burning of London in the year 1666*. London: Printed by R.I. 1667.
126. *Ross S.* Scientist: The story of a word // *Annals of Science*. 1962. Vol. 18/2. P. 65–85.
127. *Ruskin J.* *Ariadne Florentina // The Complete Works of John Ruskin* / eds. Cook and Wedderburn. London, 1906. Vol. 22. 612 p.
128. *Ruskin J.* *The Storm-Cloud of the Nineteenth Century // The Complete Works of John Ruskin* / eds. Cook and Wedderburn. London, 1908. Vol. 34. 774 p.
129. *Sarasohn L.T.* A Science Turned Upside Down: Feminism and the Natural Philosophy of Margaret Cavendish // *Huntington Library Quarterly*. 1984. No. 4. P. 280–307.
130. *Sarasohn L.T.* *Leviathan and the Lady: Cavendish's Critique of Hobbes in the Philosophical Letters // Authorial Conquests: Essays on Genre in the Writings of Margaret Cavendish* / ed. by L. Cottagnies and N. Weitz. Madison: Fairleigh Dickinson University Press, 2003. P. 40–58.
131. *Sarasohn L.T.* *The Natural Philosophy of Margaret Cavendish: Reason and Fancy during the Scientific Revolution*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2010. 251 p.
132. *Sargent L.T.* The Three Faces of Utopianism Revisited // *Utopian Studies*. 1994. Vol. 5. No. 1. P. 1–37.
133. *Sargent L.T.* *Utopianism: A Very Short Introduction*. Lyman Tower Sargent. Oxford; New York: Oxford University Press, 2010. 145 p.
134. *Schiebinger L.* "Margaret Cavendish, Natural Philosopher" and "Cavendish, a Feminist?" // *The Mind Has No Sex? Women in the Origins of Modern Science*. Cambridge: Harvard University Press, 1989. P. 47–59.

135. *Schlosser L.M.* Mrs. Dalloway and the Duchess: Virginia Woolf Reads and Writes Margaret Cavendish // *Literature Compass*. No. 5/2. 2008. P. 353–361.
136. *Science* // *Online Etymology Dictionary*. URL: <https://www.etymonline.com/word/science> (дата обращения: 20.05.2023).
137. *Scott M.* The Female Advocate; a poem occasioned by reading Mr. Duncombe's *Feminead*. London: Joseph Johnson, 1775. 41 p.
138. *Select Poems of Margaret Cavendish, Duchess of Newcastle*, ed. Sir Egerton Brydges. K.J. Kent: Printed at the Private Press of Lee Priory, by Johnson and Warwick, 1813. 20 p.
139. *Shapin S., Schaffer S.J.* Leviathan and the air-pump: Hobbes, Boyle, and the experimental life. Princeton: Princeton Univ. Press, 1985. 456 p.
140. *Sheehan R.J., Tillery D.* Margaret Cavendish, Natural Philosopher: Negotiating Between Metaphors of the Old and New Sciences // *Eighteenth-Century Women: Studies in Their Lives, Work, and Culture*. 2001. P. 1–18.
141. *Sprat T.* The History of the Royal-Society of London for the Improving of Natural Knowledge. London: Printed by TR for J. Martyn and J. Allestry, 1667. 438 p.
142. *Stanton Linden J.* Margaret Cavendish and Robert Hooke: Optics and Scientific Fantasy in the Blazing World // *Ésoterisme, Gnosés and Imaginaire Symbolique* / ed. by Richard Caron. Leuven: Peeters Publ., 2001. P. 611–623
143. *Stimson D.* Ballad of Gresham Colledge // *Isis*. 1932. P. Vol. 18(1). P. 103–117.
144. *Stimson D.* The Visit of the Duchess of Newcastle // *Scientists and Amateurs: A History of the Royal Society*. New York: Henry Schuman, 1948. P. 82–84.
145. The Answer of Mr. Hobbes to Sr. Will. D'Avenant's Preface before Gondibert // *Gondibert an heroick poem written by Sir William D'Avenant*. London: Printed for John Holden..., 1651. 243 p.
146. The Diary of Samuel Pepys. URL: <https://www.pepysdiary.com/> (дата обращения: 10.08.2023).
147. *The Lawes Resolutions of Womens Rights...* London: Printed by Miles Flesher for the assignes of Iohn More Esq., 1632. 404 p.
148. *The Life of William Cavendish Duke of Newcastle to Which is Added the True Relation of My Birth, Breeding, and Life by Margaret, Duchess of Newcastle* / ed. by C.H. Firth. London: J.C. Nimmo, 1886. 388 p.
149. *The Philosophical and Physical Opinions, Written By her Excellency, the Lady Marchioness of Newcastle*. London: Printed for J. Martin and J. Allestrye at the Bell in St. Pauls Church-Yard, 1655. URL: <https://quod.lib.umich.edu/e/ebo/A53055.0001.001/1:1?rgn=div1;view=fulltext> (дата обращения: 10.08.2023).
150. *The Utopia of Sir Thomas More: In Latin From the Edition of March 1518, and in English From the First Edition of Ralph Robynson's Translation in 1551 with Additional Translations, Introduction and Notes by J.H. Lupton*, Cambridge with Facsimiles Oxford at The Clarendon Press, 1895. 468 p.

151. *The Worlds Olio Written by the Right Honorable, the lady Margaret Newcastle. London: Printed for J. Martin and J. Allestrye at The Bell in St. Pauls Church Yard, 1655. URL: <http://digitalcavendish.org/complete-works/worlds-olio-1655/> (дата обращения: 10.08.2023).*
152. *Thell Anne M. “[A]s lightly as two thoughts”: Motion, Materialism, and Cavendish’s “Blazing World” // Configurations. 2015. Vol. 23. No. 1. P. 1–33.*
153. *Thell Anne M. “Lady Phoenix”: Margaret Cavendish and the Poetics of Palingenesis // Early Modern Women. Vol. 11. No. 1. P. 128–136.*
154. *Utopia & Selected Epigrams by Thomas More / eds. by Gerard B. Wegemer, Stephen W. Smith. CTMS Publ. at the University of Dallas. 2020. 162 p.*
155. *Utopian and Science Fiction by Women: Worlds of Difference / eds. by Jane L. Donawerth and Carol A. Syracuse: Syracuse UP. 1994. 280 p.*
156. *Viglas K. The Placement of Lucian’s Novel True History in the Genre of Science Fiction // Interlitteraria. 2016. Vol. 21/1, P. 158–171.*
157. *Virtvs Post Fvnera Vivit or, Honour Tryumphing over Death. Being true Epitomes of Honorable, Noble, Learned, And Hospitable Personages William Sampson. Printed by John Norton. 1636. 64 p.*
158. *Walters L. Gender Subversion in the Science of Margaret Cavendish // Ashgate critical essays on women writers in England, 1550–1700. Abingdon, Oxon, United Kingdom: Routledge, 2009. Vol. 7. P. 251–261.*
159. *Weise W.S. Recent Studies in Margaret Cavendish, Duchess of Newcastle (2001–2010) // English Literary Renaissance, 2012. Vol. 42. No. 1. P. 146–76.*
160. *Whewell W. Review of Mrs Somerville “On the Connexion of the Physical Sciences” // The Quarterly Review. 1834. Vol. 51. P. 58–61.*
161. *Whewell W. The Philosophy of the Inductive Sciences. London: J.W. Parker, 1840. Vol. I. 607 p.*
162. *Whincop T., Mottley J. A Compleat List of all the English Dramatic Poets and of all the Plays ever printed in the English Language to the present year // Scanderbeg; or, Love and Liberty. A Tragedy. London, 1747. 327 p.*
163. *Wilkins E. Margaret Cavendish and the Royal Society // Notes and Records of the Royal Society of London. 2014. Vol. 68. No. 3. P. 245–60.*
164. *William & Margaret Cavendish. URL: <https://www.westminster-abbey.org/abbey-commemorations/commemorations/william-margaret-cavendish#i14922> (дата обращения: 10.08.2023).*

М. Кавендиш

ПЫЛАЮЩИЙ МИР⁵⁴⁹

Лондон

1668

⁵⁴⁹ Переведено по изданию: *Cavendish M.* The Description of a New World, Called the Blazing-World. London: Printed by A. Maxwell, 1668. URL: <https://digital.library.upenn.edu/women/newcastle/blazing/blazing.html> (дата обращения 10.08.2023).

**ОПИСАНИЕ НОВОГО МИРА⁵⁵⁰,
НАЗЫВАЕМОГО ПЫЛАЮЩИЙ МИР,**

НАПИСАНО ТРИЖДЫ БЛАГОРОДНОЙ, ПРОСЛАВЛЕННОЙ
И ПРЕВОСХОДНОЙ ПРИНЦЕССОЙ ГЕРЦОГИНЕЙ НЬЮКАСЛ

**To The Duchesse of Newcastle,
On Her New Blazing-World**

*Our Elder World, with all their Skill
and Arts,
Could but divide the World into three Parts:
Columbus, then for Navigation fam'd,
Found a new World, America 'tis nam'd;
Now this new World was found, it was
not made,
Onely discovered, lying in Time's shade.*

*Then what are You, having no Chaos found
To make a World, or any such least ground?
But your Creating Fancy, thought it fit
To make your World of Nothing, but pure Wit.
Your Blazing-World, beyond the Stars
mounts higher,
Enlightens all with a Cælestial Fier.*

William Newcastle

**Герцогине Ньюкасл
по случаю создания нового
Пылающего мира**

Наш Старый Свет с искусством,
ремеслом,
На три лишь части мог быть разделен,
Колумб, прославивший видным моряком,
Открыл нам свет, что мы Америкой
зовем.
И ныне новый мир открыт, не сотворен,
Он обнаружен был в тени времен.

Но кто ты, чтоб без хаоса внутри
Создать свой мир или подобие земли?
Фантазией, одной лишь силой мысли
Мир из небытия был вызван к жизни,
Пылающий, что выше звезд
и гор окрестных,
И озаряет все огнем небесным.

Уильям Ньюкасл

⁵⁵⁰ В русском языке распространен перевод понятия *New World* как «Новый свет».

К ЧИТАТЕЛЮ⁵⁵¹

Если вам интересно, почему я присоединяю плод моей фантазии к своим серьезным философским размышлениям, не думайте, что я таким образом пренебрегаю философией или считаю это благородное исследование всего лишь выдумкой. Хотя философы и могут ошибаться в поисках и в выявлении причин естественных явлений, принимая ложь за истину, тем не менее это не доказывает, что основа философии есть лишь выдумка. Причина заблуждений кроется в различных движениях разума, вызывающих суждения в разных частях, при этом в одних они могут быть более ошибочными, чем в других. Разум делим, так как материя не способна двигаться во всех частях одинаково, а поскольку в природе есть только одна истина, то все, кто стремятся найти ее, ошибаются, кто-то больше, кто-то меньше. Хотя некоторые могут оказаться ближе к цели, чем другие, что делает их мнения более вероятными и рациональными, чем мнения других. Тем не менее пока они отклоняются от единственной истины – они не правы. И все основывают свои мнения на разуме, то есть, как они полагают, на рациональной вероятности (*upon rational probabilities*). Но фантазии являются плодом человеческого воображения и создаются в его собственном уме и по его усмотрению, вне зависимости от того, существует ли вещь, которую он воображает, вне его разума или нет. Таким образом, разум исследует глубины природы и истинные причины природных явления, а фантазия творит сама по себе все, что ей заблагорассудится и наслаждается своей работой. Конечная цель разума – истина, конечная цель фантазии – вымысел. Но не поймите меня неверно, когда я различаю фантазию и разум. Я не имею в виду, что фантазии не могут быть созданы разумными частями материи, но под разумом я понимаю рациональный поиск и исследование причин естественных явлений, а под фантазией, произвольное творение или продукт мышления, причем оба являются следствиями или, скорее, проявлениями разумной части материи, из которых, так как первое более полезно и применимо в учении, чем второе, оно дается с большим трудом и порой требует помощи фантазии, чтобы освежить голову и отвлечь ее от более серьезных размышлений. Вот причина, по которой я добавила эту фантазию (*Piece of Fancy*) к своим философским наблюдениям, соединив их как два Мира соединены краями полюсов. Я сделала это и для себя,

⁵⁵¹ Обращение к читателю опубликовано только в издании 1666 г., в котором «Пылающий мир» являлся приложением к «Наблюдениям, касающимся экспериментальной философии». Подробнее о значении паратекстов в творчестве М. Кавендиш см. с. 115 наст. изд.

чтобы отвлечься от усердного размышления, которые предприняла при предшествующих рассуждениях, и чтобы порадовать читателя разнообразием, которое всегда приятно. Однако, чтобы моя фантазия отклонялась не слишком сильно, я выбрала такую форму вымысла, которая соответствовала бы предмету, о котором я говорила в предыдущих частях. Это Описание нового Мира – не такого, как у Лукиана⁵⁵² или Мира на Луне одного француза⁵⁵³, но Мир моего собственного творения, который я называю Пылающим миром: первая часть которого романтическая (*Romancical*)⁵⁵⁴; вторая – философская; а третья – просто причудливая (*Fancy*) или, с вашего позволения, фантастическая⁵⁵⁵. И если его чтение доставит вам удовольствие, я буду считать себя счастливой создательницей, а если нет, то буду довольствоваться меланхоличной жизнью в моем собственном Мире, который я не назвала бы бедным, ведь бедность это всего лишь недостаток золота и драгоценностей, а в нем больше золота, чем когда-либо было произведено химиками, или (как я искренне верю) когда-либо либо будет произведено. Что касается Алмазных скал, то я желаю всей душой, чтобы они были разделены между моими благородными подругами. На этом условии я охотно отказалась бы от своей доли. Мне было бы достаточно совсем малого, лишь бы хватило на то, чтобы возместить убытки моего благородного господина и мужа, ибо я не алчна, но честлюбива, как любой представитель моего пола. В этом причина того, что, хотя я не могу быть ни Генрихом Пятым, ни Карлом Вторым⁵⁵⁶, тем не менее я буду стремиться стать Маргаритой Первой и, хотя у меня нет ни власти, ни времени, ни случая стать великим завоевателем, как Александр или Цезарь⁵⁵⁷, и поскольку судьба и случай не позволили мне стать Владычицей Мира, я создала свой Мир, в чем, надеюсь, никто не упрекнет меня, так как поступить также в силах каждого.

⁵⁵² Лукиан Самосатский (ок. 120 – после 180 н. э.) – древнегреческий писатель, автор сатирических произведений. О «Правдивой истории» Лукиана и ее влиянии на английскую утопию см. на с. наст. изд.

⁵⁵³ Имеется в виду произведение Сирано Де Бержерака «Иной свет, или Государства и империи Луны». Английский перевод издан в 1659 г.

⁵⁵⁴ О значении этого понятия у М. Кавендиш см. в заметке на с. 196 наст. изд.

⁵⁵⁵ Изначально М. Кавендиш планировала включить в «Пылающий мир» в виде третьей части пьесу «Леди Феникс». Троичность прослеживается и в описании М. Кавендиш материи, которую она разделяла на разумную, чувствительную и неодушевленную. Подробнее см. на с. 131 наст. изд.

⁵⁵⁶ Генрих V – король Англии с 1413 по 1422 г. Победитель французов в битве при Азенкуре; Карл II – первый английский монарх после реставрации 1660 г., в чье правление и был написан «Пылающий мир».

⁵⁵⁷ Александр Македонский (356–323 до н. э.) и Юлий Цезарь (100–44 до н. э.) – выдающиеся полководцы, ассоциирующиеся со стремлением покорить весь известный мир.

ОБРАЩЕНИЕ К БЛАГОРОДНЫМ И ДОСТОЙНЫМ ДАМАМ⁵⁵⁸

Данное *Описание Нового света* было создано как Приложение к моим «Замечаниям касательно экспериментальной философии»; и, имея некоторую симпатию и согласованность друг с другом, были соединены вместе, как соединяют два разных Мира их полюса. Но по причине того, что большинство дам не находят удовольствия в философских рассуждениях, я отделила их от упомянутых Замечаний, позволив им выйти в виде отдельного издания. Так я выражаю свое почтение дамам, представив им фантазии, на которые оказалась способна. Первая часть – романтическая (*Romancical*), вторая – философская, а третья – просто причудливая (*Fancy*) или, с вашего позволения, фантастическая. И если, благородные дамы, вам посчастливится получить удовольствие от чтения этих фантазий, я буду считать себя счастливой создательницей (*Happy Creatoress*)⁵⁵⁹. Если нет, то буду довольствоваться меланхоличной жизнью в моем собственном Мире, который я не назвала бы бедным, ведь бедность это всего лишь недостаток золота и драгоценностей, а в нем больше золота, чем когда-либо было произведено химиками, или (как я искренне верю) когда-либо либо будет произведено. Что касается Алмазных скал, то я желаю всей душой, чтобы они были разделены между моими благородными подругами. На этом условии я охотно отказалась бы от своей доли. Мне было бы достаточно совсем малого, лишь бы хватило на то, чтобы возместить убытки моего благородного господина и мужа, ибо я не алчна, но честолюбива, как любой представитель моего пола. В этом причина того, что, хотя я не могу быть ни Генрихом Пятым, ни Карлом Вторым, тем не менее я буду стремиться стать Маргаритой Первой и, хотя у меня нет ни власти, ни времени, ни случая стать великим завоевателем, как Александр или Цезарь, и поскольку судьба и случай не позволили мне стать Владычицей Мира, я создала свой Мир. И потому, веря или по меньшей мере надеясь, что никакое существо не может и не захочет, охваченный завистью, возжелать мой Мир, я остаюсь,

Благородные дамы, вашей покорной слугой,
М. Ньюкасл

⁵⁵⁸ Обращение опубликовано в издании 1668 г.

⁵⁵⁹ М. Кавендиш одна из первых использует феминитивы, такие как *creatoress*, *authoress*, *monarchess*.

ОПИСАНИЕ НОВОГО МИРА, НАЗЫВАЕМОГО ПЫЛАЮЩИМ

Купец, отправившись в чужую страну, чрезвычайно влюбился в юную девушку, но, будучи чужаком в этой стране и ниже ее как по происхождению, так и по состоянию, мог иметь лишь незначительную надежду на осуществление своей страсти. Однако его чувства становились все сильнее и сильнее, и, несмотря на все трудности, он наконец решил похитить ее⁵⁶⁰. У него был отличный шанс сделать это, поскольку дом ее отца располагался вблизи моря, и она часто собирала ракушки на берегу в сопровождении не более двух-трех слуг. Это еще сильнее убедило его осуществить свой замысел. Однажды он прибыл на маленьком легком судне, похожем на пакетбот, с несколькими матросами и с изрядным запасом провизии, сделанным из опасения несчастных случаев, которые могли задержать их в пути к месту, где можно пополнить запасы. Он вынудил ее бежать, но только почувствовал себя самым счастливым человеком на свете, как стал самым несчастным, ибо Небеса, разгневанные его кражей, подняли такую бурю, что он не знал ни что делать, ни куда направить курс.

Так, судно благодаря своей легкости и сильному ветру как пущенная стрела несло к Северному полюсу и в короткое время достигло Ледяного моря, где ветер швырял их среди огромных глыб льда. Но, будучи небольшим и легким, судно благодаря милости богов к нашей добродетельной госпоже пронеслось через препятствия, как если бы им правил опытный кормчий и искусный мореплаватель. Но, увы! Люди, которые были на борту, не зная, что делать и как быть в их странном приключении, и не имея ничего на случай холодов, все замерзли насмерть. Только юная леди, благодаря свету своей красоты, жару юности и покровительству богов, осталась жива. Неудивительно, что мужчины замерзли насмерть, ведь их гнали не только к самому концу или крайней точке полюса этого мира, но и к полюсу мира иного, который соседствует с первым, так что холод, имеющий в месте соединения этих полюсов двойную силу, был невыносим. Наконец, их судно было вынуждено уйти в другой Мир, так как невозможно обогнуть земной шар, двигаясь от полюса к полюсу, как мы делаем это, проходя с востока на запад, потому что полюса другого мира, присоединяясь к полюсам этого, не допускают дальнейшего

⁵⁶⁰ Возможно, отсылка к мифу о похищении Европы. Подробнее на с. 118 наст. изд.

прохода, окружая таким образом весь мир. Но если кто-либо прибудет к одному из полюсов, то он будет вынужден либо вернуться, либо войти в иной мир⁵⁶¹.

Но чтобы вы не подумали, что живущие на полюсах видят два Солнца одновременно и у них нет недостатка в свете в течение шести месяцев, как это принято считать, вы должны знать, что каждый из этих миров имеет свое собственное освещающее его Солнце. Каждое движется по своей орбите, и их движение настолько выверенное и точное, что ни одно из них не может мешать или препятствовать другому. Ведь они не покидают своих эклиптик. И хотя они должны были бы встретиться, мы в этом мире не можем так хорошо их видеть по причине яркости нашего собственного Солнца, которое, будучи ближе к нам, заслоняет сияние потустороннего Солнца. Они находятся слишком далеко, чтобы их можно было различить невооруженным взглядом, разве что с помощью очень хороших телескопов, благодаря которым искусные астрономы могли наблюдать два или три Солнца одновременно.

Но вернемся к блуждающему судну и опечаленной леди. Увидев, что все люди мертвы, она не находила утешения. Их тела, которые все это время сохранялись от гниения и зловония благодаря сильному холоду, начали оттаивать и разлагаться. Не имея сил, чтобы выбросить их за борт, она была вынуждена удалиться из своей маленькой каюты на палубу, спасаясь от тошнотворного запаха. Обнаружив судно, плывущим между двумя ледяными равнинами подобно потоку, бегущему вдоль берегов, она наконец заметила землю, полностью скрытую под снегом. Оттуда по льду вышли странные существа, похожие на медведей, но прямоходящие, как люди. Существа, подошедшие к лодке, схватились за нее лапами, служившими им вместо рук. Двое или трое вошли первыми, и затем, когда они вышли, внутрь один за другим стали заходить остальные. Наконец, внимательно осмотрев все, что было в лодке, они заговорили друг с другом на языке, которого госпожа не понимала. После того как они вынесли ее на берег, лодку вместе с мертвецами затопили.

Оказавшись в столь необычном месте и среди столь удивительных существ, наша леди была так сильно напугана, что не могла думать ни о чем, кроме того, что в любое мгновение ее жизнь может быть оборвана вследствие их жестокости. Однако эти медведеподобные существа,

⁵⁶¹ Перенос действия в иной мир – традиционный прием утопической литературы.

какими бы ужасными они ей ни казались, были далеки от того, чтобы проявить к ней хоть малейшую жестокость, но, напротив, выказывали всю воображимую учтивость и доброту⁵⁶². Так как она не могла идти по скользкому льду, они подхватили ее на свои грубые руки и отнесли в город, где домами им служили подземные пещеры. Как только они вошли в город, мужчины и женщины, молодые и старые, собрались вместе, чтобы взглянуть на леди, в восхищении подняв лапы. Наконец, приведя ее в большую и просторную пещеру, предназначенную для ее приема, они оставили ее на попечение женщин, принявших ее со всей добротой и учтивостью и угостивших ее продуктами, которыми они обычно питались сами. Но видя, что ее телосложение не согласуется ни с характером их климата, ни с их рационом, они решили перевезти ее на другой более теплый остров, на котором обитали люди, похожие на лисиц, но прямоходящие. Они приняли своих соседей-медведей с большой любезностью и учтивостью, восхищаясь прекрасной дамой и, посоветовавшись, наконец согласились вручить ее в качестве подарка Императору своего мира.

После непродолжительной задержки они переправили ее через остров к большой реке, чей поток двигался ровно, и воды были кристально чисты. Здесь было множество лодок, очень похожих на наши ловушки на лис. В одной из них ее ожидали люди-медведи и люди-лисицы. Как только они пересекли реку, они прибыли к острову, где жили люди с головами, клювами и перьями, как у диких гусей, но были, как и люди-медведи и люди-лисы, прямоходящими. Их задние части свисали между ног, крылья были той же длины, что и тела, а их необъятные хвосты тянулись за ними, как подол женского платья. После того как люди-медведи и люди-лисы объявили о своих намерениях соседям – людям-гусям или же людям-птицам, некоторые из них присоединились к остальным и сопровождали леди в пути через остров, пока не добрались до другой большой реки, где в ожидании стояло множество лодок, очень похожих на птичьи гнезда только более крупных.

Перебравшись на другой берег, они прибыли на лесистый остров с приятным и мягким климатом. Его населяли сатиры, которые приняли людей-медведей, людей-лисиц и людей-птиц со всем возможным почтением и уч-

⁵⁶² Возможно, отсылка к посещению М. Кавендиш собрания Королевского общества. В «Пылающем мире» именно медведи составляют ее сообщество философов-экспериментаторов. Подробнее о функциях животных в «Пылающем мире» см. на с. 170 наст. изд.

тивостью. И после непродолжительного совещания (а они понимали язык друг друга) один из вождей сатиров присоединился к ним и сопроводил леди с острова до другой реки, где было много красивых и удобных барж. Перебравшись через реку, они попали в обширное королевство, жители которого были цвета зеленой травы⁵⁶³. Те приняли их со всей любезностью и обеспечили всем необходимым для дальнейшего путешествия.

До сих пор они пересекали только реки, но вот они добрались до открытого моря. Они приготовили корабли и их снасти к отплытию на остров, где располагалась резиденция Императора Пылающего мира (так он назывался). Они были умелыми навигаторами и, хотя ничего не знали о магните, иголке или маятниковых часах (что было бы им полезно), тем не менее были весьма наблюдательны и обладали большой практикой, благодаря которой могли определить не только глубину моря, но и местоположение отмелей, скал и других препятствий, которых избегают умелые и опытные моряки. Кроме того, они были превосходными предсказателями (*Augurers*) и считали это умение более необходимым и полезным, чем использование компасов, карт, часов и тому подобно-го⁵⁶⁴. Также они обладали необычайным устройством, на которое обратили бы внимание многие философы-экспериментаторы⁵⁶⁵. Это был некий двигатель, который втягивал большое количество воздуха и после выпускал с большой силой ветер. В штиль они ставили этот двигатель на корму, а в шторм – на нос, и он служил против бушующих волн, как пушки против враждебной армии или осажденного города. Будь волны даже высотой с колокольни, ветер все равно разбил бы их на куски. Как только брешь, несмотря на самый яростный ветер, используя по два таких двигателя на каждом корабле (один впереди, чтобы отбивать волны, а другой сзади, чтобы гнать судно вперед), они форсировали образовавшийся проход. Так что этот искусственный ветер берет верх над естественным, ведь он дает большее преимущество над волнами, чем имеют обычные корабли. Естественное судно не может без поступательного движения

⁵⁶³ Существует средневековая английская легенда о зеленых детях Вулпита, отсылка к которой встречается, к примеру, в утопическом путешествии Ф. Годвина «Человек на Луне».

⁵⁶⁴ Умение считывать природные знаки сопоставляется с инструментами мореплавателей. Однако М. Кавендиш была скорее сторонником практического подхода Ф. Бэкона, хотя и расходилась с ним по ряду положений.

⁵⁶⁵ Двигатели, способные придавать объектам различные виды движения, были известны и в «Доме Соломона» Ф. Бэкона.

вверх-вниз, а искусственное способно рассекать волны боковым ходом. Более того, следует заметить, что они объединяют корабли во время бури, а также когда есть опасность, что ветер и волны слишком сильны. Они соединяют такое их количество, чтобы суметь выбраться за пределы владений этого жидкого элемента. Ведь их корабли так искусно устроены, что их можно соединить столь тесно, будто это пчелиные соты, не уменьшая при этом свободного места. Когда корабли соединены таким образом, ни ветер, ни волны не могут их разлучить.

Флот Императора был весь из золота, а судна купцов и шкиперов из кожи. Золотые корабли были ненамного тяжелее наших из дерева, потому что были изящно выполнены, не требовали толщины, и не были забиты смолой, дегтем, насосами, пушками и т. п., делающими наши корабли очень тяжелыми. Хотя они были сборными, все же были столь ладно скроены, что не было никакого страха перед протечками или щелями. Что касается пушек – от них не было никакой пользы, поскольку здесь у них нет врагов, кроме ветра, против которого кожаные корабли были не столь надежны, хотя и были намного легче и скроены так, что не допускали попадания воды внутрь.

Отдав таким образом приказы флоту, они двинулись дальше, не обращая внимания ни на штиль, ни на бурю. И хотя леди наконец осознала, в какой горестной ситуации она пребывает и была измучена страхами и сомнениями, не зная, ждет ли ее в этом странном приключении спасение или гибель, тем не менее она, будучи по характеру великодушной и сообразительной, приняв во внимание пережитые опасности и признав местных людей порядочными и учтивыми, набралась смелости и попыталась выучить их язык. Впоследствии, когда она дошла до того, что смогла по отдельным словам и знакам понимать их намерения, ее страх окончательно рассеялся, и она почувствовала себя в безопасности и даже была счастлива оказаться в их компании. Это свидетельствует о том, что новизна всегда смущает ум, но близкое знакомство умиротворяет и успокаивает его.

Наконец, миновав несколько богатых островов и королевств, они приблизились к Раю⁵⁶⁶ (*Paradise*), который и был резиденцией Императора, чему были очень рады. Сначала госпожа не могла разглядеть ничего, кроме высоких скал, которые, казалось, достигали небес и, хотя были

⁵⁶⁶ Таким образом, героиня попадает в земной Рай (*Paradise*), который следует отличать от Рая небесного (*Heaven*).

разной высоты, казались монолитными. Подойдя ближе, она заметила утес, являющийся частью скалы, из которого выходило множество лодок, казавшихся отрядом марширующих друг за другом муравьев. Лодки походили на отверстия в сотах и, соединяясь, располагались так же тесно. Мужчины здесь были разного сложения, но ни один не походил на человека из нашего мира. Когда лодки и корабли встречались, экипажи приветствовали друг друга, грациозно изъясняясь между собой, ведь во всем их Мире был только один язык и только один Император, которому они подчинялись с великим смирением, что позволяло им жить в постоянном мире и счастье, не зная ни внешних войн, ни внутренних восстаний⁵⁶⁷. Прибыв сюда, госпожа была перенесена с корабля в одну из лодок и доставлена через известный проход (поскольку другого просто не было) в ту часть Мира, где проживал Император. Эта часть была весьма приятной и отличалась мягким климатом. Внутри она была разделена множеством крупных рек, огибающих расположенные на неравном расстоянии друг от друга острова, которые в большинстве своем были столь приятны и богаты растительностью, что только природа и могла их такими создать. И, как я упоминала ранее, эта часть Мира была защищена от всех чужеземных вторжений, ведь был только один путь внутрь, похожий на извилистый лабиринт, вьющийся среди скал, и никакие суда, кроме небольших лодок, несущих не более трех пассажиров, не могли пройти через него. На берегах этой узкой и извилистой реки располагалось несколько городов – одни из мрамора, другие из алебастра, агата, янтая, коралла или драгоценных материалов, неизвестных в нашем мире.

Миновав их, наша леди попала в Имперский Город, называемый Раем, представлявший собой несколько островов. Между улицами текли реки, и все улицы вместе с мостами, которых было великое множество, были вымощены. Сам город был построен из золота, его архитектура была изящной, величественной и грациозной. Не такой, как строят в наше время, но, скорее, как у римлян, ведь наши современные здания подобны домам, которые дети строят из карт, располагая один этаж над другим, и больше подходящих для птиц, чем для людей. Местные же здания росли скорее в ширину, чем в высоту. Самые высокие из них не превышали двух этажей, не считая тех помещений, которые располагались под землей, – подвалы и проч. Дворец Императора стоял на незаметном подъеме, идущем

⁵⁶⁷ О жизни М. Кавендиш в годы гражданской войны в Англии см. главу 2.1.

из Имперского Города. На вершине подъема располагалась широкая арка, поддерживаемая несколькими колоннами, окружающими дворец на протяжении четырех английских миль⁵⁶⁸. В арке стояла гвардия Императора, состоявшая из людей разных типов. Через каждые полмили⁵⁶⁹ находились ворота определенного стиля. Первые, ведущие из Имперского Города во дворец, имели по обеим сторонам клуатры, внешняя часть которых располагалась на арках, поддерживаемых колоннами, а внутренняя была закрытой. Пройдя через ворота, мы увидели дворец, возвышающийся по центру, как церковный неф, в полторы мили длиной и в полмили в ширину. Крыша его была сводчатая и опиралась на столбы, так искусно расположенные, что чужестранец без проводника заблудился бы среди них. По сторонам, то есть между внешней и внутренней частью клуатра, находились помещения для обслуживающего персонала, а посреди дворца – комнаты Императора, световые окошки которых располагались под самым верхом из-за жара солнца.

Проход в резиденцию Императора был огорожен не более остального. В каждом помещении находился императорский трон, отдельные украшения которого нельзя было разглядеть, пока не войдешь, поскольку из-за расположения колонн, нельзя было увидеть все украшения сразу. Первая часть дворца, как и Имперский Город, была полностью из золота, а императорские покои были столь испещрены бриллиантами, жемчугом, рубинами и драгоценными камнями, что не было никакой возможности сосчитать их. Что до остальных комнат, то самым великолепным оказался императорский парадный зал. Он был вымощен зелеными бриллиантами (так как в этом Мире есть бриллианты всех цветов) столь искусно, что казалось, они являются единым целым. Колонны были так густо усыпаны бриллиантами, что казались самыми великолепными на вид. Между каждой колонной была арка из определенного вида бриллиантов, неизвестных в нашем мире. Расположенные в несколько рядов, они казались множеством разноцветных радуг. Своды были покрыты синими бриллиантами, посреди которых располагался карбункул, представляющий собой Солнце. А в западной и восточной частях комнаты выложены два Солнца из рубинов – восходящее и заходящее⁵⁷⁰. Из этой комнаты

⁵⁶⁸ Примерно 6,4 км.

⁵⁶⁹ Ок. 800 м.

⁵⁷⁰ О символике Солнца и огня см. главу 4.

был проход в спальню Императора, стены которой были из гагата, а пол из черного мрамора. Крыша была из перламутра, а на ней белыми алмазами выложены Луна и Пылающие звезды, а ложе было сделано из алмазов и карбункулов.

Стоило госпоже предстать перед Императором, как он узрел в ней богиню, пожелав поклоняться ей, но она отказала ему, объяснив (ведь к этому времени она довольно хорошо выучила их язык), что, хотя и пришла из другого мира, все же она простая смертная. Тогда возрадовавшись, Император взял ее в жены, наделив абсолютной властью, чтобы она могла править этим Миром, как ей заблагорассудится. Ее подданные, которых невозможно было убедить, что она простая смертная, оказывали ей величайшее почтение и поклонялись как божеству.

Как императрица, она имела следующие атрибуты. На ней был жемчужный головной убор (*Сар*) с полумесяцем из бриллиантов. Крупный карбункул, вырезанный в форме солнца, венчал ее корону. Ее накидка, обитая красной бахромой, была из жемчуга и с примесью голубых бриллиантов, а сандалии из зеленых бриллиантов. В левой руке она держала небольшой щит – знак защиты своих владений, сделанный из алмаза, имеющего несколько разных цветов и, будучи вырезанным в форме арки, напоминающего радугу. А в правой руке у нее было копье из белого алмаза, вырезанное в форме хвоста пылающей звезды и символизирующего готовность атаковать всех, кто осмелится стать ее врагом⁵⁷¹.

Никому, кроме представителей имперской расы, являвшихся единственной знатью в государстве, не разрешалось использовать или носить золото. И никто не осмеливался носить драгоценности, кроме Императора, Императрицы и их старшего сына, хотя в их Мире было бесконечное количество как золота, так и драгоценных камней. Золота было больше, чем в наших Аравийских песках, драгоценные камни образовывали скалы, а бриллианты имели разный цвет. Они не использовали монеты, и вся их торговля состояла в обмене небольшого количества товаров.

Их жрецы и губернаторы состояли из принцев императорской крови и потому были евнухами. А что до обычных людей, проживающих во владениях Императора, то они были разных типов. Не просто белыми, черными, рыжевато-коричневыми, оливковыми или пепельными,

⁵⁷¹ Прослеживается аналогия с образом древнеримской богини мудрости и войны Минервы, подробнее о которой на с. 84 наст. изд.

но казались или лазурными, или темно-фиолетовыми, или травянисто-зелеными, или алыми, или оранжевыми и т. д. Я не могла определить созданы ли эти цвета и типы чистым отражением света без примесей частиц, правильным расположением и порядком атомов, постоянным возбуждением малых глобул или какой-то ответной реакцией на давление.

Остальные обитатели этого Мира, как я уже говорила, были людьми различных видов, форм, сложений, характеров и настроений. Одни были подобны медведям, другие – червям, рыбам или тритонам, иначе называемым сиренами. Здесь были люди-птицы, люди-мухи, люди-муравьи, люди-гуси, люди-пауки, люди-вши, люди-лисы, люди-обезьяны, люди-галки, люди-сороки, люди-попугаи, сатиры, великаны и многие другие. Всех я не могу упомянуть.

Каждый следовал профессии, наиболее соответствующей природе его вида. Императрица поощряла их в этом, особенно тех, кто посвятил себя изучению ремесел (*arts*) и наук (*sciences*), поскольку они были столь сообразительны и остроумны в изобретении многообещающих и полезных изделий (*arts*), как и мы в нашем мире, а может и больше. Она построила школы и основала несколько обществ. Люди-медведи стали ее философами-экспериментаторами, люди-птицы – астрономами, люди-мухи и люди-рыбы – естествоиспытателями, люди-обезьяны – химиками, сатиры – врачами-галенистами, люди-лисы – политиками, люди-пауки и люди-вши – математиками, люди-галки, люди-сороки и люди-попугаи – ораторами и логиками, великаны – архитекторами и т. д.

Получив от Императора суверенную власть над всем Миром, она желала узнать об их религии и политическом строе, и с этой целью созвала священников и государственных деятелей, чтобы те дали ей подробный отчет. Во-первых, она спросила государственных мужей, почему у них так мало законов? На что те ответили, что множество законов порождает множество разногласий, которые чаще всего приводят к созданию фракций, борьба которых рано или поздно перерастает в открытые войны. Затем она спросила, почему они предпочитают монархическую форму правления любой другой. Ей ответили, что как для одного тела естественно иметь только одну голову, так и политическому организму естественно иметь только одного управляющего, и что республика (*Common-wealth*), в которой много губернаторов, похожа на многоголовое чудовище. Кроме того, монархия – божественная форма правления и боль-

ше всего согласуется с их религией, ведь поскольку есть только один Бог, которому они единодушно поклоняются, то они решили иметь только одного Императора, которому подчиняются с единой покорностью.

Тогда Императрица, зная, что некоторые ее подданные имеют свои церкви, спросила священников, принадлежат ли они к разным религиям. Те ответили, что во всем Мире существует не более одной религии, и в одной и той же религии нет никакого разнообразия мнений, и хотя существует несколько типов людей, все же у них есть только одно мнение относительно поклонения Богу. Императрица спросила: «Евреи ли они, турки или христиане?». «Мы не знаем, – отвечали они, – что это за религии, но мы все единодушно признаем, поклоняемся и восхваляем Единого, Всемогущего и Вечного Бога со всем возможным благоговением и покорностью». Тогда Императрица спросила, различаются ли их формы поклонения. Священники ответили: «Нет, потому что наша преданность и поклонение состоят только в молитвах, которые мы составляем в соответствии с нашими потребностями в прощении, служении, благодарении и т. д.». «Воистину, – сказала Императрица, – я думала, что вы являетесь либо евреями, либо турками, потому что никогда не замечала женщин в ваших собраниях. Но по какой причине вы запрещаете им посещать религиозные собрания?» «Негоже, – отвечали они, – мужчинам и женщинам быть вместе во время священных таинств, ибо их общество мешает поклонению и заставляет многих вместо того, чтобы молиться Богу, направлять свое религиозное рвение на дам». «Но, – спросила Императрица, – разве у них нет собственной конгрегации, чтобы исполнять обязанности богослужения наравне с мужчинами?» «Нет, – ответили священнослужители, – они остаются дома и молятся в своих комнатах». Тогда Императрица пожелала узнать, почему жрецы и правители их Мира были сделаны евнухами. «Чтобы удерживать их от брака, – ответили ей, – поскольку женщины и дети чаще всего вызывают беспорядок как в церкви, так и в государстве». «Но, – возразила она, – у женщин и детей нет работы ни в церкви, ни в правительстве». «Это так, – ответили священники, – но, хотя они не допускаются к общественным делам, тем не менее они столь часто бывают среди мужей и родителей, что своими назойливыми уговорами причиняют столько же, а то и больше вреда, чем если бы занимались общественными делами».

Разузнав обо всем, что касалось церкви и политического строя, Императрица провела некоторое время, осматривая императорский

дворец, где восхитилась мастерством и изобретательностью зодчих и в первую очередь спросила их, почему они строят дома не превышающие двух этажей. Те ответили, что чем ниже постройки, тем менее они подвержены солнечному теплу, ветру, дождю, гниению и т. д. Тогда она захотела узнать причину, почему они строили их такими широкими. Строители ответили, что чем толще стены, тем теплее зимой и прохладнее летом, поскольку они не пропускают ни холод, ни жар. Наконец, она спросила, почему те закругляют свои крыши и воздвигают столько колонн. Ей ответили, что арки и колонны не только украшают здание и добавляют ему великолепия, но также увеличивают его прочность и долговечность. Императрица осталась очень довольна их ответами.

Спустя некоторое время, когда, по ее мнению, общества виртуозов добились больших успехов в возложенных на них занятиях, она созвала для начала людей-птиц и приказала им дать подробный отчет касательно двух небесных тел, а именно Солнца и Луны, что те и сделали со всей покорностью и преданностью, подобающими их положению. Солнце, насколько им удалось выяснить, являлось твердым камнем огромных размеров, желтоватого цвета и необычайного великолепия. Луна же, по их словам, была беловатого цвета, и, хотя казалась тусклой на фоне Солнца, тем не менее имела свой собственный свет и была сама по себе сияющим телом, что можно заметить по ее виду в лунные ночи. Разница между ее собственным светом и светом Солнца заключалась в том, что Солнце всегда испускает лучи по прямой линии, а Луна не признает центра их Мира, так как ее центр всегда эксцентричен. Пятна, как на Солнце, так и на Луне, насколько они смогли разобрать, являлись ни чем иным, как неровностями каменных тел⁵⁷². Относительно солнечного тепла у них не было единого мнения. Некоторые полагали, что Солнце горячо само по себе, ссылаясь на древнюю концепцию, согласно которой Солнце когда-нибудь расколется на части и сожжет небеса, превратив этот Мир в раскаленные угли, чего, по их словам, можно было бы избежать, не будь Солнце раскаленным само по себе. Другие утверждали, что это мнение не основано на логике, поскольку огонь является разрушителем всего сущего и солнечный камень сжег бы, таким образом, все близко расположенные тела.

⁵⁷² Полемика Маргарет с представителями различных сообществ отражает дискуссии, проходившие в сообществах философов в XVII в. Например, Г. Галилей полагал, что пятна расположены на поверхности Солнца, а иезуит К. Шейнер считал, что они вызваны движением солнечных Лун.

Кроме того, продолжали они, огонь не может существовать без топлива, и солнечный камень, лишенный пищи, поглотил бы сам себя. Поэтому они полагали более вероятным, что Солнце не является раскаленным по своей природе, а только кажется таким из-за отражения его света, так что его тепло является следствием этого света, являющегося, как и тепло, нематериальным. Это мнение было осмеяно и отвергнуто как нелепое теми, кто считал невозможным, чтобы одна нематериальная субстанция порождала другую, и считавших, что и свет, и тепло Солнца происходят от быстрого круговращения эфирных глобул (*Æthereal Globules*), которые, поражая зрительный нерв, вызывают свет и производят своим движением тепло. «Но и это мнение ошибочно, – сказали другие, – поскольку из этого следовало бы, что причиной света является само живое существо и, если бы не было глаз, не было бы и света, что противоречит доводам логики и разума». Так рассуждали они о тепле и свете Солнца, но, что примечательно, никто не сказал, что Солнце было жидким шарообразным телом, совершающим быстрое круговое движение, но все сошлись на том, что оно было неподвижным и твердым, и потому называли его солнечным камнем.

Тогда Императрица пожелала узнать причину, по которой Солнце и Луна появляются в разных положениях и формах – то увеличиваясь, то уменьшаясь; то выше, то ниже; то направленными вправо, то влево. Некоторые из людей-птиц ответили, что подобное происходит из-за различных степеней тепла и холода в воздухе, от чего и следует разная плотность, а также из-за паров, менее плотные из которых восходят выше, чем окружающий воздух, а более плотные из-за тяжести опускаются ниже. Другие же уверенно заявляли, что это не что иное, как различные преломления воздуха, ведь как художники не всегда одинаково копируют один и тот же оригинал, так и разные части воздуха образуют разные очертания светящихся тел Солнца и Луны, а они уже в виде нескольких копий вырисовывают с помощью чувствительных движений образы в субстанции наших глаз.

Этот ответ понравился Императрице гораздо больше предыдущего, и тогда она заинтересовалась, что они думают о тех существах, которые называются солнечными пылинками. «Это не что иное, как потоки редких крошечных прозрачных частиц, – ответили ей, – через которые Солнце видно, как через стекло, ведь если бы они не были прозрачными,

они затмили бы свет Солнца, а если бы не были редкими и состоящими из воздушной субстанции, то мешали бы мухам летать, по крайней мере, замедляли бы их. Тем не менее хотя они тоньше тончайшего пара, они не могут быть тоньше воздуха, иначе они не были бы заметны животным зрением». Тогда Императрица спросила, являются ли они живыми существами. «Да, – ответили они, – потому что они увеличиваются и уменьшаются, питаются в присутствии Солнца и голодая, когда его нет».

Закончив рассуждения о Солнце и Луне, Императрица пожелала узнать, какие им известны звезды. Но те ответили, что в этом Мире могут видеть только Пылающие звезды, почему он и получил название Пылающего мира. Эти звезды, продолжали они, такие же твердые и сияющие, как Солнце и Луна, но не шарообразные, а разнообразных видов. У одних были хвосты, другие же были иных форм.

Тогда Императрица спросила их: «Что за субстанцией или существом является воздух?» Люди-птицы ответили, что не могут воспринимать воздух иначе, как через дыхание, поскольку одни тела можно только осязать, другие – наблюдать, третьи – обонять, но некоторые не подвластны ни одному из наших чувств, ведь природа так полна разнообразия, что наши несовершенные чувства не могут воспринимать все разнообразие ее творений. Не существует ни одного объекта, воспринимаемого всеми нашими чувствами, как и не бывает, что несколько объектов воспринимаются одним чувством. «Я вам верю, – сказала Императрица, – но, если вы ничего не можете сказать о воздухе, вы едва ли сможете сообщить мне, откуда возникает ветер, поскольку говорят, что ветер есть не что иное, как движение воздуха». На это люди-птицы ответили, что ими было замечено, что ветер является более плотным, чем воздух, и поэтому поддается осязанию, но что такое на самом деле ветер и как он устроен, они точно сказать не могли. Одни утверждали, что ветер порождается падением друг на друга облаков, другие, что он происходит из-за горячего и сухого пара, который, поднимаясь, вытесняется холодным воздухом, находящимся в срединной области, но из-за своей легкости не может вернуться вниз, и его бросает то вверх, то вниз. Некоторые считают, что это струящаяся воздушная вода, а другие – что это струящийся воздух, движимый сиянием звезд.

Императрица, видя, что они не могут прийти к согласию о природе ветра, поинтересовалась о том, как сделан снег. На что те ответили, что, согласно их наблюдениям, снег образуется из смеси воды и неко-

торого экстракта элемента огня, находящегося под Луной. Небольшая часть этого экстракта, смешанная с водой и взбитая воздухом или ветром, образует белую пену, называемую снегом, который через некоторое время растворяется под действием тепла, снова превращаясь в воду. Это наблюдение ужасно поразило Императрицу, ведь до сих пор она полагала, что снег возникает из-за холода, а не подобным взбалтыванием огненного экстракта и воды. Она не могла поверить в это, пока люди-рыбы или тритоны не поделились с ней своими наблюдениями о природе льда, который, по их словам, был произведен не движением воздуха, пронизывающим поверхность земли, как некоторые до сих пор предполагали, но каким-то густым соляным паром, поднимающимся из морей и превращающим воду в лед. Чем больше было этого пара, тем больше возникало ледяных гор. Однако причина того, что льда в тропическом поясе или под эклиптической меньше, чем возле полюсов, заключается в том, что пар в этих местах увлекается солнечными лучами в срединную область воздуха, где превращается в воду и проливается потоками дождя. Под полюсами же жар Солнца слабее, и тот же самый пар не имеет силы и возможности подняться достаточно высоко и, следовательно, образует большое количество льда, поднимаясь и действуя только на поверхность воды⁵⁷³.

Этот доклад частично подтвердил наблюдения людей-птиц, касающиеся причин появления снега, но так как они упомянули, что экстракт, из которого при смешивании с водой образуется снег, произошел от элемента огня, находящегося под Луной, Императрица спросила их о природе этого огненного элемента. Подобен ли он обычному огню, встречаемому на земле, или это огонь, находящийся в недрах Земли и приводящий к возгоранию таких знаменитых гор, как Везувий и Этна; или же это вид огня, встречаемый в огнивах, и т. д.? Они ответили, что эфирный огонь (*Elementary Fire*), расположенный под Солнцем, не так тверд, как упомянутые ею, потому что он не имеет твердого топлива, питающего его, но все же он подобен пламени обычного огня, только является более тонким и текучим, поскольку пламя есть не что иное, как воздушная часть раскаленного тела.

⁵⁷³ Дискуссия о причинах образования льда была актуальна в контексте поиска Северного прохода. Так, вплоть до конца XVIII в. была распространена теория о том, что на полюсах Земли льдов нет, так как он образуется только у кромки суши.

Наконец, Императрица спросила людей-птиц о природе грома и молний. Не было ли их причиной падение друг на друга ледяных глыб? На что те ответили, что причина кроется не в этом, а в столкновении холода и тепла, из-за которого возникает пар, воспламеняющийся в облаках и вызывающий молнию, и что количество громовых раскатов равно количеству разорвавшихся облаков. Однако это мнение оспорили другие, утверждающие, что гром является внезапным и грандиозным всполохом (*Blaz*), возникающим в воздухе и не всегда нуждающимся в облаках. Императрице, не до конца понимающей, что подразумевается под всполохом (*Blaz*) (поскольку они сами не могли объяснить смысла этого слова), предыдущий ответ понравился больше, и, чтобы избежать утомительных споров и получить более совершенное представление о небесных явлениях, она приказала людям-медведям, являющимся философами-экспериментаторами, наблюдать за небесными телами с помощью инструментов, называемых телескопами, что они и сделали в соответствии с требованием Ее Величества.

Но эти наблюдения вызвали еще больше разногласий, чем было раньше, поскольку одни говорили, что они видели Солнце стоящим на месте, а Землю движущейся вокруг него; другие – что оба эти тела находятся в движении; а третьи повторяли, что Земля стоит на месте, а движется Солнце⁵⁷⁴. Некоторые насчитали больше звезд, чем другие; некоторые открыли звезды, которых раньше не видели; некоторые вступили в спор о размере звезд; некоторые говорили, что Луна является другим миром, подобным земному шару, а пятна на ней являются холмами и равнинами; некоторые считали, что пятна должны быть сушей, а ровные и блестящие части – морями.

Наконец, Императрица приказала им отправиться со своими телескопами на самый край полюса, прилегающего к ее родному миру, и проверить, смогут ли они увидеть в нем какие-либо звезды, что те и сделали. Вернувшись, они доложили, что им удалось увидеть три пылающих звезды, возникавших по очереди на короткое время. Две были яркими, а одна тусклой. Однако в этом наблюдении они не могли прийти к согласию, поскольку одни говорили, что это была только одна звезда, появлявшаяся трижды в разных местах; другие настаивали, что видели три звезды, по-

⁵⁷⁴ Подробнее о критике М. Кавендиш эвристического потенциала оптических приборов см. с. 152 наст. изд.

скольку считали невозможным, чтобы эти три явления были только одной звездой, ведь каждая звезда восходила в определенное время, появляясь и исчезая в одном и том же месте. «К тому же совершенно невероятно, – утверждали они, – чтобы одна звезда могла столь стремительно и незаметно перелетать с места на место, особенно на таком огромном расстоянии, и появляться в местах, из которых два противоположны друг другу, а третья находится позади. В конце концов, если бы это была одна звезда, она всегда сохраняла бы свою яркость, а здесь, как уже было сказано, две были яркими, а одна тусклой».

После этого спора Императрицу начали раздражать их подзорные трубы, не способные дать более точных сведений. «Теперь, – сказала она, – я ясно понимаю, что ваши приборы являются источниками ложных знаний и, вместо того чтобы открыть истину, обманывают чувства, в связи с чем я приказываю сломать их и разрешаю людям-птицам полагаться только на свое собственное зрение, исследуя движение небесных тел собственными чувствами и разумом. Люди-медведи возразили ей, что дело здесь не в стеклах, вызывающих различия в мнениях, а в различии движений их зрительных органов и в несовершенстве их рациональных суждений. На это Императрица ответила, что, если бы их оптические приборы были источниками достоверной информации, они бы исправили заблуждения чувства и разума, но их чувства и разум по своей природе более совершенны, чем оптические устройства, которые попросту обманывают и никогда не приведут к познанию истины. «Поэтому, – продолжала Императрица, – я приказываю вам разбить их, ведь своими собственными глазами вы можете наблюдать движение небесных тел точнее, чем с помощью искусственных приборов». Люди-медведи были настолько обеспокоены недовольством Ее Величества, что встали на колени и самым смиренным образом просили не ломать их телескопы, утверждая, что получают больше удовольствия от искусственных заблуждений, чем от естественных истин. «Помимо того, – продолжали они, – нам понадобится тренировка (*Impliments*) наших чувств и разработка тем для дискуссий, поскольку, если бы не было лжи, а была только истина, то не было бы и повода для спора, что сделало бы наши усилия в опровержении и противоречии друг другу бессмысленными и не приносящими удовольствия. К тому же никто не будет считаться мудрее другого, но все станут либо одинаково знающими и мудрыми, либо одинаково глупыми,

поэтому мы смиренно молим Ваше Императорское Величество пощадить наши приборы, которые составляют единственную нашу радость, и дороги нам, как наша жизнь». В конце концов Императрица решила поддаться их уговорам, но при условии, что их споры и дебаты не будут выходить за пределы их школ, вызывая разногласия и беспорядки в государстве и правительстве.

Обрадованные люди-медведи смиренно поблагодарили Императрицу и, чтобы загладить недовольство, вызванное их телескопами, сообщили Ее Величеству, что у них есть несколько других оптических приборов, которые, несомненно, доставят ей гораздо большее удовольствие. Среди прочих они принесли несколько микроскопов, с помощью которых могли увеличивать размеры маленьких тел и сделать вошь размером со слона, а клеща размером с кита. Прежде всего они показали Императрице серую муху-ильницу (*Drone-fly*)⁵⁷⁵, отметив, что большая часть ее лица, а точнее головы, состоит из двух больших пучков, покрытых множеством маленьких жемчужинок или полушарий в треугольном (*Trigonal*) порядке. Они обратили ее внимание на жемчужинки двух порядков – меньшего и большего. Меньший был самым нижним и смотрел в землю, больший был наверху и смотрел в стороны, а также вперед и назад. Все они были так гладко отполированы, что могли отобразить вид любого предмета. Общее число их было четырнадцать тысяч. После демонстрации этого странного и удивительного существа и их многочисленных замечаний, Императрица спросила, чем являются эти маленькие полушария. Люди-медведи ответили, что каждый из них служит полноценным глазом, так как они заметили, что каждый покрыт прозрачной роговицей, содержащей внутри жидкость, напоминающую водянистую или стекловидную жидкость глаза⁵⁷⁶. На это Императрица заметила, что они могут быть стеклянными жемчужинами, а не глазами и что, возможно, микроскопы сбили их с толку. Но те, улыбаясь, ответили Ее Величеству, что она плохо осведомлена о преимуществах этих микроскопов, поскольку они никогда не обманывают, но исправляют и дополняют чувства. Более того, мир, по их словам, был бы без них слеп, как это было в прежние века – до того, как эти микроскопы были изобретены.

⁵⁷⁵ См. иллюстрацию на с. 151 наст. изд.

⁵⁷⁶ М. Кавендиш вкладывает в уста философов-экспериментаторов описания, приведенные в «Микрографии» Р. Гука (1665).

После этого, взяв древесный уголь и рассмотрев его под одним из лучших микроскопов, они обнаружили бесконечное множество пор разного размера, настолько частых, что между ними практически не оставалось места, которое могло быть заполнено твердым телом. И чтобы еще больше убедить в этом Ее Императорское Величество, они насчитали в ряду длиной в дюйм не менее двух тысяч семисот пор, исходя из чего сделали заключение, что именно такое множество пор было причиной черноты угля, так как тело, имеющее так много не отражающих свет пор, неизбежно должно выглядеть черным, поскольку черный суть не что иное, как отсутствие света или отражения. Императрица возразила на это, что если бы все цвета были созданы отражением света, и черный был бы таким же цветом, как и любой другой, тогда, конечно, они противоречат сами себе, утверждая, что черный возникает вследствие отсутствия отражения. «Однако, – продолжала она, – чтобы не прерывать ваших изысканий (*Microscopical Inspections*), давайте посмотрим, как выглядят под микроскопом растения». Тогда, взяв крапиву, с помощью микроскопа они обнаружили, что под ее волосками находятся небольшие мешочки или пузырьки, содержащие ядовитое вещество, и когда волоски проникают во внутренние участки кожи, они, подобно шприцам, подают на них эту жидкость. На это Императрица возразила, что если бы в крапиве был такой яд, то, конечно, и при употреблении в пищу он доставлял бы нашим внутренностям подобный вред. В ответ ей было сказано, что этот вопрос следует адресовать врачам, а не философам-экспериментаторам, ведь они работают только с микроскопами и соотносят образы натуральных частей организмов с данными своих приборов.

Напоследок они продемонстрировали Императрице блоху и вошь. Эти существа показались ей столь ужасными, что она чуть не лишилась сознания. Подробное описание их частей было бы слишком утомительно, поэтому пока воздержимся от него. После осмотра сих странных существ Императрице стало очень жаль тех, кому они досаждали, особенно бедных нищих, которым, хотя и самим-то не на что жить, все же приходится содержать и кормить собственной плотью и кровью компанию этих ужасных существ, называемых вшами, которые вместо благодарности вознаграждают их страданиями и мучают за то, что те дают им кров и пищу. Осмотрев очертания этих чудовищных существ, Императрица пожелала узнать, могут ли микроскопы помешать их укусам или, по крайней мере,

подсказать средство защиты от них. На что ей ответили, что подобное искусство является механическим и ниже по статусу благородных изысканий при помощи микроскопов.

Тогда Императрица спросила, нет ли у них оптических приборов способных увеличивать большие тела так же, как они делали с маленькими. После чего они взяли один из своих лучших и самых больших микроскопов и попытались рассмотреть под ним кита. Но увы! Кит оказался столь велик, что его поверхность превышала увеличительные возможности прибора. Сложно сказать, происходило ли это из-за самого прибора или из-за неправильного положения кита относительно отражения света. Императрица, видя несовершенство этих устройств, неспособных увеличивать предметы любого типа, поинтересовалась, смогут ли люди-медведи сделать оптические приборы, противоположные тем, которые она видела, а именно такие, которые, вместо того чтобы увеличивать форму объекта, смогут уменьшить его естественные объемы. Повинуясь приказу Ее Величества, они собрали подобные устройства, и через лучший из них продемонстрировали огромного и могучего кита, казавшегося не крупнее кильки, а через некоторые приборы – меньше, чем укусная угрица, а в самых обычных из этих приборов слон казался не больше блохи, верблюд не крупнее вши и страус размером с клеща.

Пересказ всех их наблюдений через различные виды оптических приборов утомил бы даже самого терпеливого читателя, поэтому я пропускаю его. Но примечательно и достойно внимания, что, несмотря на их огромное мастерство, трудолюбие и изобретательность в экспериментальной философии, они все же никоим образом не могли изобрести такие приборы, с помощью которых можно обнаружить вакуум со всеми его проявлениями или нематериальные субстанции, несуществующие или смешанные и находящиеся между ничем и чем-то⁵⁷⁷. Это очень беспокоило их, и они надеялись, что со временем путем долгого изучения и практики они, возможно, добьются этих открытий.

Закончив с людьми-птицами и людьми-медведями, Императрица вызвала сирен (людей-рыб) и людей-червячков, чтобы те сообщили о своих наблюдениях в море и на суше. Она спросила у людей-рыб, с чем связана

⁵⁷⁷ Дискуссии о существовании вакуума и нематериальных тел были чрезвычайно актуальны в годы написания «Пыляющего мира» и являлись камнем преткновения для многих членов Королевского общества.

соленость моря. На что те ответили, что в частях земли, где находятся морские воды, есть летучие соли. Эти соли, впитываемые морем, кристаллизуются (*became fixt*), и их поглощение является тем, что называют морским приливом и отливом, поскольку подъем уровня и увеличение объема воды вызывается теми частями летучих солей, которые не так легко поглощаются, а стремясь подняться над водой, несут ее подобно тому, как человек или животное, стремящиеся всплыть, чтобы сделать вдох. «В этом, – утверждали они, – истинная причина как солености, так и приливов и отливов моря, а не колебательное движение Земли или скрытое влияние Луны, в чем некоторые стараются убедить мир».

Тогда Императрица поинтересовалась, удалось ли им выяснить, все ли животные в морях и других водах имеют кровь? «У разных животных – разное количество крови, а у некоторых ее нет вовсе, – ответили они. – У речных раков и омаров мы обнаружили очень мало крови, а у крабов, устриц, моллюсков и т. д. ее не было вовсе». Императрица спросила, в какой части тела находится эта кровь. «В небольшой вене, – ответили они, – что проходит у омаров через середину хвоста, а у ракообразных находится в спине. Что касается других видов рыб, то у одних, – продолжали они, – кровь была только в районе жабр, а у других – в иных местах тела, но они не видели ни одного существа, чьи вены шли бы по всему телу». Императрица, озадаченная тем, могут ли животные обходиться без крови, пожелала, дабы удостовериться, узнать у людей-червей у всех ли видов червей встречается кровь. Те ответили, что, насколько им известно, у некоторых имеется кровь, а у остальных нет. «У мотылька, – говорили они, – вообще нет крови, а у вши есть, но, как и у омара, у них идет только небольшая вена вдоль спины. Вши, улитки и слизняки, а также те, кто появляется из сыра и фруктов, как и те, что возникают из плоти, не имеют крови»⁵⁷⁸. «Но, – возразила Императрица, – если у упомянутых существ нет крови, как они могут жить? Ведь обычно говорят, что жизнь животного в его крови, которая является вместилищем животного духа». В ответ она услышала, что наличие крови не является необходимым условием для жизни животного, и то, что обычно называют животным духом, есть не что иное, как телесное движение, свойственное природе и характеру животного⁵⁷⁹.

⁵⁷⁸ Многие философы XVII в. поддерживали античную концепцию зарождения живой материи из неживой – личинок из сыра, мышей из смеси пшеницы и грязного белья, птиц из камней и проч.

⁵⁷⁹ Подробнее о материи и ее структуре в представлении М. Кавендиш см. в главе 3.1.

Затем она спросила людей-рыб и людей-червей, у всех ли существ кровь циркулирует в венах и артериях. Те ответили, что об этом невозможно дать Ее Величеству точный ответ, поскольку кровообращение является внутренним движением, которое ни их собственные органы чувств, ни какие-либо оптические приборы не позволяют зафиксировать, а когда они препарировали живое существо, чтобы постичь его особенности, внутренние телесные движения, присущие этому существу, изменялись. В таком случае, сказала Императрица, если у животных нет крови, то, следовательно, у них нет ни мышц, ни сухожилий, ни нервов и т. д. Но, наблюдали ли вы когда-нибудь животных, которые не являются ни мясом, ни рыбой, а чем-то средним? «Воистину, – ответили люди-рыбы и люди-черви, – мы видели живых существ, обитающих одновременно, как в воде, так и на суше, и, раз таковые имеются, то, несомненно, можно говорить об их смешанной природе, то есть частично плотской, а частично рыбьей. «Но как возможно, – возразила Императрица, – чтобы они обитали и в воде, и на суше, если животные, которые дышат воздухом, не могут жить в воде, а подводные обитатели не могут жить с помощью воздуха, как о том достаточно свидетельствует опыт». «Поскольку виды животных разнообразны, – ответили они, – их дыхание также различно, ведь дыхание есть не что иное, как соединение и разъединение частей, а так как движения природы бесконечно разнообразны, невозможно, чтобы все существа двигались одинаково, поэтому совершенно необязательно, чтобы все животные жили только на воздухе или в воде. В соответствии с установленным природой порядком, они выбирают то, что подходит их виду»⁵⁸⁰.

Императрица, по-видимому, была очень довольна их ответом и желала получить дополнительные сведения о том, действительно ли все животные продолжают свой род путем последовательного размножения (*successive propogation of particulars*), и всегда ли потомство каждого вида внутренним устройством и внешностью похоже на своих родителей. Ей ответили, что одни виды или типы существ размножаются последовательно и их дети похожи на родителей, другие – размножаются иначе. К первому разряду за некоторым исключением относятся животные обоих полов, но ко второму – относятся большинство тех, кого мы называем насекомыми,

⁵⁸⁰ М. Кавендиш последовательно отстаивала идею превосходства возможностей природы над человеческим опытом.

воспроизведение которых происходит от причин, которые не имеют ни соответствия, ни сходства с их производными. Например, одни личинки возникают из сыра, другие из земли, воды и т.п. На это Императрица заметила, что есть некоторое сходство между личинками и сыром. Например, у сыра, как и у личинок, нет крови и, кроме того, у них почти одинаковый вкус. «Это ничего не доказывает, – ответили ей, – ведь личинки пребывают в видимом последовательном движении, которого нет у сыра». Императрица заметила, что, когда сыр целиком превращается во множество личинок, можно сказать, что и он находится в видимом последовательном движении. Они ответили, что, когда сыр полностью трансформируется в личинок, он перестает быть сыром. Тогда Императрица сказала, что, по ее наблюдениям, природа в своих творениях бесконечно разнообразна и, хотя конкретные виды живых существ продолжают существовать, все же их части подвержены бесконечным изменениям. «Но, выслушав ваш доклад о различных видах животных и их воспроизводстве, – продолжала она, – я хочу, чтобы вы рассказали мне о своих наблюдениях касательно восприятия их чувств». «Воистину, – ответили ей, – Ваше Величество задает нам очень трудный вопрос, и мы вряд ли сможем дать на него удовлетворительный ответ, так как есть много различных видов существ, наделенных разным восприятием. Их органы чувств различны, и наши чувства не в состоянии их обнаружить. Разве что в раковине устрицы мы с восхищением обнаружили, что ее сенсориум (*common sensorium*) связан с закрытием раковин, и благодаря нему при каждом приливе давление может приводить к их открытию и закрытию.

Выслушав все это, Императрица пожелала узнать у людей-червей о причинах возникновения на поверхности земли ледяных зон. На что ей ответили, что во многом, согласно описаниям людей-рыб и людей-птиц, они образовались в результате превращения (*the Congelation*) воды в лед и снег из-за смешения частиц соли и кислоты. На это же указывают изыскания людей-обезьян, являющихся химиками и сообщающих о таких химических элементах, как соль, сера и ртуть⁵⁸¹. «Но, – возразила Императрица, – если это так, то потребуются бесконечное множество солевых частиц, чтобы произвести столь огромное количество льда, инея и снега, к тому же, хотелось бы знать, что происходит с частицами соли, когда снег, лед и иней

⁵⁸¹ Серой именовалось не известное нам сегодня вещество, а воспламеняющаяся часть любого тела, ртутью – часть, перегоняемая в виде жидкости, а солью – твердый остаток. Соль, сера и ртуть являлись основой алхимической теории преобразования металлов, описанной Парацельсом.

снова превращаются в свои составляющие элементы». Но ни люди-черви, ни люди-рыбы, ни люди-птицы не могли дать на это ответ.

Тогда Императрица поинтересовалась, какова причина того, что в родниках вода не такая соленая как в море, и почему в них также случаются приливы и отливы. На что ей ответили, что приливы и отливы родников вызваны с тем, что в Земле бывают полые пещеры, морская вода в которых, в соответствии с собственными приливами и отливами толкает или оттягивает родниковую воду. Другие сказали, что это происходит из-за небольшого количества соляных и кислотных частиц, которые родниковая вода впитывает из земли и, хотя их не так много, чтобы почувствовать на вкус, однако достаточно, чтобы вызвать изменения уровня воды, а что касается свежести родниковой воды, то, согласно их наблюдениям, в недрах Земли есть некий жар, возникающий от ее быстрого кругового движения вокруг своей оси. Это тепло превращает редчайшие частицы земли в свежую и чистую воду, которая, проходя через земные поры, попадает туда, где может без сопротивления выйти на поверхность в виде родников и фонтанов. Очищенные воды внутри Земли питают и освежают неприглядные и засушливые ее части. Этот ответ подтвердил мнение Императрицы о движении Земли и неподвижности Солнца, о котором ей сообщали люди-птицы.

Она спросила людей-червяков, были ли минералы и растения созданы теплом, который находится в недрах Земли, на что не получила утвердительного ответа. Ей только сообщили, что ни тепло, ни холод не являются первопричинами возникновения растений, минералов или других творений, но только следствием. «И в доказательство, – сказали они, – мы выяснили, что при некоторых трансформациях то, что было горячим, становится холодным, а холодное – горячим, но самым жарким местом мы признаем центр Земли и не видим, чтобы тропический пояс содержал столько же золота и серебра, сколько умеренный, и что большие запасы железа и свинца встречаются везде, где есть золото, поскольку эти металлы больше всего распространены в холодных климатических зонах ближе к полюсам». Императрица повелела обсудить это наблюдение с ее химиками, людьми-обезьянами, чтобы те знали, что золото формируется не сильным, а умеренным теплом⁵⁸².

⁵⁸² Дискуссии о климате, в котором образуется золото были актуальны в контексте освоения англичанами Северо-Западного пути.

Затем она поинтересовалась, может ли золото быть получено искусственным путем. Ей ответили, что точного ответа нет, но если это возможно, то они считают олово, свинец, латунь, железо и серебро самыми подходящими металлами для подобной трансмутации. Тогда она спросила, можно ли искусственно производить железо, олово, свинец или серебро. Ей ответили, что, по их мнению, это невозможно. «Я вижу, – заметила Императрица, – что ваши суждения весьма неверны, так как вы считаете, что золото, настолько прочный металл, что до сих пор не найдено ничего, что способно нарушить его внутренней формы, может быть сделано искусственно, а олово, свинец, железо, медь или серебро, которые все же гораздо слабее, чем золото, не могут». Люди-черви извинились за свое невежество в этом вопросе, и рекомендовали обращаться к людям-обезьянам – химикам Ее Величества.

Тогда Императрица спросила, смогут ли они своими органами (*Sensitive perceptions*) наблюдать внутренние или внешние движения растений и минералов. Они ответили, что чувства могут воспринять движения только после того, как они были произведены, но не раньше. «И, хотя, – сказали они, – внутренние движения природных существ не поддаются внешнему животному чувственному восприятию, тем не менее с помощью разума они могут судить о них и об их производных, если те регулярны». Императрица повелела людям-медведям одолжить им несколько своих лучших микроскопов, на что люди-медведи с улыбкой ответили Ее Величеству, что их оптические приборы не принесут большой пользы в недрах Земли из-за отсутствия света. «Поскольку, – сказали они, – наши приборы показывают только внешние объекты в соответствии с отражением и направлением света, в темноте от них не будет пользы». На это люди-черви ответили, что, хотя они мало что могут сказать о преломлении, отражении и проч., все же даже в недрах Земли они не абсолютно слепы. Они могут различать разные виды минералов и живущих под землей мельчайших животных, которые также не слепы, но обладают особым чувственным восприятием, столь же необходимым им, как зрение, вкус, обоняние, осязание, слух и т. д. необходимы другим живым существам. Это свидетельствует о том, что природа так же щедра к существам, обитающим под землей или в недрах Земли, как и к тем, которые живут на поверхности, в воздухе или в воде. Как бы то ни было, продолжали люди-черви, хотя в недрах Земли и есть свет, все же ваши

микроскопы не принесут нам большой пользы, поскольку существа, живущие под землей, не обладают таким чутким зрением, как те, что живут на поверхности. Поэтому, если у вас нет приборов, подходящих для их восприятия, микроскопы не принесут им никакой пользы.

Императрице, похоже, очень понравился ответ людей-червячков, и далее она спросила, являются ли минералы и другие подземные существа бесцветными. Услышав этот вопрос, они не могли удержаться от смеха, а когда Императрица пожелала узнать причину смеха, ответили: «Мы смиренно просим прощения у Вашего Величества, но мы не могли не рассмеяться, когда услышали о бесцветном теле». «Но цвет, – сказала Императрица, – это всего лишь акциденция, являющаяся нематериальной и существующей не сама по себе, а только в другом теле». «Тот, кто сообщил эти сведения Вашему Величеству, – ответили они, – глубоко заблуждается, поскольку невозможно, чтобы не имеющее материальной природы могло существовать в природе. Если это не субстанция, оно не может существовать, а если оно не существует, то его и не может быть. Поэтому различие между существованием в себе самом и существованием в другом теле есть чистая бессмыслица, ибо в природе нет ничего, что могло бы существовать само по себе, то есть отдельно. Согласно разуму, все части природы соединяются в одном теле и, хотя их свойства могут быть бесконечно разделяемы, смешиваемы и изменяемы, все же одни части целого не могут быть отделены от других, пока природа существует. Более того, мы могли бы с такой же вероятностью утверждать, что бесконечная природа будет уничтожена столь же быстро, как может погибнуть один атом и, поэтому, Ваше Величество, можете смело верить, что не может быть тела без цвета и цвета без тела, поскольку цвет, форма, место, величина и пропорции – все это части одного тела, без какого-либо расщепления или отделения друг от друга». Императрица была так восхищена речью людей-червячков, что не только простила грубость, которую они допустили, рассмеявшись над ее вопросом, но и полностью согласилась с их мнением, которое, на ее взгляд, было наиболее рациональным из всех, что она когда-либо слышала.

Затем, продолжая свои расспросы, она поинтересовалась, наблюдали ли они внутри Земли какие-либо семена (*seminal principles*), производящие, независимо от размеров и свойств, растения, минералы и проч.⁵⁸³

⁵⁸³ Вплоть до конца XVIII в. не было определенности с тем, стоит ли относить минералы к царству живых существ.

На что люди-черви ответили, что им не доводилось встречать семена минералов, но им попадались семена растений, из которых они были произведены. Тогда она поинтересовалась, теряли ли семена растений свою форму, то есть исчезали ли они при производстве потомства. Люди-черви ответили, что ничего не может быть произведено путем уничтожения, и что семена овощей настолько далеки от исчезновения в своем потомстве, что многократно увеличиваются в количестве. «Деление одного семени, – продолжали они, – производит из себя множество других семян». Императрица возразила, что произвольная часть не может увеличиться сама по себе. «Верно, – ответили они, – но они увеличиваются не сами по себе, но соединяясь и смешиваясь с другими частями, которые помогают в их творении, и путем подражания формируют или превращают свои собственные фрагменты в те или иные части». «Тогда прошу вас, – взмолилась Императрица, – сообщите мне, что за маскировка позволяет семенам оставаться незаметными в своих трансмутациях?» Ей ответили, что семена никак не маскируются и не скрываются, но, скорее, разблачают себя во множестве потомков. Они стараются разве что скрыться от чувственного восприятия, чтобы их внешние и внутренние (*figurative and productive*) движения не были замечены животными.

Императрица опять поинтересовалась, встречались ли им какие-нибудь нематериальные тела внутри земли. На что те ответили, что никогда не слышали ни о чем подобном и что, если Ее Величество хочет знать правду, ей стоит спросить существ, называемых нематериальными духами, которые имеют близкое родство с нематериальными телами и, возможно, смогут удовлетворить ее любопытство. Тогда она пожелала узнать, что они думают о начале творения. Люди-черви ответили, что не понимают, что имеется в виду под этим выражением. «Ведь, – продолжали они, – нет начала ни в природе, ни в ее частях, по причине того, что природа бесконечна и будет всегда, и ее части подвержены бесконечным изменениям и трансмутациям в силу их собственных внутренних и внешних движений, так что в природе нет ничего нового и, следовательно, не может быть и никакого начала».

Императрица казалась вполне довольной ответами и спросила, бывают ли изделия (*Art*) у подземных жителей. «Да, – ответили те, – поскольку фрагменты земли, соединяясь, составляют те или иные ее части. Также случаются распады и разделения, вызывающие появление смешанных видов,

например сорняков вместо сладких цветов и полезных плодов. Садовники и земледельцы зачастую обрабатывают землю, что, хотя во многом и полезно, все же наносит большой ущерб червям и другим существам, живущим под землей, ведь чаще всего это вызывает их гибель. В лучшем случае их изгоняют из своих жилищ. «Разве, – изумилась Императрица, – черви происходят не от земли?» «Их воспроизводство, – отвечали они, – подобно воспроизводству других живых существ, и происходит в результате телесных движений природы. Что же касается их происхождения, оно соответствует природе их вида. Некоторые происходят из цветов, некоторые из корней, одни из фруктов, другие из обычной земли». «Выходит, они неблагодарные дети, – заметила Императрица, – раз питаются своими родителями, давшими им жизнь». «Их жизнь, – ответили ей, – принадлежит им, а не их родителям, поскольку никакая часть природы или живое существо не может ни дать, ни отнять жизнь, но части могут соединяться с частями, участвуя в создании либо распаде других частей и существ».

После этой и нескольких других встреч с людьми-червями Императрица отпустила их, пожелав успехов в исследованиях и наблюдениях. Затем она вызвала химиков (людей-обезьян) и повелела рассказать о том, какие превращения они могут осуществить своим искусством. Они начали с длинного и утомительного рассуждения о первичных ингредиентах природных тел и о том, как им благодаря своему искусству удалось открыть элементы, составляющие эти тела. Но среди них не было общего согласия. Одни говорили, что началом всех природных тел являются четыре элемента: огонь, воздух, вода, земля; другие, отвергая эту систему, утверждали, что существует множество тел, из которых не может быть извлечен ни один из четырех элементов, какую бы степень огня не применяли для этого, и, с другой стороны, существуют тела, трансформация которых с помощью огня приводит к появлению более чем четырех различных ингредиентов и это, по их словам, доказывало, что единственными элементами природных тел были соль, сера и ртуть⁵⁸⁴. Иные заявляли, что ничего из вышеупомянутого не может быть названо истинным основанием природных тел, но что благодаря своему усердию и усилиям, приложенным к искусству химии, они открыли, что все природные тела произведены только из одного элемента, которым была вода. «Все овощи, минералы и животные, – говорили они, –

⁵⁸⁴ Традиционное для алхимиков опровержение концепции Аристотеля, гласящей, что все состоит из четырех элементов – земли, воды, воздуха и огня.

есть не что иное, как простая вода, разделенная на различные формы в зависимости от достоинства их семян»⁵⁸⁵.

После бесконечных споров и разногласий Императрица так устала, что не могла больше их слушать и, повелев всем молчать, объявила следующее: «Я прекрасно понимаю, какие усилия пришлось вам затратить в химических изысканиях, чтобы выявить основания природных тел, и хотела бы, чтобы ваши занятия с большей пользой были посвящены чему-либо иному, а не подобным экспериментам, ведь и собственными наблюдениями и рассуждениями, сделанными посредством рационального и чувствительного восприятия природы и ее произведений, я нахожу, что природа есть не что иное, как одно бесконечное самодвижущееся тело, которое, благодаря силе своего движения, разделяется на бесконечное количество активных частей, которые, в свою очередь, претерпевают постоянные изменения и превращения благодаря непрерывным соединениям и разделением. Теперь, если это так, что в соответствии с обычным чувством и разумом не вызывает никаких сомнений, нет никакого смысла искать первичные составные части или конституирующие основания природных тел, поскольку существует не более чем один всеобщий принцип природы, а именно самодвижущаяся материя, служащая единственной причиной всех природных явлений»⁵⁸⁶. К тому же мне хочется, чтобы вы приняли во внимание, что огонь есть не что иное, как особое творение или явление природы, вызывающее определенные реакции в некоторых телах, а на некоторые не оказывающий никакого влияния. Например, золото, которое никогда прежде не могло быть изменено с помощью огня. А раз это так, то почему же вы настолько простодушны, что верите, что огонь может показать истинные основания природы? И как вы можете верить, что четыре элемента – или вода, или соль, сера и ртуть, – являющиеся не более чем частными явлениями и творениями природы, могут быть первичными ингредиентами и основаниями всех природных тел? Я не желаю, чтобы вы тратили свои силы и время на столь бесплодные занятия, но будьте впредь мудрее и занимайтесь экспериментами, которые могут быть полезны для общества».

Таким образом, Императрица высказала свои пожелания людям-обезьянам, дав даже более подробные указания, чем они ожидали, не зная, что

⁵⁸⁵ Концепция того, что в основе всего лежит вода, была высказана еще Фалесом Милетским.

⁵⁸⁶ Уйдя от атомизма, М. Кавендиш к 60-м гг. пришла к идее существования единой самодвижущейся материи. Подробнее о взглядах М. Кавендиш, касающихся структуры материи, см. главу 3.1.

Ее Величество обладает столь широким познанием в естественной философии. Она провела с ними несколько совещаний касательно химических препаратов, которые для краткости я не буду здесь перечислять. Она также поинтересовалась о причинах, почему представители имперской расы выглядят так молодо, но при этом, как говорят, живут много лет – кто-то двести, кто-то триста, а кто-то и четыреста. Происходит ли это из-за природы или в результате особого божественного благословения? На это ей ответили, что в этой части Мира имеется скала, содержащая золотые пески. Она полая внутри и производит смолу (*Gum*), которая настаивается до ста лет, достигая расцвета своей силы и совершенства. «Эта смола, – продолжали они, – если согреть ее теплом руки, превратится в масло, действие которого будет следующим. Старому немощному человеку каждый день в определенное время дают это средство размером не больше горошины, первую неделю или больше вызывая у него рвоту, после этого у него начинается рвота слизью (*Vomits of Flegm*), а после он начнет изрыгать рвотные массы разных цветов – сначала бледно-желтого, затем ярко-желтого, затем зеленого и, наконец, черного цвета. И каждая из этих жидкостей имеет свой вкус: одна – освежающий, другая – соленый, третья – кислый, четвертая – горький и т. д. Рвотные массы не доставляют никаких неудобств, а выходят внезапно, без какой-либо боли или беспокойства для пациента. После того как средство произведет все упомянутые действия и очистит желудок и некоторые другие части тела, оно воздействует на мозг и выведет из носа такие же жидкости, как и изо рта, и далее в том же духе. Затем он очищается стулом, мочой, потом и, наконец, кровотечением из носа и геморроидальных узлов (*the Emeroids*)⁵⁸⁷. Все это происходит в течение шести недель или немного дольше, поскольку действует не очень грубо, а мягко и постепенно. Наконец, когда все это сделано, тело покрывается толстыми струпьями и начинается выпадение волос, зубов и ногтей. Эта короста, достигнув полного созревания, открывается сначала вдоль спины и отпадает целиком в виде куска, подобного доспеху. Все это происходит в течение четырех месяцев. После этого пациента заворачивают в ткань, приготовленную из определенных смол и соков, в которой он находится до тех

⁵⁸⁷ В XVII в. была распространена сформулированная еще древнегреческим врачом Гиппократом гуморальная теория или концепция четырех жидкостей (гуморов), протекающих в теле человека, – кровь, флегма (слизь), желтая желчь и черная желчь. От соотношения этих жидкостей зависело состояние человека, поэтому врачи для лечения болезней охотно прибегали к кровопусканию.

пор, пока не истечет девять месяцев с начала лечения, что является временем формирования ребенка в утробе матери. Диета его в это время состоит только из орлиных яиц и оленьего молока. После того как ткань будет убрана, пациент предстанет в возрасте двадцати лет, как по внешности, так и по силе. Более слабый вид этой камеди лучше всего подходит для заживления ран и лечения легких недугов. Но следует также заметить, что никто из имперского народа не употребляет никаких других напитков, кроме известковой воды (*Lime-water*), или воды, в которую погружают известняк, а мясо, которое они употребляют, не что иное, как несколько видов птицы. Развлечения этого народа многочисленны, но в основном это охота».

Эти сведения ужасно поразили Императрицу, ведь, хотя в мире, откуда она пришла, ходило много слухов о философском камне, она никогда не слышала о ком-либо, кому удалось его обнаружить, поэтому считала его всего лишь химерой⁵⁸⁸. Она вспомнила, что в том мире жил человек, у которого был небольшой камень, исцелявший все виды внешних и внутренних болезней в зависимости от того, как его приложить, и что знаменитый химик открыл некий напиток под названием алкагест⁵⁸⁹, который силой собственного огня уничтожал все болезни, но она никогда не слышала о лекарстве, способном вернуть молодость и сделать тебя вновь красивым, энергичным и сильным. Она бы так легко не поверила в него, если бы лекарство было приготовлено с помощью технологий, ведь ей известно, что технологии, использующие изменчивость природы, не могут произвести столь мощного эффекта, но так как смола действительно вырастает естественным образом, она не сомневалась в нем, поскольку знала – дела природы столь разнообразны и чудесны, что ни одно существо не способно выявить их путей.

Когда заседание химиков подошло к концу, Императрица пригласила на аудиенцию своих врачей – последователей Галена, травников и анатомов. В первую очередь она осведомилась у травников об особых действиях трав и снадобий и о том, что является их причиной. На что те ответили, что, хотя и могут рассказать Ее Величеству о большей части их свойств и действий, конкретные причины их действий остаются им неизвестными.

⁵⁸⁸ Вера в существование философского камня, способного омолаживать тела и превращать металлы в золото была чрезвычайно распространена среди алхимиков XVI–XVII вв.

⁵⁸⁹ Термин «алкагест» впервые был использован швейцарским алхимиком Парацельсом (1493–1541) для обозначения вещества, которое способно укрепить печень и даже заменить ее.

Единственное, что они могли сказать, что действия и свойства трав обычно были связаны с их внутренним телесным движением, вариаций которого несчитанное количество в бесконечной природе, производящей бесчисленное множество действий. «Замечено, – продолжали они, – что травы и лекарства столь же мудры в действиях, как люди в словах и поступках, даже мудрее, и их действия более надежны, чем мнения людей. Хотя они и не могут рассуждать как люди, тем не менее они имеют чувство и разум подобные человеческому. Способность к рассуждению есть не что иное, как частное действие чувства и разума в некоторых созданиях, а именно в людях. Рассуждение не является принципом природы, ведь оно часто показывает больше глупости, чем мудрости». Императрица спросила, могут ли они с помощью комбинирования и смешения снадобий заставить их действовать иначе, чем при употреблении самих по себе. На это те ответили, что могут заставить снадобья производить определенные эффекты, но не способны изменить их особой индивидуальной природы.

Тогда Императрица повелела своим анатомам препарировать те виды существ, которые называются чудовищами. Но они ответили Ее Величеству, что это будет напрасный и безрезультатный труд, который помешает их лучшим занятиям. «Ведь когда мы вскрываем мертвых животных, – отвечали они, – то не преследуем иной цели, кроме как наблюдение за их повреждениями и болезнями. Мы делаем это, чтобы вылечить подобные болезни у живых, так как все наши заботы и усилия касаются только сохранения человечества, но мы надеемся, что Ваше Величество не станет беречь монстров, которые, как правило, уничтожаются, сохраняясь разве что для демонстрации новизны. Препарирование чудовищ не поможет избежать ошибок природы, поскольку, препарировав одних, мы не можем предотвратить появления других, таким образом наши старания и труды будут бесполезны и способны разве что удовлетворить тщетное любопытство назойливых людей⁵⁹⁰». Императрица заметила, что подобные вскрытия могли бы быть очень полезны для философов-экспериментаторов. «Если философы-экспериментаторы, – ответили ей, – действительно тратят время на такие бесполезные осмотры, они тратят его впустую и не приобретают ничего, кроме напрасно потраченных сил».

Затем Ее Величество провела несколько бесед о болезнях с врачами-галенистами и, среди прочего, пожелала узнать причину и природу апо-

⁵⁹⁰ Мнение М. Кавендиш о чудовищах и монстрах см. на с. 197 наст. изд.

плексических ударов и бубонной чумы. Врачи ответили, что приводящий к смерти апоплексический удар является смертельным параличом мозга, а бубонная чума – гангреной жизненно важных органов⁵⁹¹. И как гангрена внешних частей проникает внутрь организма, так и гангрена внутренних органов вырывается наружу. «Причина же в том, – продолжали они, – что как только появляются язвы, следует смерть, ведь это безошибочный признак того, что тело заражено гангреной, являющейся распространяющимся злом. Некоторые гангрены распространяются стремительнее других, но из всех видов гангрены чумная является наиболее заразной. Другие гангрены заражают только соседние части одного тела, и после его смерти их распространение прекращается. Чумная же гангрена поражает не только соседние части одного организма, но и тела, находящиеся от него на расстоянии, то есть один организм заражает другой и таким образом вызывает эпидемию». Тогда Императрица, желая знать, каким образом чума распространяется и становится такой заразной, спросила, действительно ли она переходит из одного тела в другое. «Идет большая дискуссия среди специалистов их профессии, – ответили врачи, – о том, происходит ли это путем разделения и соединения частей, посредством выдоха и вдоха, или болезнь бывает вызвана подражанием. Некоторые философы-экспериментаторы убеждают нас, что с помощью своих микроскопов они выяснили, что чума представляет собой скопление крошечных мух, подобных атомам, переходящих из одного тела в другое через органы чувств, но самые опытные и мудрейшие из нашего общества отвергли это мнение как нелепую фантазию и по большей части убеждены, что болезнь бывает вызвана имитацией, когда движения отдельных здоровых частей тела подражают движениям зараженных, в результате чего чума и становится заразной»⁵⁹².

До сих пор Императрица проводила время инспектируя деятельность людей-птиц, рыб, червей, обезьян и т. д. и получила от них ряд любопытных сведений. Наконец, она решила отвлечься от серьезных рассуждений и послала за людьми-пауками, которые были ее математиками;

⁵⁹¹ Древнеримский медик Гален (129–216 н. э.) являлся главным авторитетом для средневековой медицины, но многие его утверждения, как, например, о взаимосвязи соотношения жидкостей в теле с характером, к середине XVII в. успели устареть.

⁵⁹² Во то время, когда М. Кавендиш работала над «Пылающим миром», в Англии произошла вспышка бубонной чумы (1665–1666), унесшая жизни около двадцати процентов населения Лондона. Дискуссии о причинах этой болезни были чрезвычайно актуальны.

людьми-вшами, которые были геометрами; и за людьми-сороками, попугаями и галками, которые были ее ораторами и логиками. Люди-пауки пришли первыми и преподнесли Ее Величеству в дар таблицу, полную математических точек, линий, разнообразных фигур – квадратов, кругов, треугольников и тому подобного, которую Императрица, несмотря на очень острый ум и сообразительность, не могла понять, и чем больше она старалась разобраться, тем больше смущалась. Я не могу точно сказать, находили ли они квадратуру круга и умели ли составлять воображаемые точки и линии, но осмелюсь заметить, что их точки и линии были столь тонкими и едва заметными, что казались практически воображаемыми. Математики пользовались у Императрицы большим почетом, поскольку были не только главными наставниками и руководителями во многих искусствах. Некоторые из них были также волшебниками и спиритуалистами, отчего их писания были так запутанны и замысловаты, что Императрица понятия не имела, что с ними делать. «В вашем искусстве столь многое нужно изучить, – сказала она, – но я не могу отвлечься от других дел, чтобы заняться вашей профессией, да и не думаю, что смогла бы когда-либо понять ваши воображаемые точки, линии и фигуры из-за их нематериальной природы»⁵⁹³.

Затем пришли люди-вши и попытались измерить все вещи с точностью до волоска и взвесить их с точностью до атома, но результаты их работы редко совпадали, особенно при взвешивании воздуха, измерение которого они считали невозможным. Императрица была недовольна этим и сказала, что в их специальности нет ни истины, ни справедливости, и распустила их общество.

После этого Императрица решила выслушать людей-сорок, попугаев и галок, которые служили ее ораторами и логиками. Тогда один из людей-попугаев торжественно поднялся и попытался произнести перед Ее Величеством красноречивую речь, но не смог дойти и до середины, так как его аргументы и выводы были столь многочисленны, что вызвали в его мозгу полнейшее смятение. Он не мог продолжать и был вынужден отступить с великим позором как для себя, так и для всего общества. Хотя один из его собратьев попытался поддер-

⁵⁹³ Многие члены Королевского общества до Исаака Ньютона не расценивали математику как вспомогательный инструмент науки. Однако в первой половине века такие мыслители, как, например, И. Кеплер, Г. Галилей и Р. Декарт, старались вывести обоснования своих концепций из физико-математических рассуждений.

жать его новой речью, тот был так же далек от успеха, как и первый. Императрица, похоже, весьма обеспокоилась этим обстоятельством и обратила их внимание на то, что они слишком тщательно следуют правилам своего искусства и путаются из-за чересчур изящных формальностей. «Мне известно, – сказала она, – что вы от природы весьма разговорчивы и обладаете хорошей памятью. Я желаю, чтобы вы больше думали о предмете, о котором говорите, а не об условных паузах, переходах и частях речи, а остальное предоставьте своему природному красноречию». Они последовали ее совету и стали выдающимися ораторами.

Наконец, Ее Императорское Величество, желая узнать, каких успехов достигли в искусстве спора ее логики, повелела им дискутировать или на несколько разных тем, или о разных предметах. Так и поступив, они провели очень хороший диспут и путем логистических терминов и утверждений (*Logistical terms and propositions*) вступили в спор посредством силлогизмов (*Syllogistical Arguments*), используя все фигуры и модусы⁵⁹⁴. Первый начал с аргумента первого модуса первой фигуры: «Каждый политик мудр. Всякий лжец – политик, поэтому каждый лжец мудр».

Другой противоречил ему силлогизмом второго модуса той же фигуры: «Ни один политик не мудр. Всякий лжец является политиком, следовательно, ни один лжец не мудр».

Третий выдвинул аргумент в третьем модусе той же фигуры: «Каждый политик мудр. Некоторые мошенники являются политиками, следовательно, некоторые мошенники мудры».

Четвертый завершил силлогизмом в четвертом модусе той же фигуры: «Ни один политик не мудр. Некоторые мошенники являются политиками, поэтому некоторые мошенники не мудры».

После этого они взялись за другую тему, и был предложен такой силлогизм: «Всякий философ мудр. Всякое животное мудро, следовательно, каждое животное есть философ».

⁵⁹⁴ Далее М. Кавендиш высмеивает традиционную для схоластики и восходящую к Аристотелю систему доказательств, построенную на силлогизмах. В качестве примера можно вспомнить знаменитый силлогизм: «Все люди смертны. Сократ – человек. Следовательно, Сократ смертен». Основным предметом критики в XVII в. становится presupпозиция «все люди смертны» – утверждение, которое может быть произведено только на основе ограниченного количества единичных чувственных наблюдений.

Но другой заметил, что этот аргумент является ложным, и оспорил его силлогизмом второй фигуры четвертого модуса: «Всякий философ мудр. Некоторые звери не мудры, следовательно, некоторые звери не философы».

Так бы они и спорили, если бы Императрица не прервала их. «С меня достаточно вашей ломаной логики, – воскликнула она, – я не хочу больше слышать ваших силлогизмов, поскольку они приводят в расстройство мой ум и доводят мой мозг до изнеможения. Ваши формальные рассуждения способны уничтожить малейшее природное остроумие. Я прошу вас принять во внимание, что не искусство логики создает разум, а разум создает логику и, следовательно, насколько разум выше логики, настолько естественные рациональные суждения следует предпочесть искусственным, ведь искусственные суждения по большей части ошибочны, и больше смущают умы людей, уводя их в лабиринт, из которого они никогда не выберутся, став скучными и непригодными для полезных занятий. Особенно ваше искусство логики, заключающееся только в том, чтобы противоречить друг другу, строя софизмы и затемняя истину, вместо того чтобы прояснять ее».

На это логики возразили, что познание природы, то есть натурфилософия, было бы несовершенно без искусства логики и что существует невероятная истина, которую нельзя узнать иначе как с помощью искусства диспута. «Действительно, – сказала Императрица, – я верю, что это верно как относительно натурфилософии, так и других явлений природы, поскольку ни одно отдельное знание не может быть совершенным, поскольку знание делимо на части и многосоставно. Более того, говоря точнее, природа сама по себе не может похвастаться никаким совершенством, на которое способен только Бог, потому что в природе слишком много случайных движений, и было бы просто безумием полагать, что искусство логики смогло бы урегулировать их, так как само искусство по большей части неупорядоченно⁵⁹⁵. Что касается невероятной истины, я не понимаю, что вы имеете в виду, ведь истина – это нечто большее, чем вероятность. Более того, между истиной и вероятностью так много различий, что я не могу себе представить, как можно их соединить вместе. Короче говоря, – поды-

⁵⁹⁵ Р. Декарт (1596–1650) в своем знаменитом рассуждении также сперва соглашался с мнением скептиков о непостижимости истины, а затем приводил пример истины, которая казалась ему безошибочной и являлась фундаментом для дальнейших рассуждений: «Я мыслю, следовательно, существую».

тожила она, – я никоим образом не могу одобрить вашу профессию, и, хотя я и не распушу вашего общества, все же я никогда не смогу получить удовольствия, слушая вас, а потому ограничьте свои диспуты стенами школ, чтобы они не касались содружества ученых, а также божественного и политического, религиозного и законодательного, и тем самым не навлекли полного разорения и разрушения на Церковь и государство».

После того как Императрица закончила беседы и совещания с упомянутыми сообществами виртуозов, она задумалась о состоянии религии и нашла его весьма неудовлетворительным. Она была обеспокоена тем, что столь мудрому народу не доступно больше знания о божественной истине. Хорошенько обдумав возможность обратить их в свою религию, она решила построить церкви, а также создать конгрегацию женщин, главой которой она намеревалась стать сама, дабы наставлять их в ключевых пунктах своей религии⁵⁹⁶. Стоило ей приступить к этому, как женщины, отличавшиеся сообразительностью, тонкими представлениями, ясным пониманием и твердыми суждениями, за короткое время превратились в очень набожных и ревностных сестер, поскольку Императрица обладала превосходным даром проповедовать и обучать символам веры. Тем самым она не только быстро обратила их, но и завоевала необычайную любовь своих подданных во всем Мире.

Наконец, размышляя о непостоянстве человеческой природы и опасаясь, что со временем подданные, следуя своим собственным фантазиям и живя согласно своим желаниям, оставят божественную истину, она, беспокоясь, что ее труды не принесут плодов, рассмотрела все возможные способы избежать этого. Среди прочего, она вспомнила историю, которую когда-то рассказали ей люди-птицы, об огненной горе, и немедленно отправила за самыми мудрыми и хитрыми из людей-червей, повелев им обнаружить причину извержения этого огня, что те и сделали, добравшись до самого подножия горы. Они сообщили Ее Величеству, что существует некий вид камня, природа которого такова, что, намкнув, он чрезмерно нагревается и вспыхивает ярким пламенем, пока снова не становится сухим, после чего затухает и гаснет⁵⁹⁷. Императрица обрадовалась этой новости и немедленно велела

⁵⁹⁶ Об отношении М. Кавендиш к Церкви см. на с. 98 наст. изд.

⁵⁹⁷ Камни, наделенные необычными свойствами, упоминаются и в «Человеке на Луне» Ф. Годвина.

людям-червям принести ей немного этого камня, держа это в секрете. Она послала за людьми-птицами и спросила, не могут ли те достать ей кусочек солнечного камня? Люди-птицы ответили, что это невозможно, разве что им удастся ослабить освещение Мира, но, если Ее Величеству будет угодно, то они могли бы разрушить одну из многочисленных небесных звезд, о которой мир едва ли будет сожалеть. Императрица была очень заинтересована этим предложением и наняла представителей этих двух видов. Тем временем были возведены две часовни. Крыша, стены и колонны первой были облицованы алмазами. Вторую же она решила покрыть звездным камнем. Огненный камень она поместила поверх слоя алмазов, поскольку огонь не причиняет им вреда. Когда ей хотелось, чтобы часовня с огненным камнем казалась охваченной пламенем, она использовала трубы, по которым подавалась вода. После поворота крана вода била струей, как из фонтана, и пока огненный камень был влажным, часовня казалась объятай огнем.

Другая часовня, облицованная звездным камнем, излучала великолепный спокойный свет. Обе часовни стояли на колоннах, прямо посреди внутреннего дворика, в котором было темно, как ночью. Ни малейшего огонька не было внутри, кроме того, что исходил от камня огня и звезды. Так как они были открытыми со всех сторон, ничто не скрывало их от находящихся в пределах дворика. Кроме того, они были так искусно устроены, что беспрерывно вращались в противоположные стороны вокруг своих центров. В часовне, выложенной огненным камнем, Императрица читала проповеди о воздаянии нечестивым и говорила им о наказаниях за грехи, а точнее о том, что после этой жизни они будут мучиться в вечном огне. Но в часовне, выложенной звездным камнем, она читала проповеди утешения тем, кто каялся в своих грехах и стыдился своей нечестивости. Ей несколько не мешал и жар пламени, поскольку огненный камень не излучал столь сильного жара. Императрица могла его вынести, потому что вода, пролитая на камень, внутренним движением превращается в пылающий огонь, вызванный естественными движениями камня, поэтому пламя слабее, чем если бы оно питалось каким-либо другим видом топлива. Другая часовня, где находился звездный камень, хотя и излучала сильный свет, но не грела, и Императрица казалась в ней ангелом. И поскольку первая часовня символизировала Ад, эта символизировала Рай. Таким образом, Императрица с помо-

щью искусства и собственной изобретательности не только обратила Пылающий мир в свою религию, но и удерживала его в постоянной вере без принуждения или кровопролития, ведь она хорошо знала, что веру нельзя навязать, а нужно вложить в умы мягкими убеждениями (*gentle persuasions*). Таким же образом она поощряла подданных ко всем другим обязанностям и занятиям, ведь страх хотя и заставляет людей повиноваться, все же не длится так долго и не является таким надежным средством удерживать в подчинении, как любовь.

Наконец, когда она увидела, что и Церковь, и государство хорошо организованы, она стала размышлять о мире, из которого пришла. Но, хотя у нее было огромное желание узнать, в каком состоянии он находится, она не могла придумать способа, как получить какие-либо сведения о нем. Наконец, после долгих серьезных размышлений, она поняла, что это невозможно сделать никакими другими средствами, кроме как с помощью нематериальных духов. Созвав самых ученых, остроумных и изобретательных представителей вышеупомянутых видов, она пожелала узнать, есть ли в их Мире какие-либо нематериальные духи⁵⁹⁸. Для начала, она спросила у людей-червяков, не встречались ли они им в недрах земли. Те ответили, что никогда не слышали о таких существах, поскольку все, что обитает в земле, является телесным и материальным. Затем она спросила людей-мух: «Видели ли вы духов в воздухе, ведь у вас много глаз, и вы способны воспринимать лучше, чем любые другие создания». На это люди-мухи ответили, что хотя духи, будучи нематериальными, не могут быть восприняты людьми-червяками, тем не менее они видели, что такие существа обитают в движущей силе воздуха (*the Vehicles of the Air*). Тогда Императрица поинтересовалась, есть ли возможность пообщаться с ними, и смогут ли они понять друг друга? «Духи всегда облачены в те или иные материальные одежды, – ответили люди-мухи, – а материя их тел по большей части состоит из воздуха. При случае они могли использовать другие материалы, но тем не менее не могли придать этим субстанциям форму или вид по своему пожеланию». Тогда Императрица спросила: нельзя ли ей познакомиться и побеседовать с ними? Люди-мухи ответили, что, по их мнению, это возможно.

⁵⁹⁸ Описание М. Кавендиш духов отражает ее полемику о существовании нематериальных тел со священнослужителем и членом Королевского общества Дж. Гленвиллом (1636–1680), о котором подробнее на с. 153 наст. изд.

Императрица приказала людям-мухам выяснить, не откажут ли духи нанести ей визит, что те и сделали. После того как духи представились (в каких формах и образах, я точно не могу сказать) и после взаимных комплиментов, Императрица сказала духам, что она не сомневается в их информированности, что она в этом Мире чужая. Они наверняка знают, каким чудесным образом она попала сюда, и, поскольку ей очень хочется узнать о состоянии мира, из которого она пришла, она просит духов рассказать о нем, особенно о тех его частях, где она родилась, выросла и получила образование, а также о ее друзьях и знакомых. Духи исполнили все это в соответствии с ее желанием. В конце концов после многих встреч Императрица к своему большому удовольствию получила от духов множество сведений.

Она осведомилась о самых известных студентах, писателях и философах-экспериментаторах своего мира, о которых и получила подробный отчет. Она поинтересовалась, не было ли еще тех, кто постиг еврейскую каббалу⁵⁹⁹? «Некоторые пытались добиться этого, – ответили духи, – но ближе всех подошли (хотя сами отрицали это) доктор Ди⁶⁰⁰ и Эдвард Келли⁶⁰¹. Один представлял Моисея⁶⁰², а другой Аарона⁶⁰³, поскольку Келли был для доктора Ди, как Аарон для Моисея. Тем не менее они считаются просто мошенниками и описаны одним из соотечественников, известным поэтом по имени Бен Джонсон⁶⁰⁴ в пьесе под названием «Алхимик», где он изобразил Келли в образе Капитана Фейса, а Ди в образе Доктора Субтла, а двух их жен – в образе Долл Коммон (Обыкновенной куклы) и Видоу (Вдовы). Под испанцем в пьесе он подразумевал испанского посла, а под сэром Эпикуром Маммоном – польского лорда. Императрица вспомнила, что видела этот спектакль, и спросила духов, кто имеет в виду под именем Анания. «Ревностные

⁵⁹⁹ Каббала – эзотерическое учение о возможном постижении тайных смыслов, зашифрованных в текстах, в данном случае в еврейской библии Танахе; получает распространение в Англии в XVI в. в трудах Дж. Ди и Э. Келли.

⁶⁰⁰ Джон Ди (1527–1608) – английский мыслитель, сочетавший в своих работах математику, географию и мистицизм. Утверждал, что открыл способ общения с духами.

⁶⁰¹ Эдвард Келли (1555–1597) – английский мистик и алхимик, также разрабатывавший способы общения с духами.

⁶⁰² Моисей – еврейский пророк, по мнению каббалистов, один из первых авторов библейских текстов, установивший тайные законы.

⁶⁰³ Аарон – старший брат и наставник Моисея.

⁶⁰⁴ Бен Джонсон (1572–1637) – английский драматург, приближенный семьи Кавендишей. В 1610 г. пишет пьесу «Алхимик», высмеивающую алхимические практики.

Братья (*Zealous Brethren*), – ответили ей, – встречающиеся в Голландии, Германии и некоторых других местах». Тогда она спросила, кто подразумевается под Аптекарем. «По правде, – ответили духи, – мы уже забыли, ведь пьеса была написана так давно и так давно не ставилась». «Но, неужели, – удивилась Императрица, – духи могут забывать?» «Да, – ответили они, – поскольку то, что было в прошлом, если оно не записано, остается лишь в памяти». «Я была уверена, – сказала Императрица, – что духи не нуждаются ни в памяти, ни в воспоминаниях и не могут стать жертвой забвения». «Как могли бы мы дать отчет о вещах настоящих, а тем более о незаписанных явлениях прошлого, – возразили они, – если бы у нас не было памяти?» «Знанием и пониманием настоящего», – предположила Императрица. Духи ответили, что современное знание и понимание – это действия или предметы современности, а не прошлого. «Но ведь вы можете видеть грядущее, не обращаясь к памяти или воспоминаниям, – заметила Императрица, – поэтому также без их помощи вы способны знать прошлое». Духи ответили, что их предвидение основано только на благоразумии и осторожном наблюдении, осуществляемом путем сравнения вещей или действий в прошлом с теми, что есть в настоящем, и эти воспоминания – не что иное, как повторение вещей или действий прошлого.

Тогда Императрица спросила духов, известно ли им о существовании тройственной каббалы⁶⁰⁵, на что те ответили, что Ди и Келли составили лишь двойственную каббалу, а именно Ветхий и Новый Завет. «Но другие, – продолжали они, – могут составить не просто двойную или тройную, а хоть шестидесятерную каббалу, если захотят». Императрица поинтересовалась, является ли она традиционной (*Traditional*), или просто библейской (*Scriptural*), буквальной (*Literal*), философской (*Philosophical*), или нравственной (*Moral*). «Одни считают ее традиционной, – ответили духи, – другие библейской, кто-то буквальной, а кто-то метафорической. Правда, каббала является скорее их комбинацией, частично традиционной, частично библейской, частично буквальной, частично метафорической». Затем Императрица поинтересовалась, является ли каббала произведением исключительно естественного разума или же результатом

⁶⁰⁵ Далее М. Кавендиш полемизирует с трактатом Генриха Мора «Каббалистическая гипотеза» (*Conjectura Cabbalistica*), опубликованном в 1653 г., подробнее о котором на с. 173 наст. изд.

божественного вдохновения. «Многие авторы каббалы, – ответили духи, – ссылаются на божественное вдохновение, но не нам судить, так это или нет. Единственное, что мы должны признать, что это работа, которая требует хорошего ума и крепкой веры, но не естественного разума, поскольку, хотя естественный разум наиболее убедителен, все же наличие веры является главным требованием для каббалистов». «Но, – возразила Императрица, – разве не существует божественного разума (*Divine Reason*), также как и естественного?» «Нет, – ответили духи, – ибо божественной может быть только вера, а что касается разума, то он бывает только естественным. Вы, смертные, так озадачены этой божественной верой и естественным разумом, что не способны их хорошо различить и смешиваете между собой. Вот почему у вас так много божественных философов (*divine Philosophers*), которые создают белиберду из разума и веры». Тогда она спросила: «Бывают естествоиспытатели каббалистами?» «Нет, – ответили духи, – ваши мистики или божественные философы проводят исследования за пределами чувства и разума». Тогда она спросила, есть ли в Боге какая-то каббала, или Бог полон идеи? На это ей ответили, что в Боге не может быть ничего, и Бог не может быть наполнен ничем – ни формами, ни образами, только самим собой, ибо Бог есть совершенство всех вещей и невыразимое существо, превосходящее представление о творении – естественном или сверхъестественном. «Тогда прошу сообщить мне, – сказала Императрица, – состоит ли еврейская каббала или какая-либо другая в числах?» «Нет, – ответили духи, – ибо числа случайны и различны и вызвали бы разногласия в каббале». «Но, – возразила она, – разве ни грешно не знать и не понимать каббалу?» «Бог так милостив и так справедлив, – сказали духи, – что никогда не проклянет невежд, спасая и тех, кто ошибочно полагает, что познал Его и Его заповеди (*secret Counsels*) с помощью каббалы. Он любит всех, кто поклоняется Ему со страхом, благоговением и чистым сердцем». Тогда она спросила, какая из двух каббал одобряется больше – естественная или теологическая. «Теологическая является мистической и принадлежит только вере, – ответили они, – но естественная подчинена разуму».

Затем она спросила: «Может ли божественная вера быть основана на разуме?» «Нет, – сказали духи, – ибо вера происходит только от спасительной божественной благодати, которая есть особый дар Божий». «Как же тогда получается, – удивилась она, – что люди, даже те, которые при-

держиваются разных мнений, в большей или меньшей степени имеют веру?» «Естественная вера, – отвечали они, – не есть божественная вера». «Но, – продолжала Императрица, – как можете вы быть уверены, что Бога нельзя познать?» «Мнения, которые вы, смертные, имеете о Боге, – ответили они, – являются достаточным тому свидетельством».

«Тогда прошу сообщить мне, – продолжала Императрица, решив не выпытывать у них о возможности познании Бога, – придаете ли вы, духи, движение природным телам». «Нет, – ответили те, – напротив, физические тела (*Natural material bodies*) дают нам движение, поскольку мы, духи, будучи бестелесными, можем перемещаться только с помощью телесных носителей, так что это мы движемся с помощью тел, а не тела с нашей. Чистые духи – неподвижны». «Если это так, – возразила Императрица, – как же получается, что вы можете двигаться столь стремительно на столь огромные расстояния?» Духи ответили, что некоторые виды материи являются более чистыми, редкими и, следовательно, более легкими и подвижными, чем другие, что и служит причиной их быстрых и спонтанных движений.

Императрица спросила их, способны ли они разговаривать без тела или его органов? «Нет, – ответили они, – и не можем иметь никаких телесных чувств, кроме знания». «Но способны ли вы, – не отставала Императрица, – обладать знанием без тела?» «Да, – сказали духи, – но не естественным, а сверхъестественным знанием, которое гораздо лучше, чем естественное». Тогда она спросила, имеют ли они общее или всеобщее знание (*General or Universal Knowledge*). Ей ответили, что у духов, созданных по отдельности, нет общего знания. Отдельное творение не может иметь абсолютного и совершенного знания всех вещей доступного только Богу. Императрица спросила, есть ли у духов внутренние и внешние части? «Нет, – ответили те, – поскольку части бывают у тел, а не у духов». Тогда она спросила, были ли их движущие силы живыми телами. Духи ответили, что это самодвижущиеся тела и поэтому они должны быть живыми, ведь безжизненные тела не могут двигаться сами по себе. «Раз так, – сказала она, – неминуемо следует, что это живое самодвижущееся тело дает движение духу, а не дух служит движущей силой тела». «Вы абсолютно правы, – согласились они, – об этом мы Вам и говорили раньше». Императрица спросила, из каких форм материи были эти тела? Духи ответили, что тела

могут быть разных форм – некоторые грубые и плотные, другие более чистые, редкие и тонкие. «Но если вы нематериальны, – возразила Императрица, – как тогда вы можете быть создателями (*Generators*) всех существ?» «Мы не более творцы материальных существ, – отвечали они, – чем они творцы нас». Императрица спросила, могут ли духи отказаться от своих телесных носителей. «Нет, – ответили они, – поскольку, будучи бестелесными, мы не можем покинуть их, но наши движущие тела действительно могут в зависимости от ситуации менять фигуру и форму».

Затем Императрица пожелала, чтобы духи рассказали, является ли человек микромиром (*little World*). «Если уж муха или червь являются микромирами, – ответили они, – то человек и подавно». Следующий вопрос она задала о том, были ли праотцы столь же мудрыми, как современные люди, и понимали ли они чувство и разум так же хорошо, как их понимают теперь. Духи ответили, что в прошлые века праотцы были столь же мудрыми, как и современные люди, даже мудрее, поскольку, продолжали они, многие в этом веке действительно думают, что их праотцы были дураками, чем и доказывают, что сами являются таковыми.

Затем Императрица спросила, встречается ли в природе пластическая сила (*Plastick power*)⁶⁰⁶. «Пластическая сила, – ответили духи, – неточное слово, означающее не более, чем силу телесных, образных движений природы». Тогда она пожелала, чтобы духи сообщили ей, где находится Рай – расположен ли он в центре Мира как центр наслаждений, или это и есть весь мир, или это своеобразный мир, представляющий жизнь, а не материю, или же это смешанный мир, подобный миру живых существ. Духи ответили, что Рай расположен не в том мире, из которого прибыла она, а в том, где она находится теперь, и это то же самое место, где она держит двор и где стоит ее дворец, расположенный посреди имперского города. Тогда Императрица спросила, могли ли животные в начале творения разговаривать. Ей ответили, что никакие звери не могут говорить, но только такие существа – как люди-рыбы, люди-медведи, люди-черви и им подобные, которые в первую эпоху говорили так же хорошо, как и сейчас.

⁶⁰⁶ Понятие «пластическая сила» использует в своих трудах представитель кружка Кембриджских неоплатоников Ральф Кедворт (1617–1688). В законченном виде его идеи изложены в трактате «Истинная разумная система Вселенной» (*The True Intellectual System or the Universe*), написанном в 60-е гг., но опубликованном только в 1678 г.

Императрица спросила, не они ли одни из тех духов, которые выгнали Адама из Рая, или, по крайней мере, запретили ему туда возвращаться. «Нет, – ответили они». Затем она пожелала узнать, куда бежал Адам, когда его изгнали из Рая. «Из мира, которым ты правишь, – сказали они, – в мир, из которого ты прибыла». «Если это так, – заметила Императрица, – то, конечно, те каббалисты, которые верят, что Рай есть мир жизни без материи, очень далеки от истины, ибо этот мир, хотя он бесконечно приятен и изобилен, все же не является миром одной нематериальной жизни, но миром живых материальных существ». «Так и есть, они, несомненно, заблуждаются, – ответили духи, – поскольку не вся каббала верна». «В рассказе о Сотворении мира упоминается, что Ева была искушена Змеем, но, – продолжала Императрица, – Дьявол ли был заключен в Змее или Змей искушал ее без участия Дьявола?» «Дьявол был заключен в Змее, – ответили они». «Но как же тогда случилось, – спросила она, – что Змей оказался проклят?» «За то, – сказали духи, – что Дьявол был в нем. Разве не находятся в опасности люди, в которых есть Дьявол, убеждающий их верить и поступать нечестиво?»

Далее Императрица спросила: «Являются ли свет и небеса одним целым?» Они ответили, что ту область, в которой находятся светящиеся природные сферы, смертные называют небесами, а Блаженное небо, обитель благословенных ангелов и душ, настолько далеко за его пределами, что несопоставимо ни с какими природными творениями. Тогда Императрица спросила, была ли изначально вся материя текучей? Духи ответили, что материя всегда была такой, какая есть, и некоторые ее части были редкими, некоторые плотными, некоторые жидкими, некоторые твердыми и т. д. Также и Бог не был обязан создавать всю материю текучей. Императрица спросила далее, была ли материя неподвижна сама по себе? «Мы уже ответили прежде, – сказали они, – что нет никакого движения, кроме как в материи, и, если бы не движение материи, мы, духи, не смогли бы двигаться и не смогли бы дать никаких ответов на Ваши вопросы». Затем Императрица спросила, была ли вселенная создана в течение шести дней, и подразумевались ли под этими шестью днями все божественные повеления и заповеди? Ей ответили, что мир создан всемогущим повелением Бога, но было ли ровно шесть повелений или приказов, меньше или больше, ни одно существо не могло дать точного ответа.

«Но, – спросила она, – нет ли тайны в числах⁶⁰⁷?» «Нет никакой иной тайны, – ответили духи, – кроме расчета или счисления, ведь числа – это всего лишь знаки для памяти». «А что вы думаете о числе четыре, – продолжала она, – о котором столько говорят каббалисты; и о числе десять, ведь они говорят, что десять – это целое число (*Ten is all*), и что все числа фактически заключаются в числе четыре?» «Мы думаем, – ответили они, – что каббалистам больше нечем заняться, кроме как утруждать себя такими бесполезными фантазиями, поскольку, естественно, в числах нет такого понятия, как простое или целое (*Prime, or All*). Нет в числах никакого секрета, кроме того, что творит человеческая фантазия, но что люди называют простым или целым, мы не знаем, потому что они не сходятся в своих мнениях». Тогда Императрица спросила, было ли число шесть символом брака, поскольку состоит из мужского и женского, ибо два на три равно шесть. «Если какое-либо число и может быть символом брака, – ответили духи, – то это не шесть, а два. Если двое позволят себе быть числом, ибо акт брака состоит в соединении двух в одно». Тогда Императрица спросила, что они могут сказать о числе семь – не является ли оно эмблемой Бога, поскольку каббалисты утверждают, что оно не рождено и не порождает никакого другого числа. «Не существует никакой эмблемы Бога, – ответили духи, – ведь если мы не знаем, что такое Бог, как мы можем сделать ему эмблему? В Боге нет числа, ибо Бог есть само совершенство, но числа несовершенны. А что касается порождения чисел, то это происходит посредством умножения и сложения, а вычитание – для чисел это своего рода смерть». «Но если в числах нет тайны, – возразила Императрица, – то напрасно относить сотворение мира к определенным числам, как это делают каббалисты». «Единственная тайна чисел, – отвечали духи, – касающаяся сотворения мира, заключена в том, что числа умножаются так же, как умножается и мир». «Насколько же умножились числа?» – спросила Императрица. «До бесконечности», – ответили те. «Но, – возразила она, – бесконечность нельзя ни сосчитать, ни исчислить. Также как не могут быть исчислены и части вселенной, ведь сотворение, будучи бесконечным действием (*Infinite Power*), происходящим от бесконечной силы, не может опираться на конечное число творений, даже если бы оно никогда и не было столь велико».

⁶⁰⁷ Вопросы, заданные героиней, оспаривают тезисы Г. Мора, касающиеся существования Души природы, бесплотных духов, скрытых смыслов, заложенных в числах и т. д.

«Но, – оставив тайну чисел, продолжила Императрица, – позвольте мне теперь узнать, были ли звезды и планеты созданы небесами или эфирной материей». Духи ответили, что звезды и планеты состоят из той же материи, что небеса, эфир и другие творения природы, но являются ли они порождением неба или эфира, этого они сказать не могли. «Если и так, – сказали духи, – то они не такие, как их родители, ведь Солнце, звезды и планеты еще великолепнее, чем эфир, и к тому же, более твердые и постоянные в своих движениях. Но допустим, звезды и планеты были созданы небесами и эфирной материей, тогда встает вопрос: из какого материала они возникли? Допустим, они созданы из ничего. Вероятно, Солнце, звезды и планеты таковы, и, более того, это даже более вероятно для звезд и планет, чем для небес или текучего эфира, по причине, что звезды и планеты кажутся более далекими от гибели, чем отдельные части эфира, поскольку, несомненно, части эфирной материи преобразуются в несколько форм, чего мы не встречаем у звезд и планет».

Императрица спросила, могут ли они рассказать ей о трех началах человека, описанных в учении платоников – об интеллекте, духе или божественном свете; о душе человека и ее «Я»; и, наконец, об образе души, то есть о ее жизненном действии на тело. Духи ответили, что не понимают этих различий, поскольку они кажутся телесному чувству и разуму тремя отдельными телами или тремя отдельными телесными действиями. «Однако, – сказали они, – это запутанные концепции ошибочных фантазий». «Если вы их не понимаете, – возразила Императрица, – на чем тогда основаны действия человеческих существ?» Духи ответили, что многие из современных и древних философов, стремятся выйти за границы чувства и разума, что заставляет их совершать нелепости, ведь ни одно телесное существо не может выйти за их пределы. «Также и мы, – сказали духи, – находимся в наших телесных носителях».

Тогда Императрица спросила: «Есть ли на свете атеисты?» Духи ответили, что атеистов не больше, чем каббалистов. Тогда Императрица спросила, являются ли духи шаровидными или круглыми. Те ответили, что фигуры свойственны телам, они же, будучи нематериальными, не имеют подобных форм. «Но не подобны ли духи воде или огню? – продолжала расспрос Императрица. Духи ответили, что вода и огонь материальны – будь даже они хоть самыми чистыми, тонкими и даже тоньше небес. «Мы не более подобны воде или огню, – ответили они, – чем земле,

однако наши носители (*Vehicles*) имеют разные формы, фигуры и степени». Тогда Императрица пожелала узнать, состоят ли их носители из воздуха. «Да, – ответили духи, – некоторые из наших движущих тел состоят из разреженного воздуха». «Тогда полагаю, – заключила Императрица, – что эти воздушные средства служат вам легкими костюмами».

Она спросила, нет ли у духов восходящих и нисходящих движений, как у других существ. Те ответили, что в бесконечной природе нет ни восхождения, ни нисхождения самого по себе, но только по отношению к отдельным частям. «А что касается нас, – продолжили духи, – мы не можем ни восходить, ни спускаться без телесных проводников, и так же не могут наши носители, но только в соответствии с их формами и строением, ибо не может быть движения без тела». Тогда Императрица спросила, не существует ли мира духов, подобного миру материальных существ? «Нет, – ответили они, – поскольку слово “мир” подразумевает некоторое количество или множество телесных существ, но мы, будучи нематериальными, не можем создать никакого мира духов».

Затем Императрица пожелала узнать, когда произошло сотворение духов. «Мы не знаем, – сказали те, – как и когда мы были созданы, и мы не особенно пытаемся выяснить это, ведь даже если бы мы это знали, ни нам, ни вам, смертным, не было бы от этого никакой пользы». «Каббалисты и божественные философы (*Divine Philosophers*), – продолжила Императрица, – утверждали, что разумные души людей нематериальны, и столь же нуждаются в телесных носителях, как и духи». «Если бы это было так, – ответили духи, – вы бы были гермафродитами природы, но ваши каббалисты ошибаются, ибо принимают за бестелесных духов самые чистые и тонкие частицы материи». Тогда Императрица пожелала узнать, попадают ли души смертных в Рай или в Ад, когда выходят из своих тел, или же остаются в своих воздушных носителях? На это ей ответили, что божественная справедливость и милосердие совершенны, а не ущербны. «Но если вы, смертные, – сказали духи, – желаете иметь средства передвижения для своих душ и место между небесами и Адом, то этим местом должно быть Чистилище, являющееся местом очищения, где огонь более востребован, чем воздух. Поэтому движущие силы душ, находящиеся в Чистилище, не могут быть воздушными, но будут огненными. Таким образом, есть только четыре пристанища для человеческих душ – Рай,

Ад, Чистилище и этот Мир, а что касается их движущих тел, то это всего лишь фантазии, а не конечные истины».

«Где же находятся Рай и Ад?» – поинтересовалась Императрица. «Христос Спаситель, – ответили духи, – известил вас, что есть Рай и Ад, но не сказал, где они расположены, поэтому для вас, смертных, слишком самонадеянно спрашивать об этом. Достаточно того, что вы только и стремитесь попасть на небеса, хотя не знаете, где они и что это, ибо это выше вашего знания и понимания». Удовлетворившись их ответом, Императрица спросила, имеются ли у душ формы и характеры. Те ответили: «Где нет тела, не может быть и формы». Тогда она спросила, бывают ли духи нагими, и имеют ли они темный или светлый цвет. «Что касается нашей наготы, то это очень странный вопрос, – сказали духи, – и мы не знаем, что Вы подразумеваете под нагим духом, поскольку судите о нас, как о телесных созданиях, а что касается цвета, то он зависит от наших носителей, ибо цвет принадлежит телу, и как тело не может быть бесцветным, так и цвет бестелесным».

Затем Императрица пожелала узнать, все ли души возникли при начальном сотворении мира. «Мы знаем не больше о происхождении человеческих душ, чем о происхождении своих собственных», – ответили духи. Тогда она спросила: не тягостны ли человеческие тела для человеческих душ? Духи ответили, что тела делают души активными, поскольку придают им движение и, если действия доставляют душам хлопоты, то и тела тоже. «Но, – спросила Императрица, – избирают ли души свои тела?» «Платоники верят, – сказали духи, – что души влюбленных живут в телах своих возлюбленных, но, конечно же, если в материальном мире существует множество душ, они не могут обходиться без тел, ведь как только душа отделяется от одного тела, она немедленно входит в другое, а души, не имеющие собственного носителя, неизбежно должны быть облачены или воплощены в иных частях материи». «Если это так, – сказала Императрица, – прошу ответить, всякая ли материя одухотворена». Духи сказали, что не могут знать точно, но если это правда, что материя не имеет другого движения, кроме исходящего от духовной силы, и что вся материя подвижна, то ни одна душа не может покинуть тело, но может только по необходимости войти в другое одушевленное тело, и тогда в одном теле будут пребывать две нематериальные субстанции. «Но, – удивилась Императрица, – разве могут две души пребывать

в одном теле?» «Что касается нематериальных душ, – ответили духи, – это невозможно, поскольку в одном неодоушевленном теле не может быть две нематериальные души, ведь будучи бестелесными они нуждаются в отдельном месте, но может быть множество материальных душ в одном множественном теле, по причине того, что каждая часть материи имеет естественную материальную душу, так как природа есть не что иное, как одно бесконечное самодвижущееся, живое и самопознающее тело, состоящее из трех уровней неодоушевленной, чувствительной и разумной материи, настолько перемешанных между собой, что ни одна часть природы, пусть даже и атом, не может быть лишена какой-либо из этих трех степеней. Чувствительная – жизнь, разумная – душа и неодоушевленная часть – тело бесконечной природы».

Императрицу очень порадовал этот ответ, и она спросила, не души ли дают телам жизнь. «Нет, – ответили ей, – так как духи и божественные души имеют собственную жизнь, которой невозможно поделиться, поскольку она чище естественной жизни, ведь духи бестелесны, а следовательно, неделимы». «Мне кажется, – заметила Императрица, – когда душа находится в своем носителе, она подобна Солнцу, а носитель подобен Луне». «Нет, – ответили духи, – напротив, носитель подобен Солнцу, а душа – Луне, ибо душа берет движение от тела, как Луна получает свет от Солнца».

Тогда Императрица спросила, злой ли дух соблазнил Еву и навел все беды на человечество или же это был Змей? Духи ответили, что они не могут совершать настоящего зла. «Но, – возразила Императрица, – вы можете сделать это путем убеждения». «Убеждение является действием, – ответили те». Императрица, не удовлетворившись этим ответом, спросила, существует ли сверхъестественное зло? Духи ответили, что существует сверхъестественное добро, которое есть Бог, но они не знают никакого сверхъестественного зла равного Богу. Тогда Императрица пожелала узнать, относятся ли злые духи к диким зверям? Ей ответили, что многие дикие звери безобидны и полезны для человека и, хотя некоторые считаются свирепыми и жестокими, как правило, они проявляют жестокость к другим созданиям только чтобы добыть пищу и удовлетворить естественный голод. «Но, конечно, – продолжали духи, – вы, люди, более жестоки друг к другу, чем злые духи к вам. А что касается до их жилищ, расположенных в пустынных местах, то мы, не имея с ними связи, не можем дать об этом точного отчета».

«А что вы думаете о добрых духах, – спросила Императрица, – разве их нельзя сравнить с парящими птицами?» «В воздухе много жестоких и хищных птиц, – ответили они, – как и свирепых и жестоких зверей на земле, так что хорошее всегда смешивается с плохим». Тогда она спросила, являются ли огненные движущие тела (*fiery Vehicles*) – Раем, Адом или, по крайней мере, Чистилищем для душ? Те ответили, что, если бы души были нематериальны, они бы не могли гореть, и пламя не причинило бы им ни малейшего вреда и, хотя Ад считается неугасимым и неукротимым пламенем, тем не менее на небесах огня нет. Императрица возразила, что небо является светом. «Да, – подтвердили духи, – но не огненным светом».

Затем она спросила, вынуждают ли различные формы и виды носителей быть души несчастными или счастливыми? «Носители, – ответили духи, – не делают их ни лучше, ни хуже, ведь, хотя некоторые тела и могут иногда иметь власть над другими, те в свою очередь могут получить некоторую власть над ними в соответствии с преимуществами и недостатками отдельных естественных частей». Тогда Императрица спросила, происходит ли животная жизнь из мира духов и возвращается ли туда вновь? Духи ответили, что не могут знать этого точно, но если это так, то, конечно, животные должны оставлять тела после себя, иначе их тела сделали бы мир духов смешанным, то есть частично материальным. «Истина в том, – сказали они, – что духи, будучи нематериальными, не могут должным образом создать мир, поскольку он принадлежит плотским, а не бестелесным существам». «Неужели, – изумилась Императрица, – не может быть мира живых существ и форм без материи?» «Нет, – ответили духи, – как и материального мира без живых существ и форм, ибо естественная жизнь и форма не может быть нематериальной, равно как и материя не может быть неподвижной, поэтому естественная жизнь, форма и материя неразделимы».

Тогда Императрица спросила, питался ли первый человек лучшими плодами земли, пока звери питались худшими? Духи ответили, что, если диких зверей не ограждать от обрабатываемых полей и садов, они будут, как и люди, отбирать и срывать лучшие плоды. «Вы можете легко заметить это у белок и обезьян, которые являются лучшими собирателями орехов и яблок, – сказали они. – Птицы собирают и питаются самыми вкусными плодами, а черви – лучшими корнями и самыми вкусными

травмами, из чего вы можете сделать вывод, что эти существа живут и питаются лучше, чем люди, но вы полагаете, что искусственная кухня лучше и полезнее, чем естественная».

«Но дал ли первый человек имена всем видам морских и речных рыб?» – не унималась Императрица. «Нет, – ответили духи, – поскольку он был существом земным, а не водным, и не мог знать столько видов рыб». «Но, – возразила Императрица, – он был не более воздушным существом, чем водным, и тем не менее дал имена нескольким видам домашних и диких птиц». «Птицы, – ответили Духи, – являются отчасти воздушными, а отчасти земными существами и не только потому, что они напоминают зверей и людей по строению, но и потому, что места их отдыха и гнездования находятся на земле, где они строят дома, откладывают яйца и высиживают детенышей». Тогда Императрица спросила, дал ли первый человек имена существам, живущим на земле? «Да, – ответили духи, – всем, которые были представлены ему, то есть всем первородным, но не абсолютно всем, ведь людей сначала было только двое и по мере того, как число их умножалось, увеличивалось и количество имен». «Но, – возразила Императрица, – кто тогда дал названия разным видам рыб?» «Человеческое потомство», – ответили духи. Тогда Императрица спросила, не стало ли теперь больше видов живых существ, чем при первом творении? Духи ответили, что раньше было не больше и не меньше видов живых существ, чем сейчас, но, без сомнения, сейчас существуют более своеобразные виды, чем тогда. Императрица спросила, все ли существа, которые были в Раю, были также и в Ноевом ковчеге? Духи ответили, что основные виды были там, но не все.

Затем она пожелала узнать, как случилось, что и духи, и люди, некогда пребывавшие в блаженстве, дошли до столь печального состояния и положения, в котором находятся сейчас. Духи ответили, что это произошло из-за непослушания. «Но откуда происходит этот грех, – спросила она». Однако духи пожелали, чтобы Императрица не задавала им вопросов, выходящих за пределы их понимания. Императрица просила простить ее самонадеянность, и заметила, что быть любознательным заложено в человеческой природе. «Естественное стремление к знанию, – ответили духи, – не заслуживает порицания, так как Вы не выходите за пределы того, что может постичь ваш естественный разум». «Тогда я больше не буду задавать вопросов, – сказала Императрица».

«Я могу совершить ошибку, – призналась она, – но не могу не спросить об одном». «О чем же?» – заинтересовались духи. «У меня есть сильное желание заняться каббалой», – призналась она. «Какой именно?» – спросили они. «Еврейской», – ответила Императрица. Не успела она договорить, как духи исчезли из поля ее зрения. Это так поразило Императрицу, что она на некоторое время впала в ступор.

Придя в себя, она стала усердно размышлять, что могло послужить причиной столь странного бедствия. Сначала она предположила, что духи устали от ее вопросов, но придя к выводу, что они не могут устать, она решила, что не в этом была истинная причина их исчезновения. После длительных рассуждений и споров с самой собой, она убедила себя, что духи допустили какую-то ошибку в своих ответах, и за это были приговорены к самым низким и темным носителям. Это убеждение столь прочно укоренилось в ее уме, что привело в весьма меланхоличное расположение духа. Тогда она отправила за людьми-мухами и людьми-червями, объявив им причину своей печали. «Не столько, – сказала она, – исчезновение этих духов делает меня несчастной, сколько то, что я буду причиной их жалкого положения, и что эти безобидные духи должны из-за меня погрузиться в темную и непроглядную бездну земли». Люди-черви утешили Императрицу, сказав, что земля не такое ужасное жилище, как она себе представляет, поскольку не только все минералы и растения, но и некоторые виды животных могут свидетельствовать, что земля – теплое, плодородное, тихое, безопасное и счастливое жилище. Хотя им и не хватает солнечного света, все же они пребывают не в абсолютной мгле, ведь даже внутри земли есть свет, посредством которого видят обитающие в ней существа. Этот ответ немного успокоил Ее Величество, но все же, желая убедиться, где и в каком состоянии пребывают эти духи, она приказала людям-мухам и людям-червям приложить все усилия к их поиску. Люди-черви зарылись под землю, а люди-мухи взмыли в воздух.

Вскоре вернувшись, люди-черви поведали Императрице, что, когда они были под землей, они осведомлялись у всех существ, с которыми им доводилось встретиться, не встречал ли кто из них тех или иных духов. Наконец, добравшись до самого центра земли, им удалось узнать, что эти духи пробыли там какое-то время, но в конце концов ушли к антиподам на другую сторону Земного шара, диаметрально противоположную этой. Люди-мухи, вторя людям-червям,

заверили Ее Величество, что их сведения совершенно верны, поскольку они обогнули землю, и, когда добрались до антиподов, нашли духов в отличном состоянии и сообщили им, что Ваше Величество очень обеспокоено их внезапным уходом и опасается, что им пришлось быть погребенными во мраке земли. На это духи ответили, что сожалеют о том, что причинили такую печаль и беспокойство Ее Величеству, и просили передать, что они не боятся тьмы, поскольку их носители состоят из такого же вещества – как кошачьи глаза, хвосты светлячков или гнилое дерево, неся с собой их свет, и они готовы оказать Вашему Величеству любую возможную помощь в создании каббалы. Императрица была чрезвычайно рада этим ответам и щедро наградила своих людей-мух и людей-червей.

Вскоре после того, как духи обновили (*refreshed*) себя в своих носителях, они послали одного из самых проворных, спросить Императрицу, желает ли она завести писаря или планирует составлять каббалу самостоятельно? Императрица приняла предложение со всей любезностью и сказала, что ей нужен писарь из духов (*a Spiritual Scribe*). Ей возразили на это, что духи могут диктовать, но не записывать, если только не будут управлять рукой или же всем телом человека. «Но как духи могут обряжаться в рукавицы из плоти?» – воскликнула Императрица. «Также, – ответили ей, – как человек может надевать стальные перчатки». «Если это так, – сказала Императрица, – то у меня будет писарь». Тогда дух спросил ее: «Желает ли она иметь душу живого или мертвого человека?» «Неужели, – спросила Императрица, – душа может покинуть живое тело, скитаться и даже путешествовать?» «Да, – подтвердил он, – ведь согласно учению Платона, существует диалог душ, и души любящих живут в телах своих возлюбленных». Императрица ответила, что тогда у нее будет душа какого-нибудь известного древнего писателя – Аристотеля, Пифагора, Платона, Эпикура или подобного им⁶⁰⁸. Дух заметил, что эти знаменитые люди были знающими, чуткими и изобретательными писателями, но настолько привязанными к собственным мнениям, что у них ни за что не хватило бы терпения стать писарями. «Тогда, – сказала она, – я заполучу душу кого-нибудь из самых известных современных писателей, таких как Галилей, Гассенди, Декарт, Гельмонт,

⁶⁰⁸ М. Кавендиш перечисляет имена древнегреческих философов, каждый из которых сформулировал свою натурфилософскую концепцию устройства мира.

Гоббс, Г. Мор и т. д.⁶⁰⁹». «Это прекрасные и искусные писатели, – ответил дух, – но настолько самонадеянные, что не пожелают быть писарями у женщины. Но, – продолжил он, – есть одна дама – герцогиня Ньюкасл, которая, хотя и не из самых образованных, красноречивых, остроумных и изобретательных, но простой и сознательный писатель, поскольку принцип ее трудов – чувство и разум (*Sense and Reason*), и она, несомненно, будет готова оказать вам всю возможную помощь». «Тогда, – заявила Императрица, – эту госпожу я и сделаю своим писцом, к тому же у Императора не будет причин ревновать, поскольку она принадлежит к моему полу». «Действительно, – сказал дух, – у мужей есть основания для ревности к платоническим любовникам. Ведь они очень опасны, будучи не только близкими и привязанными друг к другу, но и коварными». «Вы говорите верно, – согласилась Императрица, – поэтому я прошу прислать мне душу герцогини Ньюкасл, что дух и сделал».

При появлении герцогини при дворе Императрица обняла ее и поприответствовала душевным поцелуем (*a Spiritual kiss*). Затем спросила, может ли та писать? «Да, – ответила душа герцогини, – но не так профессионально, чтобы любой смог понять, что написано. Можно только научиться различать мои символы, ведь мои буквы больше похожи на символы». «Вас рекомендовал мне честный и остроумный дух», – сказала Императрица. «Но, конечно, – заметила герцогиня, – дух не ведает о моем почерке». «Действительно, – продолжала Императрица, – он не упомянул о вашем почерке, но сообщил, что в основе вашего письма – чувство и разум, и, если вы можете написать так, чтобы любой из моих секретарей смог изучить ваш почерк, они переписут все начисто». Герцогиня ответила, что не возражает, потому что его можно быстро освоить. «Но, – спросила она, – что же Ваше Величество желает написать?» «Еврейскую каббалу», – ответила Императрица. «Единственный способ сделать это, – заметила герцогиня, – заполучить душу какого-нибудь знаменитого еврея. Более того, если Ваше Величество пожелает, вы сможете легко заполучить душу Моисея или любого другого». «Этого не может быть, – возразила Императрица, – потому что ни одному смертному не ведомо, где находится Моисей». «Человеческие души бессмертны, – сказала герцогиня, – однако, если ее будет слишком трудно заполучить, вы можете

⁶⁰⁹ Европейские философы XVII в. с концепциями которых М. Кавендиш дискутирует в своих натурфилософских произведениях.

взять душу одного из главных раввинов или мудрецов колена Леви, которая обучит вас этому таинству, в противном случае, вы будете сомневаться и, тысяча к одному, допустите грубые ошибки». «Нет, – ответила Императрица, – поскольку меня будут наставлять духи». «Увы, – сказала Герцогиня, – во многих случаях духи так же невежественны, как и смертные, ибо никакие сотворенные духи не обладают общим или абсолютным знанием. Они не могут знать хода человеческих мыслей, а тем более тайн Великого творца, если только Ему не угодно будет вдохнуть в них дар божественного знания». «Тогда прошу вас, – взмолилась Императрица, – позвольте мне посоветоваться с вами». «Если Вашему Величеству будет угодно прислушаться к моим советам, – ответила герцогиня, – я бы хотела, чтобы вы оставили эту идею, ибо она не принесет пользы ни вам, ни вашему народу, если вы не принадлежите к иудеям (*Jews Religion*). Более того, если бы вы и были таковой, простонародное толкование Священного Писания было бы более поучительным и более верным, чем мистический способ его толкования. Ведь если бы оно было лучше и полезнее для спасения иудеев, несомненно, Моисей собственным толкованием спас бы этот труд для последующих веков, будучи не только мудрым, но и очень честным, ревностным и религиозным человеком. Лучший путь, – продолжала она, – состоит в том, чтобы верить в буквальный смысл Писания. Не толковать все подряд по собственному усмотрению, а предоставить эту работу ученым или тем, кому больше нечем заняться. Я также не думаю, что Бог проклянет тех, кто окажется невежественен в этом, и не допустит, чтобы их души были заблудшими из-за отсутствия мистического толкования Писания»

«Тогда, – сказала Императрица, – я оставлю Писание и займусь философской каббалой». Герцогиня заметила, что смысл и разум расскажут ей о природе столько, сколько нужно знать, а что до чисел, то они бесконечны, однако добавление бессмыслицы к бесконечности привело бы к путанице, особенно в человеческом понимании. «Тогда, – сказала Императрица, – я составлю моральную каббалу». «Единственное, что требует нравственность, – ответила герцогиня, – бояться Бога и любить ближнего, и это не нуждается в дальнейшем толковании». «Тогда я составлю политическую каббалу», – сказала Императрица. Герцогиня ответила, что главное и единственное основание власти – наказание и похвала, которые не требуют дальнейшей каббалы. «Но, – сказала она, – если Ваше Величество

решилось составить каббалу, я бы посоветовала вам составить лучше поэтическую или романтическую⁶¹⁰ (*Romancical*) каббалу, в которой вы можете использовать метафоры, аллегории, подобию и т. д. и интерпретировать их, как угодно». Императрица поблагодарила герцогиню и, обняв ее душу, сказала, что принимает этот совет. Она сделала ее своей фавориткой, оставив на какое-то время в своем мире, чтобы герцогиня узнала и смогла распространить сведения обо всем, что происходило в этом богатом, изобильном и счастливом мире. Через некоторое время Императрица разрешила ей вернуться к мужу и близким в ее родной мир, но с условием, что ее душа время от времени должна навещать, что та и делала. И действительно, их встреча породила такую близкую дружбу, что они стали платоническими любовниками, хотя обе были женщинами.

Однажды, когда душа герцогини была с Императрицей, она выглядела настолько грустной и меланхоличной, что та страшно обеспокоилась и пожелала узнать о причине ее меланхолического настроения? «По правде говоря, – сказала герцогиня (ведь между милыми друзьями нет тайн, так как они подобны нескольким частям единого тела), – моя меланхолия проистекает из чрезвычайного честолюбия». Тогда Императрица спросила, каковы были ее амбиции? Герцогиня ответила, что ни она сама, ни какое-либо существо в мире не в состоянии знать ни высоты, ни глубины, ни широты ее честолюбия, ведь ее настоящее желание состоит в том, чтобы стать великой принцессой. Императрица ответила, что та и так является принцессой, ведь она принцесса в четвертой или пятой степени, поскольку герцог или герцогиня являются высшим титулом или званием, которое может быть достигнуто подданными и является ближайшим к титулу короля, а что касается звания принца или принцессы, то оно принадлежит всем наследникам короны, так что те, кто могут добавить корону к своему гербу, являются принцами, и, следовательно, герцог является титулом выше принца, к примеру герцог Савойский, герцог Флорентийский, герцог Лотарингский, а также королевские братья именуются не князьями, а герцогами, поскольку это высший титул. «Это так, – сказала герцогиня, – если только это не старшие сыновья королей, а они рождаются принцами». «Да, – согласилась Императрица, – но ни один государь не делает подданного равным себе, каковыми отчасти являются старшие сыновья короля. И хотя некоторые герцоги являются суверенами, я слышала,

⁶¹⁰ См. заметку «Что такое романтика» на с. 196 наст. изд.

что принц по своему титулу также является сувереном, потому что титул принца является скорее почетным титулом, чем символом власти, ведь, как я уже говорила, он принадлежит всем отпрыскам короны».

«Что ж, – сказала герцогиня, уходя от этой темы, – мое стремление состоит в том, что я хотела бы стать такой, как вы, то есть Императрицей Мира, и никогда не успокоюсь, пока не стану ей». «Я вас так люблю, – ответила Императрица, – что от всей души желаю осуществить свое честолюбивое стремление и не премину дать вам лучший совет, как добиться этого. Мои лучшие информаторы – нематериальные духи, скоро сообщат о возможности исполнить ваше желание». «Но, – сказала герцогиня, я едва знакома с ними, ведь не встречала ни одного до того, как вы послали за мной». «Зато они знакомы с вами, – ответила Императрица, – поскольку сами рассказали мне о вас и были средством и орудием вашего прибытия сюда. Я посоветуюсь с ними и выясню, нет ли другого Мира, в котором вы могли бы стать Императрицей, как я в этом».

Не успела Императрица сказать это, как нематериальные духи предстали перед ней. Она поинтересовалась, существует ли всего три мира – Пылающий, в котором она находилась; мир, из которого она пришла; и мир, где жила герцогиня? Духи ответили, что миров гораздо больше, чем звезд в трех упомянутых мирах. Тогда Императрица спросила, возможно ли, чтобы ее дражайшая подруга, герцогиня Ньюкасл, стала Императрицей одного из них? Духи сказали, что, хотя существует множество и даже бесконечное количество миров, тем не менее все они уже управляются кем-то. Но разве нет среди этих миров настолько слабого, сказала она, чтобы его можно было заставить врасплох и покорить? Духи ответили, что Мир светил (*World of Lights*) Лукиана⁶¹¹ некоторое время был в запустении, но в последние годы некий Гельмонт⁶¹² завладел им, и, будучи его императором, так укрепил его бессмертные части своими смертными трудами, что до сего времени он остается неприступным. «Однако, – сказала Императрица, если существует бесконечное число миров, я уверена, что не только моя подруга герцогиня, но и любой другой может завладеть одним из них». «Да, – подтвердили духи, – если бы эти

⁶¹¹ Возможно, имеется ввиду Мир Луны и Солнца, описанный Лукианом в «Правдивой истории».

⁶¹² Ян Ван Гельмонт (1580–1644) – алхимик и физиолог, сторонник идеи произвольного самозарождения, существования жизненных духов, а также сверхъестественной силы воображения, разработал собственное корпускулярное учение о материи.

миры были необитаемы, но они так густонаселены, как и Мир, в котором правит Ваше Величество». «Разве невозможно завоевать мир?» – удивилась Императрица. «Возможно, – ответили духи, – но по большей части завоеватели редко получают удовольствие от завоеваний, поскольку их больше боятся, чем любят и чаще всего они несвоевременно погибают». «Если вы только укажете мне, – взмолилась герцогиня, – какой мир легче всего завоевать, Ее Величество поможет мне средствами, и я доверюсь судьбе и удаче, так как скорее умру в благородных приключениях, чем буду жить в безвестности и в унылой безопасности. Удел одних – жить во славе, других – быть погребенными в безвестности». Духи ответили, что жизнь славы похожа на другие жизни, иногда она живет долго, иногда вскоре умирает. «Это так, – согласилась герцогиня, – но все же самая недолговечная слава длится дольше, чем самая долгая жизнь человека». «Но, – возразили духи, – если случай не поможет, вам придется довольствоваться тем, что вы проживете без таких достижений, которые могут принести славу. Но удивительно, что вы желаете быть Императрицей земного мира, когда можете создать себе мир небесный. «Неужели, – удивилась Императрица, – любой смертный может быть творцом?» «Конечно, – ответили духи, – поскольку каждый может создать нематериальный мир, населенный нематериальными существами и нематериальными объектами, подобными нам, и все это в границах собственной головы. Он может создать мир, какой пожелает, с каким угодно правительством, и наделить его существа такими движениями, строениями, формой, цветами, восприятием и т. д., какими ему заблагорассудится; создать водовороты, огни, давления и реакции и т. д. Более того, он может создать мир полный вен, мышц и нервов, и все они будут двигаться как по щелчку. К тому же он может изменять этот мир так часто, как ему вздумается, или превратить его из мира естественного в мир искусственный. Он может создать мир идей, атомов, огней – любой на который способна его фантазия. И поскольку в ваших силах создать такой мир, к чему вам рисковать жизнью, репутацией и спокойствием, чтобы завоевать грубый мир материи? Вы не можете наслаждаться материальным миром сильнее, чем любое другое существо, а это лишь малость, учитывая размеры такого мира, и вы можете ясно заметить это на примере вашей подруги, Императрицы, которая, хотя и владеет целым миром, но пользуется лишь его частью, и не так хорошо знакома

с ним, чтобы знать все места, страны и владения, которыми управляет. Правда в том, что у суверенных монархов одна проблема – подданные наслаждаются благами и удовольствиями в разных частях королевства, ибо невозможно, чтобы все королевство или даже страна давала все блага только одному человеку, если только он не приложит усилий, чтобы путешествовать во все части и терпеть неудобства постоянных переездов. Поскольку слава, удовольствие и наслаждение живут только в чужих мнениях и не могут ни успокоить ваш ум, ни укрепить ваше тело, почему вы должны желать быть Императрицей материального мира и утруждать себя правительственными заботами? Создав мир внутри себя, вы сможете наслаждаться всем – как целым, так и частями, без малейшего труда. Создавайте какой угодно мир, изменяйте его по вашему усмотрению и наслаждайтесь таким количеством удовольствий и благ, какое он может вам предоставить».

«Вам удалось отговорить меня от честолюбивого замысла, – призналась герцогиня, – а потому я последую вашему совету и откажусь от всех миров, в которых меня нет, и создам свой собственный». «Если я создам такой мир, – заметила Императрица, – то буду владычицей двух миров – одного внутри меня, а другого – снаружи». «Это по силам Вашему Величеству, – сказали духи, – и, таким образом, предоставили двум дамам возможность создать внутри себя миры, которые были отделены друг от друга пока не достигли совершенства. Герцогиня Ньюкасл усердно и прилежно создавала свой мир, ведь прежде своего мира у нее не было. Сначала она решила устроить его в соответствии с концепцией Фалеса, но обнаружила, что демоны не дают ей действовать самостоятельно, заставляя подчиняться их приказам и командам, чего она делать не желала⁶¹³. Она перестала создавать такой мир, и начала творить его в соответствии с учением Пифагора, однако при сотворении была так озадачена числами и тем, как упорядочить и составить его части, что, не имея навыков в арифметике, была вынуждена также воздержаться от его создания⁶¹⁴. Тогда она решила создать мир в соответствии с идеями Платона, но нашла в этом больше хлопот и трудностей, чем в создании двух пре-

⁶¹³ Фалес Милетский (ок. 624–545 до н. э.), один из первых философов-досократиков, утверждал, что Бог есть разум мира, весь мир одушевлен и полон демонов.

⁶¹⁴ Древнегреческий мыслитель Пифагор (ок. 570 – ок. 490 до н. э.) структурировал космос в соответствии с моральными принципами и числовыми соотношениями.

дыдущих, поскольку многочисленные идеи не имели никакого другого движения, кроме того, что шло из ее разума, откуда они действительно вытекали и исходили, делая возможность сообщить им движение более трудной, чем возможность мастера марионеток придать движение каждой отдельной кукле⁶¹⁵. Это было так сложно, что она не смогла вынести неудобств, причиняемых этими идеями. Тогда она уничтожила и этот мир и решила создать новый согласно учению Эпикура. Вскоре она взялась за его создание, но бесконечные атомы вызвали такой туман, что он совершенно затмил ее разум⁶¹⁶. Она не могла создать ни вакуум, который мог бы вместить эти атомы, ни место, куда они могли бы удалиться, так что отчасти из-за его отсутствия, отчасти из-за недостатка надежного порядка и метода, смешение атомов произвело такие странные и чудовищные фигуры, которые больше пугали ее, чем радовали, и вызывали такой хаос в ее уме, что едва совсем не расстроили его. Наконец с большим трудом очистив и освободив свой разум от этих пыльных и туманных частиц, она попыталась создать мир в соответствии с учением Аристотеля, но помня, что большинство ученых считают разум нематериальным и что, согласно концепции Аристотеля, из ничего нельзя создать что-то, она была также вынуждена отказаться от этой идеи⁶¹⁷.

Тогда она решила более не следовать концепциям древних философов, но обратиться ко мнениям современников, и попыталась создать мир согласно Декарту. Но стоило ей создать эфирные глобулы и привести их в движение сильным и живым воображением, как ее ум настолько закружился от их необычайно быстрого вращения, что она чуть не потеряла сознание, поскольку ее мысли своим постоянным колебанием раскачивали так, будто все они были пьяны⁶¹⁸. По этой причине она рассеяла этот мир и начала создавать другой, согласно концепции Гоббса. Однако, когда все части этого воображаемого мира стали давить одна на другую и гоняться

⁶¹⁵ Согласно концепции Платона, сверхчувственный мир состоит из идей, представляющих собой вечные и неизменные субстанции, познание которых приходит подобно озарению и доступно только мудрецам.

⁶¹⁶ Последователь Демокрита – Эпикур (341–270 до н. э.) представлял себе мир как сумму атомов, перемещающихся за счет существования пустоты.

⁶¹⁷ Так как в представлении Аристотеля (384–322 до н. э.) из ничего не может возникнуть что-то, мир для него не мог иметь ни начала, ни конца.

⁶¹⁸ Французский мыслитель Рене Декарт (1596–1650) представлял себе космос в виде постоянного водоворота частиц. Самые маленькие частицы стремятся к центру, постоянно сталкиваясь и выдавливая друг друга.

друг за другом, они казались стаей волков, пасущих овец, или множеством собак, охотящихся на зайцев⁶¹⁹. Когда она нашла реакцию соразмерную этим действиям, ее разум так сжался, что мысли не могли двигаться ни вперед, ни назад. Это вызвало такую ужасную боль в ее голове, что, хотя она и рассеяла этот мир, все же не могла так просто успокоить свой ум и унять боль, вызванную этими давлениями и реакциями.

Наконец, увидев, что никакие шаблоны не помогут ей в создании мира, герцогиня преисполнилась решимости создать свой собственный, состоящий из чувственной и разумной самодвижущейся материи. В действительности он состоял только из разумного начала, которое есть тончайшая и чистейшая степень материи, поскольку пока чувственное начало двигалось и воздействовало как на восприятие, так и на строение тел, это проявление материи в тот же момент (ведь, хотя степени смешаны, все же некоторые части могут двигаться разными путями одновременно) перешло к сотворению воображаемого мира, который после того, как был создан, казался столь любопытным и полным разнообразия, так хорошо упорядоченным и мудро управляемым, что его невозможно было описать словами, равно как и радость и удовольствие испытанные герцогиней при создании своего собственного мира.

Тем временем Императрица тоже создавала и рассеивала миры в своем сознании и была так расстроена, что не могла поселиться ни в одном из них. Тогда она послала за герцогиней, которая, будучи преданной Императрице, принесла с собой свой любимый мир и пригласила душу Императрицы наблюдать его строение, устройство и порядок. Ее Величество была так восхищена, созерцая его, что ее душа пожелала жить в мире герцогини, но герцогиня посоветовала ей создать другой мир в своем уме. «Поскольку, – сказала она, – ум Вашего Величества полон рациональных телесных движений, а рациональные движения моего ума помогут вам с помощью чувственных выражений лучшими инструкциями из тех, что они могут дать».

Таким образом, герцогиня убедила Императрицу создать свой собственный воображаемый мир. После того как она закончила его и создала все виды подходящих ему существ, укрепила его справедливыми закона-

⁶¹⁹ Материалист Т. Гоббс (1588–1679) полагал, что воображаемые образы и ощущения могут быть вызваны только в результате внешнего воздействия. Подробнее о полемике М. Кавендиш и Т. Гоббса см. в главе 3.1.

ми и украсила искусствами и науками, ей нечем было больше заняться, кроме как рассеять свой воображаемый мир или внести какие-то изменения в Пылающий мир, в котором она жила, что она едва ли могла сделать, поскольку он был так хорошо устроен, что не нуждался в исправлении, ведь он управлялся без тайной и вводящей в заблуждение политики, в отсутствии честолюбивых разногласий, злонамеренных клевет, гражданских споров или доморощенных ссор, разногласий в религии, внешних войн и т. д., но все люди жили в мирном обществе, объединенном спокойствием и религиозным единством.

Тогда Императрица пожелала увидеть мир, из которого пришла герцогиня, и познакомиться с его суверенными правительствами, законами и обычаями его народов. Герцогиня использовала все средства, какие только могла, чтобы отговорить ее от путешествия, заявляя, что мир, из которого она пришла, беспокоят раздоры и войны, но Императрицу было не переубедить и, чтобы Император или кто-либо из его подданных не узнал о путешествии и не помешал ее планам, она послала духами, с которыми разговаривала ранее, чтобы узнать, не мог ли кто-нибудь из них заменить душу в ее теле на время ее путешествия в другой мир. Духи ответили, что могут сделать это, ведь не только один, а многие духи, если вам угодно, могут войти в ваше тело. Императрица сказала, что она желает, чтобы в отсутствие ее души наместником ее тела был только один дух, но что это должен быть честный и остроумный дух и, если возможно, женский. Духи заметили, что у них нет разницы между полами, но что они выберут честный и остроумный дух, который будет так похож на душу Императрицы, что ни Император, ни кто-либо из его подданных, хотя бы и самых божественных, не узнают, является это душа ее собственной или нет. Императрица страшно обрадовалась этому.

После ухода духов она спросила герцогиню, чем питается ее тело в отсутствие души. На это она получила ответ, что тело герцогини в отсутствие ее души управляется ее чувственными и сознательными телесными движениями. Таким образом, эти две женские души отправились в путешествие в родной мир герцогини так же легко, как две мысли и, что примечательно, в одно мгновение увидели все его части и все действия всех населяющих его существ. Душа Императрицы особенно много внимания уделяла действиям людей различных наций и частей мира, и дивилась, что везде существует так много разных наций, правительств,

законов, религий, мнений и т. д., но все они схожи в своем честолюбии, гордости, самонадеянности, тщеславии, расточительности, лживости, завистливости, злонамеренности, несправедливости, мстительности, враждебности и т. д. Также она была поражена тем, что ни одно государство, королевство или содружество не довольствовалось собственными землями, а пыталось посягнуть на земли соседей, и что величайшая их слава была в грабеже и резне, но их добыча все же была меньше, чем расходы, а потери больше, чем прибыль, преодоление которых в некотором роде приводило к их полной гибели.

Но больше всего она удивлялась тому, что они ценили земли больше, чем человеческие жизни, а тщеславие больше, чем спокойствие. «Так как Император Мира, – сказала она, – довольствуется только частью целого, его удовольствие состоит в мнениях других». «Мне странно, – призналась герцогиня, – что вы говорите так, будучи императрицей Мира, и не просто Мира, а мирного, тихого и покорного». «Верно, – ответила Императрица, – но хотя это миролюбивый и покорный Мир, все же управление им доставляет больше хлопот, чем удовольствия, ведь порядок невозможен без усердия, изобретательности и контроля. Кроме того, великолепие, которое великие князья сохраняют или должны сохранять, доставляет множество неудобств». «Из сказанного вами, – сказала герцогиня, – я делаю вывод, что величайшее счастье во всех мирах заключается в умеренности». «Несомненно», – согласилась Императрица.

После того как две их души посетили различные места, конгрегации и собрания как религиозные, так и государственные, различные суды и тому подобное у разных наций, Императрица заметила, что из всех монархов различных частей света самым выдающимся был Султан (*the Grand-Seignior*), ибо его слово было законом, а его власть абсолютной. Герцогиня попросила Императрицу простить ее за то, что она была другого мнения, но заметила, что он не может изменять законы Магомета и религию, так что это закон и Церковь управляют Императором, а не Император ими. «Однако, – возразила Императрица, – у него есть некоторая власть, например, он может назначать и смещать подданных с их должностей в церкви и государстве и, пользуясь этим, имеет власть как над Церковью, так и над государством, и никто не осмелится противостоять ему». «Это так, – согласилась герцогиня, – но, если Вам угодно, мы отправимся в ту часть света, откуда к Вашему двору прибыла я, и там

Вы увидите могущественного монарха подобного султану. Хотя его владения и не так велики, все же они намного могущественнее, его законы легки и прочны, и правит он так справедливо и мудро, что его подданные являются самыми счастливыми людьми из всех наций или частей этого мира». Императрица заявила, что очень хочет увидеть этого монарха.

Довольно скоро они прибыли в его владения. Когда они добрались до столицы, душа Императрицы заметила, что множество господ заходят в определенный дом и пожелала узнать у души герцогини, что это за здание. Та ответила, что это был один из театров, где ставились комедии и трагедии. «Были ли они правдивыми?» – спросила Императрица. «Нет, – ответила герцогиня, – они выдуманные». Тогда Императрица пожелала сходить в театр. После просмотра пьесы герцогиня спросила, как ей понравилось это развлечение. «Мне очень нравится, – ответила Императрица, – но я замечаю, что зрители участвуют в постановке активнее, чем актеры; диалоги лучше, чем игра; а музыка и танцы более приятны, чем сама постановка; поскольку вижу, что диалоги требуют остроумия, танцы – настроения, а музыка – хора». «Мне очень жаль, – сказала герцогиня, – слышать это от Вашего Величества, ведь если бы интеллектуалы этой части мира услышали вас, они бы вас осудили». «Они осудят меня, – возразила Императрица, – за то, что я предпочитаю естественное искусственному – естественный юмор искусственному танцу или музыке выгодному отзыву⁶²⁰». «Что касается отзывов, – ответила герцогиня, наши поэты критикуют и осуждают, сидя у каминов, и их отзывы более подходят для стариковских сплетен, чем для театров». «Почему постановки ваших драматургов не соответствуют их убеждениям, – спросила Императрица, – ведь их пьесы составлены из былых историй – либо греческих, либо римских, либо из какого-нибудь вновь открытого мира?» Герцогиня ответила ей, что это так, и почти все их пьесы составлены из историй прошлого, но все же у них были и новые, которые, присоединялись к старым, и с добавлением новых прологов, сцен, музыки и танцев составляли новые пьесы.

После этого обе души отправились ко двору, где собралась вся королевская семья в сопровождении главного правителя их владений. Зрелище было очень пышным и когда душа Императрицы смотрела на короля и королеву, она пребывала в замешательстве, пытаясь ответить

⁶²⁰ Об отношении М. Кавендиш к театру см. на с. 112 наст. изд.

на вопрос герцогини о том, как ей нравятся король, королева и весь королевский род. Она ответила, что во всех монархах, которых она видела в этом мире, она не нашла такого величия и любезности, смешанных так точно, что одно не затмевает и не затеняет другое, а что касается королев, то она есть воплощение добродетели, и благочестие живет в ее сердце, и вся королевская семья, казалось, была божественно великолепной, а когда она услышала речь короля, она поверила, что Меркурий и Аполлон были его небесными наставниками.

«Мой дорогой господин и муж, – сказала герцогиня, – был его земным управляющим (*Earthly Governor*)⁶²¹». После недолгого пребывания при дворе на душе герцогини стало очень тяжело, и Императрица поинтересовалась о причине ее печали. Та ответила, что очень хочет поговорить с душой своего благородного господина и дорогого мужа, и что ей не хватает терпения, чтобы оставаться здесь дольше. Императрица пожелала, чтобы герцогиня набралась терпения до тех пор, пока король, королева и королевская семья не удалятся. Тогда она перенесет их компанию к душе ее господина и мужа, проживающего в деревне примерно в ста двенадцати милях от них. Так она и поступила и, таким образом, две их души отправились в те части королевства, где находился герцог Ньюкасл.

Но я совершенно забыла сказать о том, что хотя мысли – это естественный язык души, тем не менее души не могут путешествовать без носителей и используют такой язык, который требуют природа и свойства их носителей. Носители этих двух душ были сделаны из чистейшего и прекраснейшего воздуха и имели человеческую форму. Эти чистота и тонкость были причиной того, что ни один человек не мог ни увидеть, ни услышать их, но, даже если бы они были из более грубого сорта воздуха, их воздушная речь была бы так же слышна, как дуновение зефира.

А теперь вернемся к нашей истории, где душа Императрицы и герцогини отправились в путешествие в Ноттингемшир (это место, где действительно проживал герцог). Проходя Шервудский лес, душа Императрицы была ужасно довольна, так как это было сухое, равнинное и лесистое место, в котором очень приятно путешествовать как зимой, так и летом, потому что оно никогда не бывает ни грязным, ни пыльным. Наконец они прибыли в Уэлбек – дом, в котором жил герцог, окруженный таким густым

⁶²¹ Вернувшись в Англию после Реставрации, Уильям Кавендиш, супруг М. Кавендиш, был назначен камер-юнкером, а в 1665 г. получил звание герцога.

и частым лесом, что Императрица испытала огромное удовольствие и радость, сказав герцогине, что не видела столько леса на столь небольшом участке ни в одной части королевства, через которую она проезжала⁶²². «По правде, – ответила герцогиня, – на воде (она имела в виду корабли) больше дерева, чем на земле. Причина этому в том, что в этом королевстве шла долгая гражданская война, в ходе которой лучшие леса и дворцы были уничтожены. Мой дорогой господин и муж, – продолжала она, – потерял из-за этого половину своего леса, не считая многих домов, земли и движимого имущества, так что все убытки от его поместья действительно составили более полумиллиона фунтов стерлингов». «Мне бы хотелось, – сказала Императрица, – чтобы у него было хотя бы немного золота из того, что есть в Пылающем мире, чтобы восполнить свои потери».

Герцогиня смиренно поблагодарила Ее Императорское Величество за добрые пожелания, но заметила, что золото не восполнит его потерь. «Бог дал моему благородному господину и мужу, – сказала она, – великое терпение, благодаря которому он переносит все утраты и несчастья». Наконец, они вошли в дом герцога, жилище не столько великолепное, сколько уютное. И когда Императрица увидела это, она спросила, нет ли у герцога другого дома, кроме этого. «Есть, – ответила герцогиня, – в пяти милях от этого места у него прекрасный замок под названием Болсовер». «Тогда я желаю видеть его», – сказала Императрица. «Увы, – ответила герцогиня, – это всего лишь пустой дом, лишенный всякой мебели». «Однако, – ответила на это Императрица, – я смогу увидеть, из чего и каким образом он построен?» «Да, вы сможете», – согласилась герцогиня. Пока они беседовали, герцог вышел из дома во двор, чтобы заняться лошадьми. Увидев его, душа герцогини была столь вне себя от радости, что ее воздушное тело стало таким великолепным, как если бы было освещено солнцем, из чего следует, что страсти душ или духов могут изменять их телесные формы.

Души двух дам приблизились к нему, но он не заметил их. Императрица, понаблюдав за его занятием, осталась очень довольна, похвалив его как благородное времяпрепровождение и упражнение, подходящее для благородных и героических особ. После того как герцог вернулся в дом, обе души последовали за ним. Когда Императрица заметила, что он приступил к упражнению с мечом, будучи в нем превосходным

⁶²² Подробнее о владениях У. Кавендиша Уэлбек и Болсовер см. в главе 2.2.

и несравненным мастером, она осталась довольна этим упражнением, как и первым, но душа герцогини была смущена тем, что ее дорогой муж занят таким жестоким занятием перед едой. Боясь, что он переусердствует, и не заботясь о душе Императрицы, она оставила свое воздушное тело и вошла в тело своего господина.

Увидев, что произошло, душа Императрицы сделала то же самое. Тогда у герцога в одном теле оказалось три души и, если бы таких душ было больше, то герцог был бы подобен Султану в его серале, только это был бы платонический сераль⁶²³. Однако душа герцога, будучи мудрой, честной, остроумной, покладистой и благородной, доставила своими беседами душе Императрицы такое наслаждение и удовольствие, что их две души влюбились друг в друга. Почувствовав это, душа герцогини сначала заревновала, но затем, сообразив, что среди платонических любовников не может быть совершенно прелюбодеяние и что платонизм является божественным, поскольку происходит от божественного Платона, выбросила из головы идею ревности. Беседа трех душ была так приятна, что ее невозможно описать, ведь душа герцога развлекала душу Императрицы сценками, песнями, музыкой, остроумными рассуждениями, приятными развлечениями и всевозможными безобидными играми, так что время пролетело быстрее, чем они рассчитывали.

Наконец пришел дух и сказал Императрице, что, хотя ни Император, ни кто-либо из его подданных не знали, что ее душа отсутствует, однако душа Императора была так печальна и меланхолична из-за отсутствия души своей возлюбленной, что весь императорский двор обратил на это внимание. Он посоветовал душе Императрицы возвращаться в Пылающий мир, в собственное тело, оставленное там. Души герцога и герцогини очень сожалели и желали, чтобы душа Императрицы осталась с ними подольше, но, видя, что иначе быть не может, успокоились. Но прежде, чем Императрица вернулась в Пылающий мир, герцогиня пожелала от нее одной услуги, а именно, чтобы она заключила соглашение между ее благородным господином и Фортунной⁶²⁴. «Разве они враги?» – спросила Императрица. «Да, – подтвердила герцогиня, и так было

⁶²³ Тройственность прослеживается и в представлении М. Кавендиш об устройстве материи и в структуре «Пылающего мира».

⁶²⁴ В судебном процессе, изображенном М. Кавендиш, отражена история лишений, постигших ее супруга в годы гражданской войны и протектората Кромвеля, подробнее о которых см. в главе 2.2.

с тех пор, как я стала его женой и даже раньше, поскольку я слышала, как мой господин говорил, что она во всем ему противоречит все время, что он себя помнит». «Я сожалею, – ответила Императрица, – но я не смогу поговорить с Фортуной без содействия нематериального духа, а в этом мире я не смогу найти его, поскольку у меня здесь нет ни людей-мух, ни людей-птиц, которых я могла бы отправить в воздушные области, где по большей части находятся их обиталища». Герцогиня сказала, что будет умолять своего господина прислать поверенного или адвоката для защиты своего дела. Фортуна подкупит их, ответила Императрица, поэтому герцог может проиграть. «Лучше всего, – сказала она, – если герцог выберет друга себе в помощь, а Фортуна выберет другого, и посмотрим, можно ли таким образом что-то изменить». Герцогиня сказала, что они никогда не придут к соглашению, если не будет судьи или арбитра, который решит дело. «Судью, – ответила Императрица, – найти легко, но получить беспристрастного судью так трудно, что сомневаюсь, удастся ли нам найти его, ведь его нельзя найти ни в природе, ни в Аду, а только на небесах, а как заполучить такого божественного и небесного судью, мне неизвестно». «Тем не менее, если вы отправитесь со мной в Пылающий мир, – продолжала Императрица, – я посмотрю, что можно сделать». «Мой долг, – ответила герцогиня, – прислуживать Вашему Величеству, и я охотно сделаю это, поскольку у меня нет других интересов».

Затем герцогиня заговорила с герцогом о разногласиях между ним и Фортуной и о том, как сильно она желает, чтобы они стали друзьями. Герцог ответил, что со своей стороны он всегда с большим усердием добивался дружбы Фортуны, но до сих пор не смог добиться ее, так как она всегда была его врагом. «Однако, – сказал он, – я попытаюсь послать двух моих друзей – Благоразумие и Честность, отстаивать мое дело». Вскоре эти два его друга отправились с герцогиней и Императрицей в Пылающий мир (ибо следует заметить, что они несколько подобны духам, потому что нематериальны, хотя их действия телесны) и после их прибытия, когда Императрица передохнула и воссоединилась с Императором, она послала людей-мух за духами и просила их помощи, чтобы сгладить разногласия между Фортуной и герцогом Ньюкаслем. Но те ответили Ее Величеству, что Фортуна настолько непостоянна, что, хотя, возможно, и пообещает выслушать их дело, все же тысяча к одному, что ей не хватит терпения на это. Тем не менее они делали все возможное, чтобы

выполнить просьбу Ее Величества, и, наконец, убедили Фортуна. Она выбрала своими друзьями Глупость и Опрометчивость, однако они не могли прийти к согласию в выборе судьбы. Наконец, с большим трудом они сошлись на том, что слушать и решать дело должна Истина. Когда все было подготовлено и время назначено, Императрица и душа герцогини отправились на рассмотрение их дела.

Когда вся нематериальная компания была в сборе, Фортуна, стоя на золотом глобусе, произнесла следующую речь: «Благородные друзья! Мы собрались здесь на слушание дела, касающегося разногласий между герцогом Ньюкаслем и мной и, хотя я готова поддаться на уговоры слов Императрицы, нематериальных духов и пойти ему навстречу, все же было бы уместно, чтобы душа герцога также присутствовала и говорила от своего имени, но поскольку ее здесь нет, я заявлю о себе его жене и его друзьям, а также моим друзьям, особенно Императрице, к которой я главным образом и направляю свою речь. Во-первых, я хочу, чтобы Ваше Императорское Величество знало, что этот герцог, который так много жалуется или наговаривает против меня, всегда был моим врагом, поскольку предпочел мне Честность и Благоразумие, пренебрегая моими милостями. Помимо этого, он боролся со мной и предпочел свою невинность моей силе. “Мои друзья – Честность и Благоразумие, – сказал он с презрением, – заслуживают большего уважения, чем непостоянная Фортуна, которая дружит только с глупцами и мошенниками”. Ваше Величество, вы сами можете видеть, что из-за его пренебрежения и презрения я имею законные основания быть его врагом».

После того как Фортуна закончила свою речь, душа герцогини поднялась с места и обратилась к нематериальному собранию со следующими словами: «Благородные друзья! Я считаю уместным, с вашего позволения, ответить госпоже Фортуне от имени моего благородного господина и мужа, поскольку его самого здесь нет, и поскольку вы слышали ее претензию касательно выбора друзей, сделанного моим мужем, и на пренебрежение и неуважение, которые он, как казалось, оказывал ей. Позвольте ответить, во-первых, что в отношении выбора друзей он показал себя мудрым человеком, а что касается неуважения и грубости, в которых его обвиняют, то я осмелюсь сказать, что он является настоящим джентльменом, и уверена, никогда за всю свою жизнь не пренебрегал, не презирал и не проявлял неуважения ни к одной представительнице женского

пола. Он был таким слугой и защитником, что мог ради них пренебречь своей жизнью и имуществом, но, будучи по натуре честным и благородным, он не мог доверить Фортуне того, что ценил более своей жизни, — свою репутацию, ведь Фортуна не на стороне тех, кто честен и благороден. Так как он не мог быть за обе стороны одновременно, он предпочел быть на той, которая приятна его совести, природе и воспитанию. За этот выбор Фортуна не только открыто объявила его врагом, но и сражалась с ним в битвах и даже во многих рукопашных схватках. В конце концов она, будучи могущественной принцессой и, как некоторые верят, божеством, победила его и отправила в изгнание, где держала в нужде, уничтожив имущество и отобрав большую часть друзей. Более того, даже когда она поддерживала многих, кто был против нее, она все равно осуждала его. Все это он переносил с величайшим терпением и с огромным уважением к госпоже Фортуне, никогда ни в малейшей степени не пытаясь отказать кому-либо из ее фаворитов, сожалея только о том, что он, честный человек, не может найти милости при ее дворе. Так как он никогда не обижал никого из тех, к кому она благоволила, он не является врагом Ее Светлости. Он всегда выказывал ей уважение и почтение, которые соответствовали ее силе и достоинству, и по-прежнему в любое время готов честно и благородно служить ей. Он только умоляет Ее Светлость быть таким его другом в будущем, каким она ему была врагом в прошлом».

Только речь герцогини кончилась, как вскочили Глупость и Опрометчивость и заголосили так резко и быстро, что не только собрание, но и они сами не могли понять друг друга. Фортуна была несколько не в духе и приказала им либо говорить по отдельности, либо молчать. Но Благоразумие сказало госпоже, что та должна приказать им говорить мудро и последовательно, в противном случае им лучше вообще не говорить. На что Фортуна обиделась и ответила Благоразумию, что его слова слишком дерзки. Затем она приказала Глупости огласить все, что та хотела сделать известным, но речь ее была настолько глупой и с такой бессмыслицей, что никто не знал, как с этим быть. К тому же она была такой утомительной, что Фортуна велела ей замолчать и приказала Опрометчивости говорить за нее, что та и сделала, сказав: «Великая Фортуна! Герцогиня Ньюкасл проявила себя, согласно донесениям, как очень гордая и честолюбивая дама, осмелившись ответить вам сама без вашего приказа на этом благородном собрании с речью,

в которой она не только противоречила вам, но предпочла вам Честность и Благоразумие, утверждая, что ее господин был готов честно и благоразумно служить вам. Данное заявление не заслуживает прощения и, если вы позволите Честности и Благоразумию быть выше вас, никто не будет восхищаться вами, поклоняться вам или служить вам, но вы будете вынуждены прислуживать сами себе, и все будут презирать, пренебрегать и гнушаться вами. И вы из божества превратитесь в несчастного, грязного смертного бедняка на церковной паперти или у ворот дворянина. Поэтому, чтобы предотвратить такие бедствия, покажите всю силу, которой у вас вполне хватает, и обрушьте как можно больше несчастий и пренебрежений на герцога и герцогиню Ньюкасл и их двоих друзей, иначе Благоразумие и Честность будут главными и единственными нравственными божествами смертных».

Как только Опрометчивость закончила свою речь, Благоразумие встало и заявило о себе следующим образом: «Прекрасная Истина, великая Фортуна и вы, благородные мои друзья! Я проделало большой и долгий путь ради моего дорогого друга герцога Ньюкасла, не чтобы наносить новые раны, а чтобы, если это возможно, исцелить уже нанесенные. Я не претендую на то, чтобы быть божеством, но моя единственная просьба состоит в том, чтобы вы не отказались принять мое подношение, поскольку я смиренный и набожный проситель и нет более приемлемого для богов подношения, чем подношение мира. Посему я хочу заключить соглашение между Фортуной и герцогом Ньюкаслем».

Пока Благоразумие произносило речь, встала Честность (ибо она не всегда так благоразумна, как хотелось бы) и перебила Благоразумие: «Я пришла сюда, – сказала она, – не за тем, чтобы слушать, как льстит Фортуна, а для того, чтобы узнать, как решается дело между Фортуной и герцогом. Я пришла сюда не для того, чтобы говорить риторически и красноречиво, а для того, чтобы прямо и правдиво изложить суть дела, и я хочу, чтобы вы знали, что герцог, дело которого мы разбираем, был и остается моим приемным сыном, ибо я, Честность, воспитывала его с детства, заключив вечный союз между ним и Благодарностью, Милосердием и Щедростью, а также отдала его в школу Благоразумия, где его научили мудрости и сообщили ему правила умеренности, терпения, справедливости и т. п. Затем я отдала его в университет Чести, где он изучил все благородные нравы, искусства и науки. После этого я от-

правила его путешествовать по миру действия и сделала наблюдение его наставником. К тому же в этих путешествиях он подружился с опытом. Все это сделало его достойным благословения неба и благосклонности Фортуны, но она, ненавидя всех, кто имеет заслуги и достижения, стала его заклятым врагом, причинив ему все зло, которое могла, пока Бог справедливости не выступил против злобы Фортуны и не выгнал его из тех тягот, в которые Фортуна его ввергла. Фаворитами этого Бога были лучшие из герцогов, а потому быть врагом герцогу – значит быть врагом богу справедливости. Короче говоря, истинная причина злобы Фортуны к герцогу состоит в том, что он никогда не станет ей льстить, ибо я, Честность, приказала ему не делать этого, иначе он был бы вынужден следовать ее непостоянными путями и повиноваться ее несправедливым приказам, способным навлечь на него дурную славу. Но, с другой стороны, Благоразумие посоветовало ему не пренебрегать благосклонностью Фортуны, ибо это было бы препятствием для его достоинств и заслуг, и он, чтобы повиноваться нашим советам и рекомендациям, не льстил ей, но и не презирал ее, а всегда был смиренным и учтивым по отношению к Фортуне, насколько позволяли Достоинство, Честность и Совесть. Все это я довожу до суда Истины и ожидаю ее окончательного приговора».

Фортуна, выслушав речь Честности, сочла ее очень грубой и не желала прислушаться к суждению Истины, а в гневе ушла. Императрица и герцогиня были чрезвычайно обеспокоены тем, что их усилия не увенчались успехом. Честность упрекнула герцогиню и сказала, что та должна быть наказана за то, что желала так много милости от Фортуны. «По-видимому, – заявила она, – вы не доверяете благословию богов». На что герцогиня в слезах отвечала, что не доверяет благословениям богов и не полагается на благосклонность Фортуны, но желает одного – чтобы у ее господина не было могущественных врагов. Императрица, очень обеспокоенная тем, что та плачет, в гневе сказала Честности, что ей не хватает осмотрительности Благоразумия. «Хотя вас и хвалят, – сказала она, – но вы склонны совершать множество неосмотрительных поступков, если только Благоразумие не служит вашим наставником». На этот упрек Благоразумие улыбнулось, а Честность несколько рассердилась, но вскоре они сделались очень хорошими друзьями. После того как душа герцогини пробыла некоторое время с Императрицей

в Пылающем мире, она попросила разрешения вернуться к своему господину и мужу, что Императрица позволила ей, при условии, что та будет навещать ее так часто, как только сможет, сама пообещав навещать ее в ответ.

Таким образом, душа герцогини, попросившись с Императрицей и духами, любезно пообещавшими постараться со временем заключить мир и соглашение между Фортунной и герцогом, вместе с Благоразумием и Честностью возвратилась в собственный мир. Перед самым отъездом Императрица послала за герцогиней, пожелав еще немного побеседовать с ней, на что та охотно согласилась. Когда она явилась, Императрица сказала, что не может не спросить напоследок совета у своей дорогой платонической подругой, чье справедливое и беспристрастное суждение относительно управления Пылающим миром она всегда высоко ценила. «Хотя, – сказала она, – этот мир вначале был очень хорошо и мудро устроен, после того как я получила от Императора абсолютную власть, я немного изменила форму правления, ведь женщины по природе очень увлечены переменами и разнообразием. Теперь же, замечая, что мир не так спокоен, как вначале, я очень обеспокоена этим. Особенно постоянными раздорами и разногласием между людьми-червями, людьми-медведями и людьми-мухами, людьми-обезьянами, сатирами, людьми-пауками и прочими существами. Я боюсь, что они выльются в открытый конфликт и приведут к беспорядку и краху правительства, поэтому прошу вашей помощи и совета в том, как мне поступить, чтобы этот мир снова стал мирным и процветающим, каким был прежде».

«Я слышала от Вашего Императорского Величества, – сказала герцогиня, – как чудесно обстояли дела, когда вы только стали его Императрицей, поэтому советую ввести ту форму правления, которая была прежде, то есть иметь только одного суверена, одну религию, один закон и один язык, чтобы весь мир был одной единой семьей, подобно Богу и его блаженным святым и ангелам. В противном случае со временем этот мир может стать таким же несчастным, как тот, из которого пришла я, где больше правителей, чем миров; притворных правителей больше, чем правительств; религий больше, чем богов; мнений о религии больше, чем истин; больше законов, чем прав, а взятки – чем судей; больше политики, чем потребности; и страхов, чем опасности; больше жад-

ности, чем богатства; амбиций, чем заслуг; служения, чем наград; больше языков, чем остроумия; больше разногласий, чем знаний; больше отчетов, чем благородных действий; и больше пристрастных даров, чем даров по заслугам. Все это, – продолжала она, – есть наше великое несчастье, даже проклятие, о котором ваш благословенный Пылающий мир никогда не знал и, вероятно, никогда не узнает, если только Ваше Императорское Величество не изменит его правительство по сравнению с тем, каким оно было, когда вы начали править им. И поскольку Ваше Величество жалуется на группировки людей-медведей, рыб, птиц, обезьян, червей, сатириков, людей-пауков и им подобных, а также на их постоянные споры и ссоры, я бы посоветовала распустить их общества, поскольку лучше обходиться без их интеллекта, чем иметь беспокойное и беспорядочное правительство. Действительно, где бы ни сосредоточивалось знание, чаще всего именно там возникают споры и ссоры, ибо всегда найдутся люди, которые будут знать больше и будут мудрее других. Одни думают, что их аргументы ближе к истине и более рациональны, чем аргументы других, а те, в свою очередь, настолько привязаны к собственным мнениям, что их ничем невозможно переубедить, а иные, хотя и признают, что их мнения неразумны, из страха навлечь на себя позор, будут поддерживать их вопреки всякому смыслу и логике. Это порождает разногласия в школах, переходящие в конце концов, в открытые войны и порой приводящие к полнейшему разорению государства». Императрица заявила, что охотно последует ее совету, и что прежде она считала вечным позором – вносить изменения в собственные указы, акты и законы. Герцогиня заметила, что это никак не связано с позором, но возвращение от худшего к лучшему скорее принесет ей вечную славу и покажет Императрицу еще более мудрой и достойной – столь мудрой, что она способна замечать свои собственные ошибки, и столь достойной, что не упорствует в них, на что способны не многие. Поступив так, – добавила герцогиня, – вы обретете великую славу в этом мире и вечную славу в следующем. Я буду молиться об этом, пока жива».

Вняв совету герцогини, душа Императрицы обняла ее и поцеловала нематериальным поцелуем, пролив нематериальные слезы, печалась, что, обретя истинного друга, вынуждена расстаться с ней. И поистине, такова была их платоническая дружба, что эти две любящие души и после часто встречались, получая удовольствие от совместных бесед.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ ОПИСАНИЯ НОВОГО ПЫЛАЮЩЕГО МИРА

Наладив работу правительства наилучшим для Пылающего мира образом, Императрица жила и правила беззаботно и благословенно, часто принимая визиты нематериальных духов, сообщающих ей обо всем, что она пожелает. Однажды они рассказали, что мир, из которого она пришла, втянут в великую войну, и большая часть его народов ведет войну против ее родного королевства, где живут все ее друзья и родственники. Императрицу настолько обеспокоили эти сведения, что Император по слезам догадался о ее горе и, пытаясь найти его причину, выяснил, что та часть мира, из которой она пришла, и которая была ее Родиной, может быть уничтожена многочисленными врагами, ведущими против него войну⁶²⁵. На Императора эта новость произвела очень сильное впечатление. Особенно его беспокоили переживания Императрицы, так что он постарался, насколько возможно, утешить ее, обещал ей всю возможную от Пылающего мира помощь. «Если бы существовала возможность переместить силы из Пылающего мира в мир, из которого пришла, – ответила Императрица, – я бы не так боялась его гибели, но, так как это невозможно, я не знаю, как продемонстрировать свою готовность служить Родине».

Император спросил, не могут ли духи, сообщившие ей о войне, всей своей мощью и силой помочь против этих врагов. Она ответила, что духи не способны ни вооружиться, ни использовать искусственные орудия, поскольку их носители являются естественными телами, а не искусственными. «Кроме того, – сказала она, – насильственные и агрессивные военные действия никак не согласуются с их нематериальной природой, поскольку нематериальные духи не могут ни сражаться, ни рыть траншеи, ни строить укрепления и т. п.» «Но, – возразил Император, их носители, особенно если они будут телами, могут быть полезны во всех эпизодах войны». «Увы, – ответила Императрица, – этого никогда не случится. Во-первых, будет трудно получить столько мертвых тел, чтобы их носители составили целую армию, и тем более создать множество армий, чтобы сражаться с таким количеством разных наций. Даже будь это возможным, все равно нельзя получить так много мертвых и неразложив-

⁶²⁵ В годы, когда М. Кавендиш работала над «Пылающим миром», шла Вторая англо-голландская война (1665–1667).

шихся тел, принадлежащих одному народу, а приобретение их у других наций было бы делом очень трудным и невероятным. Но волей случая все эти трудности можно преодолеть, однако есть одно препятствие, которого избежать невозможно. Хотя все эти мертвые и неразложившиеся тела умерли в одну и ту же минуту, тем не менее к моменту, когда они смогут добраться до места сбора и быть поставленными в строй, создав большую и грозную армию, они будут смердеть и разлагаться и, когда вступят в бой, обратятся в прах и пепел, обнажив таким образом более чистых нематериальных духов. К тому же, – продолжала она, – если бы и было возможно, чтобы мертвые тела были сохранены от смрада и разложения, души таких тел не позволили бы нематериальным духам управлять и командовать ими. Они бы сами управляли ими, как полноправные владельцы, что привело бы к войне за материальные тела между этими нематериальными душами и бесплотными духами. Все это помешало бы им оказать какую-либо услугу в военных действиях против врагов моей родной страны». «Вы рассуждаете разумно, – признал Император, – и я всей душой хочу посоветовать какое-либо средство, способное помочь, но после того, как вы рассказали мне о своей дорогой платонической подруге, герцогине Ньюкасл, и ее мудрых советах, я хотел бы, чтобы вы послали за ее душой и посоветовались с ней об этом деле».

Императрица была очень рада предложению Императора и немедленно послала за душой герцогини, которая уже через минуту ожидала аудиенции Ее Величества. Императрица сообщила ей о своей печали и о том, как сильно она встревожена и огорчена известиями, принесенными нематериальными духами, желая, чтобы герцогиня насколько возможно помогла ей своими советами, дабы та могла показать величие своей любви и привязанности, питаемые к Родине. Герцогиня пообещала Ее Величеству сделать все, что в ее силах, но, поскольку это было делом особой важности, попросила дать ей некоторое время на раздумья, поскольку великие дела требуют тщательных размышлений, на что Императрица охотно согласилась. После того как герцогиня все обдумала, она попросила Императрицу отправить несколько сирен или тритонов на поиск проходов из Пылающего мира в мир, из которого она пришла, поскольку, если существует проход, которым корабль смог пройти из того мира в этот, то, разумеется, тем же путем можно попасть и обратно. Таким образом, на поиски были отправлены морские люди, или люди-рыбы,

которые, будучи многочисленными, проявили все свое мастерство и, двигаясь разными путями, наконец, нашли проход. Вернувшись к Императрице, они сообщили, что, поскольку в Пылающем мире есть только один Император, одно правительство, одна религия и один язык, то и проход в другой мир был только один, и он был так мал, что ни одно судно, больше пакетбота, не смогло бы пройти через него. К тому же этот проход не всегда был открыт, время от времени совершенно замерзая. Императрица и герцогиня казались несколько обеспокоенными этим известием, опасаясь, что, возможно, это станет помехой для их замысла.

Наконец, герцогиня пожелала, чтобы Императрица отправила за своими корабельщиками и архитекторами-великанами. Когда те явились, герцогиня рассказала, что некоторые люди в ее собственном мире настолько изобретательны, что изобрели корабли, способные плавать под водой, и поинтересовалась, смогут ли они сделать подобные. Гиганты ответили, что хотя они никогда не слышали о подобном изобретении, тем не менее попытаются сделать все, на что способно их ремесло, не жалея ни времени, ни сил, чтобы справиться с этим. Императрица и герцогиня долго совещались, и после продолжительных дебатов герцогиня заявила, что нужно всего несколько кораблей для перевозки некоторых из людей-птиц, людей-червей и людей-медведей. «Увы, – сказала Императрица, – что могут сделать подобные люди в другом мире, тем более в столь малом числе? Они будут уничтожены, так как мушкет убивает множество птиц одним выстрелом». На это герцогиня ответила, что желает Императрице набраться терпения и довериться ее совету и что та непременно спасет свою Родину и станет в некотором роде хозяйкой того мира, из которого пришла. Императрица, всей душой любившая герцогиню, так и поступила. Вскоре вернулись великаны и рассказали Ее Величеству, что им удалось открыть искусство строительства подводных кораблей, о котором говорила герцогиня. Императрица и герцогиня были очень рады этому и, когда корабли были готовы, герцогиня сказала, что Ее Величеству необходимо отправиться в путь и телом, и душой, но, что сама она сможет прислуживать Императрице лишь духовным образом, то есть душой. «Ваша душа, – сказала Императрица, – будет жить вместе с моей душой в моем теле, поскольку единственное, чего я желаю, это ваших советов и рекомендаций». Тогда герцогиня сказала ей, что та должна приказывать людям-рыбам прислуживать на кораблях, поскольку, как ей известно,

ее корабли не имеют места для пушек и потому непригодны для войны. «Хотя они могут двигаться с помощью машин, – продолжала герцогиня, – а люди-рыбы могут с помощью цепей и веревок тянуть их туда, куда им хочется – вперед или назад, все же этого недостаточно, чтобы вступить в бой. И хотя ваши корабли сделаны из золота, и не могут быть прострелены насквозь, а только повреждены, все равно враг может напасть на них и, взяв на бордаж, захватить в виде трофеев. Поэтому люди-рыбы должны служить вместо пушек». «Но как, – удивилась Императрица, – люди-рыбы могут сослужить службу против врага без пушек и всякого оружия?» «Именно поэтому, – ответила герцогиня, – у меня будет множество людей-рыб, которые уничтожат все вражеские корабли прежде, чем те смогут приблизиться». «Но как такое возможно», – не понимала Императрица. Герцогиня ответила ей, что та должна отправить несколько людей-червей в пылающие горы (ибо их много у вас в Пылающем мире), где те должны добыть большое количество огненного камня, преимущество которого в том, что он горит, когда намокает, а так как корабли в другом мире сделаны из дерева, им не составит труда поджечь их все. «Если вы сможете уничтожить их корабли и воспрепятствовать их движению, – заявила герцогиня, – вы станете владычицей этого мира, ведь большая его часть не может жить без навигации. Кроме того, огненный камень послужит вам вместо освещения или факелов, ведь вы знаете, что в мире, куда вы отправляетесь, очень темные ночи (особенно, когда нет лунного сияния или Луна скрыта облаками), и он не так изобилует пылающими звездами, наполняющими его по ночам столь же ярким светом, будто само Солнце, восходящее на небосводе. В том мире, – продолжала она, – есть лишь маленькие мерцающие звезды, производящие больше теней, чем света, и способные лишь вытягивать пары из земли, но не чтобы развевать их, очищая этим воздух».

Совет герцогини был охотно принят. Императрица радостно обняла ее и немедленно отправила людей-червяков за огненным камнем. Затем сообразно совету герцогини она отдала приказ нескольким людям-рыбам прислуживать ей под водой, людям-птицам – в воздухе, а людям-медведям и людям-червям – на кораблях. И действительно, люди-медведи оказались столь же полезны, как и Полярная звезда. Люди-птицы часто отдыхали на корабельных палубах, поскольку Императрица, обладая милой и благородной натурой, не допустила бы, чтобы они уставали,

выматывая себя долгими перелетами, хотя по суше они часто улетали из одной страны в другую, все же они отдыхали в каких-то лесах или на каких-то землях, особенно по ночам, когда наступало время для их сна. Поэтому Императрица была вынуждена взять с собой множество кораблей как для перевозки этих видов верных и полезных подданных, так и для необходимой им провизии. Кроме того, она была так утомлена петициями подданных, стремящихся услужить ей, что многим не могла отказать, поскольку некоторые предпочитали скорее утонуть, чем не исполнить перед ней свой долг.

После того как все было должным образом подготовлено, Императрица начала свое путешествие. Я не скажу, что ей понадобились паруса, поскольку во время перехода между двумя мирами (довольно быстрым) корабли с помощью золотых цепей были погружены под воду людьми-рыбами, и не нуждались ни в парусах, ни в каких-либо других приспособлениях. Единственное, что требовалось, – не допустить попадания внутрь воды и сохранить достаточное количество воздуха, необходимое для дыхания находящихся внутри наземных животных. Однако великаны сконструировали все настолько искусно, что находящиеся внутри не испытывали ни малейшего неудобства. После того как Ледяное море было пройдено, золотые корабли всплыли на поверхность и продолжали путь, пока не приблизились к королевству, являющемуся родиной Императрицы. С помощью телескопов люди-медведи обнаружили большое количество окружающих его хорошо снаряженных и укомплектованных кораблей.

Прежде чем Императрица заметила противника, она отправила нескольких людей-рыб и людей-птиц на разведку и, узнав об их количестве и дислокации, приказала людям-птицам по пришествию ночи нести в клювах по несколько упомянутых огненных камней с намоченными верхушками, а людям-рыбам нести их, держа над водой. Камни были вырезаны в виде факелов или свечей, их было много тысяч, и они производили ужасное зрелище, поскольку казалось будто весь воздух и море объаты огнем. Все, кто был на море или вблизи него, искренне верили, что пришло время Страшного суда, или настал Судный день, что заставило всех пасть ниц и молиться.

На рассвете Императрица приказала потушить огни. Перед морскими силами противника предстали корабли без парусов, пушек и иных орудий, которые, казалось, плыли сами, без какой-либо помощи. Это зрели-

ще приводило их в изумление, к тому же они не могли понять, что эти корабли были из золота, поскольку Императрица велела покрасить их в черный или темный цвет, так что натуральный цвет золота не был виден под слоем краски даже в лучшие телескопы. Все это привело вражеский флот в такое отчаяние ночью и в такое изумление утром, что они не могли решить, ни как судить об этом, ни что делать, поскольку не понимали ни на каких кораблях прибыл противник, ни какой партии он принадлежит. Это поражало настолько, что у них не было сил пошевелиться.

Тем временем Императрица, зная цвета своей страны, отправила письмо генералу и остальным главнокомандующим, сообщив, что она, великая и могущественная принцесса, пришла помочь им против их врагов, и желает, чтобы они объявили, когда и какая помощь и участие им необходимы.

Для обсуждения ее письма был создан специальный совет, но было столько противоположных мнений, что они никак не могли решить, какой ответ отправить Императрице. Это так рассердило ее, что она решила вернуться в Пылающий мир, не оказывая никакой помощи соотечественникам, но герцогиня Ньюкасл убедила Ее Величество унять свой гнев, поскольку, сказала она, великие советы чаще всего медлительны из-за того, что мнения многих людей различны. Кроме того, каждый советник, стремится показаться самым мудрым, произнося длинные речи и вызывая много сомнений, что приводит к задержкам. Если бы у меня были советники с длинными речами, ответила Императрица, я бы повесила их, поскольку от них больше слов, чем советов. Герцогиня ответила, что ей не следует гневаться, а нужно учитывать различия этого мира и Пылающего мира, ибо они не похожи друг на друга. «В этом мире, – сказала она, – понятия обо всем более грубые и скучные, чем в Пылающем».

Наконец прибыл посланник. Он поблагодарил Императрицу за любезное предложение, но пожелал узнать, откуда она пришла и чем ее помощь может быть им полезна. Императрица ответила, что она не обязана говорить им, откуда она прибыла, а что до ее помощи, то она предстанет в великолепном свете, объятая пламенем. Посланник спросил, в какое время следует ожидать ее появления. «Я появлюсь, – ответила Императрица, – около часа ночи». С этим сообщением посланник и вернулся. Оно очень напугало и бедных советников, и моряков, но все же они с нетерпением ожидали назначенного часа, чтобы созерцать сие необычайное зрелище.

Императрица явилась в указанное время в одеяниях, созданных из звездного камня. Она двигалась над водой на головах и спинах людей-рыб, так что казалось, что она идет по водной глади, а люди-птицы и люди-рыбы несли огненные камни, пылающие как в воздухе, так и над водами.

Когда ее соотечественники увидели в отдалении это зрелище, их сердца затрепетали. Подойдя ближе, Императрица отбросила факелы и явилась облаченная только в одеяния света, как ангел или некое божество. Все пали перед ней ниц со всей возможной покорностью и благоговением. Императрица подошла ближе, чтобы ее голос был хорошо слышан, но не слишком, чтобы не раскрывать секретов своего великолепия и произнесла следующую речь: «Дорогие соотечественники! Вы мои земляки, хотя и не знаете меня. Я уроженка этого королевства, узнав, что большая часть мира решила воевать против него, желая уничтожить или, по крайней мере, ослабить его военно-морскую силу и мощь, совершила путешествие из другого мира, чтобы предложить вам помощь против ваших врагов. Я пришла не для того, чтобы заключать с вами сделку или ставить свои интересы выше вашей безопасности, но рассчитывая сделать вас самой могущественной нацией в этом мире, и поэтому предпочла отказаться от собственного спокойствия, богатства и удовольствий, дабы не допустить, чтобы вы были разорены и уничтожены. В ответ я желаю только лишь вашей благодарности и признания моей силы, любви и верности Родине, ибо, хотя теперь я великая и абсолютная принцесса и Императрица всего Мира, тем не менее я признаю, что когда-то была подданной этого царства, являющегося лишь небольшой частью мира. Поэтому я хочу, чтобы вы не сомневались, что я уничтожу всех ваших врагов до наступления ночи. Я имею в виду тех, кто беспокоит вас с моря, но, если они у вас есть и на суше, будьте уверены, я также окажу вам помощь против них и помогу восторжествовать над всеми, кто ищет вашего разорения и разрушения».

По завершении ее речи, генерал и все командующие флотом выразили смиренную и сердечную благодарность Ее Величеству за столь великую милость. Она попрощалась и отбыла к собственным судам, но, боже мой, сколько мнений и суждений было вызвано в умах ее соотечественников! Одни утверждали, что она ангел, другие, что она была волшебницей, некоторые называли ее богиней, иные предполагали, что это дьявол обманывает их в образе прекрасной леди.

На следующее утро, когда военно-морские силы должны были вступить в сражение, Императрица предстала на поверхности вод, облаченная в императорские одеяния, сделанные сплошь из бриллиантов и драгоценных камней. В одной руке она держала круглый щит из цельного граната, в другой – копьё из цельного алмаза. На ее голове сверкал бриллиантовый убор, а на вершине короны – звезда, сделанная из звездного камня, упомянутого выше. Полумесяц из того же камня, сиял у нее на лбу. Остальные одежды были из различных драгоценных камней. Раздав указания людям-рыбам, как уничтожить врагов ее родной страны, она приступила к осуществлению своего замысла. Люди-рыбы должны были нести огненные камни в ящиках с алмазами (ибо алмазы в Пылающем мире по великолепию настолько превосходят алмазы этого мира, как алмазы этого превосходят гальку) и расчехлить их не раньше, чем когда они будут точно под судами противника, или достаточно приблизившись к их бортам, а затем намочить их и поджечь корабли. Вскоре это было исполнено, и весь вражеский флот был объят пламенем, которое добралось до пороховых погребов, взорвав их, так что все несколько флотов противника были уничтожены в одночасье. Когда ее соотечественники увидели это, они все в один голос закричали, что она – ангел, посланный от Бога, дабы спасти их от врагов, и что ее не отпустят в Пылающий мир, пока она не заставит остальной мир подчиниться их нации.

Тем временем главнокомандующий военно-морских сил отправил королю весть об их чудесном избавлении, а также о замысле Императрицы сделать его самым могущественным монархом мира. Вскоре Императрица сама отправилась к суверену этой нации, чтобы поинтересоваться, чем еще она может быть полезна. Выразив ей огромную благодарность как за помощь против его врагов, так и за ее любезное предложение оказать дальнейшее содействие на благо и пользу его народов (ибо он был королем нескольких королевств), он заявил, что хотя она частично уничтожила его врагов на море, тем не менее они были настолько сильны, что препятствовали торговле и судоходству в его доминионах. Императрица ответила на это обещанием сжечь и потопить все те суда, которые не будут платить ему дань, немедленно разослав эту весть всем соседним народам, у которых была какая-либо торговля по морю, желая, чтобы они платили дань королю и суверену ее родины. Но те отвергли

ее требование с великим презрением. Тогда она приказала людям-рыбам уничтожить все чужие корабли, идущие по морям, что те и исполнили и, когда окрестные народы и царства увидели ее могущество, они были настолько ошеломлены, что не знали, что и делать. Наконец, они послали к Императрице известие, что желают вести с ней переговоры, но не смогли добиться никаких лучших условий. Им предлагалось подчиниться и платить дань упомянутому королю и суверену ее родной страны, в противном случае Императрица была полна решимости уничтожить их торговлю и сжечь их корабли. Долгими были эти переговоры, но, в конце концов, не добившись ничего иного, они были вынуждены подчиниться. Таким образом, король упомянутых наций стал абсолютным владыкой морей и, следовательно, всего этого Мира, поскольку, как я упоминала выше, нации этого мира не могли бы существовать без торговли и судоходства, как на море, так и на суше.

Спустя какое-то время соседние народы оказались настолько поработанными, что едва могли выглянуть из своих владений без уплаты дани. Они решили вновь объединить свои усилия против короля и суверена упомянутых владений. Когда об этом узнала Императрица, она отправила людей-рыб, чтобы уничтожить остатки их морской мощи, как они уже делали прежде. Из-за этого вскоре все они были вынуждены подчиниться вновь за исключением некоторых наций, которые могли обходиться без иностранной торговли и тех, чья торговля и грузоперевозки осуществлялись только по суше. Они никоим образом не собирались платить дань упомянутому королю. Тогда Императрица отправила им известие, что в случае, если они не подчинятся королю, она намерена сжечь все их города и поселки и силой принудить их к тому, на что они не идут по доброй воле. Однако они отвергли послание Ее Величества, и это так разгневало ее, что она решила послать туда своих людей-птиц и людей-червей, повелев им начать с небольших городов и поджечь их, поскольку хотела обойтись малой кровью. В случае, если они не пойдут на уступки, она велела разрушить и большие их города. Единственная трудность заключалась в благополучной доставке людей-червей в эти места, но они попросили, чтобы Ее Величество лишь поместила их в любую часть земли этих народов, и тогда они смогли бы путешествовать внутри земли так же легко и проворно, как люди на поверхности, что Императрица и сделала в соответствии с их желанием.

Но, прежде чем люди-птицы и люди-черви отправились в путь, Императрица приказала людям-медведям определить с помощью своих телескопов, какие города не согласились покориться и, имея о них полную информацию, проинструктировала людей-птиц и людей-медведей, с каких городов им следует начать. Тем временем она отправила известие князьям и правителям этих наций, сообщив, что в доказательство своей власти и для обуздания их упрямства, она предаст огню некоторые из их малых городов и, если они продолжают упорствовать в своих решениях, превратит их меньшую потерю в полное крушение. Она повелела своим людям-птицам лететь ночью, чтобы их не заметили. Наконец, когда люди-птицы и люди-черви прибыли в назначенные места, люди-черви положили несколько огненных камней под основание каждого дома, а люди-птицы положили несколько камней на их крыши, так что камни должны были воспламениться либо благодаря дождю, либо благодаря влаге внутри земли. Люди-птицы, тем временем, выучили несколько слов их языка и сказали, что в следующий раз, когда пойдет дождь, их города будут объята огнем. И хотя те были поражены, услышав, как люди говорят в воздухе, вместе с тем они смеялись, услышав, что дождь должен сжечь их города, зная, что действие воды заключается в том, чтобы гасить огонь, а не разжигать.

Наконец пошел дождь, и все их дома внезапно были объята огнем, и чем больше воды лилось на них, тем сильнее они воспламенялись⁶²⁶. Это произвело такой ужас и страх во всех окрестных городах, народах и королевствах, что из опасения, что с ними случится подобное, все остальные части этого мира удовлетворили желание Императрицы и подчинились монарху и государю ее родной страны, королю Эсфи⁶²⁷.

Только одно королевство, где редко или совсем никогда не бывало дождей, а только редкая роса, быстро сгорающая в огне, пренебрегало его могуществом. Императрица, желавшая подчинить его, как и остальные земли, выяснила, что каждый год в их краях наступает прилив, который длится несколько недель, и, хотя их дома стоят высоко над землей, тем не менее они держатся на вкопанных в землю опорах. Она приказала

⁶²⁶ В 1666 г. Лондон был объят пламенем Великого пожара, подробнее о котором см. на с. 183 наст. изд.

⁶²⁷ Аббревиатура из первых букв названий таких стран как Англия (*England*), Шотландия (*Scotland*), Франция (*France*) и Ирландия (*Ireland*).

людям-птицам и людям-червям положить несколько огненных камней у основания этих опор. Когда начался прилив, все их дома были объаты пламенем, который так нагрел воду, что прилив вскоре превратился в пар, а пар снова превратился в воздух, что вызвало не только разрушение их домов, но и общее бесплодие во всей стране на целый год, что вынудило их подчиниться, как это сделал остальной мир.

Так, Императрица не просто спасла свою родину, но сделала ее абсолютной монархией всего мира. А могущество и красота Императрицы вызвали во всех величайших князьях огромное желание узреть ее. Услышав, что она решила вернуться в свой Пылающий мир, они возмущались об одолжении и возможности встретиться с ней, прежде чем она покинет их мир. Императрица ответила на это, что будет рада удовлетворить их просьбы, но, не имея иного места приема, она желала, чтобы те соблаговолили выйти в открытое море со своими кораблями и выстроились в окружность довольно большого диаметра. Затем ее собственные корабли встретятся с ними и замкнут круг, и она предстанет перед глазами всех, кто пожелал видеть ее⁶²⁸. Этот ответ был радостно принят всеми упомянутыми князьями, явившимися в разное время в зависимости от удаленности своей страны и продолжительности пути. И когда все выстроились в форме и порядке, описанном выше, Императрица предстала на поверхности вод в императорских одеяниях. Волосы она украсила звездным камнем, придававшим им такой блеск и великолепиие, что это вызывало великое восхищение у всех присутствующих, считающих ее небожительницей или, вернее, нерукотворной богиней, и все желали поклоняться ей. «Воистину, – говорили они, – ни одно смертное существо не может обладать такой великолепной и трансцендентной красотой, и никто не может обладать такой великой силой, как она, чтобы ходить по водам и уничтожать все, что ей заблагорассудится, не только целые народы, но и весь мир».

Своим соотечественникам, являющимся также ее переводчиками, и остальным присутствовавшим князьям, Императрица заявила, что она устроит им развлечение в самое темное время ночи. По наступлению этого времени огненные камни зажглись, отчего и воздух, и море казались объаты пламенем. Это привело зрителей в такой ужас, что они были

⁶²⁸ Возможно, аналогия со сценой из «Новой Атлантиды» Ф. Бэкона. Подробнее на с. 184 наст. изд.

искренне уверены, что будут уничтожены. Заметив это, Императрица велела погасить огненные камни и предстала только в одеяниях света. Люди-птицы подняли ее на спинах в воздух, и там она предстала столь же великолепной, как Солнце. Затем она снова была спущена на поверхность моря, и вскоре послышался самый мелодичный и самый сладкий хор голосов, который когда-либо исходил из моря, исполняемый людьми-рыбами, этому хору вторил другой, созданный в воздухе людьми-птицами, так что казалось, что море и воздух говорят и отвечают друг другу посредством певческих диалогов или на манер тех постановок, где реплики исполняются пением.

С рассветом представление было закончено и при свете дня принцы видели, как Императрица восходит на корабль, где находился король ее родной страны Эсфи, с которым она провела несколько аудиенций и завершила его в готовности оказать помощь, когда бы он в ней ни нуждался без каких-либо дополнительных требований. Затем она снова прошла по воде и, оказавшись посреди круга, образованного прибывшими кораблями, велела им подойти поближе, чтобы все могли слышать ее речь. Когда все выстроились подобным образом, она заявила:

«Великие, героические и знаменитые монархи! Я пришла сюда, чтобы помочь королю Эсфи справиться с его врагами, поскольку он подвергся несправедливому нападению со стороны многих народов, желающих лишить его наследственных прав и прерогатив владения Узкими морями (*Narrow Seas*). Небеса были страшно разгневаны этой несправедливостью и за обиды, нанесенные его врагами, наградили его абсолютной властью, так что теперь он является верховным монархом всего этого мира. Вы можете завидовать его власти, но вы не можете воспрепятствовать ему, ибо все, кто попытается противиться его власти, обретут только потери за свои старания и утраты вместо прибыли. Поэтому примите мой совет: воздавайте ему должное справедливо и преданно, чтобы вы могли жить мирно и счастливо и быть вознагражденными благословением небес, чего я от всей души вам и желаю».

По окончании выступления перед правителями этого мира, Императрица пожелала, чтобы их корабли отступили. Когда это было исполнено, ее собственный флот зашел в круг без какой-либо видимой помощи парусов или прилива, и, как только она взошла на свой корабль, ее флот сразу же погрузился под воду, оставив зрителей в страшном

изумлении. И она не допустила, чтобы хоть один из ее кораблей поднялся над водами, пока они не прибыли в Пылающий мир.

Большую часть путешествия душа Императрицы и душа герцогини были очень веселы, но время от времени серьезно беседовали друг с другом. Среди прочего герцогиня сказала, что ее очень удивило то, что, обнаружив проход из Пылающего мира в мир, из которого она пришла, Императрица не обогатила ту часть мира, где она родилась, или хотя бы свою семью, хотя у нее было достаточно средств, чтобы обогатить весь мир. Душа императрицы ответила, что, как и любое существо, она любит свою родину и свою семью, и именно поэтому она не пожелала их обогащать. «Поскольку, – сказала она, – природа не только отдельных семей или наций, но и всего мира такова, что большое количество золота и богатств сводят с ума так, что они готовы уничтожить друг друга ради золота и богатства». «Причина этого в том, – заметила герцогиня, – что у них слишком мало золота и богатств, поэтому они так стремятся завладеть ими». «Нет, – ответила душа Императрицы, – их алчность превышает всех богатств самого богатого из миров, и чем больше у них золота, тем более они алчны, поскольку их алчность бесконечна. Но я бы хотела, чтобы был найден путь из Пылающего мира в мир, откуда пришли вы, и охотно дала бы вам столько сокровищ, сколько бы вы пожелали». Душа герцогини выразила Ее Величеству смиренную благодарность за ее великую милость и сказала, что не является алчной и не желает большего богатства, чем то, что было у ее господина и мужа до гражданских войн. «И, – продолжила она, – я не могу желать этого для себя, но только ради детей моего господина». «Что ж, – сказала Императрица, – я прикажу своим людям-рыбам употребить все свое искусство и усердие, чтобы найти проход в мир, в котором живет ваш супруг». «Я почти уверена, – ответила герцогиня, – что этот проход не будет найден, но если бы таковой имелся, я бы не ходатайствовала перед Вашим Величеством о золоте и драгоценностях, а только об эликсире, который растет среди золотых песков и служит для сохранения жизни и здоровья». «Но без прохода, – напомнила она, – невозможно унести что-либо, ибо все, что материально, неспособно путешествовать в отличие от нематериальных существ, таких как души и духи. А души не нуждаются ни в чем, что могло бы оживить их или продлить их жизни, поскольку они неизменны, ведь если бы души были подоб-

ны телам, тогда моя душа могла бы использовать природный эликсир, имеющийся в вашем Пылающем мире». «Я искренне желаю, – сказала Императрица, – чтобы проход был найден. Тогда и ваш господин, и вы сами не будете нуждаться ни в богатстве, ни в долголетии, ведь я настолько люблю вас, что могу сделать вас великой и могущественной монархиней (*Monarchess*), подобной мне». Душа герцогини смиренно поблагодарила Ее Величество и ответила, что признает и ценит ее любовь превыше всего, что есть в природе.

У них было много и других бесед, от повторения которых я ради краткости воздержусь. Наконец, после нескольких вопросов, заданных душой Императрицы герцогине, та пожелала узнать причину, по которой та находила удовольствие в оригинальности обстановки, действия, и разговора, когда была соединена со своим телом. Душа герцогини призналась, что это было экстравагантно и за пределами того, что считается обычным и заурядным, но все же ее честолюбие таково, что, если бы было возможным, она ни в чем бы не походила на других. «Я стараюсь, – сказала она, – быть настолько необычной, насколько могу, ведь считается, что подражать другим низко. Хотя я не люблю, когда мне подражают, тем не менее, вместо того чтобы подражать другим, я предпочла бы, чтобы подражали мне, ибо такова моя природа. Лучше я окажусь плоха в оригинальности, чем хороша в подражании». «Если бы вы не были великой дамой, – заметила Императрица, – вы никогда бы не прослыли в свете мудрой, ведь мир сказал бы, что ваша оригинальность вызвана тщеславием». Душа герцогини ответила, что она абсолютно не принимает во внимание порицания этого или любого иного века в отношении тщеславия. «Но, – продолжала она, – ни настоящий, ни какой-либо из будущих веков не сможет заявить, что я не добродетельна и не справедлива, поскольку я уверена – все мои знакомые и слуги, которые когда-либо у меня были, могут поклясться, что все мои действия были добродетельны. Конечно же, нет ни одного человека даже самой низкой породы, у кого не было бы своих шпионов и свидетелей, а тем более у благородных, которые почти никогда не остаются без прислуги, так что их недостатки (если они есть) легко выявляются и так же легко разглашаются. А потому счастливы те натуры, которые честны, добродетельны и благородны. Счастливы не только они сами, но и их семьи». «Но, – удивилась Императрица, – если вы так гордитесь своей

честностью и добродетелью, почему же в текстах вы защищаете нечестных и злых людей?» Герцогиня ответила, что только для того, чтобы показать свой ум, а не свою натуру.

Наконец Императрица добралась до Пылающего мира. Едва ли я смогу описать, с какой радостью она была встречена королем, когда пришла в императорский дворец, ведь он любил ее больше всего на свете (*beyond his Soul*) и любовь не иссякала, поскольку Императрица питала не меньшую нежность и любовь к нему. Проведя достаточно времени с Императрицей, душа герцогини попросила позволения вернуться к своему благородному господину, но Император пожелал, чтобы прежде, чем она уйдет, она увидела, как он провел время в отсутствие Императрицы, ведь он построил конюшни и манежи и желал завести таких лошадей, какие, по словам Императрицы, были у герцога Ньюкасла.

Император осведомился у герцогини об устройстве конюшен и манежа ее господина и мужа. Герцогиня ответила Его Величеству, что строения были простыми и обычными, но, сказала она, будь у моего господина богатство, я уверена, он не пожалел бы его, возводя постройки настолько достойными, насколько это возможно. Затем Император показал герцогине свои конюшни, крайне величественные и великолепные. Среди прочих была двойная конюшня, вмещавшая сотню лошадей с каждой стороны. Главное здание было из золота, облицованное несколькими видами драгоценных материалов. Крыша была покрыта агатом; края стен – сердоликом; пол вымощен янтарем; кормушки – перламутром; колонны, а также центральный проход конюшен были из хрусталя; фасад и ворота были очень изящно вырезаны из бирюзы. Манеж для верховой езды был облицован сапфирами, топазами и т. п. Пол был сплошь из золотого песка, столь мелко просеянного, что был чрезвычайно мягким и не причинял лошадям ни малейшего вреда, а двери и фронтоны были из изумрудов причудливой гравировки.

После созерцания этих великолепных и блистательных сооружений, которыми так была восхищена душа герцогини, она собралась уйти, но Император пожелал, чтобы она осталась еще ненадолго, потому как они чрезвычайно любили ее общество и не хотели отпускать так скоро. Между ними прошло еще несколько аудиенций и бесед. Среди прочего Император хотел посоветоваться о том, как открыть театр. Герцогиня созналась в своем невежестве в этом искусстве, заметив

Его Величеству, что она ничего не знает о возведении театров или сцен, а только то, что получила благодаря бестелесному наблюдению во время пребывания с душой Императрицы в главном городе Э. (Е.), посетив там один из театров, но Императрица сможет рассказать об этом Его Величеству не меньше. Тогда и Император, и Императрица заметили герцогине, что она могла бы дать указания, как ставить пьесы. Герцогиня ответила, что у нее так же мало навыков в постановке пьесы, как и в том, чтобы нарисовать или создать декорации для нее. «Но вы же создавали пьесы», – возразила Императрица. «Да, – ответила герцогиня, – я предназначала их для сцены, но остроумцы наших дней осудили их, заявив, что те недостойны быть поставленными и сыгранными, потому что составлены не в соответствии с правилами искусства, хотя я осмелюсь сказать, что содержание моих пьес ничуть не хуже всего, что написали они». Тогда Император спросил: «Не является ли основной задачей пьес показывать различные настроения, действия и судьбы людей?» «Это так», – ответила герцогиня. «Почему же тогда, – продолжал Император, – естественные чувства, поступки и судьбы не подчиняются правилам искусства?» «Искусство и метод нашего ума, – сказала герцогиня, – таков, что отвергает описания идей, настроений, действий и судеб, расположенных вне искусственных норм». Тогда Император спросил: «Хороши ли пьесы, которые создаются методично и по правилам?» Герцогиня ответила: «Они были хороши согласно суждению века или образа жизни нации, но не согласно моему суждению, поскольку, по правде говоря, их пьесы подходят ноющим любовникам, а не академиям или школам мудрых, остроумных, благородных и благовоспитанных людей». «Но я, – признался Император, – желаю такого театра, который мог бы растить мудрецов и где будут такие сюжеты, которые являются естественными, а не искусственными». «Если Ваше Величество придерживается такого мнения, – сказала душа герцогини, – тогда мои пьесы могут быть разыграны в вашем Пылающем мире, раз уж они не могут быть поставлены в мерцающем мире остроумия (*Blinking-World of Wit*). В следующий раз, когда я приеду к Вашему Величеству, я постараюсь дать вашему театру распоряжение поставить такие пьесы, на какие способен мой ум». Тогда Императрица заметила герцогине, что любит, когда курьезный фарс добавлен к мудрой пьесе. Герцогиня ответила, что ни один мир в природе не имеет более подходящих для этого существ, чем Пылающий.

«Ибо, – сказала она, – люди-вши, люди-птицы, люди-пауки и лисицы, люди-обезьяны и сатиры чрезвычайно подходят для фарса».

Тогда и Император, и Императрица стали умолять душу герцогини остаться с ними, пока она не наладит работу театра и не поставит для них пьесы и фарсы, поскольку это было единственное развлечение, которого они желали. Но душа герцогини убедила разрешить ей отправиться в родной мир, поскольку она очень хотела быть со своим дорогим господином и мужем, обещая, что вскоре вернется вновь. Хотя и с большим трудом добившись своего, она со всей учтивостью и уважением простилась и, таким образом, удалилась от Их Величеств.

После возвращения герцогини в свое тело, она развлекала своего господина (когда у него было настроение слушать такие истории) своими заграничными отчетами, но ему не надоедало слушать о любезных похвалах Императрицы и о том, как герцогиня отзывалась о нем перед Императором. Среди прочего она рассказала ему обо всем, что произошло между Императрицей и несколькими монархами того мира, куда они направились и как она покорила их, отдав дань уважения и почтения монарху той нации и королевства, которому она была обязана своим рождением и образованием. Также она рассказала своему господину, какие великолепные конюшни и манежи построил Император, и какие прекрасные лошади были в Пылающем мире. Они были разных форм и размеров и множества разных цветов. Их украшали изящные отметины, как будто созданные художниками, а кожа имела большой блеск и гладкость, чем атлас. «Если бы из Пылающего мира был проход, – сказала она, – вы могли бы иметь не только некоторых из этих лошадей, но и такие материалы для постройки ваших конюшен и манежей, какие есть у Императора, и так много золота, что я бы никогда не роптала на ваши благородные и щедрые дары». «Мне жаль, – ответил герцог с улыбкой, – что между этими двумя мирами нет прохода, но я всегда встречал препятствия для своего счастья».

Однажды герцогиня говорила с кем-то из знакомых об Императрице Пылающего мира, и ее спросили, какой досуг и какие развлечения она предпочитает. «Большую часть своего времени, – ответила герцогиня, – она проводит в изучении естественных причин и следствий – это ее главное удовольствие и развлечение. Порой она беседовала с самыми знающими (*the most Learned*) людьми того мира. Чтобы угодить Императору

и его приближенным, принадлежащим к королевскому роду, она часто выбиралась на прогулку. Реже днем, но всегда ночью, если это можно было назвать ночью, – продолжала она, – ведь ночи там такие же светлые как дни из-за многочисленных пылающих звезд, которые ужасно великолепны. Их свет белее света солнца, но если свет солнца горяч, то их – прохладен. Он не так холоден, как свет наших мерцающих звезд, но и свет их солнца не так горяч, как свет нашего. В той части Пылающего мира, где обитает Императрица, всегда прекрасная погода и не бывает бурь, штормов или туманов, а из осадков – только освежающая роса, питающая землю. Воздух – сладкий и умеренный, и, как я уже говорила, там также светло в отсутствие солнца, как и при нем, что делает время, которое мы называем ночью, приятнее, чем день.

Иногда Императрица отправляется на прогулку по воде на баржах, иногда по суше на колесницах, а иногда на лошадях. Ее королевские колесницы великолепны, их основание – один сплошной зеленый алмаз, четыре маленькие колонны поддерживают крышу и представляют собой четыре белых ограненных алмаза, крыша колесницы представляет собой один цельный синий бриллиант, украшенный по углам большими рубинами, а сиденье сделано из золотой ткани, набитой мелкими чешуйками из амбры. Колесницу ведут двенадцать единорогов, украшенных жемчужными цепями, а ее баржи все из чистого золота. Ее гвардия (поскольку она не нуждается в ней для безопасности, ведь здесь нет ни заговорщиков, ни врагов) состоит из великанов, но они редко сопровождают Их Величеств, поскольку необычайный рост и размер служат им помехой. Когда она путешествует по воде ее развлечением является музыка людей-рыб и людей-птиц, а когда по суше – конные и пешие состязания, поскольку Императрица получает большое удовольствие от участия в скачках с Императором и знатью. Иногда гонки устраиваются между людьми-лисами и людьми-обезьянами, которых желают обогнать сатиры, иногда между людьми-пауками и людьми-вшами. Бывают и воздушные соревнования между разными видами людей-птиц и разными видами людей-мух и состязания по плаванию между разными видами людей-рыб. Император, Императрица и их придворные также находят большое удовольствие в пиршествах, поскольку в Пылающем мире есть самые вкусные плоды самых разных видов, некоторые из которых никогда не видели и не пробовали в этом мире, а ведь это самые заманчивые сорта. После

закусок следуют танцы, и, если они расположились на воде, то и танцуют там же. Множество людей-рыб лежат так близко и плотно друг к другу, что они могут легко танцевать на их спинах, не боясь упасть в воду. Их музыка, как вокальная, так и инструментальная соответствует месту. На воде используются водные инструменты, такие как раковины, наполненные водой и столь вдохновенные искусством, что выдают очень сладкую и восхитительную гармонию. Танцы, исполняемые на воде, по большей части такие, которые мы в этом мире называем водными танцами (*swimming-Dances*), когда стараются не поднимать высоко ноги. На лужайках или на равнинах играют на духовых инструментах, но они лучше, чем в нашем мире. Когда танцуют в лесу, играют на роговых инструментах, которые хотя и относятся к группе духовых, но представляют иной тип. В их домах имеются инструменты, которые чем-то похожи на наши альты, скрипки, теорбы, лютни, цистры, гитары, клавишины и тому подобное, но все же настолько другие, что это различие невозможно описать. И также как отличаются их места для танцев и их музыка, также и их манера танцевать. В этих и подобных развлечениях Император, Императрица и их знать и проводят свое время».

ЭПИЛОГ К ЧИТАТЕЛЮ

Из этого поэтического произведения вы можете понять, что я стремлюсь не только быть Императрицей, но и авторшей (*Authoress*) целого мира и что сотворенные мною миры, как Пылающий, так и другой – Философский, упомянутый в первой части данного сочинения, созданы из наиболее чистых, то есть разумных частей материи, являющихся частью моего разума. Это творение было более легким и спонтанным, чем завоевания двух знаменитых правителей мира – Александра и Цезаря. К тому же я не производила такого беспорядка и не вызывала такого количества растворений, иначе называемых смертями, как они, поскольку уничтожила всего несколько человек в маленькой лодке, которые погибли от экстремального холода и от руки правосудия, необходимого, дабы наказать их за преступление, состоящее в краже молодой и прекрасной леди. В сотворении этих миров я получаю больше радости и славы, чем когда-либо получили Александр или Цезарь, завоевывая мир земной. И хотя я создала свой Пылающий мир лишенным войн, дозволив ему иметь только одну религию, один язык и одно правительство, могла бы создать и другой, столь же полный фракций, раздоров и войн, как этот полон мира и спокойствия. Персонажи, созданные моим разумом, могли проявить такое же мужество в сражении, как Гектор и Ахиллес; быть мудрыми, как Нестор; красноречивыми, как Улисс; прекрасными, как Елена и т. д.⁶²⁹, но я предпочла образ достопочтимой Маргариты Ньюкасл, который не променяю теперь и на весь земной мир. Если кому-то придется по нраву созданный мной мир, и он пожелает стать моим подданным, он может вообразить себя таковым и быть таковым, я имею ввиду, в своем уме, фантазии или воображении. Но если кто не желает служить мне, он может создать свой собственный Мир и управлять им, как ему заблагорассудится.

⁶²⁹ М. Кавендиш перечисляет ключевых персонажей из «Илиады» Гомера.

Научное издание

Шпак Георгий Владимирович

ВООБРАЖАЕМЫЕ МИРЫ МАРГАРЕТ КАВЕНДИШ

Наука и утопия в Англии XVII века

С переводом утопии «Пылающий мир»

Монография

Оформление обложки *Удовенко В. Г.*
Компьютерная верстка *Ковтун М. А.*
Корректор *Никулина Е. Е.*

Подписано в печать 04.10.2023. Формат 60×90/16.
Бум. офсетная. Печать цифровая. Усл. печ. л. 20,0.
Тираж 500 экз. Заказ № .

ISBN 978-5-94067-553-2

9 785940 675532